

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Н.Е. Берлизов

РИТМЫ САРМАТИИ

*Савромато-сарматские племена Южной России
в VII в. до н.э. – V в. н.э.*

ЧАСТЬ I

КГУКИ
ПАРАБЕЛЛУМ
2011

УДК 94(470–13)

ББК 63.3(2)2

Б 49

Берлизов, Николай Евгеньевич.

Б49 Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. / Н.Е.Берлизов. – Краснодар: КГУКИ, Парабеллум. Ч. I. – 2011. – 320 с. + CD.

ISBN 978-5-94825-107-3 (КГУКИ)

ISBN 978-5-904423-33-9 (Издательство «Парабеллум»)

В монографии анализируются археологические и письменные источники по истории савроматов и сарматов Южнорусских степей и реконструируются основные этапы их этнополитической истории. Первая часть посвящается проблемам типологии археологического материала, относительной и абсолютной хронологии савромато-сарматской археологической культуры.

Предназначена для археологов, историков, краеведов и всех, кто интересуется древней историей Евразийских степей.

УДК 94(470–13)

ББК 63.3(2)2

ISBN 978-5-94825-107-3

ISBN 978-5-904423-33-9

© Николай Берлизов, 2011

© Дмитрий Аринин, макет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
---------------	---

Глава 1. История изучения савромато-сарматских племён

1. Савроматы и сарматы в Отечественной и зарубежной историографии XVI–XIX вв. (доархеологический этап).....	11
2. Открытие и этническая атрибуция савромато-сарматских древностей. Деятельность М.И. Ростовцева и её научное значение. (вторая пол. XIX – первая четв. XX в.).....	14
3. Начало комплексного изучения и создание современной периодизации савромато-сарматских памятников. Оформление «стадиального» подхода. Работы П.Д. Рау и Б.Н. Гракова (1925–1947 гг.).....	22
4. «Смирновский» этап в изучении древностей савроматов и сарматов. Становление и развитие региональных школ в сарматоведении (1950–1980-е гг.)...	29
5. Состояние савромато-сарматской проблематики на современном этапе. Перспективы «экологического» направления. (1990-е – нач. 2000-х гг.).....	56

Глава 2. Типология археологического материала

1. Состояние проблемы типологии савромато-сарматских древностей на современном этапе. Методика работы.....	71
2. Типология керамики.....	72
3. Типология предметов вооружения.....	79
4. Конская упряжь.....	101
5. Детали костюма и украшения.....	107
6. Предметы туалета.....	137
7. Атрибуты культа.....	139
Выводы.....	141

Глава 3. Периодизация и хронология савромато-сарматских древностей

1. Методика работы.....	142
2. Шесть секвенций. Относительная хронология савромато-сарматских погребальных памятников Приуралья, Заволжья, Задонья, Предкавказья, Днепро-Донского и Днепро-Дунайского междуречий.....	144
3. Синхронизация колонок региональной хронологии.....	172
4. Абсолютная датировка хронологических горизонтов.....	180
Выводы.....	243
Источники и литература.....	246
Список сокращений.....	314
Перечень приложений на CD.....	317

ВВЕДЕНИЕ

Более тысячи лет (с конца IX в. до н.э. по третью четверть IV в. н.э.) огромную роль в истории степных районов Юга России играли ираноязычные кочевники, известные как киммерийцы, скифы, саки, массагеты, аланы. При этом связующим звеном между Скифией Европейской и Скифией Азиатской оказались племена савроматов и сарматов.

Являясь своеобразными посредниками между кочевниками Запада и Востока, племенами леса и державами Азии, савроматы и сарматы стали активными участниками сложнейших этнополитических процессов, протекавших на пространстве от Дуная на западе до Великой Китайской стены на востоке и от предгорий Урала на севере до Иранского нагорья на юге. Савроматы буквально ворвались на страницы истории как союзники скифов в победоносной войне с персидской армией. Позднее савроматы и сарматы участвовали в событиях, положивших конец империи Ахеменидов.

Родственные, по мнению античных историков, савроматам сарматы взяли у скифов пальму первенства в Великой степи и на протяжении шестисот лет были своеобразными «законодателями мод» в кочевом мире и на его окраинах. Практически все соседи сарматов заимствовали у них тактические приёмы, а с ними передовое вооружение и конскую упряжь, элементы костюма и, вероятно, некие идеологические установки, фиксирующиеся при анализе погребальных памятников. Сарматы участвовали в создании Парфянской и Кушанской империй. За два столетия до начала нашей эры они являлись влиятельной политической силой на Юге Восточной Европы и их вожди, наряду с великим Римом, стали гарантами международных договоров, заключаемых между эллинистическими монархами. На рубеже эр эти племена упоминаются в связи с международной торговлей между Востоком и Западом.

В первые века нашей эры племена роксолан, язигов, аорсов, сираков, алан и другие объединения, относимые современниками к числу сарматских, втягиваются в водоворот Эпохи великого переселения

народов. В это время сарматы и родственные им аланы известны уже не только в Южнорусских степях, но и на просторах Центральной и Западной Европы. Римляне реорганизуют и перевооружают кавалерию по сарматскому образцу, сарматская ала в составе римской армии служит в Британии, аланы, в конце концов, добираются до Северной Африки и на землях древнего Карфагена создают вместе с германцами-вандалами свое королевство. В Северном Причерноморье фактически в окружении сарматских племён вызревают древнейшие протославянские или раннеславянские киевская культура и культура Этулия. Наконец, именно в «сарматском чреве» вызревают аланы – предки современных осетин.

Все эти сведения получены опосредованно: ни савроматы, ни сарматы не создали государств, а потому и не имели письменности. Фрагменты знания о длительной и блестящей истории этих племён сохранили античные и, возможно, китайские источники и археологические памятники.

Источники по теме исследования можно условно разбить на две группы: источники письменные и археологические.

Источники первой группы содержат собственно-историческую информацию о расселении, обычаях, некоторых событиях политической и этнической истории интересующих нас племён.

К ним относятся, во-первых, *памятники эпиграфики* из античных городов Северного Причерноморья, фиксирующие, как правило, некие кратковременные моменты политической истории интересующих нас племён (декреты, посвящения) либо факты присутствия варваров в составе населения города (надгробия). Данные эпиграфики всегда содержат точную информацию, как правило, поддающуюся узкому датированию. Вместе с тем, такие источники обычно не тиражировались вообще либо изготавливались в ограниченном числе экземпляров. В случае повреждения текста его не всегда можно уверенно восстановить, особенно в части имён, этнонимов и топонимов. Поэтому к попыткам реконструкции последних следует относиться крайне аккуратно. Фактически все памятники эпиграфики, в которых, безусловно, содержится информация об интересующих нас племенах, относятся к относительно поздней римской эпохе. К числу подобных источников можно отнести декреты из Ольвии, Херсонеса, с Тамани и надгробия из некрополя Танаиса.

К письменным источникам по интересующей нас проблематике относятся *научные сочинения, прежде всего – исторические и географические*. Как и данные эпиграфики, они специально создавались для сохранения интересующей нас информации. При этом подобные сочинения

тиражировались, копировались на протяжении веков, и лакуны и повреждения одной копии можно верифицировать по другой.

Эти источники более подробны и дают гораздо более разнообразные сведения о происхождении, численности, расселении, обычаях, событиях политической истории, верованиях, культуре, языке, ономастике, племенной номенклатуре савроматов и сарматов. Всё это делает их ценными для исследователя.

Вместе с тем, все эти свидетельства оставлены соседями исследуемых нами этнических объединений, аутентичные свидетельства отсутствуют в силу отсутствия письменности и у савроматов, и у сарматов. Историки, географы и литераторы государств Запада и Востока упоминали эти племена только тогда, когда они каким-либо образом вовлекались в орбиту государственной политики, либо через их владения проходили трассы международной торговли. Информация о варварах всегда была неполной (если только не фиксировалось некое единовременное событие типа участия варваров в войне с некоей державой), искажённой, так как авторы документов часто не могли понять полностью то, что видели сами, либо получали сведения от малокомпетентных информаторов. Кроме того, в силу личных причин либо требований официальной идеологии сведения о варварах могли быть полностью или частично фальсифицированы. Искажению исходной информации способствовал и несовершенный способ её сохранения путём копирования вручную, причём часто с весьма произвольным редактированием исходного текста. Это касается в первую очередь античных сочинений, сохранившихся в основном в средневековых списках. Ещё одним фактором искажения является не всегда компетентный перевод таких копий с классических языков на современные [889]. Последний усугубляется, во-первых, тем, что из классических языков студенты-историки (за исключением выпускников кафедр античной истории МГУ и СПбГУ) теперь изучают только латинский, причём в объёме весьма ограниченном и имеющим тенденцию ко всё большему сокращению, а во-вторых, отсутствием современных изданий античных источников на языке оригинала.

К анализу сарматской проблематики (особенно к аланской проблеме) привлекаются китайские сочинения. При этом, как правило, не учитываются особенности китайской фонетики и в целом отличий китайского языка от языков индоевропейских. В силу этого, этническая номенклатура китайских исторических и географических трактатов резко отличается от греческой, латинской и иранской. Поэтому необходимо крайне осторожно относиться к единичным фактам созвучия античных

и китайских этнонимов, так как они могут быть лишь следствием языковой интерференции, а не номинацией одних и тех же народов.

Из числа научных сочинений нами рассматривались свидетельства логографов: Гекатея Милетского [16], Геродота [18]; авторов эпохи раннего эллинизма, известных как Псевдо-Гиппократ [19], Псевдо-Скилак [56] и Псевдо-Скимн [51]; историков эпохи позднего эллинизма, таких как Полибий [49] и Диодор Сицилийский [22]. Из источников раннеимператорского времени использовались сочинения Страбона [58], Публия Корнелия Тацита [59–61], Помпея Трога (в сокращении Юстина) [70], Помпония Мелы [42], Гая Плиния Секунда [47; 57], Иосифа Флавия [29–30], Плутарха [48], Флавия Арриана [6–7], Аппиана [5], Гая Юлия Солина [46], Полиэна [50], Квинта Курция Руфа [35], Клавдия Птолемея [52]. К позднему императорскому времени относится использованный нами сборник «Писатели истории Августов» (*Scriptores historiae Augustus*) [46], сочинения Руфия Фавста Авиена [53]; Аммиана Марцеллина [3]. Из раннесредневековых сочинений представляет интерес работа Иордана [28].

Из китайских источников к данной группе можно с определёнными оговорками отнести «Исторические записки» Сыма Цяня, «Историю Старшей Хань» и «Историю младшей Хань».

К данной подгруппе примыкают *средневековые сочинения* историков Закавказья, дополняющие информацию античных источников по неким местным хроникам и античным же документам. В этих сочинениях информация об античной эпохе во многом мифологизирована и модернизирована, однако в интересующих нас частях подтверждается свидетельствами античных авторов. Материалы к исследуемой проблеме содержат сочинения армянского историка Мовсеса Хоренаци (Моисея Хорентского) [63] и грузинского хрониста Леонтия Мровели [43].

К письменным источникам о сарматах также относятся античные *литературные произведения* в основном императорской эпохи. Упоминания в них тех или иных племён иногда позволяют зафиксировать момент выхода последних на передовые рубежи античной ойкумены. Интересна информация о быте, этнографических особенностях и обычаях савроматов и сарматов, более живая, нежели в научных сочинениях. Вместе с тем учитывалось, что художественная литература никогда не ставит целью стопроцентного отражения исторической реальности, и информация из литературно-художественных источников всегда нуждается в тщательнейшей проверке. Иногда информация намеренно архаизируется, что облегчает выявление искажений. В других случаях, когда некий поэт либо прозаик сообщает нечто о событиях, произошедших примерно

за век до его рождения и не подтверждённых в источниках первых двух подгрупп, остается сомнительной констатация изложенных в произведении фактов. С учётом вышеизложенного нами использовались сочинения Публия Овидия Назона [44], Сенеки [55], Марка Аннея Лукана [40], Лукиана из Самосаты [41] и Веррия Флакка [15].

Кроме того, к группе письменных можно отнести источники, ставшие таковыми сравнительно недавно – в XVIII–XIX в., так как сохранялись до этого в устной форме. Имеются в виду древнеиндийские *устное собрание религиозных заклинаний*, известное как «Атхарваведа» [12] и древнеиранское *устное собрание религиозных канонов* – «Авеста» [1; 2]. Эти сочинения позволяют атрибутировать некоторые особенности погребальных памятников, связываемых с савроматами и сарматами. Учитывается, что религиозные представления ираноязычных кочевников южнорусских степей, древних персов и индоариев имели общую индоиранскую основу и некоторые обряды и их внешние проявления могли иметь близкую семантику. Вместе с тем, в отличие от некоторых коллег, мы не считаем, что Веды и «Авеста» позволяют полностью объяснить все особенности обрядности племён савромато-сарматского круга. Оба эти источника принадлежат народам, достаточно рано отделившимся от предков кочевников Южнорусских степей. Помимо этого, и «Авеста», и Веды окончательно редактировались уже в условиях государственности и определённых идеологических установок со стороны государственной власти, в то время как степняки эпохи раннего железа оставались первобытными народами.

Вторая группа источников представляет собою древности в чистом виде. Нами различным образом проанализированы материалы свыше 6000 захоронений и культовых комплексов, считающихся памятниками истории савроматов и сарматов. В данной выборке использованы комплексы из степей Приуралья, Заволжья, Задонья, Предкавказья, Крыма, Украины и Молдавии. Единичными комплексами представлены также Средняя Азия и Среднее Подунавье. Хронологически одинаково представительно отражены все этапы развития савромато-сарматской культуры. При этом использовалась информация, как о нетронутых, так и об ограбленных погребениях. Материалы последних анализировались для уточнения относительной и абсолютной хронологии савромато-сарматских древностей. Данный массив, по нашим подсчётам, представляет собою около 33% от общей массы исследованных на сегодня савромато-сарматских памятников. Большая часть этого материала введена в научный оборот на страницах археологической периодики. Помимо

опубликованных материалов, в работе использованы неизданные материалы из раскопок автора, а также Н.В.Анфимова, В.С.Бочкарёва, В.Н.Каминского, И.В.Каминской, А.А.Нехаева, П.С.Рыкова, Н.Ф.Шевченко, В.П.Шилова.

Автор выражает глубокую благодарность коллегам, предоставившим в его распоряжение материалы своих раскопок, ещё не введённые в научный оборот, а также И.П.Засецкой за возможность обработки неопубликованных материалов из раскопок Н.И.Веселовского, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Мы признательны Г.В.Длужневской, ознакомившей нас с фондами научного фотоархива ИИМК РАН, сотрудникам научных архивов Института археологии РАН, ИИМК РАН, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д.Фелицына, Пятигорского и Кисловодского филиалов Ставропольского государственного объединённого краеведческого музея им. Г.К.Праве.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ ПЛЕМЁН

История савромато-сарматских племён и археологические источники по данной проблеме имеют богатую историографию. При этом в исследовании интересующей нас проблематики можно выделить определённые этапы, связанные как с накоплением источниковой базы, так и с развитием научной мысли. Мы сочли возможным выделить пять таких этапов.

1. САВРОМАТЫ И САРМАТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI–XIX ВВ. (ДОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП)

Особенностями начального этапа изучения сарматов можно считать, во-первых, использование только письменных античных и византийских источников и постоянные попытки установления генетической связи савроматов и сарматов с современными народами. Археологический материал накапливался бессистемно, в основном в результате ограбления курганов с целью обогащения и в исторических реконструкциях не использовался. Антропологический материал и не накапливался, и, естественно, не изучался.

Первые шаги в изучении истории сарматских племён связаны с событиями XVI–XVII вв. Они вызваны укреплением западно- и восточнославянской государственности и попытками представителей высшего сословия найти «престижных предков». Русское боярство и нарождающееся дворянство возводило свои родословные к Рюрику, польско-литовскому королю Гедемину, золотоордынской знати [635, С.193–217]. Польская знать, более тесно связанная с достижениями культуры эпохи Возрождения, обратилась к античным источникам и выбрала в качестве предков сарматские племена. Попыткой теоретического обоснования такой

гипотезы стала работа Александра Гваньини (1538–1614) «*Sarmatiae Europae descriptio*», переведённая в 1611 г. на польский язык и изданная в Кракове Мартином Пашковским [241, С.433]. «Сарматская» версия происхождения польской знати либо славян вообще фигурировала также в хронике польского историка и политического деятеля Матвея Стрыйковского (1547–1593) и сочинениях других польских историков кон. XVI – нач. XVII вв. [241]. Она нашла своё развитие в некоторых исследованиях XVIII – XIX вв. Показательно высказывание С.С. Богуша о том, что поляки «были истинные сарматы, пришедшие из Мидии и жившие близ Дона». Славяноязычными считали сарматов Лейбниц, В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, М.А. Щербатов, И.Н. Болтин [544, С.67]. Против подобных версий выступил русский историк Андрей Лызлов. В «Скифской истории», вышедшей в 1692 г., он назвал скифов и сарматов соседями, но не предками ранних славян [127, Ч.1, Л.3, Абз.3]. Правда, он также некритически вставил в свою работу фрагмент из сочинения Гваньини, в котором славяне отождествляются с савроматами («От сих убо татар монгаилов изыдоша сии татарове иже суть к нам, савроматом, пришельцы...» [127, Ч.1, Л.5]). Более взвешенным был взгляд официального историографа Империи Н.М. Карамзина, который скомпилировал данные античных источников о савроматах и сарматах, не высказываясь об их этнической принадлежности и вполне определённо отмежевывая от славян [542, С.6–9].

Развитие сравнительно-исторического языкознания в западноевропейской науке, и особенно, интерес к арийской проблеме позволили Цейссу сделать вывод об ираноязычности скифов и сарматов [544, С.69].

Монографически история дославянского населения России в этот период почти не исследовалась. Официальная парадигма, выражавшаяся триптихом «самодержавие, православие, народность», предусматривала в основном изучение славяно-русских и церковных древностей. Вместе с тем, в работах Г.Эйхвальда рассматривалась древняя история южнорусских степей и делались попытки локализации савроматов и сарматов по свидетельствам Геродота и Страбона [544].

В XVIII – первой пол. XIX вв. начинается перевод на русский язык сочинений античных авторов, содержащих сведения о савроматах и сарматах. Так в 1774–75 гг. в переводе И. Алексеева вышла «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского; в 1774 г. в Санкт-Петербурге – перевод «Римской истории» Веллея Патеркула; в 1836 г. в Одессе – перевод «Объезда Эвксинского Понта» Флавия Арриана, выполненный А. Фабром.

В XVII в. в Восточных губерниях России начались массовые грабительские раскопки курганов, давшие первую примитивную информацию

об их устройстве и характере погребального инвентаря. Часть из них попала в коллекцию голландского любителя древностей Николаса Корнелисзоона Витсена и опубликована в 1785 г. в третьем издании его книги «Noord en Oost Tartarien» [452, С.102–106, Рис.1–4]. Некоторые вещи, изображённые на таблицах 1 и 2, находят прямые аналогии среди сарматских древностей [452, Рис.1, 2]. О возможности происхождения части находок бугровщиков из сарматских погребений свидетельствуют и фиксируемые ныне следы массового разграбления курганов сарматской знати в Приуралье. Становление Российской Империи, культурные преобразования Петра I привели к первым попыткам археологических исследований в стране. В результате петровских указов 1718 и 1722 гг. Санкт-Петербургская Кунсткамера получила от Сибирского губернатора золотые изделия из грабительских раскопок курганов, составившие основу так называемой «Сибирской коллекции» [1186, С.119, 126–127]. При этом ряд экспонатов этой коллекции, явно относящихся к исследуемой нами эпохе, не находит аналогий в синхронных древностях Алтая и Сибири, исследованных сейчас достаточно полно. Они весьма близки находкам из коллекции Н.-К. Витсена и ранне- и среднесарматских курганов Приуралья, Нижнего Дона, Кубани и Средней Азии [1186, Рис. на С.25; 1357, III. 60–61]. В течение XVIII–XIX вв. российская археология постепенно эволюционировала от кладоискательства к науке. Присоединение Крыма и Предкавказья, хозяйственное освоение Таврии в результате деятельности Екатерины II способствовали развитию античной археологии. Раскопки в 1763 г. генералом Мельгуновым скифского кургана Литая могила под Елисаветградом положили начало скифской археологии. Интерес к скифским древностям возрос после раскопок П. Дюбрюком кургана Куль Оба в 1830 г. и массовых грабительских раскопок курганов в Северном Причерноморье. Появились первые своды археологических материалов А.Б.Ашика и Стефаниди [1186], в которых фигурировали и савромато-сарматские древности, не получившие, правда, соответствующей культурной атрибуции. Исследование степных древностей эпохи раннего железа на юге России дало материалы к их абсолютной и относительной хронологии, данные о погребальном обряде, позволило отработать методику раскопок степных курганов вручную.

В целом начальный этап изучения савроматов и сарматов можно считать дилетантским. Ценность исследований, выходивших в это время (кон. XVI – сер. XIX вв.), заключается в основном в постановке проблемы происхождения и этнолингвистической принадлежности древних степных племён Юга России и отработке методик археологического исследования классических и степных древностей.

2. ОТКРЫТИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.И. РОСТОВЦЕВА И ЕЁ НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ (ВТОРАЯ ПОЛ. XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВ. XX В.)

Начало второго этапа в изучении сарматов характеризуется накоплением массового археологического материала к проблеме. Объединение крупнейших археологов в составе археологических обществ, создание в 1846 г. Русского археологического общества, а в 1859 г. – Императорской археологической комиссии, «ликвидация археологической безграмотности» в ходе первых археологических съездов резко улучшили качество описания археологического материала. В публикациях второй пол. XIX в. благодаря квалифицированному описанию можно выявить серию погребений, которые можно атрибутировать как савроматские, сарматские либо раннеаланские.

С началом данного этапа можно связать первые исследования и находки на Дону – территории всегда связываемой в античных источниках с расселением савроматов и сарматов. Раскопками П.М. Леонтьева (1853 г.); П.И. Хицунова (1869 г.), Н.И. Ушакова (1901 г.) и А.А. Миллера (1908–1914 г.) была вскрыта группа комплексов V–IV вв. до н.э. в дельте Дона у ст. Елизаветинской [644, С.518; 750–751; 860, С.61–64; 861, С.171; 1229]. Серия находок происходила из курганов, разрушенных при земляных работах кладоискателями. В их числе комплекс кургана Хохлач под Новочеркасском; погребения у сл. Криворожье (1869 г.); хут. Краснодворского станицы Старочеркасской (1908); «клады» из ст. Мигулинской (1865 г.), Голубинской (1890 г.), Таганрога (1897 г.) и хут. Федулова (1904 г.) [125, С.197–200; 672, С.27; 840, С.ХХ–ХХI; 842, С.119; 1117, С.23–24, 27, 39–42].

Ряд комплексов, связываемых ныне с сарматами, был открыт в последней четверти XIX – нач. XX вв. на Украине. Они происходят из раскопок Осипенко (1876 г.), Д.Я. Самоквасова (1876 г.), А.А. Бобринского (1876, 1903, 1909 г.), Н.Е. Бранденбурга (1891–1893 гг.), А.М. Покровского (1901 г.), Е.П. Трефилева (1901 г.), Е. Мельника (1901), В.А. Городцова (1901, 1903 г.), В.Н. Доманицкого (1902 г.), Н.П. и А.П. Высоцких (1903), Д.И. Эварницкого (1891, 1903 гг.), Н.Е. Макаренко (1907–1909 гг.), а также грабительских раскопок и случайных находок. К их числу можно отнести

курганы у г. Бердянска, Славянска, Смелы; сёл Яблунов, Цветна, Краснополка, Кагарлык, Бурты, Гороховатка, Сартаны, Ружичёвка, Бунаковка, Раздольское и Новосёлки, Воронцовка, Сватова Лучка, Нижняя Дуванка, Каменка, Колодистое, Петрик, Ярошевка, Журовка, Богодар, Новомосковское, Афанасьевка, Климовка, Михайловка; слобод Селимовка и Мечебелова; хут. Черевкова и Каменка; дер. Переездная, Родионовка, Михайловка, Вороная; станций Ступки и Бобринская, на р. Висунь [73; 239, С.40–41, 153, Таб. XXI; 240, С.43–44; 249, С.5–7, 42–43, 77–79, 162–166, 186; 342; 337, С.211, 232, 240–237, 245, 267–268, 343; 338, С.144, 286–289, 303–324; 339, С.55–56; 483, С.59; 484, С.191–192; 549, С.221–225, №98–100; 670, С.96–97; 744; 841, С.92; 843, С.86–87; 846, С.88–89, 141; 850, С.84; 853, С.110; 987, С.114–121; 1115, С.120; 1152, С.131–135; 1259, С.130–144]. Интересны «клады», открытые в 1892 г. в Старобельске и в 1906 г. у с. Янчокрак [1117, С.27–28, Рис.58–59, 80–81].

Почти одновременно начались раскопки сарматских древностей в Молдавии. Их исследовали И. Коперницкий (1877 г.), Ф.И. Кнауэр (1888–1891 гг.), Д.Я. Самоквасов (1906 г.), М. Шкадышек (1909 г.), возможно, И.Я. и Л.Н. Стемпковские (1896–1911 гг.). Ими были открыты могильник у с. Городнице, курганы у с. Павловка, Сарата, Шаболат, Катаржи, Суклея [354, С.18–19; 554, С.150–151; 843, С.82–86, 160–165; 1238]. С результатами пребывания сарматов в регионе ныне связываются и комплексы из с. Михайловка и Трояны [1008, С.263; 861, С.201–202. Рис.255].

Публикация Р. Вирховом находок из грабительских раскопок Х. Канукова в ауле Верхняя Кобань пробудила у русских археологов интерес к древностям Северного Кавказа. В 1881 г. в Тифлисе был проведен V Археологический съезд, которому предшествовали крупномасштабные раскопки памятников Кавказа, продолжавшиеся в дальнейшем вплоть до Октябрьской революции. Интересующий нас материал был исследован И.О. Циллосани и А.А. Руссовым (1880 г.), А.А. Бобринским (1882 г.), В.М. Сысоевым (1895–96 гг.), Н.И. Веселовским (1896–1914 гг.), С.А. Соловьёвым (1899 г.), мещанином Забродины (1899 г.) и купеческим сыном Н.И. Петриком (1900). В научный оборот были введены материалы раскопок курганов возле Дербента, на плато Паласа-Сырт, у с. Алды, Летницкое; аулов Алхан-Юрт, Габукой, Хатажукаевский; станиц Курджипской, Ярославской, Воздвиженской, Геймановской, Казанской, Тифлиской, Ладожской, Усть-Лабинской, Воронежской, Марьянской, Петропавловской; хут. Зубовского, Кубанского, имения Зиссерманов, г. Армавира, Майкопа (на Лысой горе), Песчаного городка [302; 418; 841, С. CCLXXV–CCLXXVI; 846, С.56–58; 849, С.43–51, 56–57, Рис.66–97,

107–108; 850, С.38–45, 103–104; 851, С.65–86; 852, С.65–90; 853, С.62–65, 72–75; 854; 855, С.73–75; 856, С.91–93; 857, С.89; 858, С.119; 860, С.50–57; 861, С.158; 966; 574, С.174–180; 1196; 1134]. С пребыванием сарматов в регионе связываются случайные находки мечей из ст. Новокорсунской и Псебайской [852, С.135–136; 950, С.56].

К 1880-м гг. относятся первые документированные находки савромато-сарматских древностей к востоку от Дона. В 1895 г. провёл раскопки на р. Иловле А.А. Спицын, исследовавший курганы у с. Норка, Новая Норка, Гуселки, Машевка и у ст. Лебяжье [847, С.30–33; 1114, С.141–144]. Древности савромато-сарматского круга в волго-донском междуречье были открыты также в ходе раскопок В.Н. Тевяшова (1900 г.), П.П. Грекова (1900–1905), Перцева (1904 г.), А.А. Миллера (1901, 1906 г.) и П. Бераца (1912–1913 гг.). Они исследовали курганы у слобод Владимировка и Гусевка, у т.н. Мишкиной Пристани, с. Покровское, Гусельщиково, Герцог (Суслы) и ст. Гниловской [1116; 1117, С.68–70]. Из числа случайно разрушенных погребений выделяются комплексы, открытые у с. Новая Норка (1887), слободы Котовой (1898 г.), д. Щербаковка (1899 г.), с. Саламатина (1902 г.) и Михайловка (1915 г.), пос. Улан-Эрге (1904 г.) [221; 841, С.СЦИ; 845, С.31–32; 848, С.77–78; 849, С.120; 852, С.138; 854, С.194; 861, С.212, Рис.260; 1343, С.7–10].

В Приуралье древности сарматского круга начала исследовать Оренбургская Архивная комиссия. Её членами: И.А. Кастанье, Н.К. Минко, Ф.Д. Нефёдовым, Н.С. Назаровым, А.В. Поповым, А. Аниховским, а позднее – Н.Е. Макаренко и С.И. Руденко было раскопано значительное число курганов и курганных групп. Интересный материал дал т.н. Золотой курган в местности Тамар Уткуль (Тамар Уэткель), исследованный Ф.Д. Нефёдовым в 1884 г. [834, С.6–7]. В 1887–1888 г. исследовались курганы на р. Илек на Тамар Уткуле, у ст. Павловской, а также на сырте Елга у с. Преображенка [834, С.8, 11]. Помимо характеристики погребальных памятников и находок из погребений, Ф.Д. Нефёдов фиксировал и первичные антропологические признаки. Далее последовали раскопки на земле Абрамаки под Оренбургом (1894 г.), Бердиной горе под Оренбургом (1898, 1906 гг.), у р. Жаксы Каргала под Актюбинском (1907 г.), хут. Крыловского (1895), с. Воздвиженского (1895 г.), Черняки (1906 г.), Исаково (1907, 1909 гг.), Сухомесово (1908–1909 гг.), Чурилово (1908 г.), Синеглазово (1908–1909), Першино (1909 г.), Покровка (1911 г., группа Кос-Оба), Прохоровка (1915), посаде Красногорском (1903), пашне казака Смолина (1906 г.), одиннадцатой версте по тракту Челябинск – Миасская (1906 г.), местности Биш-Уба в Оренбургском уезде [793; 844, С.38;

845, С.69; 853, С.128; 859, С.192–193; 950]. Интересны вещи из кургана у пос. Черниговского (1888 г.) [834, С.12; 950, С.28].

Материалы раскопок оперативно вводились в научный оборот в ежегодных Отчётах императорской археологической комиссии, корпусе Известий императорской археологической комиссии, различных трудах, записках и отчётах научных обществ, губернских и областных учёных комиссий.

Параллельно накоплению археологического материала к проблеме формировался корпус письменных, антропологических и лингвистических источников.

В.Ф. Миллер провёл комплексное исследование этнографии осетин и пришёл к выводу о близости осетинских диалектов древнейшим иранским языкам скифов и сарматов, проанализировал эпос о нартах и сведения средневековых хронистов Закавказья об аланах [753]. К выводу об ираноязычии скифов и сарматов пришли и европейские учёные, такие как К. Мюлленхоф, Э. Майер и Ф. Юст [544, С.69]. Накопление и изучение антропологического материала почти не велось. Тем не менее, Д.Н. Анучин, анализируя небольшую краниологическую серию из раскопок В.А. Городцова, включил в неё череп из сарматского погребения 3 к. 3 у хут. Черевкова [131]. С.И. Руденко исследовал скелеты из своих раскопок у с. Прохоровка [962]. Публикация письменных свидетельств, относящихся к теме нашего исследования, открылась в 1851 г. изданием свода китайских источников Н.Я. Бичурина. В 1884–1901 гг. под руководством и редакцией В.В. Латышева вышли три тома корпуса древних надписей из Северного Причерноморья [71]. В 1893 г. был опубликован перевод «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, выполненный Н. Эмином [63]. Далее в 1894–1904 гг. В.В. Латышев выпустил хрестоматию, содержащую выдержки из античных источников, касавшиеся территории нашей Родины. Перевод сопровождался параллельной публикацией текста на языке оригинала [38–39]. Ю.А. Кулаковский в 1899 г. проанализировал карту Европейской Сарматии Клавдия Птолемея [626–627]. Продолжалось издание переводов античных источников. К кон. XIX–нач. XX вв. отечественные антиковеды располагали переводами на русский язык сочинений Геродота, Страбона, Аммиана Марцеллина, Иосифа Флавия, Плиния, Плутарха, Светония, Тацита.

Продолжали выходить работы, основанные только на анализе письменных источников. Серия исследований была посвящена локализации древнего населения Южнорусских степей. К их числу можно отнести работы Ф.К. Бруна, П.О. Бурачкова, П.Н. Кречетова, Ф.Г. Мищенко

и А.С.Лаппо-Данилевского [544, С.70]. В.А.Кулаковский исследовал корпус античных и византийских свидетельств по истории алан [625]. Верный позициям буржуазного объективизма, он в большей степени констатировал факты, изложенные в источниках, не пытаясь проводить их внутреннюю критику, что иногда вело к неверному пониманию хода исторических событий [ср. 196; 625, С.60–64]. Ф.А.Браун, исследуя историю готов, анализировал этногеографию Северного Причерноморья. Он попытался определить время существования савроматского объединения и датировать начало сарматского вторжения в степи к западу от Дона. Была сделана попытка локализации крупнейших сарматских объединений, упоминающихся в античных источниках. Анализ декрета в честь Протогена привёл его к выводу о принадлежности к кругу сарматских племён сайев, фисаматов и савдаратов. Вместе с тем он отрицал иранскую принадлежность сирматов, считая их финноязычными. Критике с его стороны подверглась гипотеза о связи сарматов с этногенезом славян [544]. М.И.Ростовцев в небольшой работе, посвященной двум новеллам Полиэна о сарматских «царицах» Амаге и Тиргатао [949], рассмотрел степень их достоверности и пришёл к заключению о легендарности обеих героинь. Вместе с тем, он считал, что сведения о них происходят из компетентного источника второй пол. III – начала II вв. до н.э. и что на основании этих новелл можно судить о значительной политической роли сарматов в жизни Причерноморья эпохи эллинизма. Некоторые вопросы истории сарматов были затронуты в работах европейских и американских ориенталистов. Так А. Гутшмидт в работе по истории Ирана [1316, S.69] и Ф. Хирт в работе по истории хунну [1318, S.35] сочли возможным отождествить племена яньцай (ан-тсай) и алань-ляо, упомянутые в китайских источниках с сарматским племенем аорсов и аланами античных источников. Эту точку зрения разделяли Й. Маркварт и Е. Шаванн [1301, S.558–559; 1322, S.83]. С большим интересом научной общественностью была воспринята работа Э. Миннза, посвящённая греко-скифским отношениям [1323].

В итоге в нач. XX в. сарматская проблема начинает рассматриваться комплексно: свидетельства письменных источников используются для интерпретации археологического материала.

В 1905 г. в докладе на XII Археологическом съезде в г.Харькове В.А.Городцов впервые выделил группу погребений из курганов Изюмского уезда Харьковской губернии, которую датировал сарматским временем [337, С.210–211]. Спустя два года на XIII Археологическом съезде он пополнил выборку кочевнических комплексов сарматской эпохи древностями

Бахмутского уезда Екатеринославской губ. Отмечалось сходство материалов из раскопок в Екатеринославской губернии и Изюмском уезде, результатов раскопок Е.И.Трефилева в Купянском уезде и Н.И.Веселовского в Кубанской области [338, С.270]. Последний вывод особенно интересен, так как Н.И.Веселовский считал, что исследованные им на Средней Кубани курганы «Золотого кладбища» оставлены римской дружиной [269, С.368–373]. Сарматские погребения В.А.Городцов относил ко II в. до н.э. – III в.н.э., отмечал связи оставившего их населения с Римом и анализировал некоторые особенности погребальных памятников [338, С.248–270; 940, С.436]. Д.Я.Самоковасов осторожнее отнёсся к выделению сарматских памятников на Украине и предложил сначала изучить сарматские могильники к востоку от Дона, откуда, как он считал, сарматы продвинулись на Запад [987, С.149]. А.А.Спицын, рассматривая археологические материалы из курганов Нижнего Дона и Северского Донца, датировал т.н. Ушаковский курган у ст. Елисаветовской VII–VI вв. до н.э. и атрибутировал как савроматский. Комплексы из раскопок у с. Гусельщиконо, ст. Гниловской, с. Владимировка и с. Мастюгино он отнёс к IV–III вв. до н.э. и предложил считать сарматскими. Он согласился с выводами В.А.Городцова относительно принадлежности комплексов эпохи железа из курганов Изюмского уезда и напомнил, что в первые века нашей эры в степях между Танаисом и Борисфеном Тацит и Страбон знали сарматское объединение роксолан [1117, С.67–68]. Кубанские курганы, исследованные Н.И.Веселовским, А.А.Спицын отнёс к первым векам н.э. и считал аланскими, сближая с ними материалы из раскопок А.А.Миллера под Таганрогом [1117, С.69–70]. А.А.Миллер, публикуя результаты раскопок Елисаветовских курганов в устье Дона в 1911 г., осторожно высказался в пользу их сарматской принадлежности [751, С.221].

К 1915 г. достигло «критической массы» количество погребений и случайных находок эпохи раннего железа в степях Южного Урала. Открытие ярких комплексов у с. Прохоровка послужило поводом для анализа всех подобных находок в работе М.И.Ростовцева [950]. В своём исследовании он последовательно дал подробное описание курганов из Прохоровки и с. Покровка, проанализировал все известные аналогии им в погребальном инвентаре и погребальном обряде. В результате, памятники были датированы эпохой эллинизма и включены в обширную группу древностей, известных к тому времени на Урале, Кубани и Украине. По мнению М.И.Ростовцева, эта группа принадлежала историческим сарматам («Я имею в виду сарматов, которых я резко отличаю от сарматов Геродота и первые сведения о которых мы имеем в IV в. до Р. Хр.» [950, С.81]).

Помимо блестящего анализа письменных и археологических источников работа содержала приложения с анализом антропологических и эпиграфических материалов [573; 962]. Одновременно в качестве научно-популярной брошюры вышла работа М.И.Ростовцева, посвящённая греко-варварским отношениям [951]. Здесь исследователь на более широком историческом фоне изложил свои взгляды на этнополитическую историю савроматов и сарматов, очертил круг древностей, которые считал савромато-сарматскими, кратко проанализировал характер взаимоотношений между савроматами и сарматами и греко-римской цивилизацией. Фактически здесь были изложены все основные положения фундаментального исследования М.И.Ростовцева, которое подытоживало все достижения дореволюционной отечественной сарматологии: «Скифия и Боспор», вышедшего уже после эмиграции её автора из России [952]. К числу этих положений относятся:

- Признание ираноязычности савроматов и сарматов;
- Противопоставление савроматов Геродота сарматам эпохи эллинизма и римского времени. Первые, по мнению М.И.Ростовцева, сближались со скифами Северного Причерноморья и меотами Приазовья и были тесно связаны с античными колониями, вторые были выходцами из Азии и поддерживали контакты с Ираном. У первых сохранялись пережитки гинекратии, у вторых они отсутствовали [950, С.81; 951; 952, С.111–113];
- Отнесение к кругу сарматских курганных древностей эпохи эллинизма и римского времени из Приуралья, Поволжья, Прикубанья и с Украины;
- Гипотеза о постепенном продвижении различных сарматских объединений из Заволжско-Уральских степей на Запад со второй пол. III в. до н.э. [952, С.580–581];
- Тезис о формировании нового стиля украшений в греческих городах, связанного с сарматским влиянием и отличного от скифского [952, С.243–244];
- Заключение о взаимовлиянии Боспорского царства и осевшей на Кубани волны сарматов (сираков и аорсов по М.И.Ростовцеву) [952, С.612];
- Модернизация варварского общества эпохи раннего железа. М.И.Ростовцев представлял первобытные скифские племена эпохи Геродота неким государственным объединением, близким по типу Хазарскому каганату, и называл их строй военно-феодальным [951, С.40]. Со скифами в этом отношении сближались и сарматы: «Строй их государственной

жизни, в общем, мало отличается от скифского, за исключением большей раздробленности и разбитости» [951, С.129].

Работы М.И. Ростовцева можно по праву считать вершиной достижений дореволюционной Отечественной сарматологии. В них органично сочетались блестящее знание античной письменной традиции, мировых достижений античной и скифо-сарматской археологии и лингвистики.

Таким образом, к финалу второго этапа изучения сарматской проблемы был очерчен и проанализирован корпус связанных с ней античных письменных источников. Лингвистически доказана иранская языковая принадлежность савроматов и сарматов. Были выделены специфические, отличные от скифских и средневековых кочевнических, археологические памятники сарматов. Началось накопление и первичный анализ антропологических материалов из этих памятников. Предприняты первые попытки комплексного анализа письменных, лингвистических и археологических источников для реконструкции этнополитической истории савроматов и сарматов. Всё это можно считать бесспорными достижениями дореволюционной сарматологии.

Вместе с тем, можно отметить отсутствие чёткой единой методологической основы исследований и как следствие этого – модернизацию общественного устройства савроматов и сарматов. Сарматологи, опираясь на античную письменную традицию, фактически полностью проигнорировали источники Востока, хотя такую возможность предоставлял труд Н.Я. Бичурина. Далеко не в полной мере были использованы и средневековые хроники Закавказья, хотя русские переводы таковых имелись уже к рубежу XIX–XX вв. Сравнительно поздно были выделены и атрибутированы археологические памятники савроматов и сарматов, что привело к включению в их сводки инокультурных древностей (Мастюгинских курганов А.А. Спицыным и лесостепных курганов Поднепровья М.И. Ростовцевым). Археологический материал был ещё малочислен, не всегда квалифицированно раскопан, работа по его систематизации, типологии и хронологии только начиналась. Антропологический материал был исследован ещё слабее: мы располагаем квалифицированным описанием пяти черепов и четырёх скелетов сарматского времени из раскопок, произведённых до 1917 г. Естественно, делать какие-либо выводы на такой выборке было преждевременно.

Следовательно, на повестке дня стояло, прежде всего, дальнейшее накопление археологического и антропологического материала для его более углубленного изучения, а также выбор единой научной методологии для дальнейшего исследования савромато-сарматской проблематики.

3. НАЧАЛО КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ И СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ. ОФОРМЛЕНИЕ «СТАДИАЛЬНОГО» ПОДХОДА. РАБОТЫ П.Д. РАУ И Б.Н. ГРАКОВА (1925–1947 ГГ.)

Победа Октябрьской революции и установление Советской власти привели к серьёзным изменениям в отечественной археологии в целом и в сарматологии в частности.

Во-первых, в апреле 1919 г. бывшая Императорская археологическая комиссия преобразуется в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). В этом принципиально новом научном учреждении археологи работали совместно с историками, этнографами, лингвистами, антропологами, фольклористами и специалистами по естественным наукам. В числе первых членов РАИМК оказались такие видные специалисты по археологии раннего железа и античности, как А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, А.А. Жебелев. Позднее, в 1924 г. создаётся Московская секция РАИМК, членами которой в числе прочих были такие значительные в сарматологии фигуры, как Б.Н. Граков и П.С. Рыков. Почти одновременно (1923–24 гг.) возник Всеукраинский археологический комитет (ВУАК). В 1926 г. декретом СНК СССР из состава МГУ была выделена Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) с археологической секцией. Становление сети государственных археологических учреждений способствовало трансформации отечественной археологии из вспомогательной дисциплины в академическую науку.

Во-вторых, в Советской России общественные науки получили единую методологическую основу, не опиравшуюся на религию. Уже в 1922 г. В.И. Ленин в статье для журнала «Под знаменем марксизма» наметил программу развития отечественной науки на платформе марксистской материалистической философии [642]. Утверждение в СССР единой идеологии и единой исторической парадигмы привело к резкому неприятию иных концепций и их игнорированию либо критике. Последнее диктовалось уже не научными, а политическими установками: популярные на Западе идеи диффузионизма (особенно разработки учёных Венской культурно-исторической школы и Г. Коссины) использовались германским фашизмом для обоснования территориальной экспансии [119, С.112–114].

В третьих, была поставлена задача исследования древних памятников культуры рядового населения. Последние часто игнорировались в дооктябрьский период учёными, представителями классического направления, увлекавшимися исследованием богатых «царских» курганов эпохи железа (ярким примером является деятельность Н.И. Веселовского). На этой основе происходило становление советской школы в археологии.

Этот процесс проходил в своеобразных условиях: отечественная историческая школа разделилась на два направления. В свете сложившейся ситуации следует рассматривать развитие сарматологии, связанное, прежде всего с деятельностью учёных СССР и русских эмигрантов на Западе.

В РАИМК и других научных учреждениях Советской России, а затем – СССР сотрудничали опытные научные кадры дореволюционной школы и молодые советские учёные. Это способствовало преемственности в сохранении научных традиций и выработке новых концепций и методик исследования на основе историко-материалистической парадигмы. При этом методология советской археологии находилась на стадии становления. В работах археологов старой школы, бывших членов Археологической комиссии, можно отметить влияние идей эволюционизма, чисто вещеведческого подхода к археологии, увлечения палеоэтнологией [918, С.50–68]. В дальнейшем в результате острых дискуссий в кон. 1920х-сер. 30х гг. утвердились новые концепции. Острой критике подвергалось увлечение формально-типологическим методом, характерное для эволюционизма [119, С.119; 918, С.127–135]. Новые концепции нашли своё выражение в «методе восхождения», обоснованном в 1929 г. учениками В.А. Городцова [918, С.119–126], и особенно в «социологическом методе», основанном на использовании теории стадильности Н.Я. Марра. Теория импонировала своей материалистической направленностью; использованием марксистских положений об экономическом базисе и идеологической надстройке; понятием стадий, перекликавшимся с понятием общественно-экономических формаций. Диффузионистской концепции с её признанием миграций и их роли в истории, скомпрометированной нацистскими идеологами, теория стадильности противопоставила идею гиперавтохтонизма и отрицания миграций вообще [119, С.120–121; 918, С.135–140].

Часть русских учёных добровольно либо принудительно эмигрировала и развивала прежние идеи в научных центрах Европы и САСШ. Среди них оказались такие видные фигуры, как М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский и В.Ф. Минорский. Здесь популярностью пользовались концепции

диффузионизма и евразийства. В 1931 г. в Германии была переиздана монография М.И.Ростовцева «Скифия и Боспор». В сжатом виде свои взгляды на этногенез и политическую историю савроматов и сарматов он ещё раз изложил в статье для Кембриджской Энциклопедии, вышедшей в 1936 г. [960]. Савроматов он по-прежнему считал полуиранским племенем, зависимым от скифов, однако допускал, что часть из них (язаматы) к I в.н.э. стала известна уже как сарматы. Отстаивая идею восточного происхождения сарматов, М.И.Ростовцев использовал китайские источники. Он поддержал гипотезу о возможности отождествления племени яньцай с аорсами Страбона и Тацита, а народа А-лань-ляо с аланами [цит. по 960, С.92]. Г.В.Вернадский вернулся к идеям польских учёных XVII в., высказываясь о причастности сарматов к славянскому этногенезу и используя для этого, в частности, созвучие китайского этнонима яньцай (Ан-тсай) позднейшему анты византийских источников [268, С.102]. В целом же, рассматривая этногенз савроматов и сарматов, он придерживался взглядов М.И.Ростовцева [268, С.93–111].

Наиболее интересные разработки в молодой советской сарматологии принадлежат учёным Москвы и Поволжья. Создателем Волжской школы в археологии стал член Московской секции РАИМК, профессор Саратовского университета П.С.Рыков. Исследования 1923 г. в районе г. Покровска дали ему возможность выделить группу памятников I–III вв. н.э., которая, по мнению П.С.Рыкова, возникла в результате передвижения сарматских племён с Кавказа [967, С.18–19]. Материалы могильника у с. Суслы позволили учёному выделить семь типов погребений, отнесённых к двум хронологическим горизонтам (I–II и III–IV вв.). П.С.Рыков предположил, что материалы разных обрядовых групп Сусловского могильника могли принадлежать представителям разных сарматских объединений (алан и аорсов). В этой работе П.С.Рыков повторил высказанную ранее догадку о принадлежности кубанских курганов «Золотого кладбища» сарматам [968, С.23–25]. Весьма плодотворны работы ученика П.С.Рыкова П.Д.Рау. С 1920 г. он проводил раскопки в Республике немцев Поволжья. Курганы им исследовались на снос, отмечались половозрастные характеристики погребённых, определялись породы дерева и жертвенных животных [683]. В работе, посвящённой курганам римского времени на Нижней Волге, П.Д.Рау скорректировал выводы П.С.Рыкова [1343]. Он отказался от выделения племенных групп по данным обряда и выделил в рамках Сусловского могильника и синхронных ему памятников Заволжья две хронологических ступени: Stufe A I–II вв. и Stufe B III–IV вв. [1343, S.69]. Была обоснована преемственность в культуре

обеих ступеней и преемственность культуры Stufe A от культуры местных племён эпохи эллинизма [1343, S.67–68]. Профессионально был проведён анализ керамики, оружия, фибул и зеркал из погребений. Далее П.Д. Рау охарактеризовал материалы Заволжья эпохи позднего эллинизма и обратил внимание на хронологический разрыв между ними и памятниками скифского времени, датированными им V в. до н.э. [941, С.152]. Ряд важных положений был высказан в работе, посвящённой погребениям раннего железного века в низовьях Волги и проблемам хронологии скифских наконечников стрел [1345]. Фактически, П.Д. Рау решил гораздо более широкие задачи. Была разработана четырёхчленная периодизация савромато-сарматских древностей. В ней выделялись комплексы скифского времени (кон. VII–IV до н.э.) [1345, S.35], раннесарматские, ранне- и позднимператорские (III в. до н.э. – IV в.н.э.) [1345, S.5]. Выявлены черты сходства и различия между погребениями Поволжья-Приуралья скифского и сарматского времени и доказано наличие между ними генетической связи. Волжские комплексы скифского времени П.Д. Рау счёл возможным связать с савроматами [1345, S.54, 60], опровергая выводы Б.Н.Гракова об их скифской принадлежности. Волго-уральская группа памятников была разделена на два варианта (Волго-Донской и Самаро-Уральский) по принципу наличия/отсутствия ритуальных каменных столиков [1345, S.40]. Помимо работ фундаментального характера интересны публикации материалов раскопок П.С. Рыковым, П.Д. Рау, Т.М. Минаявой, И.В. Сеницыным и В.В. Гольмстен [см. напр. 967; 969–971; 1025; 1344]. К сожалению, в результате репрессий 1930х гг. единственным представителем данной школы остался И.В. Сеницын, многое сделавший для публикации материалов своих коллег [1026–1027; 1031].

В Москве савромато-сарматскую проблематику разрабатывал Б.Н.Граков. Исследования 1925–26 гг. курганов у с. Блюменфельд, Кано, Харьковка позволили ему сделать вывод о существовании в Заволжье в VI–V вв. культуры Блюменфельда и Покровки, предшествующей сарматской и принадлежавшей скифам. Сарматскими Б.Н.Граков считал памятники типа Прохоровки, впервые описанные М.И.Ростовцевым. По его мнению, носителей скифской культуры VI–V вв. до н.э. типа Блюменфельда и Покровки в IV в. до н.э. вытеснили из Заволжья сарматы, носители культуры типа Прохоровки [350, С.32; 1312]. В результате раскопок в Оренбургской области Б.Н.Граков так же, как и П.Д. Рау, пришёл к выводу о наличии различий между памятниками кочевников скифского времени Самаро-Уральского и Волго-Донского регионов [1313, S.169]. Были намечены в общих чертах границы распространения памятников

типа Блюменфельд и типа Прохоровки [343, С.154–155; 1313, S.25]. Краткая характеристика кочевнических памятников Приуралья скифского, прохоровского и римского времени дана в статье, посвящённой задачам изучения Казахстана [344]. Небольшую выборку сарматских погребений дали новостроечные раскопки середины 1930х годов в Волго-Донском междуречье у хуторов Весёлого, Жирноклеевского, Ляпичева и на р. Карповке [149–150; 900]. В Приуралье сарматские погребения исследовались у дер. Старые Киишки и возле Орска [414; 984].

Большое значение для уточнения хронологии сарматских древностей и уточнения характера контактов сарматских племён имели раскопки в Предкавказье. Уже в 1924 г. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК провела раскопки могильника №1 у ст. Усть-Лабинской [752]. Погребения, помимо вещей местного производства, содержали изделия, характерные для сарматских курганов Stufe A по П.Д. Рау. Далее подобные памятники планомерно выявляли и исследовали профессор КГПИ М.В. Покровский и его ученик Н.В. Анфимов. В течение 1928–1937 гг. ими были открыты и частично исследованы новые подобные могильники и городища, на основе которых была выделена т.н. меотская АК [904, С.37]. Наиболее интересным оказался исследованный в 1931–38 гг. Усть-лабинский могильник №2, давший непрерывную хронологическую колонку погребений с VI в. до н.э. по II в.н.э., причём датировка многих комплексов подкреплялась античным и римским импортом. Материалы из погребений эпохи эллинизма и римского времени находили массу аналогий в сарматском мире [134]. Курганы и грунтовый могильник сарматского времени были исследованы в 1936–37 гг. у г. Моздока [754; 899].

В 1936 г. вышла первая крупная обобщающая работа Г.Ф. Дебеца по краниологии сарматов Заволжья по материалам раскопок П.С. Рыкова и П.Д. Рау. Исследователь пришёл к выводу о принадлежности сарматов к большой европеоидной расе и выделил две группы черепов: мезокранную саратовскую, близкую материалам андроновской АК, и брахикранную астраханскую, сближающуюся с черепами катакомбной АК [390, С.70–80].

Некоторое количество сарматских погребений были исследованы в 1930е гг. на Дунае. В Румынии Н. Морошан в 1939 г. опубликовал краткое сообщение о могильнике у с. Копанка в Бессарабии [415, С.54]. В Венгрии большую работу по исследованию и вводу в научный оборот сарматских древностей провёл М. Пардуц. В 1941 и 1944 гг. вышли две части его свода сарматских памятников Венгрии. А. Алфёльди посвятил одну из работ роксоланам на территории современной Валахии [152, С.280, Сн. 16; 1329–1330].

В годы Великой Отечественной войны небольшие разведочно-охранные раскопки памятников сарматского времени провёл Н.В.Анфимов на Средней Кубани в ст. Ладожской и Казанской (1943–1945 гг.) [1362–1363]. Из теоретических работ интересен доклад Л.А.Мацулевича, сделанный в 1942 г. в блокадном Ленинграде и опубликованный уже после войны [727]. Темой доклада было происхождение алан и критика готской теории. Некоторые его положения, такие как тезис о принадлежности сарматов к яфетическим народам, не выдержали испытания временем. Вместе с тем, весьма плодотворно выглядит гипотеза о бицентризме аланского этногенеза [188].

Вскоре после войны публикуются результаты исследований городищ на северо-восточной периферии сарматского мира. И.В.Синицын частично издал материалы раскопок П.Д.Рау в Нижнем Поволжье [1026–1027]. К.Ф.Смирнов ввёл в научный оборот результаты работ в Южном Приуралье [1076]. Одновременно вышла одна из первых его теоретических работ, в которой делалась попытка выявления памятников роксолан [1075]. Годом ранее были опубликованы основные положения его кандидатской диссертации, посвящённой средне- и позднесарматской АК. При этом среднесарматский этап был отнесён к кон. II–I вв. до н.э. – I в.н.э., а позднесарматский – ко II–IV вв. Основанием для удревнения среднесарматских древностей по сравнению со Stufe A по П.Д.Рау послужили аналогии в могильниках Прикубанья [345].

В конце 1940-х гг. вышли обобщающие работы по савромато-сарматской археологии, антропологии и лингвистике. Б.Н.Граков в статье «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ» (Пережитки матриархата у сарматов) на основе всей совокупности письменных археологических источников сформулировал идею генетической связи савроматов Геродота и сарматов [345]. Он предложил четырёхчленную периодизацию савромато-сарматской археологической культуры VI в. до н.э. – IV в.н.э. [345, С.104–106], которая до сих пор используется большинством исследователей с небольшими изменениями. В рамках единой сарматской культуры выделялись культуры-периоды:

- Савроматская (блюменфельдская) VI–IV вв. до н.э.
- Савромато-сарматская (прохоровская) IV–II вв. до н.э.
- Среднесарматская (сусловская) II в. до н.э. – II в.н.э.
- Позднесарматская (шиповская) II–IV вв. н.э.

Этногенез савромато-сарматов представлялся как постепенная эволюция автохтонных племён Урало-Поволжских степей [345, С.106–121]. Эта посылка, прекрасно вписывавшаяся в постулаты «теории стадильности» и противопоставлявшаяся, прежде всего, взглядам М.И.Ростовцева, не во всём соответствует современным представлениям об этногенезе савроматов и сарматов.

Годом позже из печати вышел капитальный труд Г.Ф.Дебеца, в котором обобщались все палеоантропологические материалы с территории СССР [391]. Два раздела этой работы были посвящены сарматским материалам Приуралья и Нижнего Поволжья [391, С.146–148; 167–171]. К исследованным ранее краниологическим сериям из Нижнего Поволжья были добавлены материалы из раскопок С.И.Руденко, Б.Н.Гракова и Подгаецкого в Приуралье и раскопок 1934 г. на Волго-Донском канале. Подтвердился вывод о наличии в сарматском массиве двух краниологических типов: европеоидного брахикранного «памиро-ферганского» и мезокранного «андроновского». Происхождение первого из них исследователь осторожно связал с носителями катакомбной АК эпохи средней бронзы, второй же, по его мнению, мог появиться в результате передвижений племён эпохи поздней бронзы с территории Казахстана [391, С.169, 171]. Рассматривая материалы скифо-сарматского времени из Моздока, Г.Ф.Дебес писал о сопоставимости их с сарматскими сериями из Приуралья и Поволжья [391, С.175]. При этом отмечалось отсутствие в Поволжье антропологических материалов с финала позднебронзового века по III в. до н.э. В Приуралье были исследованы материалы V–IV вв. до н.э. Таким образом, материалы эпохи переходной от бронзового века к железнному с территории сложения савромато-сарматских племён были неизвестны. Выводы о происхождении последних на основании данных антропологии были гипотетичны. Антрополог в своих выводах оказался не столь связан «теорией стадильности» и антидиффузионистскими установками того времени и допускал возможности перемещения крупных масс населения в древности.

В 1949 г. В.И.Абаев монографически исследовал историю осетинского языка и окончательно доказал ираноязычность скифов и сарматов [72].

Основными итогами данного этапа в изучении савромато-сарматской проблематики можно считать:

- Накопление и широкое использование археологических материалов для реконструкции истории савромато-сарматских племён.
- Разработку типологии массового археологического материала и научной периодизации савромато-сарматских древностей.
- Постановку вопроса об автохтонном эволюционном развитии сарматских племён Поволжья-Приуралья на базе культуры носителей савроматского (блюменфельдского) археологического комплекса.
- Анализ массового антропологического материала из сарматских погребений и выявление его многокомпонентности. Поиски возможных истоков савромато-сарматского этногенеза по краниологическим данным.
- Доказательство ираноязычности савромато-сарматов.

4. «СМИРНОВСКИЙ» ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНОСТЕЙ САВРОМАТОВ И САРМАТОВ (1950–1980-е гг.). СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ В САРМАТОВЕДЕНИИ

Начало данного этапа знаменуется отказом от постулатов «теории стадильности». Значительную роль в исследовании интересующей нас проблематики в это время играли ученики Б.Н.Гракова: К.Ф.Смирнов, М.Г.Мошкова, М.П.Абрамова. В Ленинграде её начали разрабатывать В.П.Шилов, И.П.Засецкая, Л.Я.Маловицкая, Д.А.Мачинский и М.Б.Шукин. На Кавказе крупнейшим специалистом в исследуемой области можно считать Н.В.Анфимова. Под их руководством и влиянием историей и культурой савроматов и сарматов начали заниматься учёные из других научных центров. В их числе – А.С.Скрипкин (Волгоград), А.П.Медведев (Воронеж), В.Е.Максименко (Ростов-на-Дону). В Приуралье наиболее авторитетными специалистами в сарматоведении считались М.Х.Садыкова, А.Х.Пшеничнюк и Б.Ф.Железчиков. На Кавказе – В.Б.Виноградов, Е.П.Алексеева. В изучении сарматской эпохи на Украине наибольших результатов достигла М.И.Вязьмитина и В.А.Костенко, а в Молдавии – Э.А.Рикман и В.И.Гросу.

Период 1950-х-80-х гг. отмечен расширением раскопочной деятельности. В 1950–51 гг. при раскопках Цимлянкой экспедицией курганов у х. Попова впервые в отечественной практике для снятия насыпей использовался скрепер [494; 1126], что резко упростило и ускорило процесс раскопок. В результате если до начала Великой Отечественной войны было известно около 600 савромато-сарматских погребений [1082, С.196], то в 1983 г. только в Задонье – Приуралье их число составило до 3600 [799, С.23]. С самого начала исследуемого периода крупные экспедиции исследовали курганы, содержавшие савромато-сарматские погребения в Приуралье, Заволжье, Задонье, на Украине [292–293; 494; 792; 981–982; 985; 986, С.86–104; 993; 1031; 1033–1034; 1037; 1084–1085; 1126; 1226; 1233]. Несколько позднее началось их исследование в Молдавии [1171–1172]. В Предкавказье крупномасштабные работы начались только в 1970е гг. в связи с расширением зон мелиорации [428; 568; 712], хотя отдельные комплексы исследовались и до этого [271]. Таким образом, расширение

интереса к савромато-сарматской проблематике стимулировалось резким увеличением источниковой базы.

Развитие в послевоенном СССР научных центров привело к расширению географии изучения номадов эпохи раннего железа. Большую роль в координации деятельности специалистов сарматологов сыграла серия конференций, посвящённых скифо-сарматской проблематике. Первой из них была Всесоюзная конференция ИИМК АН СССР по проблемам скифо-сарматской археологии в 1952 г., где наряду с серией докладов по киммерийской и скифской проблематике прозвучали обобщающий доклад К.Ф.Смирнова и доклад М.И.Вязьмитиной, посвящённый сарматам Северного Приазовья [292; 1082]. В 1967 г. состоялась II конференция, на которой сарматской тематике были посвящены доклады Д.С.Раевского, И.С. Каменецкого, В.Б. Виноградова, К.Ф.Смирнова и А.П.Смирнова [920; 1142]. Интересна III конференция, посвящённая исключительно проблемам «звериного стиля». Их анализировали В.Б.Блэк, К.Ф.Смирнов, А.П.Манцевич, Е.К.Максимов и Л.С.Клейн [1047]. Научные форумы, в которых участвовали сильнейшие специалисты в области скифо-сарматской археологии, задавали тон всему направлению. Этому во многом способствовала публикация докладов всех трёх конференций.

Достижения отечественной сарматологии и её текущие задачи были обозначены в программной работе К.Ф.Смирнова, прозвучавшей в 1952 г. на конференции ИИМК АН СССР [1082]. В ней подчёркивалось значение предложенной Б.Н.Граковым периодизации сарматской культуры и работ Г.Ф.Дебеца для изучения этногенеза савроматов и сарматов. Отмечалось формирование единообразной сарматской культуры в Южнорусских степях на среднесарматском этапе. Поднимался вопрос о генетической связи позднейших сарматских памятников с кочевническими древностями эпохи раннего средневековья. Отдельно рассматривались связи сарматских племён с населением Предкавказья и Средней Азии. Уделялось внимание роли сарматов в становлении славянства. Критике были подвергнуты попытки применения «теории стадильности» к изучению сарматской истории. Однако вполне в духе этой теории происхождение савроматов и предков сарматов связывалось со степными культурами эпохи поздней бронзы – срубной и андроновской, несмотря на значительный хронологический разрыв между ними. Интересны попытки выделить памятники крупнейших племенных сарматских объединений, известных по античным источникам «по праву места и времени». Вероятно, гипотезы о наличии ранней государственности у скифов привели исследователя к мысли

о возможности существования таковой и у сарматов Северного Причерноморья. Обращалось внимание на необходимость выявления сарматских древностей в Крыму и к западу от Днепра.

Пытаясь выявить признаки, по которым можно было бы отличить погребения представителей различных сарматских племён, известным по письменным источникам, исследователи чаще всего обращались к конструкции могилы. После того как А.А. Спицын и Ю.В. Готье удачно связали с аланами погребения в катакомбах эпохи средневековья [341; 1117], вплоть до начала 1980х гг. аланскими считались и погребения I–III вв. в подобных могилах. К.Ф. Смирнов, исследуя погребения в катакомбах савроматского и прохоровского периодов, пытался обосновать наличие генетической связи между аланами и аорсами [1092; 1095]. Прототипами сарматских катакомб он считал дромосные могилы савроматской эпохи [1099]. Продолжались попытки доказать принадлежность «диагональных погребений» роксоланам [271; 679]. Кавказоведы погребения в прямоугольных ямах с широтной ориентировкой погребённых связывали с сираками, подбойные могилы – с аорсами, диагональные погребения – с роксоланами, а катакомбы – с аланами [117; 271; 428–429]. Однако от идеи связи конструкции могил с племенной принадлежностью пришлось отказаться. Во многих могильниках и отдельно взятых курганах синхронные савромато-сарматские погребения были совершены в различных погребальных сооружениях. Вместе с тем, никто пока не опроверг положений Моргана, подкреплённых Ф. Энгельсом, о том, что в первобытных обществах держателем собственного кладбища был род [768, С.50–51; 1261]. Также не отменены положения об экзогамии рода и эндогамии племени [768, С.307–310]. Таким образом, в древнем родовом кладбище-могильнике могли быть похоронены только члены одного племени. Уже в 1959 г. В.П. Шилов выступил против отнесения «диагональных погребений» к роксоланам [1226, С.454, 456]. Той же точки зрения придерживался Б.Н. Граков [347, С.239]. Наиболее аргументировано против роксоланской принадлежности таких памятников выступила И.П. Засецкая, связавшая их «по праву места и времени» с аорсами [460]. Скорректировал свою точку зрения и К.Ф. Смирнов. Он предположил, что роксоланы могли хоронить своих покойных в могилах разной конструкции, а собственно-«диагональные» погребения скорее принадлежали элите роксолан и алано-аорсов [1084, С.319; 1094, С.160–161]. Крупномасштабные исследования степных курганов Предкавказья и открытие сарматских погребений в катакомбах II–I вв. до н.э. позволили усомниться в их исключительно аланской принадлежности, так как античные источники

фиксируют алан не ранее I в.н.э. Против однозначно аланской трактовки катакомб сарматского времени выступили М.П.Абрамова, М.Г.Мошкова, В.Б.Виноградов и Я.Б.Березин [81; 84; 273; 799].

В исследовании общественного устройства неоднозначно решался вопрос о роли женщины в савромато-сарматском мире. Многие исследователи разделяли предположение Б.Н.Гракова о наличии в савроматском обществе пережитков матриархата, которые были изжиты к началу позднесарматской эпохи. Пережитками матриархата объяснялись захоронения вооружённых женщин, совместные погребения женщин с детьми. Такое понимание проблемы нашло отражение в монографии К.Ф.Смирнова, посвящённой савроматам, и его публикациях, в которых ограбленные коллективные погребения Приуралья однозначно приписывались знатым женщинам [1084, С.318–319; 1088, С.200–206; 1094, С.154–155; 1097, С.35–38; 1102]. Поддержку этой концепции можно встретить в работах В.Б.Виноградова и И.В.Синицына [271, С.96; 1027, С.27; 1033, С.198]. А.М.Хазанов, ссылаясь на этнографические примеры сосуществования позднематеринского и патриархального рода в эпоху распада родового строя, предположил, что у савроматов существовал материнский род на поздней ступени развития [1189]. Противником гипотезы Б.Н.Гракова выступил В.П.Шилов, считавший совместные погребения женщин с детьми результатом частых эпидемий и отмечавший наличие женских захоронений с оружием в скифской и иных культурах, считающихся патриархальными [1226, С.429]. Открытие савроматского погребения в могильнике Сазонкин Бугор, где вместе со знатым воином была похоронена женщина, позволили И.П.Засецкой и А.Я.Маловицкой усомниться в основных положениях гипотезы Б.Н.Гракова [222]. С критикой идеи наличия у савроматов пережитков матриархата выступил А.П.Смирнов [1073]. Он повторил и усилил аргументацию В.П.Шилова, а кроме того апеллировал к явно патриархальному характеру памятников срубной и андроновской АК, на основе которых, как считалось, сложилась культура савроматов. Таким образом, считать вслед за М.Г.Мошковой [1123, С.161], что после работы А.М.Хазанова полемика по данной проблеме завершилась, вряд ли возможно.

В рассматриваемый период вышла серия фундаментальных работ, посвящённых анализу отдельных ступеней сарматской культуры.

К.Ф.Смирнов всесторонне проанализировал савроматские древности [1088–1089]. Были рассмотрены особенности погребального обряда, проработаны вопросы типологии, относительной и абсолютной хронологии памятников. Исследователь поддержал положение Б.Н.Гракова о выделении

двух вариантов савроматской АК – Волго-Донского и Самаро-Уральского. Первый он связал с собственно савроматами, а второй – с родственными им дахами и массагетами. Именно в рамках Самаро-Уральского варианта вызрела и сформировалась качественно новая раннесарматская (прохоровская) АК. Предполагалось, что этногенез носителей савроматского культурного комплекса связан со срубной и андроновской АК. Первая служила субстратом для формирования Волжского, а вторая – Самаро-Уральского вариантов савроматской АК. Высказывалось предположение о связи савроматов с народом «сайрима», упоминающимся в «Авесте». Развивая идею Б.Н.Гракова о пережитках матриархата у савроматов, К.Ф.Смирнов попытался расширить перечень женских погребений с оружием за счёт новых находок. Однако, как и в работе Б.Н.Гракова, т.н. погребения «амазонок» VI–V вв. до н.э. фактически представляли собой разграбленные коллективные захоронения, а реальные погребения вооружённых женщин относились уже к раннепрохоровской культуре IV в. до н.э. Вполне обоснован был вывод об иранской основе религиозных воззрений савроматов. Экономiku савроматов К.Ф.Смирнов характеризовал как скотоводческую с кочеванием на ограниченной территории (II стадия кочевания по С.А.Плетнёвой [902, С.13]). При этом для отдельных групп допускалось наличие оседло-земледельческой модели хозяйствования.

Древности прохоровской АК рассмотрела М.Г.Мошкова [792; 796]. Она разработала типологию всех категорий материальной культуры из памятников этого этапа, проанализировала погребальный обряд. Был подтверждён вывод К.Ф.Смирнова о том, что первичным очагом этногенеза сарматов были степи Приуралья. Отсюда к кон. IV в. до н.э. сарматы расселились в Заволжье, Задонье, Северное Причерноморье. В формировании новой сарматской общности и прохоровской АК приняли участие носители Самаро-Уральского варианта савроматской АК и лесостепные племена Зауралья (прежде всего носители гороховской АК). Допускалось участие в этом процессе кочевников Средней Азии и Казахстана. Положения об уральской прародине носителей прохоровского культурного комплекса пытался опровергнуть В.П.Шилов, считавший, что в Поволжье прохоровская АК сложилась самостоятельно на основе Волго-Донского варианта савроматской АК [1233].

В 1959 г. вышла обобщающая статья М.П.Абрамовой, посвящённая среднесарматским древностям [73].

Позднесарматская ступень была рассмотрена в работах А.С.Скрипкина. Хронологические рамки позднесарматской АК в Азиатской Сарматии определялись в пределах II–IV вв., причём выделялись три этапа.

На первом (рубеж I–II – третья четв. II вв.) в Заволжье появилось новое население из Средней Азии, подчинившее либо вытеснившее на правый берег Волги местное население (аорсов). Это привело к формированию смешанной общности – «аланорсов» Клавдия Птолемея. На втором (третья четв. II – сер. III вв.) носители позднесарматской АК Заволжья проникли в Волго-Донское междуречье и добрались до Танаиса и Кубани. Третий этап (сер. III–IV вв.) связывался с укреплением в Северном Причерноморье готов, изоляцией сарматов Нижнего Поволжья от западных сородичей, их контактами с уграми и вступлением в итоге в гуннское объединение. В отличие от предшественников А.С.Скрипкин не связывал всю позднесарматскую АК с аланами, считая, что последние появились в Сарматии ещё в среднесарматское время [1051, С.28–30; 1054, С.80–85; 1057, С.80–116].

Другим значимым направлением в изучении савромато-сарматов была разработка проблем региональной истории сарматских племён и их взаимодействия с соседями.

Безусловным лидером в разработке уральской проблематики можно считать К.Ф.Смирнова. В его работах развивались идеи о локальных вариантах сарматской культуры, связях сарматов Приуралья с племенами Кавказа и Средней Азии. При этом значительное внимание уделялось не только античным, но и древнекитайским источникам. Сформулирована гипотеза о принадлежности сарматских древностей Заволжья-Приуралья аорсам [1078]. Предполагалось, что Самаро-Уральский вариант савроматской АК сложился к VI в. до н.э. на основе потомков срубных и андроновских племён эпохи бронзы. Отмечались параллели памятникам этого варианта в исседоно-массагетском мире Приаралья, Казахстана и Западной Сибири, контакты с уграми в IV–II вв. до н.э. Констатировалось своеобразие сарматских древностей Башкирии. Был зафиксирован отлив населения из региона в среднесарматское время. Ставилась задача выявления тюркского элемента в позднесарматском массиве памятников [1091]. Рассматривались связи илекской группы с Ираном и Индией, причём наличие ахеменидского импорта в раннесарматских погребениях Приуралья объяснялось в основном торговыми контактами либо службой сарматов в персидских гарнизонах [976; 1094, С.155]. Контакты племён Приуралья с Персидской империей рассматривали в своих работах также А.А.Иессен и М.Г.Мошкова [493; 799]. К.В.Сальников охарактеризовал памятники Южного Урала эпохи железа в популярной форме [986]. А.Х.Пшеничнюк проанализировал савромато-сарматские древности с территории Башкирии [922]. Комплексы,

считавшиеся переходными от эпохи бронзы к железному веку, исследовал В.А. Коренько. Он предполагал, что в IX–VII вв. до н.э. в Приуралье продолжался бронзовый век, резко сменившейся культурой скифского типа [582]. О невозможности объяснения происхождения культуры ранних кочевников Южного Урала и савроматов Поволжья автохтонной теорией высказывался Б.Ф. Железчиков [438, С.56–57].

Обобщающие работы, посвящённые савромато-сарматским древностям Поволжья, принадлежат в первую очередь К.Ф. Смирнову, В.П. Шилову, А.С. Скрипкину, Б.Ф. Железникову, А.В. Мамонтову и А.В. Лукашову. К.Ф. Смирнов [1084, С.316–322] отметил резкое сокращение населения степей Заволжья в савроматское время и серьёзные отличия в обряде савроматов и их предполагаемых предков, носителей срубной АК. Исследователь отметил также рост населения в регионе в раннесарматское время. Ранне- и среднесарматские памятники Заволжья он считал генетически связанными с савроматскими. Отмечались также новые черты в обряде и материальной культуре, связанные с влиянием прохоровской АК Приуралья и племён Средней Азии. Интересен сюжет об эволюции савромато-сарматского клинкового оружия. Обращалось внимание на материалы, свидетельствовавшие о связях сарматов Заволжья с античным миром и меотами Прикубанья. Позднесарматские погребения были соотнесены с аланами. Появление в позднесарматское время обычая прижизненной деформации черепов и индивидов с монголоидными чертами позволило поставить вопрос о времени первых контактов сарматов с тюрками. В.П. Шилов [1226, С.422–509; 1233, гл. VII–VIII], соглашаясь с некоторыми выводами московских коллег, по ряду принципиальных вопросов разошёлся с ними. Сомнению подвергалась гипотеза Б.Н. Гракова о наличии у сарматов пережитков матриархата [1226, С.430]. Не соглашался В.П. Шилов с возможностью соотнесения «диагональных» погребений с роксоланами [1226, С.454, 456]. Отличия в конструкции могил кубанского «Золотого кладбища» и среднесарматских погребений Заволжья привели учёного к выводу о меотской, а не сарматской принадлежности кубанских курганов [1226, С.547]. Вывод весьма интересный, учитывая, что античные источники, сохранившие этноним «сарматы», связывали его как раз с Прикубаньем [58, XI. II. 1], Доном и Украиной, а о населении Заволжья просто не знали. Критиковалось предположение К.Ф. Смирнова о связи раннесарматских комплексов Южного Приуралья с аорсами. Был сделан вывод о параллельном формировании прохоровской АК в Приуралье и Поволжье [1233, С.129–134]. Анализ богатых средне- и позднесарматских погребений, содержащих позднелатенский

и римский импорт, позволил сделать заключение о различных путях его проникновения в Сарматию. Ряд положений В.П. Шилова был оспорен в рецензии К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой [813, С.266–273]. Позднее против гипотезы В.П. Шилова о бицентризме генезиса прохоровской АК выступил А.В. Лукашов [658]. Большое значение для изучения сарматов Поволжья имели работы А.С. Скрипкина. Им были рассмотрены вопросы типологии некоторых категорий погребального инвентаря [1050–1052]. По его мнению, в III–II вв. до н.э. сарматы начали расселяться на запад из степей Южного Приуралья. Причиной этого могло быть изменение экологической обстановки. С этого времени в Поволжье формируется ряд крупных сарматских объединений, известных по более поздним античным источникам. Картина расселения сарматских племён, зафиксированная Страбоном, могла сложиться уже в кон. IV – нач. III вв. до н.э. Предки алан могли располагаться в Приаралье или в Восточном Прикаспии, а роксоланы в бассейне Еруслана и в Саратовском Заволжье. Было отмечено несоответствие свидетельств о появлении алан – выходцев с Востока в европейских степях (вторая пол. I в.) со временем распространения позднесарматской АК с её выраженными среднеазиатскими новациями в обряде и материальной культуре [1058]. В.И. Мамонтов анализировал комплексы переходного периода от бронзового века к железнному и предположил, что они не имеют прямого отношения к историческим савроматам, предки которых, по его мнению, пришли в Поволжье в кон. VII в. до н.э. [685; 687]. Против этого предположения выступили В.В. Дворниченко и В.А. Коренько. Они отметили спорность критериев, принятых А.В. Мамонтовым для выделения комплексов «предсавроматского» времени, отметили некоторые элементы материальной культуры савроматов в памятниках Поволжья и Задонья IX–VII вв. до н.э. и связали эти памятники с предками исторических савроматов [381, С.60–63; 383, С.152; 582, С.69; 584, С.56–57, 60–61]. Вместе с тем, А.Н. Мелентьев высказался о возможности проникновения в Астраханское Заволжье населения, связанного с карасукской АК [742, С.43].

Открытие серии «княжеских» погребений в низовьях Дона послужило поводом для их анализа в работах С.И. Капошиной [528–531]. Материалы савроматского и раннесарматского этапов с Нижнего Дона стали темой исследования В.Е. Максименко [672]. Он постарался с максимальной полнотой ввести в научный оборот материалы новостроечных экспедиций, обобщил информацию о погребальном обряде, разработал типологию материала, рассмотрел вопросы его абсолютной хронологии и сделал ряд выводов исторического характера. По его мнению,

в кон. VII–III вв. до н.э. основным населением Нижнего Дона были савроматские племена, сменившие смешанное киммерийско-скифское население и племена кобьяковской АК. В.Е. Максименко считал, что уже на заре своей истории савроматы частично занимали и донское правобережье. Для обоснования этого была принята идея Б.А. Рыбакова о тождестве древнего Танаиса и Северского Донца. Население донской дельты V–III вв. до н.э. В.Е. Максименко связывал с язаматами античных источников, хотя отмечал дискуссионность такой атрибуции [672, С.122–123]. По его мнению, в IV в. до н.э. на правобережье Дона появилась первая волна сарматов – сирматы, что сказалось на облике погребений и материальной культуре местного савроматского населения. В кон. III–II вв. до н.э. на Дон переместилась новая волна сарматов – носителей прохоровской АК, стремившихся в Скифию. В жизни региона началась новая сарматская эпоха. В.П. Шилов специально рассмотрел источники, связанные с аорсами, и высказался в пользу аорсской принадлежности богатых сарматских погребений III в. до н.э. – I в.н.э. с Есауловского Аксяя и Запорожского кургана в Приднепровье [1235; С.44–46]. Пытаясь локализовать племена Предкавказья, перечисленные Страбоном, В.П. Шилов принял точку зрения об отождествлении р. Ахардей с Манычем и гипотезу о присутствии сираков на Кубани уже в IV в. до н.э. [1235; С.41–43]. Б.А. Раев исследовал «княжеские» погребения Нижнего Дона, содержавшие римскую импортную посуду. Исследованный массив он отнёс к I – нач. II вв. н.э. и атрибутировал как раннеаланский. По мнению исследователя, аланы были потомками выходцев с Алтая [930; 932; 1341].

Значительная серия работ была связана с кавказской проблематикой. Н.В. Анфимов в 1951 г. опубликовал обобщающую работу о меотском могильнике №2 у ст. Усть-Лабинской [134]. В ней на примере крупного памятника (свыше 200 комплексов) была проиллюстрирована периодизация всей меотской АК, рассмотрены взаимоотношения меотов с номадами, особенно, с сарматами, и их отражение в археологическом материале. Независимая периодизация меотских древностей, опиравшаяся на датировки античной керамики и монет, в дальнейшем использовалась для уточнения сарматской хронологии. Н.В. Анфимов отнёс начало проникновения сарматов в Прикубанье к III–II вв. до н.э. Эта инвазия сказалась на материальной культуре и погребальной обрядности местного населения. В I в. до н.э. сарматизация меотов усилилась. Ко II в.н.э. было отнесено прекращение функционирования курганных могильников, для которых Н.В. Анфимов допускал сиракскую принадлежность, а позднейшие сарматские памятники в регионе он датировал

концом III в. Он выступил против гипотезы о сиракской принадлежности курганов Восточного Закубанья, считая их памятниками местного населения. Курганы «Золотого кладбища» на Средней Кубани он считал сиракскими либо меотскими [135–136; 138; 140–142]. Для работ Н.В. Анфимова характерно прогрессирующее преувеличение роли автохтонного населения в истории региона и попытки отнесения всех кубанских памятников сарматской эпохи к меотам. К.Ф. Смирнов анализировал результаты исследований в Дагестане и Прикубанье [1077; 1080]. Древности Дагестана он считал памятником местного сарматизированного населения, возможно – утидорсов Птолемея. Сарматским по происхождению он назвал население, оставившее Пашковский могильник №1 [1077, С.118, 125]. На Средней Кубани присутствие сарматов, по его мнению, фиксировалось уже с IV в. до н.э., а со II в. до н.э., вероятно, происходило смешение степняков и оседлого меотского населения [1080, С.13–14]. Высказывалась гипотеза об аланской принадлежности погребений в подкурганных катакомбах Средней Кубани, и сиракской – подкурганных погребений в ямах с широтной ориентировкой погребённых [1080, С.8, 18]. Алан К.Ф. Смирнов считал сарматами, выходцами из Заволжья, а сираков – потомками савроматов Геродота [1080, С.18]. Идеи Н.В. Анфимова и особенно К.Ф. Смирнова нашли развитие в исследованиях В.Б. Виноградова и Е.П. Алексеевой [117; 271]. В.Б. Виноградов наряду с археологическим материалом весьма активно использовал средневековые грузинские и армянские летописи, а Е.П. Алексеева обратила внимание на китайские хроники и анализ аланской проблемы в зарубежном антиковедении. Делались попытки выявить памятники разных сарматских племён по конструкции могил. В научной литературе закрепились достаточно дискуссионные положения о соотношении р. Ахардей и Мермод, упомянутых Страбоном, с Манычем и Терекон; извечной вражде сираков и аорсов; соотношении первых с потомками савроматов, а вторых – с носителями прохоровской АК; гипотеза о захвате аланами господства в регионе после войны 49 г. Часть из них с вариациями перешла в более поздние работы А.М. Ждановского, И.И. Марченко, С.А. Яценко [426, С.44; 429; 715; 716; 1288]. В.Б. Виноградов выступил против точки зрения И.С. Каменецкого на этническую принадлежность язаматов. Он считал язаматов савроматами в отличие от своего оппонента, включавшего их в число меотских племён [272; 514].

С некоторыми из положений В.Б. Виноградова, К.Ф. Смирнова и Н.В. Анфимова полемизировали И.С. Каменецкий и Ю.М. Десятчиков. И.С. Каменецкий обратил внимание на то, что сведения о р. Ахардей,

на которой расселялись сираки, могут быть применимы только к Кубани [513, С.61–62, 122]. Он выступил против использования западной ориентировки погребённых как критерия выделения сиракских погребений и локализации сираков на Маныче, Тереке и Средней Кубани, соглашаясь лишь с возможностью сиракской принадлежности подкурганных погребений Восточного Закубанья [513, С.199–204]. Ю.М.Десятчиков считал сираков носителями прохоровского культурного комплекса, выходцами из Приуралья. По его мнению, сираки появились в Прикубанье и на Тамани уже в кон. IV–III вв. до н.э., обойдя Каспийское море с востока и прорвавшись через Закавказье на север [406, С.8–11; 407, С.65–69]. Процесс сарматизации Боспора, по его представлению, начался уже с IV–III вв. до н.э., причём прослеживались три волны мигрантов-сарматов [405; 406, С.5–6]. Для обоснования раннего присутствия сираков по соседству с Боспором было использовано предположение К. Мюллера об их участии в междоусобной войне 310 г. до н.э. под руководством вождя Арифарна [408, С.46–47]. Ю.М.Десятчиков поддержал точку зрения И.С.Каменецкого об отождествлении Ахардея с Кубанью [407, С.85–86]. Считая сираков прослойкой землевладельцев-дружинников, эксплуатировавших оседлое население Прикубанья, он поставил вопрос о наличии у них государственности [406, С.13].

Археологические работы 1970х–80х гг. в зонах орошения и мелиорации на Кубани дали значительную выборку сарматских погребений, которые единодушно связывались с сираками [132; 143; 429; 434; 490; 492; 518; 520–521; 568; 712; 715; 1056]. Обобщение накопленного материала было проведено А.М.Ждановским и И.И.Марченко [429; 715]. Для обоснования этнокультурной принадлежности подкурганных погребений Средней и Нижней Кубани ими были предприняты попытки многомерного и статистического анализа погребальных памятников [429; 434; 715]. Впрочем, несмотря на использование нового материала и новых методов, исследователи повторили уже высказанные К.Ф.Смирновым, В.Б.Виноградовым и В.А.Кузнецовым предположения о выделении сираков из савроматского союза и отнесении к ним погребений в ямах с западной ориентировкой, об аланской принадлежности катакомб первых веков н.э. со Средней Кубани. Правда, некоторая растерянность возникла в атрибуции подкурганных погребений в катакомбах и подбоях эпохи эллинизма. Анализ древностей сарматского времени из Кабардино-Балкарии проведён в работах Б.М.Керефова [541–542]. Он отмечал значение экологического разнообразия региона для понимания протекавших на его территории этнический процессов [542, С.88–89]. Проникновение ираноязычного

населения в горные районы исследователь отнёс ко II–III вв. и связал с ними грунтовые подбойно-катакомбные могильники. При попытке этнической атрибуции памятников Б.М. Керефов вновь использовал в качестве индикатора этнической принадлежности конструкцию могилы. В результате в Чегемском кургане-кладбище, по его мнению, были похоронены и представители местного населения в ямах и сарматы – аорсы в подбоях и катакомбах [541, С.220–225; 542, С.103]. Распространение погребений в катакомбах на Центральном Кавказе Б.М. Керефов сначала осторожно, а затем всё более настойчиво связывал с миграцией из Средней Азии племён дахо-массагетского круга и, в частности, тохаров [541, С.226; 542, С.119–138]. Именно с тохарами исследователь связывал генезис осетин-дигорцев [542, С.134–138]. Так как эта гипотеза до сих пор весьма популярна, напомним, что еще в 1948 г. С.П. Толстов писал о резком отличии языка тохаров, известного по документам из Восточного Туркестана, от всех остальных иранских языков (в том числе и осетинского) [1146, С.137–139]. По своим фонетическим особенностям тохарский язык входит в т.н. группу «кентум» вместе с западно-индоевропейскими (кельтским, фрако-фригийскими, итальянскими и греческими) и хеттским языками, в то время как все восточные индоевропейские языки и в том числе иранские относятся к группе «сатем» [1146, С.137]. До объяснения данного феномена тохаров можно убрать из списка вероятных предков алан или, по крайней мере, переместить их на последнее место.

В целом в исследуемый период аланская проблема пользовалась постоянным вниманием. Можно отметить два основных направления в её решении. Представители первого, миграционного, к которому можно отнести Л.Г. Нечаеву, В.А. Кузнецова, А.М. Ждановского и др., считали алан пришлым на Кавказе ираноязычным массивом, в сложении которого большую роль сыграли выходцы из Средней Азии. С аланами традиционно связывались погребения сарматского времени в катакомбах [426–429; 434; 616–617; 835–836]. М.П. Абрамова считала, что решающую роль в этногенезе алан играли автохтонные племена Предкавказья и не считала захоронения в катакомбах универсальным критерием аланской принадлежности. Последнее можно считать развитием идей Н.В. Анфимова, связывавшего катакомбы сарматского времени из Прикубанья с меотами [81–82; 84, С.68; 133; 139, С.89; 144, С.220–221].

Дискуссия по аланской проблеме дала полезные результаты, к которым можно отнести выработку определения понятия «катакомба» и выявление параллелей в погребальных памятниках и материальной культуре Кавказа и Средней Азии сарматского времени [835–836]. Логично

выглядят положения о наличии обряда погребения в катакомбах в сарматское время не только у алан и появлении таких погребений в Предкавказье задолго до того, как аланы появились в регионе по данным письменных источников. Нельзя не согласиться с утверждением о слабой распространённости погребений в катакомбах в сарматской среде [81; 83; 84, С.68]. Однако ряд высказанных положений выглядит весьма дискуссионно. Таковы гипотезы о принадлежности подбойных погребений римского времени гуннам [ср. 464 и 836, С.157], локализации исходного района аланского набега 72 г. в Предкавказье [ср. 196 и 618]. Некорректными можно считать попытки проследить на Кавказе непрерывный эволюционный ряд погребений в катакомбах от эпохи бронзы до римского времени и доказать отсутствие алан в регионе до эпохи средневековья на основе письменных источников [82–83]. Столь же некорректным выглядит замалчивание материалов новостроечных экспедиций в Предкавказье при попытке обоснования автохтонного происхождения обряда погребения в катакомбе [87, ср. 248; 273; 305–308; 313; 404; 490–491; 522–523; 526; 581; 757, С.95–96; 897; 1111, С.120; 1141]. Внешне логично, но также спорно выглядит мнение о связи с аланами страны Алань-на (Аланьяля) китайских источников. Древнекитайская топонимика резко отличается от античной: страну, известную в Риме и Греции как Парфия, китайцы называли Аньси, Бактрию – Дася, Хорезм – Канцзюй, Индию – Шэньду, Рим – Дацинь [246, С.22]. Созвучие Алань-на (Аланьяля) этнониму аланы на этом фоне массовых несоответствий китайской и европейской фонетики выглядит странно. Исходя из законов развития языка, следует признать, либо что под китайским названием Алань-на скрывается название, не имеющее ничего общего с этнонимом «аланы» в греко-римском понимании, либо что название «аланы», известное нам по античным источникам, имеет китайское происхождение. О.И. Сатеев, обратившись к аланской проблеме, предположил, что изначально аланами называлась определённая прослойка сарматского общества и предлагал выделять аланскую стадию в развитии сарматов [992]. Позднее подобные допущения делал М.Б. Щукин [1251; 1255]. Такой подход к происхождению группы, изначально определявшейся в письменных источниках как особый этнос, в чём-то выглядит возвратом к положениям «теории стадильности», предполагавшим изменение этнокультурной принадлежности в зависимости от уровня социального развития той или иной группы.

С 1950х гг. выходили работы, посвящённые памятникам Европейской Сарматии. Первыми были статьи М.И. Вязьмитиной, посвящённые памятникам в долинах р. Молочной и Базавлука [292–293]. М.П. Абрамова

в комплексе рассмотрела итоги раскопок сарматских памятников Дона и Украины, выделила ряд локальных групп и сравнила донские и украинские материалы с поволжскими. Позднее вышла её работа о взаимоотношениях местного населения Поднепровья с сарматскими племенами [75].

Д.А.Мачинский обратился к анализу письменных свидетельств по этногеографии Северного Причерноморья в VII в. до н.э. – I в.н.э. [728–729]. По его мнению, массированное вторжение сарматов на левобережную Украину началось в кон. IV в. до н.э., а уже в III в. до н.э. они появились к западу от Днепра. Сарматы рассматривались как основное население Северного Приазовья в III – нач. II вв. до н.э. [728, С.46–54]. Высказывалось предположение о складывании этнокарты Страбона к кон. II в. до н.э. Особое внимание уделялось роксоланам и аланам. Их Д.А.Мачинский выделял из общей массы сарматских племён и считал выходцами с востока из среды массагетов [729, С.124–127]. Роксоланскими исследователем предложен считать памятники Северного Приазовья второй пол. II в. до н.э. Предполагалось, что во второй пол. I в. до н.э. роксоланы были вытеснены на запад аорсами-амаксобиями, выходцами из Заволжья. К.Ф.Смирнов рассмотрел начальный этап освоения сарматами Скифии на археологическом материале [1090; 1101; 1103]. Он считал, что савроматы и сарматы достаточно рано начали просачиваться на земли к западу от Танаиса, связывая с этим серию отдельных впускных погребений и случайных находок VI–IV вв. до н.э. [1090, С.191–192; 1103, С.20–36]. В IV в. до н.э., по его мнению, к западу от Танаиса обособились сирматы, «западные савроматы на поздней ступени их развития» [1103, С.37–40]. С ними исследователь связал серию своеобразных погребений на правом берегу Дона. Он предполагал, что уже в IV в. до н.э. отдельные группы ранних сарматов могли углубляться в Скифию вплоть до днепровского правобережья. Начало массового вторжения сарматов в Скифию К.Ф.Смирнов относил к кон. III в. до н.э. Основанием для этого ему служили упоминания о враждебности савроматов скифам в античной художественной литературе и ольвийский декрет в честь Протогена, а археологическим подкреплением гипотезы служила серия комплексов, датированных, по мнению исследователя, III–I вв. до н.э. [1103, С.66–111]. Интересен раздел о сарматских миграциях. В нём савроматское объединение представлено как явление и автохтонное, и миграционное. Предполагалось, что предки савроматов участвовали в азиатских походах скифов. Племенные союзы сарматского времени рассматривались как наследники волго-донских савроматов с одной стороны и ранних кочевников Южного Урала и, возможно, Приаралья – с другой.

Массовые миграции в IV–III вв. до н.э. в Предкавказье и Скифию рассматривались как результат усиления сарматских племён и часть единого процесса, охватившего в III–II вв. до н.э. племена Азиатских степей. С результатом сарматских миграций связывалось появление памятников типа Лявандакского могильника. Предполагалось участие сарматских отрядов в уничтожении Греко-Бактрии [1103, С.115–117]. По версии исследователя, начало проникновения савроматов и сарматов на запад было мирным, однако активизация их расселения привела к конфликту. Основной причиной сарматских миграций К.Ф.Смирнов считал тягу родоплеменной верхушки «к обогащению путём торговли и обмена, получения дани и подарков» [1103, С.118], провоцировавшую завоевания. Наиболее крупный этап вторжения сарматов на запад с кон III в. до н.э. связывался с переселением язигов, роксолан и аорсов и установлением в регионе их политической гегемонии. К её проявлениям были отнесены действия сайев против Ольвии, упоминания о «царице» Амаге, «царе» Гатале и «царских» язигах. Общественное устройство сарматов-завоевателей оценивалось как последняя стадия разложения родоплеменного строя. К.Ф.Смирнов полемизировал с В.П.Шиловым, отстаивая идею об уральском происхождении прохоровской АК. В отличие от В.Е.Максименко он считал, что сирматы не были только потомками савроматов Геродота, но включили в свой состав выходцев из Приуралья [1103, С.117]. Не соглашался он с Д.А.Мачинским, отделявшим роксолан и алан от сарматского племенного массива [1103, С.121]. Ряд положений работы вызвал сомнения уже на стадии её редакции [801, С.5–6; 1103, Прим. редактора]. Многие другие остаются дискуссионными по сей день.

В.П.Шилов, анализируя материалы Запорожского кургана, рассмотрел проблему присутствия аорсов на Украине [1236].

Сарматские древности междуречья Орели и Самары были проанализированы В.И.Костенко [597]. Им были рассмотрены 193 комплекса, уточнена их абсолютная хронология и исследованы особенности обряда. Выводов исторического характера автор пособия не приводил. Другая его работа была посвящена Усть-Каменскому могильнику в Нижнем Поднепровье. Кратко рассмотрев датировку и особенности обряда, В.И.Костенко отнёс памятник к I–II вв. и связал его закладку с появлением в Поднепровье аорсов. Прекращение существования могильника связывалось с победой Котиса II над скифами в 123 г. и дальнейшим продвижением сарматов на запад [598, С.94–96].

Г.Б.Фёдоров и Э.А.Рикман исследовали сарматские древности междуречья Дуная и Днестра [943–944; 1171–1172]. Ими были обобщены

материалы раскопок советских и румынских археологов. Отмечались черты сходства с синхронными сарматскими древностями из более восточных регионов и местные особенности. Обращалось внимание на тесную связь сарматских памятников, находящихся к западу от Днепра, с черняховской АК, особенно наглядно проиллюстрированную на примере могильника Боканы. Анализ погребального инвентаря позволил отнести самые ранние комплексы из Дунайско-Днестровского междуречья к I в до н.э., а самые поздние к кон. IV – V вв. [944, С.72, 83]. Рассматривалось взаимодействие западных сарматов с карпами Подунавья и германцами. Делались попытки выделения памятников отдельных сарматских племён Подунавья, однако критерии для этого выбирались произвольно (форма могильной ямы, наличие мела в погребениях). Интересным было предположение Г.Б.Фёдорова о наличии сарматского компонента в полиэтнической черняховской АК. По его мнению, именно сарматским влиянием можно было объяснить сочетание кремаций и ингумаций в черняховских могильниках [1170]. Позднее сарматскую проблематику для данного региона исследовали В.В.Гросу и А. Н. Дзиговский [352; 410]. В.В.Гросу остановился на проблеме периодизации сарматских древностей, работа же А.Н.Дзиговского была посвящена анализу погребальных памятников степей Северо-Западного Причерноморья. В последней работе отмечалось сходство степных памятников Молдавии и сарматских древностей Заволжья, констатировалось значительное влияние на облик их материальной культуры позднеантичных традиций, начало заселения региона сарматами было отнесено к I в. и связывалось с тирагетами Птолемея [410, С.90–91].

С устоявшимися мнениями резко диссонировали работы С.В.Полина [906–907]. Исследователь выступил против устоявшейся датировки древностей прохоровской АК. Он предположил, что сарматское вторжение на Украину относится ко времени не ранее II в. до н.э. Причиной запустения Скифии в III в. до н.э. он считал катастрофическую засуху.

Деятельность сарматских племён на Украине, в Крыму, Подунавье, Предкавказье и более восточных районах неоднократно рассматривалась М.Б.Шукиным в связи с анализом проблемы происхождения славян [1247–1252; 1348–1349]. Можно отметить гипотезы о значительной роли сарматов в уничтожении зарубинецкой АК в I в. и городищ Нижнего Днепра в нач. II в. [1247, С.63–67; 1248, С.52]. Плодотворным оказалось предположение о связи монетного чекана Фарзоя и Инисмея в Ольвии с переходом последней под контроль сарматов [1250]. Находки фибул типа «Алезия» на Украине и в Предкавказье были связаны с результатами первых

рейдов сарматов в Паннонию и неудач римлян в Закавказье в 46 и 36 гг. до н.э. [1252, С.66, 68]. Детальной проработке на широком историко-археологическом фоне были подвергнуты перемещения сарматов в Европе в кон. I в. до н.э. – I в.н.э. и отмечена их роль в этногенезе славян [1251, С.74]. При этом отмечалось, что волна сарматского прессинга на запад могла зародиться далеко на востоке в степях Предкавказья или даже в Закаспии [1251, С.77–79]. Эти наблюдения были использованы в монографическом исследовании, посвящённом событиям в Восточной и Центральной Европе в раннем железном веке, которые привели к появлению славян [1348–1349]. Выводы М.Б. Щукина относительно времени появления сарматов в Среднем Поднепровье и характера их контактов с носителями зарубинецкой АК оспаривал А.В. Симоненко [1010].

В этот период значительное внимание обращалось на древности Средней Азии, где появлялось всё больше свидетельств сарматского присутствия либо тесных контактов с сарматами. О.А. Вишневская и М.А. Итина, рассматривая результаты раскопок Тагискена и Уйгарака, пришли к заключению о наличии общих генетических корней у саков Приаралья и савроматов Южного Приуралья [280]. Анализ материалов из Бухарского Согда, и прежде всего – могильников Лявандак и Кую Мазар позволил О.В. Обельченко поставить вопрос о пребывании сарматских племён в средней Азии. Он отмечал резкие отличия материалов из Бухарского оазиса II в. до н.э. – IV в.н.э. от синхронных памятников Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая и сходство первых с материалами из сарматских могильников Поволжья и Приуралья [862–863; 864, С.169–176; 865; 866, С.123]. И. Кожомбердиев отмечал связи с сарматами могильников у ст. Вревская и арыке Джун на основании сходства материальной культуры и физического типа погребённых [567, С.74–75]. На Устюрте сарматские древности выделял В.Н. Ягодин [1285]. Исследование ранней группы погребений могильника Туз-Гыр в Присаракамышской дельте Амударьи позволило С.А. Трудновской сделать вывод о сходстве набора погребального инвентаря этого памятника с раннесарматским [1153, С.110]. В дальнейшем идея сарматской инвазии на Восток была развита А.С. Скрипкиным [1055, С.49]. Другие специалисты по археологии Средней Азии отнеслись к этой гипотезе более сдержанно. Памятниками парнов-даев, не утративших связей с сарматами Северного Казахстана и Приуралья считал курганные могильники предгорьев Копет-Дага А.А. Марущенко [711]. А.М. Мандельштам связал исследованные им могильники Северной Бактрии с «восточными сарматами», разрушившими Греко-Бактрийское царство [704, С.138–141]. Его стараниями был

введён в научный оборот значительный объём материала из Северной Бактрии [653; 702–703]. В.А. Лоховиц и А.М. Хазанов допускали наличие сарматского компонента в среде населения, оставившего в I в. до н.э. – II в.н.э. могильники Туз-Гыр и Тумек-Кичиджик, не связывая эти памятники однозначно с сарматами [657, С.129; 1191, С.146–147]. Исследования Х. Юсупова позволили выявить параллели материальной культуре номадов Узбоя в сарматских памятниках IV в. до н.э. – II в.н.э. [1268, С.131; 1269, С.15, 24–25; 1270, С.138; 1271, С.61; 1272, С.65, 69, 76, 79, 89, 101, 114–116, 126, 208]. При этом сами памятники Узбоя автор раскопок связывал с массагетами или дахами-массагетами [1271, С.52; 1272, С.208].

Продолжалось исследование сарматской проблематики за пределами СССР и прежде всего в Румынии и Венгрии. Уже в кон. 1950х г. С. Моринц попытался охарактеризовать памятники роксолан на территории Румынии. Он считал, что сарматы здесь появились до появления памятников черняховской АК [784, С.470–471]. Г. Диакону также разграничил сарматские и черняховские древности. По его мнению, сарматские памятники появились на территории Румынии раньше черняховских, но в дальнейшем сосуществовали с ними [1302–1304]. В начале 1970х гг. серию обобщающих работ выпустил Г. Бикир. Он обратился и к аналогиям из Прутско-Днестровского междуречья, занимаясь проблемами типологии и хронологии памятников, связывая их с роксоланами [1296–1298]. Эти работы подверглись критике со стороны Э.А. Рикмана [945, С.11]. Резюме выводов румынских сарматологов приведено в обобщающей работе Г.Б. Фёдорова и Л.А. Полевого, вышедшей в 1973 г. [1174, С.260–263]. Из него следует, что первым сарматским племенем на территории Румынии были язиги, проникшие в начале нашей эры на равнины Баната и Кришаны с запада – из Венгрии. Здесь они уже с III в. смешивались с местным населением и к IV в. их культура не прослеживается. В восточных областях Румынии появление язигов местные археологи отнесли ко II в.н.э. Исчезновение сарматских памятников в регионе было отнесено к кон. III–нач. IV вв. и связано с распространением черняховской АК. В Венгрии в начале рассматриваемого этапа анализом сарматских древностей продолжал заниматься М. Пардуц. Им был введён в научный оборот значительный объём материала, разрабатывались проблемы типологии, периодизации и хронологии сарматских древностей, сделан ряд выводов исторического характера [1331–1334]. Проблема хронологии сарматских древностей Алфёльда поднималась в работах А. Мочи [786; 1324–1325]. В результате сарматскую эпоху в междуречье Дуная и Тисы венгерские археологи разделили на три периода: ранний (20–160 гг.),

средний (161–260 гг.) и поздний (261–430 гг.) [152, С.280]. Проблемы истории и языка сарматов анализировались в работах академика Я. Харматты [667]. Результаты исследований венгерских сарматоведов для советских читателей были обобщены И. Эрдели во втором томе «Археологии Венгрии» [152, С.279–290]. Итак, по мнению венгерских исследователей, сарматы язиги проникли в Алфёльд по долине Дуная в обход Карпат уже в 20–30е гг. I в.н.э. Причиной появления первой волны сарматов в междуречье Тисы и Дуная Я. Харматта считал передвижения азиатских кочевников, начавшиеся в 130–125 гг. до н.э. Одним из результатов этого движения, по его мнению, было появление некоей сарматской империи между Доном и Дунаем [667, С.88]. В 260е гг. на лимесе появились «родственные сарматам племена роксоланов». В IV в. к ним присоединились аланы. В начальный период сарматы терпели поражения от римлян и даков. К нач. II в. они сами угрожали римским владениям вплоть до правления Марка Аврелия. В первой четв. IV в. сарматам начали угрожать готы. Далее сарматы были ослаблены восстанием на территории Баната. После поражения от Рима в 385 г. сарматы Алфёльда служили в римской армии, а в нач. V в. бежали на юг и на запад в Империю. М. Пардуц пытался выделить сармато-аланские черты в массиве памятников гуннской эпохи. Индикаторами сармато-аланской принадлежности считались наличие индивидов с искусственно деформированными черепами, подбойных и сидячих погребений [1332, S.386, 389–391].

В кон. 1960х-80е гг. появилась серия работ, посвящённых сармато-аланскому присутствию в Центральной и Западной Европе. Они основывались в основном на данных письменных источников, топонимики и антропологии. Использован в них и археологический материал, который, впрочем, крайне сложно однозначно связывать с сарматами или аланами. К числу таких исследований относятся работы Р.Бориуса, Э.Фурниэль, Д.Жалмэна, М.Роблин, Дж.Мира, Р.Бориуса, Л.Бюшэ, Е.Лидса, Р.Пирлинга, М.Казанского и др. [562]. Наибольший интерес представляет монографическое исследование Б.Бахраха, посвящённое истории алан на Западе [1294]. Методологической основой этой работы являются идеи М.И.Ростовцева и Г.В.Вернадского. В трёх частях своего труда Б.Бахрах последовательно попытался рассмотреть историю алан в степях Восточной Европы, их западный анабазис и ассимиляцию той части алан, которая осталась в Галлии. В основном им использовались данные письменных источников, языкознания и топонимики. Безусловным достижением зарубежного сарматоведения можно считать труд Т.Сулимирского, который до сего дня является единственным

обобщающим исследованием по археологии и истории савроматов и сарматов от момента их появления до исчезновения от глубин Азии до Западной Европы [1356]. Эта работа основана на анализе работ русских, советских, румынских и венгерских археологов, а также исследований иранистов Западной Европы. Используя в основном опубликованные материалы раскопок и письменные источники, Т. Сулимирский дал ёмкую, хотя и достаточно лаконичную характеристику древностей, связывавшихся с самими савроматами и сарматами, а также с их соседями. Им реконструировалась цепочка переселений и конфликтов варварских племён, происходивших, по его мнению, от Восточного Казахстана до Западной Европы в 500 г. до н.э. – 500 г. н.э. В работе большое внимание уделялось передвижениям тохаров и особенно аорсов и алан. Часть последних, по мнению польского учёного, уже в III в.н.э. была известна под именем антов, тогда же попала в Польшу...и приняла участие в этногенезе современных поляков [1356, Р. 13–14]. Этот вывод, явно диссоциирующий с основным содержанием интересной в целом работы, явно восходит к «трудам» начального этапа сарматоведения. В целом же монография Т. Сулимирского «The Sarmatians» остаётся одним из немногих исследований по савромато-сарматской археологии и истории в полном объёме. Одновременно с ней вышла из печати работа Я. Харматты, также посвящённая истории сарматов [1317]. В ней уделяется большое внимание пребыванию сарматов в Паннонии и сарматскому языку.

Важным фактором в анализе материалов по савромато-сарматской проблематике стала публикация серии работ, посвящённых типологии археологических находок. К.Ф.Смирнов, В.Г.Петренко и М.Г.Мошкова предложили типологию материалов савроматской и прохоровской АК [792; 1104]. Вооружение и, частично, конская упряжь были проанализированы К.Ф.Смирновым, М.Г.Мошковой, А.М.Хазановым, М.П.Абрамовой, А.В.Симоненко и А.М.Ждановским [76; 431; 791; 1011; 1086–1190]. Удачная схема типологии сарматских зеркал была предложена А.М.Хазановым [1188] и уточнена М.П.Абрамовой, В.В.Виноградовым и В.А.Петренко [77; 274]. К.Ф.Смирнов и Е.Ф.Чежина занимались сложной проблемой классификации изделий в «зверином» стиле [1096–1201]. Большое значение для сарматологии имела публикация свода А.К.Амброза, посвящённого типологии фибул, В.В.Кропоткина, анализировавшего римский импорт, Е.М.Алексеевой по античным бусам и монографий И.Б.Зеест и И.Б.Брашинского, исследовавших амфорную тару [112; 114–115; 120; 251–252; 472; 611]. Находки римской металлической посуды в сарматских памятниках анализировались в статье Д.Б.Шелова и капитальной

работе Б.А. Раева [1222; 1341]. А.С.Скрипкин рассмотрел находки фибул из сарматских погребений Поволжья [1052]. Специальное исследование было посвящено каменным алтарикам из Приуралья [508].

Широкомасштабные новостроечные раскопки позволили ввести в научный оборот значительный объём нового материала. С самого начала исследуемого периода крупные экспедиции исследовали курганы, содержавшие савромато-сарматские погребения в Приуралье, Заволжье, Задонье, на Украине. Значительная часть материала была оперативно введена в научный оборот.

Планомерно публиковались комплексы савромато-сарматского времени из Приуралья. Уже в начале 1950х гг. началась публикация результатов исследований в Западном Казахстане и районе Магнитогорска [985–986; 993; 1031]. Значительная информация была получена о сарматских памятниках Башкирии [98; 265; 668; 922; 926; 981–982]. Были изданы материалы раскопок на р. Илек и в Оренбуржье [508; 510–511; 641; 789–790; 793–795; 809; 1087; 1094]. Вводились в научный оборот материалы из Уральской, Актюбинской и Челябинской областей [435; 445; 610; 798; 1110; 1144].

Исследованию сарматских древностей Поволжья способствовало издание значительной части отчётов Сталинградской экспедиции [1028–1029; 1031–1037; 1084–1085; 1226; 1230; 1233]. В дальнейшем планомерно вводились в научный оборот материалы из Куйбышевской и Волгоградской областей [686; 994; 1048; 1053].

Публикацию савромато-сарматских древностей Задонья в рассматриваемый период открыли работы А.А.Иессена и А.Д.Столяра [494; 1126]. Выборочно публиковались комплексы Елисаветовского могильника в дельте Дона, считавшегося скифским [250; 253; 1227–1229]. Большой объём информации дала публикация материалов исследований В.В.Дворниченко, Г.А.Фёдорова-Давыдова, И.П.Засецкой и др. в Астраханской области [222; 382; 387; 462; 1049]. Была введена в научный оборот значительная выборка материалов сарматского времени с территории Ростовской области [281; 671–672; 810–811; 814; 931; 1176]. В небольшом объёме появилась информация о сарматских древностях донской лесостепи [730–731; 1244]. Серия публикаций была посвящена материалам раскопок в Калмыкии [1038–1044; 1234; 1241–1243; 1262].

Расширился круг публикаций по сарматским памятникам Днепро-Донского междуречья. М.П.Вязьмитина ввела в научный оборот суммарную информацию о могильниках в долине р. Молочной [292–294]. Значительное число комплексов из междуречья Орели и Самары было

открыто и опубликовано сотрудниками экспедиции Днепропетровского госуниверситета [558–561; 590; 592–593; 595–597; 645; 818; 1209]. Издавались отдельные комплексы из степей Северной Таврии [151; 186; 368; 978–979; 1009; 1210; 1236]. Активно издавались результаты исследований сарматских памятников на правобережья Дона и бассейна Северского Донца [171; 177–178; 467; 544; 600; 666; 669; 677; 743; 760; 916; 930; 1102; 1224]. Появились сведения и о сарматских древностях правобережья Среднего и Верхнего Дона [286; 638]. Имелась информация и о немногочисленных сарматских погребениях степного Крыма [289; 369; 838; 872].

В ряде работ освещались сарматские материалы Днестро-Дунайского междуречья. Была издана серия памятников днепровского правобережья [279; 563–565; 640; 725–726; 896; 1009]. Полнее была информация о древностях междуречья Днестра и Дуная [351; 359, С.6 – 57; 403; 410; 599; 633; 784; 945, С.13–31; 1130; 1239; 1240, С.119; 1171–1173].

Крупномасштабные раскопки курганов, содержащих комплексы сарматского времени в степном Предкавказье начались только в 1970е–80е гг., что привело сравнительно позднему появлению публикаций свежего массового материала. Долгое время для изучения сарматов региона использовались материалы раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье, немногочисленные комплексы из случайно разрушенных курганов, опубликованные Н.В.Анфимовым [135] и небольшая выборка из 99 погребений с Северо-Восточного Кавказа, опубликованная В.Б.Виноградовым [271, С.14 – 87]. В 1970е гг. в результате работ на оросительных системах начала пополняться база данных по степному Ставрополью и Притеречью [116; 273; 313; 542; 581; 587; 756–757; 837]. Наконец, в начале 1980х гг. началась публикация результатов раскопок в степном Прикубанье, связанных в основном с работами на Понуро-Калининской оросительной системе [132; 143; 308; 428; 433; 490; 492; 520–521; 568; 712; 1056]. Одновременно добротнo публиковались результаты дореволюционных исследований [372–373].

Публикация археологического материала сопровождалась антропологическими исследованиями. Этим занимались М.С.Акимова, В.В.Бунак, А.Г.Вуич, М.М.Герасимова; В.В.Гинзбург, Н.М.Глазков, Т.С.Кондукторова, Б.В.Фирштейн и А.М.Чтецов [104–105; 258; 288; 310; 314–317; 575–576; 1180–1182]. Исследуя отдельные находки и серии черепов из раскопок в Приуралье, Заволжье, Задонье, Предкавказье и на Украине, они сделали ряд обобщающих выводов. Единогласно принималось положение о европеоидности савроматов и сарматов. Преобладающими в савромато-сарматских выборках были признаны мезобрахикранные

антропологические типы. С ними сочетался европеоидный долихокраний средиземноморский тип. Процент монголоидных либо метисных черепов был низким, причём монголоидная примесь фигурировала в выборках позднесарматского времени. Отмечалась несомненная преемственность между савроматскими, ранне- и среднесарматскими выборками. В позднесарматских сериях фиксировались совершенно новые черты: появление монголоидов и метисов, обычая прижизненной деформации головы, распространение долихокрании. Эти наблюдения позволяли говорить о формировании антропологического типа сарматов в скифское время и о приливе в Уральские и Заволжские степи в первые века нашей эры нового населения [1181, С.146–147]. Сарматские серии из разных регионов были достаточно близки друг другу, хотя фактически в каждом могильнике фиксировались свои локальные особенности. Сравнение савромато-сарматских выборок с предшествующими по времени свидетельствовало об участии в начальных этапах этногенеза савроматов и сарматов степного населения Казахстана, Поволжья и, возможно, более восточных регионов (например, Алтая) [1180, С.80]. Серии сарматского времени оказались ближе всего синхронным материалам из Средней Азии и Алтая [316; 1181, С.147]. Помимо широких обобщений, были сделаны выводы частного характера. Были выделены признаки, отличающие савромато-сарматские краниологические серии от меотских и скифских [258, С.357; 575]. Выявлялись черты сходства и различия между савроматскими и сарматскими сериями из разных могильников [104–105; 576; 1180, С.67; 1181, С.103–114]. Анализ В.В.Бунаком черепов с Северного Кавказа позволил зафиксировать появление в соседних с Кавказом районах в сарматское время брахикранный вариант европеоидного типа, который он назвал евразийским степным [258, С.360–361]. Отмечалось сходство антропологических материалов Украины с сериями из саратовского Заволжья [575]. Последним оказались близки и материалы из Западного Казахстана и Оренбуржья [316; 576, С.57]. В свою очередь донские материалы сближались с приуральскими и серией Астраханского Заволжья [288]. Для серии из Калиновского могильника в Волгоградском Заволжье преобладающим был признан долихо-мезокранный тип с мало наклонным лбом, среднеразвитым надпереносьем и надбровными дугами, узким и низким лицом, средне углубленными клыковыми ямками, низкими глазницами и значительно выступающим носом. В сравнении с черепами эпохи бронзы калиновские материалы сарматского времени оказались ближе к монголоидному типу, причём сдвиг в сторону монголоидности со временем

прогрессировал [315, С.574]. Наличие деформации на черепах разных антропологических типов привело В.В. Гинзбурга к выводу о смешанном происхождении сарматов [315, С.575].

А.Н. Гумилёв ещё в 1950-е гг. обратил внимание на природную среду как важный фактор в формировании, развитии и поведении этнических организмов [Библиографию см. 360. С.31, сн. 9]. Советская наука не приняла этих положений, видя в них переключку со взглядами сторонников культурно-исторической школы, скомпрометированными Г. Коссиной и его последователями из Третьего Рейха. В результате учёные, считавшие себя марксистами, попытались быть «святейшим Папой Римского»: Ф. Энгельс писал о влиянии природных условий на особенности развития человечества в разных регионах земного шара, роли адаптации человечества к различным природно-климатическим условиям в развитии трудовой деятельности, влиянии ландшафта на появление скотоводства и земледелия и о механизме обратной связи во взаимодействии человека и природной среды [1260–1261]. К. Маркс прямо связывал миграции древних германцев с невозможностью конкретной экологической лакуны обеспечить питанием избыток населения [707]. К началу 1980-х гг. взаимосвязь жизни кочевых племён и особенностей занимаемой ими экологической среды начала признаваться и в советском номадоведении. Б.Ф. Железчиков исследовал взаимосвязь между экономическим потенциалом местности и хозяйственной деятельностью савромато-сарматских племён Приуралья и попытался рассчитать вероятную численность ранних кочевников в данном регионе, исходя из продуктивности занимаемой ими экологической ниши [436, С.48–60; 437, С.65–68.]. В.В. Халдеев, оспаривая результаты расчётов Б.Ф. Железникова как сильно заниженные, не отрицал правомерность самого применённого им подхода [1192, С.230–231]. Н.А. Гаврилюк, исследуя скифскую экономику, добротнo проанализировала природные условия Скифии и также рассчитывала вероятную численность теперь уже скифов, исходя из возможностей потенциальной кормовой базы [299. С.5–24, 94–95]. Наконец, С.В. Полин основной причиной запустения Скифии в III в. до н.э. считал катастрофическую засуху [908, С.105–107].

Интересным начинанием стал выпуск учебных пособий, специально посвящённых истории и археологии скифов и сарматов. «Пилотной» можно считать публикацию спецкурсов Б.Н. Гракова по археологии раннего железа и скифов [348–349]. Позднее практически одновременно вышли из печати учебник В.П. Алексеева и А.И. Мартынова по истории и палеоантропологии скифо-сибирского мира [710] и первый

отечественный учебник В.И.Костенко, посвящённый собственно-сарматским памятникам Левобережной Украины [597]. В этих работах интересное и популярное изложение сложных проблем сочеталось с глубоким академизмом, что способствовало росту интереса научной молодёжи к проблемам номутоведения. К сожалению, два последних пособия вышли в периферийных издательствах и оказались малодоступны.

Итоги данного этапа в изучении савромато-сарматской проблематики были подведены в конце 1980х гг. К этому времени скончался безусловный лидер советского сарматоведения 1950х-70х гг. К.Ф.Смирнов, его идеи продолжали развивать его коллеги и ученики: М.Г.Мошкова, М.П.Абрамова, А.С.Скрипкин, Б.Ф.Железчиков, В.Е.Максименко, В.Б.Виноградов, А.П.Медведев и многие молодые археологи. В 1988 г. в Азове состоялась первая Всесоюзная конференция по проблемам сарматской археологии и истории [919]. На ней обсуждались заранее опубликованные доклады, посвящённые понятию «савромато-сарматская археологическая культура», савромато-сарматским древностям Азиатской Сарматии в целом, Верхнего и Нижнего Дона, древностям Предкавказья сарматского времени [87; 175; 185; 434; 439; 661; 673; 733; 802; 1060]. Помимо опубликованных обсуждались стендовые доклады. Большинство из них также посвящалось савромато-сарматским древностям к востоку от Дона. Впервые на специализированном научном форуме встретились сарматоведы из различных регионов, признанные лидеры сарматоведения и молодые учёные. Безусловно, это способствовало координации усилий в определении и решении ключевых проблем в изучении истории и культуры савромато-сарматов.

Год спустя вышел в свет очередной выпуск многотомной «Археологии СССР», «Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время» [1123]. Савромато-сарматской проблематике в нём была посвящена глава 5, в написании которой приняли участие К.Ф.Смирнов, М.Г.Мошкова, В.В.Дворниченко и В.А.Коренько. Здесь были высказаны гипотезы, бывшие к кон. 80х гг. XX в. своего рода аксиомами в сарматоведении. К ним относятся положения:

- об автохтонном в целом развитии савромато-сарматской АК и принципиальной правильности периодизации савромато-сарматской культуры, предложенной Б.Н.Граковым с учётом уточнений, сделанных К.Ф.Смирновым и И.П.Засецкой;

- о наличии в степях Задонья и Заволжья пласта кочевнических древностей переходного от эпохи бронзы к памятникам савроматского времени, связанного с предками савроматов;

- о существовании на правобережье Нижнего Дона контактной зоны со смешанным скифо-савроматским населением и о мирной, а затем и военной экспансии савроматов и ранних сарматов в Скифию в IV в. до н.э., установлении стабильно-враждебных отношений между скифами и сарматами и наличии савромато-сарматских памятников этого времени на Украине;

- о появлении не позднее третьей четв I в.н.э. на Дону алан, которые воспринимались как восточно-сарматское объединение, сложившееся в рамках аорского племенного союза, распространившее затем своё название на соседние кочевые племена;

- о сокращении сарматского населения в Причерноморье в III–IV вв. в результате готского нашествия и неких «причин внутреннего порядка» и падении могущества сармато-алан в результате гуннского нашествия;

- о характере хозяйства савромато-сарматских племён, основанного на круглогодичном кочевании по стабильным маршрутам с постоянными зимниками и возможности природо-хозяйственного районирования территории расселения савроматов и сарматов; влиянии изменений климата на плотность заселения номадами различных районов степи и об отсутствии в савромато-сарматских памятниках надёжных свидетельств развития ремёсел, особенно – металлургии и металлообработки и использовании кочевниками продукции, изготовленной оседлыми соседями; наличии системы данничества между савромато-сарматами и их оседлыми соседями и о вероятности торговых контактов между сарматами и античным миром при отсутствии внутреннего денежного обращения;

- о том, что савромато-сарматские племена переживали распад первобытных отношений и становление классов, причём в савроматском обществе сохранялось необычно высокое положение женщины, и о разном уровне развития общественных отношений у многочисленных савромато-сарматских племён; о наличии собственности на скот и развитии имущественной дифференциации уже в савроматское время;

- о консолидации племён Приуралья к началу раннесарматского периода как предпосылке массовых миграций;

- о контактах с античным миром как факторе, ускорившем процессы классообразования и при этом весьма ограниченном влиянии античного мира на савромато-сарматов и влиянии сарматов на своё античное окружение, нашедшем своё выражение в т.н. процессе сарматизации, охватившей экономическую, социальную и культурную сферы жизни (особенно – Боспора);

- о единой идеологии всего савромато-сарматского мира, имевшей в своей основе общеиранские религиозно-мифологические представления;
- о роли остаточных групп сармато-аланского населения в этногенезе финно-угров, славян и народов Кавказа после гуннского нашествия.

Помимо этого крупного блока, разделы, посвящённые сарматам, были включены состав глав 7 и 9 о раннем железном веке в Северо-Западном и Центральном Предкавказье соответственно. В отличие от главы 5, представлявшей идеи, принятые большинством отечественных сарматологов, эти разделы, написанные И.С. Каменецким и М.П. Абрамовой, представляли их личные мнения о сарматских древностях Кавказа и противоречили взглядам практически всех ведущих специалистов региона. Авторами этих разделов преувеличивалась роль аборигенных культур в истории Предкавказья сарматского времени и особенно в этногенезе алан. Памятники, связываемые всеми остальными специалистами с кочевниками или, по крайней мере, спорные, были безапелляционно отнесены к кругу автохтонных кавказских. Так «Золотое кладбище» было отнесено к меотской АК, Чегемский курган-кладбище – к памятникам местного населения Центрального Предкавказья [88, С.277–280; 519, С.244]. Более чем странно, если не просто оскорбительно выглядит то, что в качестве основы для раздела «Сираки» в главе 7 И.С. Каменецким была взята дипломная работа [519, сн.], хотя к только в 1985 и 1988 гг. были защищены две кандидатские диссертации, посвящённые сарматам Северо-Западного Кавказа, причём одна из них – в Москве под руководством жены И.С. Каменецкого [429; 715].

Помимо проблемы атрибуции северокавказских древностей сарматского времени и оценки роли аборигенного и пришлого компонентов в истории Предкавказья в сарматоведении назрели и другие спорные вопросы. К ним относятся:

- вопрос о происхождении савроматской АК;
- время появления сарматов в Северном Причерноморье;
- время сложения ранне- и среднесарматской культуры;
- проблема соотношения автохтонных и пришлых этнокультурных компонентов в этногенезе савромато-сарматских племён и роли восточных импульсов в истории Сарматии;
- соотношение хронологической схемы Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова с региональными шкалами относительной и абсолютной хронологии.

Решение этих и некоторых других вопросов стало содержанием следующего периода в изучении истории и культуры савромато-сарматов.

5. СОСТОЯНИЕ САВРОМАТО-САРМАТСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО» НАПРАВЛЕНИЯ (1990е – НАЧ. 2000х ГГ.)

Развитие исследований в области савромато-сарматской истории и археологии в последнее десятилетие XX – нач. XXI вв. имеет свою специфику. Во многом она определяется результатами победы «судьбоносной перестройки» и развалом СССР. К результатам этого процесса можно отнести разделение специалистов ранее единой страны, что затрудняет научное общение; прекращение государственной поддержки исторической науки, что затрудняет оперативное знакомство специалистов центральных научных учреждений с материалами и научными разработками периферии и в свою очередь резко ограничивает возможности доступа учёных периферии к новинкам научной литературы. Развёрнутая в окраинных регионах бывшего СССР межнациональная бойня затрудняет полевые исследования и вынуждает специалистов менять место работы в составе целых научных школ, как это произошло в Грозном. К негативным результатам можно отнести и уход целого ряда специалистов из науки в политику или бизнес, их эмиграцию после резкого сокращения расходов на научные исследования. Наконец, попытки объявить всю советскую историю исторической ошибкой дали зелёную улицу псевдо- и антинаучным «исследованиям», из которых особенно выделяются пресловутые работы Фоменко.

Вместе с тем, новые условия дали и определённые положительные результаты. Искусственно насаждаемая раздробленность вызвала ответную реакцию в виде консолидации усилий сарматологов на научных форумах различных уровней. Наиболее авторитетными среди них считаются регулярно проводимые конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», «Международные отношения в бассейне Чёрного моря», «Античная цивилизация и варварский мир». Появилась масса региональных серийных археологических изданий и тематических сборников. В них вводится в научный оборот масса вновь исследованного и давно раскопанного материала. В сарматоведении активизировалось использование методов естественных наук (прежде всего – статистико-комбинаторных

методов, почвоведения, палеоэкологии), в научный инструментарий археологов прочно вошли персональные компьютеры. Деятельность зарубежных и отечественных научных фондов позволила проводить некоторые целевые исследования, отдельные сарматологи получили возможность работы в зарубежных научных центрах по их грантам. Савромато-сарматская археология и история перестали представлять только академический интерес, но в ряде случаев стали предметом изучения студентами высшей школы.

Ещё одной особенностью современного этапа в развитии сарматоведения является появление большого количества новых специалистов, выросших в 1970е-90е гг. как в рамках региональных научных школ, так и в центрах академической науки. Так видное место в области исследования савромато-сарматских древностей Южного Урала и Зауралья заняли А.Т. Яблонский, А.Д. Таиров, С.Ю. Гуцалов и В.К. Фёдоров. Археологией Поволжья занимаются В.П. Клепиков, В.Н. Мышкин, М.В. Кривошеев, И.В. Сергацков, В.И. Мордвинцева, Е.А. Мысков, С.В. Демиденко. Для сарматской археологии Нижнего Дона большое значение имеют работы Е.И. Беспалого, В.П. Глебова, С.И. Безуглова, А.С. Ильюкова, М.В. Власкина, И.Н. Парусимова, В.К. и Ю.К. Гугуевых. Памятники сарматской эпохи в Предкавказье анализируются в работах В.Н. и И.В. Каминских, Н.Ф. Шевченко, Н.Е. Берлизова, А.П. Лопатина, Я.Б. Березина, Ю.А. Прокopenко, А.А. Гуаллагова, Ф.Х. Гутнова, Т.А. Габуева. Сарматские памятники Северного Причерноморья исследуются в работах А.В. Симоненко, В.И. Костенко, А.В. Гудковой, М.М. Фокеева, А.М. Дзиговского и Ю.В. Зайцева. Это позволило резко расширить исследуемую проблематику и активнее использовать новые подходы к решению старых проблем. При этом в сарматоведении сохраняют лидирующую роль М.Г. Мошкова, А.С. Скрипкин, А.Х. Пшеничнюк, А.П. Медведев, В.Е. Максименко, И.П. Засецкая, М.Б. Щукин, Б.А. Раев, И.И. Марченко.

Последнее десятилетие XX и начало XXI вв. отмечены серией обобщающих работ, посвящённых памятникам сарматов в разных регионах. К ним относятся монографии А.П. Медведева о сарматах Верхнего и Среднего Дона [734], В.И. Гросу о памятниках Прутско-Днестровского междуречья [354], А.В. Симоненко, посвящённая сарматам Украины [1015], И.И. Марченко о сираках Прикубанья [716], Б.Ф. Железчикова о древностях Уральской области [442], В.Е. Максименко, М.Н. Власкина и А.С. Ильюкова о средне- и позднесарматских древностях Нижнего Дона [501; 675], М.П. Абрамовой о Центральном Предкавказье в сарматское время [91], И.В. Сергацкова о сарматских памятниках на Иловле [1003],

В.П. Клепикова о памятниках Заволжья IV–III вв. до н.э. [549], А.М. Дзиговского, посвящённая сарматам Северо-Западного Причерноморья [411]. В этих работах вводился в научный оборот новый археологический материал, решались проблемы локальной типологии и хронологии памятников, описывались погребальные памятники и делались выводы исторического характера.

Исторические аспекты этногенеза сарматов и алан рассмотрены в монографиях А.А. Туаллагова и Ф.Х. Гутнова [363; 1162]. Проблемам периодизации и этнокультурной истории сарматской АК и савромато-сарматских племён посвящена обобщающие статьи М.Г. Мошковой и А.Т. Яблонского [803; 1277]. Важным событием для всех специалистов по истории и археологии Восточной и Центральной Европы эпохи позднего эллинизма и раннего римского времени стала публикация русской версии работы М.Б. Щукина «На рубеже эр» [1255]. Несколько ранее вышел из печати очередной выпуск многотомной «Археологии СССР», посвящённый степным древностям эпохи раннего железа в Азиатской части страны [1124]. Кроме этого, переиздаются либо впервые вводятся в научный оборот труды признанных классиков савромато-сарматской археологии – М.И. Ростовцева и Б.Н. Гракова [350; 953–958; 1353].

Параллельно работам аналитического характера в научный оборот вводится значительный объём материала. При этом часть археологов взяла на себя труд по обработке материалов дореволюционных раскопок и исследований 1920х–30х гг. Благодаря их усилиям опубликованы комплексы, исследованные Н.И. Веселовским на Кубани [199; 373; 375], результаты исследований А.А. Спицына в Поволжье [378], материалы раскопок Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в Заволжье [376–377; 1067] и М.Я. Миллера на Украине [1018]. Также издавались материалы исследований, 1950–60х гг. [465; 468; 983; 1237]. Одновременно опубликованы внушительные серии комплексов из различных регионов. Так добротны издаются результаты раскопок в Приуралье, причём выделяются материалы комплексных исследований на Илеке [629–632]. Кроме того, в публикациях широко представлены материалы из других районов степного Приуралья и Зауралья [99; 102; 167; 236; 242; 247; 261; 275; 298; 332; 364; 440; 443; 446; 482; 605; 607–608; 748; 769–770; 923; 1131–1132; 1168–1169; 1204]. Столь же активно вводятся в научный оборот результаты раскопок в Заволжье [328; 448; 469–470; 659; 688; 819; 824–826; 1007; 1267]. Весьма репрезентативна выборка вновь исследованных и опубликованных материалов из Задонья [172–174; 180; 182–183; 225–226; 228–230; 318; 325–327; 330; 362; 385–387; 389; 392; 395–398; 419–420; 449–450; 495; 497–499;

548; 550–551; 553; 570; 580; 601; 664; 682; 689; 691; 693–701; 723; 772–773; 780–782; 787; 820–821; 876; 880–883; 885; 887; 911; 995; 997–1000; 1002; 1005; 1061; 1133; 1154–1159; 1178; 1328; 1335]. Публикуются результаты исследований в Предкавказье [219; 524–525; 527; 545; 571; 432; 649–650; 654–655; 706; 893; 933; 980; 1112; 1266; 1215; 1321; 1342]. Поступает информация и о материалах Европейской Сарматии [179; 227; 260; 282–284; 323; 355; 358; 456; 496; 502–503; 540; 598; 602; 637; 663; 741; 884; 914–915; 917; 942; 948; 1023; 1127–1129; 1350]. Интересны материалы раннесарматских культовых комплексов Закаспия и родственных сарматским материалов из Присаракамышской дельты Амударьи [720; 871; 1275]. В результате помимо массового «рядового» материала стали доступны для анализа материалы погребений кочевнической элиты. Увеличилась выборка материалов раннескифского времени в Приуралье и раннепрохоровского в Заволжье. Публикация комплексов, содержащих античный, среднеазиатский, латенский, китайский и римский импорт, монеты, позволяет уточнить хронологию савромато-сарматских древностей.

Весьма актуальны хронологические разработки. При этом ряд высказываемых положений вызвал полемику. И.Н. Парусимов, Е.И. Беспалый, В.П. Копылова и С.И. Лукьяшко отнесли к числу раннескифских кочевнические древности Нижнего Дона VII–VI вв. до н.э., поднимая тем самым нижнюю дату савроматской культуры в регионе до кон. VI–V вв. до н.э. [230; 578, С.16–17; 662, С.61–63; 880]. Это противоречит упомянутым выше выводам К.Ф. Смирнова и В.Е. Максименко [672; 1088]. Более ранняя датировка савроматских памятников Задонья поддержана в работах Б.Ф. Железничкова [441], В.Е. Максименко [675, С.69] и наших работах [192; 193, С.68; 201].

А.Д. Таиров, анализируя памятники степного Зауралья кон. VI–V вв. до н.э., пришёл к убеждению о значительных их отличиях от савроматских древностей и определённом сходстве с раннесарматскими. Это позволило ему отнести зарождение прохоровской АК к кон. VI в. до н.э. [1135–1139]. В.Ю. Зуев, развивая взгляды С.В. Полина и А.В. Симоненко на хронологию прохоровской АК [906–910; 1018, С.162], пришёл к выводу об отсутствии связи между прохоровскими и блюменфельдскими древностями, а также отсутствию степных памятников, которые можно было бы отнести к III в. до н.э. [475–479; 482]. Датировку к. I у с. Прохоровка временем после III в. до н.э. с точки зрения палеографии поддержал В.А. Лившиц [647]. Против гипотезы о «тёмном веке» последовательно выступают М.Г. Мошкова, А.С. Скрипкин и В.М. Клепиков [546; 549; 552; 805]. Разработка шкал региональной хронологии позволила

мне и В.П.Глебову признать малочисленность сарматских памятников III в. до н.э. к западу от Волги [192; 201; 318; 321; 322, С.83; 324]. В моих работах наглядно показана непрерывность колонок относительной хронологии сарматских древностей Заволжья и Приуралья IV- первой пол. I вв. до н.э. и выделено до 30 комплексов, узко датированных III в. до н.э. по наборам бус и импортной керамике [201; 204; 212].

К началу 1990х гг. А.С.Скрипкин связал появление среднесарматской АК с приходом алан из Средней Азии, а так как аланы в античных источниках фиксируются с I в.н.э., то и смена прохоровской культуры сусловской была отнесена к рубежу эр [1061–1062; 1064, С.4]. Археологическим подкреплением этой гипотезы стали раннесарматские погребения с лучковыми одночленными фибулами, датировавшимися по А.К.Амброзу I в.н.э., и отсутствие надёжных индикаторов I в. до н.э. в среднесарматских памятниках. Эти положения активно развивали в своих работах И.В.Сергацков [998–999; 1002–1004] и А.В.Симоненко [1012, С.119–120; 1015; 1019; 1020, С.77–78; 1022]. При этом А.В.Симоненко выдвинул революционное предложение об исключении сусловского этапа из периодизации савромато-сарматской АК [1012, С.119–120]. Вместе с тем, в работах В.П.Глебова, И.И.Марченко и автора показано, что фактически раннесарматские памятники завершают существование к середине-началу последней трети I в. до н.э. и одновременно появляются комплексы с индикаторами среднесарматской АК [192; 201; 204; 318; 324; 716]. М.Г.Мошкова продемонстрировала существование характернейших для среднесарматского этапа диагональных погребений в I в. до н.э. [807–808]. А.С.Скрипкин согласился с возможностью удревнения раннесарматских комплексов с лучковыми фибулами ранних типов [1070].

Значительное место в современных разработках сарматологов занимает статистический анализ погребальных памятников. Первые попытки такого анализа предпринимались ещё в 1980е годы А.М.Ждановским, И.И.Марченко, Б.Ф.Железчиковым и З.А.Барбаруновой [165; 429; 715]. В настоящее время методы многомерного анализа применялись при анализе этногенеза ранних алан [188–189], памятников савроматской, ранне- и среднесарматской АК из Задонья-Приуралья [444; 1119–1121]. Для всех этих работ характерны попытки анализировать памятники, опираясь только на характеристики обряда. Комплексы описываются по более или менее подробному коду, после чего сравниваются по всему набору выделенных признаков. Выявленное таким образом сходство или различие между памятниками авторы работ пытаются объяснить, исходя из начальной цели исследования. Такие разработки весьма уязвимы

в части их интерпретации, так как в них обряд объясняется из самого себя. Нами совместно с А.П. Винидиктовым предложена методика пошагового анализа погребальных памятников с применением внеобрядовых признаков-интерпретаторов [215]. Она была успешно апробирована в работах по выявлению памятников ранних алан, уточнению культурной принадлежности Елисаветовских курганов на Дону и анализу памятников сарматского времени из Прикубанья [201; 206–207].

Интересны работы М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева, посвящённые погребениям в могилах определённой конструкции: катакомбным и диагональным [807; 812], хотя их сводку сарматских погребений в катакомбах нельзя считать полной [ср. 188, С.226–234, 244–246, 248–253; 629–632 и 812].

Сохраняется интерес к исследованиям в области савромато-сарматского этногенеза. Можно отметить отход от позиций автохтонного развития савромато-сарматской культуры, якобы генетически связанной со срубной и андроновской АК, которых придерживались археологи Московской школы со времён Б.Н. Гракова. В.И. Мамонтов, анализируя древности VI–V вв. до н.э. и предшествующие им по времени памятники Нижнего Поволжья, отрицает наличие прямой генетической связи геродотовских савроматов с местными племенами киммерийского («предсавроматского») времени [692, С.49]. Его предположения подкреплены данными антропологии: по мнению М.А. Балабановой, краниологическая серия из савроматских погребений Задонья близка карасукской, сакским, алтайской, саргатской и отличается от андроновских, скифской и тагарской [161, С.41–43, Рис.5–7].

Исследование раннекочевнических древностей степей Южного Урала и, особенно, Зауралья привело А.Д. Таирова и С.Ю. Гудалова к мысли о ведущей роли саков и скифов в формировании Самаро-Уральского варианта савроматской АК (древнепрохоровского этапа по А.Д. Таирову) [364; 367; 1135, С.17; 1137, С.52–55; 1138; 1140]. В устных прениях в ходе V конференции по проблемам сарматской археологии и истории А.Д. Таиров дополнял эту гипотезу новыми положениями. По его мнению, население уральских степей во второй пол. VI–V вв. до н.э. включало 4 компонента: местный, скифский, сакский и центральноазиатский. Последний связывается с перемещением некоей группы племён от северных границ Китая, где, по мнению А.Д. Таирова, можно найти прототипы погребальных сооружений и категорий материальной культуры, появившихся в VI–V вв. до н.э. в Приуралье и Северном Казахстане. К близким выводам в начале 1990-х гг. независимо пришёл и автор данной работы. Появление культуры ранних кочевников Южного Урала мною связываются

с результатами вторжений Дария I в Азиатскую Скифию в 519–517 гг. до н.э. и в Европейскую Скифию в 514–512 гг. до н.э., вызвавшими отток кочевников из обоих регионов в Приуралье [192, С.23; 193, С.69; 201]. Данная гипотеза в отношении генетической связи ранних кочевников Южного Урала со скифами Азии также не противоречит последним работам в области палеоантропологии [162, С.42–43; 1276, С.33–39].

Спорной является этнокультурная принадлежность савромато-сарматских погребений IV в. до н.э. на Кубани. И.И.Марченко связывает их с сираками, которых вслед за К.Ф.Смирновым, В.Б.Виноградовым и А.М.Ждановским считает потомками савроматов Волго-Донского междуречья [716, С.113–120]. В свою очередь В.Н. и И.В.Каминские, Н.Ф.Шевченко и автор этих строк считают, что с появлением сираков следует связывать прохоровские погребения II–I вв. до н.э., а кочевнические комплексы IV в. до н.э. атрибутируют как памятники либо язаматов, либо фатеев [195; 200; 207–208; 213; 220; 1211].

Памятники прохоровской АК, как правило, получают этническую атрибуцию «по правилу места и времени». Так на Украине они связываются с вторжением роксоланов и язигов, в Задонье и Заволжье – с аорсами (хотя В.П.Глебов вычленил на Нижнем Дону группу сиракских памятников), в Прикубанье – с присутствием сираков [192; 195; 200–201; 213; 675, С.169–170, 174, 176; 716; 1012, С.119; 319; 1014, С.24; 1022, С.157; 1024; 1211–1212; 1215]. Однако периодически делаются попытки связать все прохоровские памятники Азиатской Сарматии с аорсским племенным союзом [675, С.176; 1018, С.162; 1062, С.214]. Происхождение прохоровской АК большинством специалистов связывается со степным Приуральем на основе культуры ранних кочевников Южного Урала при возможном участии в этом процессе саков Средней Азии и населения Зауралья [См. напр. 201; 204; 210; 440; 447; 1135–1136; 1138; 1276]. В.Ю.Зуев, отрывая прохоровские древности от предшествующих им по времени, фактически ничего не говорит об их генезисе. Впрочем, недавно В.И.Мордвинцева подвергла критике устоявшуюся гипотезу об участии в этногенезе исторических сарматов кочевников Заволжья-Приуралья, носителей прохоровской АК и предложила искать предков сарматов в среде населения европейских степей Юга России скифского времени [779].

Сходство ряда категорий материальной культуры и части погребальных памятников среднесарматского времени с древностями Средней Азии и, прежде всего, кушанской Бактрии сделали весьма привлекательной гипотезу о привнесении сусловского культурного комплекса с Востока. Гипотезу А.С.Скрипкина о приходе носителей среднесарматской АК из Средней

Азии (куда они пришли в прохоровское время с Запада) разделяют исследователи Волгоградской школы, ряд археологов из Ростова, Владикавказа и Украины. С исторической точки зрения, распространение среднесарматской АК связывается с миграцией алан [320, С.27; 325, С.78; 675; 1003; 1005; 1018, С.162; 1023; 1062, С.193, 214–215]. М.Г.Мошкова считает, что среднесарматская АК генетически связана с прохоровской, хотя некоторые инновации можно связывать и с восточным влиянием [807; 808, С.32]. Я также полагаю, что основная часть новаций, определяющих специфику среднесарматской АК, сложилась в среде прохоровских племён. Ряд новаций в обрядности этого времени, не имея параллелей в Средней и Центральной Азии, находит прототипы в лесостепном Зауралье. Восточные импорты из среднесарматских погребений могли быть результатами торговых связей или грабительских набегов [191–192; 201–202].

Позднесарматская АК ещё со времён Б.Н.Гракова связывается, прежде всего, с аланами. Её специфика единодушно объясняется приливом в сарматские степи новой волны кочевников с востока или юго-востока, вероятнее всего, из Средней Азии. При этом анализ памятников на региональном уровне позволяет атрибутировать позднесарматские памятники не только как аланские. На Верхнем и Среднем Дону их рассматривают как древности сармат-гиппофагов Птолемея [734], в Прикубанье их связывают с сираками [188; 198; 213], а в Северном Причерноморье – со смешанным роксолано-аланским населением [1022, С.158]. Подразумевается, что в сложении позднесарматской АК помимо пришельцев с востока определённую роль сыграло местное население предшествующего периода. Как ни странно, эта концепция активно поддерживается сторонниками аланской принадлежности среднесарматской АК, хотя получается, что аланы «позднесарматские» подчинили, изрядно потеснили, а где-то и уничтожили алан «сусловцев». Ведь именно с вторжением носителей позднесарматского культурного комплекса связывается прекращение традиции «княжеских» погребений с украшениями в «бирюзово-золотом» стиле. В итоге однозначно признано участие в формировании позднесарматской АК некоего пришлого с востока этнического компонента, с которым, вероятно, связан этноним аланы.

Спорным вопросом остаётся время смены среднесарматской АК позднесарматской. Точке зрения А.С.Скрипкина, относившего эти события к рубежу I–II вв. [1057, С.80–81], всё чаще противопоставляется момент разгрома Танаиса восточными номадами в сер. II в.н.э. Эту гипотезу поддерживают М.Г.Мошкова, И.В.Сергацков, В.П.Глебов, А.В.Симоненко [323, С.131; 807, С.32; 1005, С.111; 1020, С.78; 1022, С.134, 140]. Вместе

с тем, в работах А.П. Медведева для Верхнего Дона, М.В. Кривошеева для Поволжья, А.С. Ильюкова и Ю.К. Гугуева для Нижнего Дона и наших разработках по хронологии савромато-сарматской АК Южнорусских степей поддержана более ранняя дата, предложенная А.С.Скрипкиным [192; 201; 210; 357, С.151; 498, С.100; 609; 740].

С изучением средне- и позднесарматских древностей тесно связаны разработки в области аланской проблемы. Спорным остаётся вопрос происхождения и ранних этапов генезиса алан, оказавшихся своеобразным этническим «мостиком» между древним иранским миром и современностью. С.А. Яценко в одной из работ насчитал 7 концепций аланского этногенеза, существовавших к началу 1990х гг. [1288, С.60]. Как правило, ранние аланы считаются ираноязычным племенем сарматского либо восточноскифского (массагетского, усуньского, тохаро-юэчжийского) происхождения. Сарматским племенем считают древнейших алан М.П.Абрамова, Ю.С.Гаглойти, А.С.Скрипкин. М.П.Абрамова, считая исконных алан сарматами, предположила, что в Предкавказье их язык и название переняли местные племена и потомки скифов эпохи переднеазиатских походов, создавшие в дальнейшем аланскую культуру эпохи средневековья [89–91]. Ю.С.Гаглойти также считает алан одним из сарматских племён, которое подчинило другие, известные по письменным источникам сарматские и восточноскифские объединения, распространив на них своё название [300, С. 48–57]. А.С.Скрипкин и его ученики считают алан частью сарматов, ушедших в раннесарматское время в Среднюю Азию, и вернувшихся в Европу на рубеже эр с массой среднеазиатских заимствований в материальной культуре и обрядности. Аланами они считают и носителей позднесарматской АК, также пришедших из Средней Азии и подчинивших соседей [1003; 1005; 1062, С.216–223]. Другая группа исследователей считает, что аланы изначально не относились к собственно – сарматам, их объединение сложилось на периферии Сарматии, но в дальнейшем сыграло значительную роль в её этнополитической истории, возможно, подчинив и включив в себя некоторые сарматские племена. Так Б.А. Раев и С.А. Яценко связали происхождение алан с Алтаем и Центральной Азией. Собственно – раннеаланскими они считают элитные погребения I–нач. II вв. из Прикубанья, низовьев Дона и Волги, в которых встречаются элементы материальной культуры и погребального обряда, характерные для их переднеазиатской прародины. Предками алан они предлагают видеть ранних кочевников Алтая, Семиречья, тохаров и усуней [937; 1288; 1290–1291]. Т.А.Габуев предположил, что аланы как этнос появились на территории Средней Азии в Канцзюе на основе местного

канцзюйского и пришлых усуньского и, возможно, тохарского компонентов. В дальнейшем часть этих алан мигрировала на запад в Сарматия [297, С.125–131]. При этом участие сарматов в начальных фазах аланского этногенеза им отрицается. Близки этой гипотезе выводы А.А.Цуциева и Ф.Х.Гутнова [363, С.77–91; 1197–1198]. С центральноазиатским объединением тохаров связывает происхождение алан А.А.Туаллагов [1162, С.214–215]. М.Б.Щукин, считает «исконных» алан элитной группировкой номадов из той же сако-массагетской среды, из которой вышли юэджи [1253, С.119], возвращаясь к гипотезе О.И.Сатеева, А.О.Наглера и Л.А.Чипировой о социальном значении термина «алан» [828, С.89–90; 992]. Наша позиция в решении данной проблемы частично сближается с точкой зрения Т.А.Габуева. Сравнительный анализ погребальных памятников алан эпохи раннего средневековья и их вероятных предков позволил связать происхождение части алан именно с Канцзюем [188; 218]. Выявилось также, что второй важной и более древней составляющей раннеаланского этноса являются поздние скифы, переселившиеся в предгорья Западного и Центрального Кавказа во II в. до н.э. [188; 194; 205; 209]. В ряде работ были отмечены уязвимые места центральноазиатской и сарматской гипотез [188, С.148–151; 202–203]. С критикой отдельных положений, высказанных нами и В.Н.Каминским, выступили М.П.Абрамова, Ю.А.Заднепровский и С.А.Яценко [93; 453; 1289]. Компромиссной можно считать гипотезу В.А.Кузнецова, считающего, что изначально аланами назывались представители элиты сарматского племени аорсов. В дальнейшем престижное название утратило первоначальное значение и было принято кочевым объединением, включившим, помимо сарматского этнического компонента, среднеазиатский (потомков массагетов, асиев и, возможно, тохаров) [618, С.19–20, 25–32].

По-прежнему остаются актуальными типологические разработки. Весьма удачными можно считать схемы типологии различных категорий материальной культуры позднепрохоровского и среднесарматского времени, приведённые в работе А.С.Скрипкина, посвящённой Азиатской Сарматии [1062]. Особенно удачными можно считать принципы, применённые к обработке керамики, зеркал и клинкового оружия, полезны дополнения к типологии бус Е.М.Алексеевой. Для Европейской Сарматии наиболее важны исследования В.И.Гросу и А.В.Симоненко [354; 1022]. Серия работ посвящена типологии предметов вооружения. В их числе типология савроматских бронзовых наконечников стрел, предложенная М.А.Очир-Горяевой, железных наконечников стрел, разработанные А.М.Ждановским, Н.Ф.Шевченко, В.Н.Каминским и Н.Е.Берлизовым

[213–218; 431; 877; 1213], работы Б.А. Раева, А.В. Симоненко и М.Ю. Трейстера, посвящённые импортному вооружению [936; 1014], статья С.И. Безуглова о позднесарматских мечах [173]. В.И. Мордвинцева детально исследовала наборы фаларов и украшения в «бирюзово-золотом» стиле [773; 776–778]. С.В. Демиденко предложил дробную типологию бронзовых котлов сарматского времени [394], а М.А. Очир-Горяева – савроматской керамики [875]. Н.Ф. Шевченко классифицировал боспорские красноглиняные кувшины [1212]. Типология каменных алтариков савроматского времени уточнена В.К. Фёдоровым [1167]. В.Ю. Малашев предложил схему развития поясной фурнитуры позднесарматского времени [681]. Сводь римских импортных изделий разрабатываются Б.А. Раевым, А.В. Симоненко и И.И. Марченко [1021; 1352]. Латенский импорт у сарматов систематизирован в работах Б.А. Раева, В.Е. Ерёмченко и Н.Е. Берлизова [216; 423; 933]. Сводки ханьских и провинциально-римских зеркал из сарматских погребений приведены М.Ю. Трейстером и В.К. Гугуевым [356; 1150]. Из работ, выходящих за рамки сарматской проблематики, большое значение имеют уточнённая типология античных амфор, предложенная С.Ю. Монаховым [767], и свод зеркал из варварских погребений Т.М. Кузнецовой [622]. В исследованиях по региональной истории и археологии савромато-сарматов также имеются типологические схемы, однако они обычно имеют узко-локальное значение (керамика, украшения), либо «типологируют» материал, который уже систематизирован (амфоры, римская металлическая и стеклянная посуда, фибулы, античные унгентарии и т.п.). Вместе с тем, интересны принципы классификации клинкового оружия, применённые В.М. Клепиковым для раннепрохоровских погребений Заволжья [549], типология золотых бляшек из Прикубанья, разработанная И.И. Марченко и его дополнения к типологии бус Е.М. Алексеевой [716].

С начала 1990х гг. обсуждается проблема участия сарматов в торговле по Шёлковому пути. М.Г. Мошкова объяснила результатами торговли с Китаем появление ханьских импортов в позднесарматских погребениях Приуралья [798, С.86]. Я пришёл к выводу о возможном попадании восточных импортов в сарматские памятники в результате движения китайских караванов в августовское время и в кон. I – нач. II вв. по северному участку Шёлкового пути, описанному в VI в. Менандром [188, С.149–151; 191]. А.С.Скрипкин, принципиально не отрицая возможность движения китайских караванов через Сарматия, отнёс начало этого процесса к рубежу I–II вв. [1065]. М.Б. Щукин, разделяя наши основные положения о времени и маршруте движения первых караванов из Китая в Сарматия и обратно, предположил, что инсигнии из инкрустированного бирюзой

золота скорее могли появиться вместе с новой волной кочевников [1255, С.207–208]. Против этих гипотез выступили С.А.Яценко и А.В.Симоненко, связывающие появление ханьских и иных восточных импортов в среднесарматских погребениях с приходом алан [1288, С.68–69; 1351].

Интересны разработки в области палеоантропологии. Материалы Поволжья и Приуралья обрабатывает М.А.Балабанова. Серия статей, посвящённая антропологическим особенностям населения, оставившего отдельные сарматские могильники и территориальные группы, завершилась кандидатской диссертацией и монографией [157–164]. Интересны выводы об отличии краниологии населения Поволжья предскифского времени от местных племён эпохи поздней бронзы и сходстве предков савроматов с носителями карасукской и андроновской АК, генетической связи ранних сарматов с носителями Самаро-Уральского варианта савроматской АК и присутствии в среде донских прохоровцев скифоидного антропологического компонента, наличии частичной генетической связи ранних сарматов со средними и присутствии в среднесарматских краниологических сериях выходцев с Востока, полном вытеснении раннесарматского краниотипа в позднесарматское время [161, С.123–125]. Ценность её выводов снижает некорректная интерпретация результатов фактор-анализа исследуемых серий: по странному заблуждению М.А.Балабанова при анализе факторных нагрузок обращает внимание на признаки, имеющие положительную нагрузку [См. напр. 161, С.36]. Однако при анализе нагрузок по компонентам должны учитываться те из них, которые имеют максимальную величину по модулю. Это может сказаться при первичной селекции признаков и сравнении краниологических серий по характеристикам, которые между собой не связаны. Сводку материалов из могильников Нижнего Дона опубликовала Е.Ф.Батиева [168]. А.Т.Яблонский обработал материалы из раскопок на Илеке, дав половозрастную характеристику исследованных материалов. Интересны его выводы о возможности краниологического обособления различных социальных групп в сарматской среде [1274]. Знание материалов Средней Азии позволило исследователю выступить с критикой предположения А.Д.Таирова об участии саков Приуралья в этногенезе савромато-сарматов [1276, С.38].

Всё большую роль играют палеоклиматические и палеоэкологические изыскания. Большую работу по реконструкции палеоэкологических условий сарматской эпохи проводит группа под руководством В.А.Дёмкина [399–401; 402]. Ряд положений уточнён в работах И.В.Иванова [486–488]. Из общей массы выделяется исследование С.И.Бараша, посвящённое истории погоды и неурожаев в Европе с нач. I тыс. до н.э.

по XVI в.н.э. [166]. В нём традиционные методы палеоклиматологов подкреплены данными письменных источников о климатических экстремумах. Методы «экологической археологии» применяются к решению проблем истории ранних кочевников. С их помощью были сделаны попытки исследования феномена возникновения номадизма, расчёта вероятной численности савромато-сарматских племён, объяснения причин сарматских миграций, реконструкции возможностей скифской экономики, анализа причин запустения Европейской Скифии в III в. до н.э. и исследования этнокультурных процессов в урало-казахстанских степях II–I тыс. до н.э. и т.д. [299, С.5–24, 94–95; 623; 624; 908, С.104–107]. Удачным примером комплексного использования данных археологии, истории и палеоэкологии можно считать исследование А.П.Медведева, посвящённое истории Верхнего Подонья в скифское время [739]. Ценный материал об изменениях климата в степной и лесостепной зоне Центральной Евразии собран А.Д.Таировым [1137]. Проблема корреляции климатических условий и демографии кочевников Южнорусской степи рассмотрена в одной из наших работ [213].

Как отмечалось, большую роль в объединении усилий сарматологов на протяжении последних 15 лет играют конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», проходящие под общим руководством М.Г.Мошковой. После первой конференции 1988 г., которая подвела итоги предшествующего этапа в сарматоведении, прошли ещё пять.

Ко II конференции, проходившей в Волгограде в 1994 г., резко расширился круг обсуждаемых проблем. Помимо общей характеристики территориальных вариантов сарматской АК анализу подверглись общие проблемы сарматологии, памятники эпохи перехода от бронзового века к железнному, взаимоотношения савромато-сарматов с народами Средней Азии, Римом, германцами, относительная и абсолютная хронология Азиатской Сарматии [192; 263; 334; 453; 691; 1160; 1254; 1289]. Увеличился территориальный охват: помимо памятников Дона – Приуралья и Предкавказья в докладах анализировались сарматские древности Средней Азии, Северного Причерноморья, Венгрии, Британии [92; 447; 504; 506; 804; 977; 1016; 1151; 1214; 1284]. Серия докладов была посвящена вопросам типологии археологического материала и технологии древних производств [393; 451; 773; 722]. Внушительным оказался блок сообщений, связанных с использованием методов естественных наук для исторических реконструкций [157; 399; 487; 891; 972; 1179].

Более узкую тематическую направленность имела III конференция, проведённая в 1997 г. в Азове [991]. Приуроченная к 80-летию со дня

рождения К.Ф.Смирнова, она была посвящена проблеме взаимоотношений савроматов и сарматов со Скифией и в первую очередь вопросу о времени и характере освоения савромато-сарматами степей Северного Причерноморья. Традиционной точке зрения о завоевании Скифии савромато-сарматами в IV в. до н.э., представленной в целой серии докладов [276; 674; 736; 805], С.В.Полин и А.В.Симоненко противопоставили предположение о сравнительно мирной смене скифов сарматами во II в. до н.э. [910]. Большинство участников конференции не поддерживали эту гипотезу, что отразилось не только в опубликованных докладах, но и в материалах дискуссии [806; 1066]. В поддержку предположений украинских коллег выступил лишь В.Ю.Зуев, расширивший географические рамки «хиатуса III в. до н.э.» с Северного Причерноморья ещё и на Азиатскую Сарматия, однако его выступление даже не было опубликовано, и судить о нём можно лишь по отклику М.Г.Мошковой [806; С.337–338].

Ключевой темой IV конференции, проводившейся в 2000 г. в Самаре, стала раннесарматская культура [938–939]. Во многом тематика конференции была обусловлена попытками пересмотра хронологических рамок последней и особенно предположением об отсутствии прохоровских памятников III в. до н.э. [477–478]. Это положение было оспорено в ряде докладов [549; 676; 749; 827]. Свидетельства появления среднесарматских памятников ещё в I в. до н.э. были представлены В.П.Глебовым [318]. Ряд сообщений был посвящён вопросам генезиса прохоровских древностей [367; 975; 1276]. Как и на предыдущих конференциях, были представлены доклады по антропологии и палеоэкологии [161; 163; 401; 488; 1195; 1276]. Интерес представили и доклады, посвящённые вопросам типологии материала, технологии древних производств, проблеме торговых контактов, памятникам Подунавья [489; 507; 606; 912; 1167; 1293].

В мае 2004 г. в Анапе прошла V конференция, посвящённая региональной хронологии сарматской культуры [990]. К предварительному обсуждению были подготовлены тексты докладов о хронологии памятников Южного Урала, Поволжья, Нижнего и Среднего Дона, Северного Причерноморья, Средней Азии и Казахстана [324; 458; 609; 740; 807; 1006; 1022; 1071; 1138; 1278]. Кроме того, были опубликованы сообщения методологического характера [481; 709; 1258]. Уже традиционной стала антропологическая тематика [164]. Была озвучена серия докладов, публикация которых только намечается. Наиболее острое обсуждение вызвал доклад В.Ю.Зуева, традиционно посвящённый проблеме «хиатуса III в. до н.э.» Эта гипотеза по-прежнему не встретила поддержки практически у всех участников обсуждения, особенно после демонстрации

А.Т. Яблонским результатов исследований курганов у с. Прохоровка. Вызвали несогласие и некоторые хронологические построения А.В. Симоненко, связанные с датировкой ранне- и среднесарматских памятников Украины и Крыма. В целом можно отметить стремление большей части сарматологов к восстановлению хронологической схемы Б.Н. Гракова.

Тематика VI конференции, проходившей в мае 2007 г. была посвящена вооружению и военному делу савроматов и сарматов.

Таким образом, савромато-сарматская проблематика в отечественной и зарубежной историографии представлена значительным количеством работ обобщающего и частного характера. Накоплена огромная источниковедческая база. Письменные, археологические и антропологические источники подвергнуты глубокому и всестороннему анализу. Вместе с тем, спорными являются такие важные вопросы, как генезис савромато-сарматских племён, их социальная история, место и историческая роль в судьбах Евразии, периодизация и хронология древностей савромато-сарматской культуры, только вырабатывается современная методика обработки и анализа массива погребальных памятников, отсутствуют сквозные типологические разработки для многих категорий материальной культуры.

Решению некоторых из этих проблем посвящены следующие разделы нашей работы.

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. МЕТОДИКА РАБОТЫ

Вопросы классификации и типологии материала тесно связаны с разработкой шкал абсолютной и относительной хронологии памятников [1062, С.29]. Без чёткой локализации памятников во времени нерелеванны любые исторические реконструкции по археологическим материалам. При этом памятники, связываемые с савроматами и сарматами, содержат достаточно находок, позволяющих выполнять хронологические разработки вкупе с твёрдо датированным импортом, особенностями обряда и данными стратиграфии.

Проблемами типологии вещественного материала из савроматских и сарматских памятников занимался целый ряд видных специалистов. Однако они были связаны с отдельными хронологическими срезами [792; 1057; 1062; 1088; 1104], конкретными регионами [271; 354; 542; 672; 675; 716; 734; 944; 1015], либо отдельными категориями инвентаря [1093; 1188–1190; 1345]. Для построения сквозной савромато-сарматской хронологической шкалы необходима универсальная типология материалов с едиными типологическими критериями для всех рассматриваемых регионов и эпох. Основы такой работы заложены в трудах К.Ф.Смирнова и А.М.Хазанова, посвящённых савромато-сарматскому оружию [1086–1190], курительницам [1093], статье С.А.Яценко о сарматских диадемах [1287] и монографии А.С.Скрипкина о памятниках Азиатской Сарматии III в. до н.э. – нач. II в.н.э. [1062]. Разработан ряд типологических схем для предметов, являющихся импортными в савромато-сарматском мире. К ним можно отнести схемы И.Б.Зеест, И.Б.Брашинского, Д.Б.Шелова и С.Ю.Монахова для амфорной тары и чернолаковой керамики [251–252; 472; 767; 1221], А.К.Амброза для фибул [119], Х. Эггерса для римской металлической посуды [1307–1308], Е.М.Алексеевой для античных бус [112; 114–115]. Их можно использовать в готовом виде, с учётом современной

корректировки датировок, а работы Е.М.Алексеевой – с учётом вновь выявленных в савроматских и сарматских комплексах типов бус, не вошедших в её сводку.

2. ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ

Принципы типологии.

Для разработки типологии керамики из савроматских и сарматских погребений по единым критериям наиболее приемлем подход, предложенный А.С.Скрипкиным [1062]. При выделении типов он использовал формализованный метод, основанный на учёте пропорций сосудов. Немаловажно, что отобранные им параметры всегда учитываются художниками, и их соотношение достаточно точно передаётся в графике при любом изменении масштаба. Это позволяет использовать для обмеров и расчётов не только сами сосуды, но и их изображения в публикациях и отчётах. Как показали эксперименты, проведённые В.Е.Ерёменко, использовавшим близкий подход к типологии керамики зарубинецкой АК, погрешность в расчёте индексов минимальна [424].

Для выделения типов использованы 8 параметров и 7 индексов, апробированных А.С.Скрипкиным [1062, С. 31–32, Рис.4]. К параметрам относятся:

- Максимальный диаметр горла (D_1).
- Минимальный диаметр горла (D_2).
- Максимальный диаметр тулова (D_3).
- Диаметр дна (D_4).
- Общая высота сосуда (H).
- Высота горла (H_1).
- Высота плечика (H_2).
- Высота придонной части тулова (H_3).

К индексам относятся:

- Соотношение максимального диаметра тулова и высоты сосуда (D_3/H).
- Соотношение высоты горла и общей высоты сосуда (H_1/H).
- Соотношение минимального диаметра горла и максимального диаметра тулова (D_2/D_3).
- Соотношение высоты плечика и придонной части тулова (H_2/H_3).
- Соотношение максимального диаметра и высоты тулова ($D_3/H+H_3$).

- Степень профилированности горла (Д1-Д2/Н1).
- Соотношение диаметра дна и максимального диаметра тулова (Д4/Д3).

Нами приняты абсолютные значения индексов, рассчитанные А.С. Скрипкиным [1062, С. 33–36], и принятые им дополнительные признаки (форма ручки и дна) [Таб. 1].

Весь исследуемый массив делится на два отдела: лепная и кружальная посуда. Керамика по характеру теста делится на подотделы: сероглиняная, чернолощёная, красноглиняная, ангобированная. Внутри отделов и подотделов по функциональному назначению выделяются виды: горшки, кувшины, миски, кружки.

Лепная керамика.

Лепная керамика из савроматских и сарматских памятников представлена в основном сероглиняными и чернолощёными горшками и кувшинами с плоским либо круглым дном. При этом сероглиняные формы и у савроматов, и у сарматов встречаются повсеместно и, как правило, ими же и производились. Чернолощёные формы (как лепные, так и кружальные) в V–I вв. до н.э. тяготеют к Кавказу, кобанской керамической традиции, а в первые века н.э. – к Воронежской лесостепи. Неоднократно отмечалось также, что круглодонные лепные горшки с примесью талька в тесте привнесены в сарматский мир из лесостепных районов Зауралья [796].

Подотдел I. Сероглиняная керамика.

Вид 1. Горшки.

К данному виду мы относим сосуды, не имеющие ручек. В отличие от А.С. Скрипкина [1062] и М.Г. Мошковой [792] помимо плоскодонных и круглодонных горшков (подвиды 1 и 4) мы отдельно выделили плоскодонные горшки с выделенным плоским дном (подвид 2). Данный признак является важным при дифференциации плоскодонной посуды савроматского и прохоровского комплексов. В отдельные подвиды вынесены горшки, имеющие боковой носик или слив. Последние, как правило, не отличаются по своим пропорциям от обычных горшков, однако время их бытования ограничивается блюменфельдским – началом прохоровского периодов. Кроме того, боковые сливы встречаются на сосудах Подонья и Заволжья, а трубчатые носики фиксируются на горшках из Приуралья. Так как наличие слива или носика может быть индикатором региональной либо хронологической принадлежности, сосуды с такой деталью выделены в подвиды 3 и 5.

Подвид 1. Горшки с плоским дном.

Этот подвид представлен самым большим количеством экземпляров. Нами учтено 1108 таких сосудов. А.С.Скрипкин для данного подвида выделил 114 вариантов формы [1062, С. 38–41, Таб. 4, Рис. 7–10]. Расширение хронологических и территориальных рамок в нашем исследовании и выделение в отдельные подотделы горшков с выделенным дном и орнаментом «полотенцами» позволило увеличить количество типов до 181 [Таб. 2].

Подвид 2. Горшки с плоским выделенным дном.

К этому подвиду отнесено 265 сосудов (за исключением нескольких экземпляров, отнесённых А.С.Скрипкиным к типу А-113), среди которых выделены 84 типа [Таб. 3]. В выборке преобладают сосуды VII–V вв. до н.э., хотя горшки с выделенным дном встречаются вплоть до финала сарматской культуры. Можно отметить, что для ранней группы характерны сосуды различных пропорций с преобладанием вытянутых. В позднесарматской выборке доминируют горшки, приплюснутые по терминологии А.С.Скрипкина [1062, Таб. 1].

Подвид 3. Плоскодонные горшки с носиком или боковым сливом.

Данный подвид представлен 28 сосудами из Приуралья, Заволжья и Задонья. Сосуды чётко разбиваются на две группы по характеру оформления слива [Таб. 4].

Группа 1. Сосуды с желобчатым сливом. Все они относятся к раннесавроматскому и переходному периодам, концентрируясь на Дону (6 экз.) и Заволжье (3 экз.). Можно отметить преобладание горшков вытянутых пропорций (И1 = 2).

Группа 2. Горшки с трубчатым сливом-носиком из Приуралья (11 экз.) и Заволжья (7 экз.), датируемые кон. VI – V вв. до н.э. Один экземпляр происходит из Задонья. Доминируют сосуды средних пропорций (И1 = 3). Сосуды группы 2 находят аналогии в культуре саков Нижней Сырдарьи VII–V вв. до н.э. Пропорции сосудов неустойчивы, фактически каждый из них можно относить к отдельному типу. Поэтому при разработке относительной хронологии использовался один значимый признак – наличие и форма слива.

Подвид 4. Горшки с круглым дном.

Нами учтено 299 таких горшков. Для комплексов эпохи эллинизма А.С.Скрипкин выделил 69 типов таких сосудов. Анализ пропорций сосудов из комплексов кон. V–IV вв. до н.э. и первых веков нашей эры, не включённых в сводку А.С.Скрипкина, позволил выделить ещё 30 типов [Таб. 5]. Большинство этих сосудов относится к IV–III вв. до н.э.

Отдельные экземпляры появляются ещё в V в. до н.э. Наиболее поздние формы фиксируются в позднесарматских комплексах. Большинство из учтённых нами горшков (209 экз.) найдено в Приуралье. Значительная выборка (66 экз.) происходит из Заволжья. В Задонье нам известен 21 сосуд, на Кубани – 1, на Украине -2. В Молдавии они отсутствуют.

Подвид 5. Горшки с круглым дном и носиком.

Сосуды, относящиеся к данному подвиду, малочисленны (7 экземпляров). Среди них преобладают вытянутые, средние и приплюснутые формы, аналогичные по пропорциям типам 13, 28, 34, 38, 54, 56 и 58. [Таб. 6]. Почти все они происходят из уральских комплексов IV в. до н.э. Сосуд из к.2 у с. Варна относится к V в. до н.э.

Вид 2. Кувшины.

Подвид 1. Лепные кувшины с плоским дном.

Сосуды данного подвида распространяются в сарматском мире с IV–III вв. до н.э. и бытуют до финала сарматской АК. Нами учтены 127 кувшинов, для которых выделяется 65 вариантов формы (типов) [Таб. 7].

Подвид 2. Лепные кувшины с круглым дном.

Учтены 23 кувшина (в том числе 2 кружки) данного подвида. Они объединяются в 13 типов (у А.С.Скрипкина – 6) [Таб. 8]. Наиболее распространены вытянутые кувшины типов 4–6.

Вид 3. Миски.

Большинство учтённых нами мисок изготовлены на гончарном круге. К лепным отнесены 11 экземпляров, происходящих в основном со Среднего и Верхнего Дона. Они весьма разнообразны – по критериям, предложенным А.С.Скрипкиным и дополненным в связи с хронологическим и территориальным расширением выборки, выделяются 10 вариантов формы [Таб. 9].

Подотдел 2. Керамика, орнаментированная «полотенцами».

Из общей массы лепной посуды отчётливо выделяются экземпляры с характерным коричневым в изломе тестом, покрытые обычно чёрным лощением и часто подправленные на поворотном столике или круге медленного вращения. Они орнаментированы спускающимися с плечиков вертикальными линиями, часто заблокированными попарно либо по три-четыре вместе («полотенцами»). В основном такие сосуды встречаются в комплексах II–I вв. до н.э. Наиболее разнообразна и многочисленна керамика с «полотенцами» в Предкавказье. В рамках данного подотдела выделяются горшки, кувшины, кружки и миски. Большинство из них имеют плоское дно, хотя среди горшков и кувшинов могут встречаться и круглодонные.

Вид 1. Горшки.

Подвид 1. Плоскодонные горшки.

Исследованы пропорции 91 горшка с таким орнаментом. Выделены 52 типа сосудов, большая часть которых находит соответствия в типологии лепных плоскодонных горшков А.С. Скрипкина [Таб. 10]. Доминируют сосуды вытянутых и очень вытянутых пропорций. Очень приплюснутые по терминологии А.С. Скрипкина формы представлены 4 экземплярами. Наиболее популярны сосуды типов 12, 13, 19 и 29 (Скрипкин А27, А28, А39, А47). Обращает на себя внимание преобладание горшков данного подвида в Заволжье при отсутствии их к западу от Дона. Почти все они относятся ко II–I вв. до н.э. Самый ранний экземпляр IV в до н.э. происходит из Предкавказья (Хопёрская к.12 п.5).

Подвид 2. Круглодонные горшки.

Анализировались параметры 12 сосудов из Приуралья (3), Заволжья (6), Задонья (2) и Днепро-Донского междуречья (1) [Таб. 11]. Малый объём выборки и компактное хронологическое распределение сосудов (все они происходят из комплексов II–I вв. до н.э.) делает бессмысленным членение их на типы по параметрам, предложенным А.С. Скрипкиным.

Вид 2. Кувшины.

Подвид 1. Плоскодонные кувшины.

К данному подвиду отнесены 99 сосудов. Большинство из них (46 экз.) происходит из погребений Предкавказья. Кроме того, учтены 9 кувшинов из Приуралья, 14 из Заволжья, 22 из Задонья и 8 с Украины. Анализ пропорций позволил выделить 36 типов таких сосудов [Таб. 12].

Подвид 2. Круглодонные кувшины.

Данная разновидность керамики представлена единичными формами в Азиатской Сарматии. Дробное членение данной выборки не имело смысла. Она столь же компактна, как и круглодонные горшки с «полотенцами» и относится к тому же промежутку времени.

Вид 3. Кружки.

Учтены 27 кружек, орнаментированных «полотенцами». Все они происходят из погребений Предкавказья. Преобладают сосуды средних и вытянутых форм. Сильно вытянутые и приплюснутые кружки встречаются как исключение. Выделяются 17 типов, большинство из которых представлены в Прикубанье [Таб. 13].

Вид 4. Миски.

Для данной категории находок (44 экз.) использована типологическая схема А.С. Скрипкина, в которой выделены 4 типа мисок. Однако почти полное отсутствие таких мисок в Азиатской Сарматии привело к недоучёту

ряда форм, имеющихся в погребениях Предкавказья. В результате заново были выделены 4 типа и 31 вариант формы [Таб. 14]. Новым явлением стали сосуды с прямыми стенками без выделяющихся бортика и венчика. К предлагаемым А.С.Скрипкиным четырём разновидностям формы дна мисок (индекс III) добавлена пятая: плоское выделенное дно. Выделены новые варианты для индекса VI (форма венчика). К ним относятся варианты 7 (загнутый внутрь прямой венчик с загнутой внутрь горизонтальной площадкой), 8 (вертикальный венчик с Т-образной горизонтальной площадкой) и 9 (прямой венчик с ровным косым срезом изнутри и орнаментом по срезу).

Кружальная керамика.

Столовая посуда, изготовленная на гончарном круге, получила широкое распространение у сарматов со II–I вв. до н.э. Впрочем, уже у савроматов в дружинных погребениях Елисаветовского могильника в изобилии встречены тарные и столовые сосуды греческого производства. Выделяются две основные группы сосудов, связанные с технологией их изготовления. Это сероглиняные формы, изготавливавшиеся, как правило, эллинизированными варварами Приазовья, и красноглиняные сосуды из античных и среднеазиатских мастерских. Кружальные формы представлены, прежде всего, кувшинами, мисками и кружками. Меньшую популярность получили кружальные горшки. Нами не рассматриваются амфоры, чернолаковая столовая посуда и античные туалетные сосуды, проанализированные в работах по античной археологии.

Подотдел 1. Сероглиняная посуда.

Сосуды, изготовленные на круге быстрого вращения, с серо-стальной, бежевой, светло-коричневой и тёмно-серой поверхностью традиционно связывают с керамической традицией Восточного Приазовья. Поэтому при разработке типологии данной разновидности керамики мы учли закономерности, выявленные на меотском материале. В частности, хронологически-значимым признаком является форма дна сосудов. Н.В.Анфимов отмечал, что сосуды на кольцевом поддоне наиболее характерны для меотского и среднемеотского периодов (IV – сер. I вв. до н.э.), а плоскодонные – для позднемеотского (сер. I в. до н.э. – II в.н.э.) [134]. Поэтому при разработке, например, типологии кувшинов этот признак служил для выделения вариантов внутри типов.

Вид 1. Горшки.

А.С.Скрипкин выделил 31 тип (вариант формы) для горшков из погребений III–I вв. до н.э. Нами добавлены формы, происходящие из комплексов средне- и позднесарматского времени (всего исследовано 113 экземпляров). В результате выделены 68 типов сосудов данного вида [Таб. 15].

Вид 2. Кувшины.

Учтены 430 одноручных сосудов и 29 двуручных, формирующих 2 подвида. Расчёт индексов по методике А.С.Скрипкина позволил выделить 109 типов одноручных и 19 типов двуручных кувшинов [Таб. 16, 17]. Среди первых преобладают сильно вытянутые и вытянутые формы (типы 11, 22, 24 и 53). В группе двуручных отсутствуют сосуды средних пропорций и преобладают вытянутые и сильно вытянутые. В подвид 3 выделены сероглиняные одноручные ойнохои (26 экз.), для которых выделяются 14 вариантов формы [Таб. 18]. Здесь также доминируют сильно вытянутые сосуды.

Вид 3. Кружки.

Учтен 101 сосуд, из Приуралья (1), Заволжья (8), Задонья (32), Предкавказья (55) и правобережья Дона (5), датируемые в пределах IV в. до н.э. – IV в.н.э. Расчёт индексов позволяет выделить 49 типов [Таб. 19]. Преобладают сосуды средних и приплюснутых пропорций.

Вид 4. Миски.

Вновь использована схема А.С.Скрипкина, в которой выделены 4 типа мисок. Нами учтена 301 миска в основном из Предкавказья и Задонья. Расширение источниковой базы потребовало увеличить количество вариантов для признаков, характеризующих форму мисок. Так для признака III (форма дна) введены варианты 5 (плоское выделенное дно) и 6 (дно округлое). Признак IV (форма бортика) пополнился вариантом 5 – прямой бортик, отогнутый наружу. Для признака VI (форма венчика) новыми стали варианты 7 (венчик резко отогнут внутрь) и 8 (прямой венчик с горизонтальной площадкой поверху). В результате выделены 70 вариантов формы [Таб. 20].

Подотдел 2. Красноглиняная посуда.

Вид 1. Горшки.

Эти сосуды немногочисленны (16 экз.), для них выделяются 11 вариантов формы. При этом более чем в одном экземпляре встречены сосуды типов 6–8, происходящие из комплексов II–I вв. до н.э. [Таб. 21].

Вид 2. Кувшины.

Красноглиняные кувшины боспорского производства часто встречаются в сарматских погребениях II–I вв. до н.э., хотя могут находиться и в более ранних, и в более поздних комплексах. Учтены 157 находок. Расчёт индексов по методике А.С.Скрипкина позволил выделить 40 вариантов формы [Таб. 22]. При этом в сарматских погребениях встречены кувшины только вытянутых и сильно вытянутых пропорций. Приплюснутые формы фигурируют только в меотских погребениях. Отдельно

рассмотрены немногочисленные красноглиняные ойнохои (7 экз.), которые можно разбить на 2 типа (Таб. 23) и кувшины, покрытые красным ангобом (Таб. 24).

Вид 3. Кружки.

Красноглиняные кубки обычно представлены иными формами, более приемлемыми для греков (канфары, килики). Вместе с тем, в сарматских погребениях Прикубанья и некоторых районов Восточной Сарматии встречаются именно красноглиняные гончарные кружки (44 экз.). Они достаточно чётко разделяются на 2 группы по конструкции ручки и форме тулова, в рамках которых выделены 25 вариантов формы [Таб. 25]. Кружки группы 2 можно рассматривать без учёта деления на типы в силу сравнительно недолгого срока их бытования (вторая пол. II – первая пол. I вв. до н.э.).

Вид 4. Миски.

Для данной категории находок использована схема А.С. Скрипкина. Анализ серии из 44 мисок позволил выделить 22 варианта, распределяющихся между типами 1–3 схемы А.С. Скрипкина [Таб. 26]. К разновидностям этих типов можно отнести и античные лутерии, иногда исполняющие функции мисок в сарматских погребениях Прикубанья.

3. ТИПОЛОГИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

Война играла большую роль в жизни всех кочевых обществ, в силу специфики их хозяйственного уклада. Номады, не имевшие стационарных хранилищ пищи, в гораздо большей степени зависели от капризов климата, нежели земледельцы. Вместе с тем, они были гораздо мобильнее последних и в неблагоприятных условиях спешили решать свои проблемы за счёт более запасливых (или более удачливых) соседей. Поэтому на протяжении долгого времени оружие и тактика степняков оставались самыми передовыми в мире. Комплекс вооружения чутко реагировал на все новинки, достаточно быстро изменялся и потому может быть надежным хронологическим индикатором. К числу элементов этого комплекса у савроматов и сарматов относятся:

- Метательное оружие (стрелы и луки, детали колчанов)
- Древковое оружие (копья и дротики)
- Клинковое оружие (мечи и кинжалы)
- Защитный доспех (шлемы, панцири, боевые пояса, наручи, поножи)

Изредка встречаются другие виды оружия – палица, боевые топоры, арбалетные болты, щиты. Единичность таких находок, их разнотипность не позволяет использовать их при создании шкал относительной хронологии, хотя иногда они могут быть использованы для уточнения абсолютных дат.

Метательное оружие.

Наиболее массовой категорией находок, относящихся к метательному вооружению, являются наконечники стрел. Последние можно разделить по материалу на три крупных группы: бронзовые, железные и костяные.

Типологию савроматских и сарматских **бронзовых наконечников стрел** идеально разработали К.Ф.Смирнов и М.Г.Мошкова [790; 1086]. Единственным удачным дополнением к их типологической схеме является работа М.И.Очир-Горяевой, разделившей наконечники Задонья и Заволжья на подтипы по степени массивности [877]. Правда, последнюю работу портит совершенно неоправданно изменённая по сравнению с К.Ф.Смирновым нумерация типов наконечников, хотя ни одной новой формы М.А.Очир-Горяева не выделила. В данной работе использована типология бронзовых наконечников стрел К.Ф.Смирнова с разделением типов на подтипы по М.А.Очир-Горяевой [Таб. 27].

Железные наконечники стрел савроматов и сарматов, несмотря на многочисленность, до сих пор во всей полноте не рассматривались. Схему А.М.Хазанова для черешковых наконечников нельзя признать удачной: выделенные в ней типы бытуют по 200–400 лет [1190, Таб. XIX]. Общепринятая схема для втульчатых наконечников отсутствует. Объективную трудность работы с железными наконечниками представляет их подверженность коррозии. Боевые головки, черешки, втулки скипаются, теряют первозданную форму, в силу чего о внешних морфологических особенностях железных наконечников стрел судить гораздо сложнее, чем в случае с бронзовыми. В итоге возникла необходимость создания принципиально новой типологии железных наконечников стрел из савроматских и сарматских памятников. Наконечники стрел были разделены на виды по способу крепления к древку, на отделы по форме поперечного сечения боевой головки, на типы по форме и пропорциям боевой головки, причём к черешковым и втульчатым трёхлопастным наконечникам пришлось подходить с различными критериями выделения типов. Итак, все железные наконечники разделены на 2 вида – втульчатые и черешковые [Таб. 28, 30].

Первый вид, втульчатые наконечники, делится на отделы: двухлопастные, трёхлопастные, трёхгранные, четырёхгранные, круглые.

В рамках первого отдела выделяются 2 типа:

Тип 1 – с крупной треугольной боевой головкой с опущенными жальцами, втулка по длине меньше или равна боевой головке

Тип 2 – с небольшой треугольной боевой головкой с ровным основанием, втулка по длине больше боевой головки

Второй отдел наиболее variabelен по форме наконечников. Как показывает детальный осмотр боевой головки*, у целых наконечников она обычно треугольная с опущенными жальцами. Варьируют пропорции наконечников, такие как соотношение длины всего наконечника (A) и боевой головки (a) и соотношение длины (a) и ширины (b) боевой головки. На двупольном графике [Таб. 29], где по оси абсцисс отложено соотношение a/b , а по оси ординат соотношение A/a , наглядно прослеживается уменьшение массивности наконечников от типа IА к типу IЕ и уменьшение длины боевой головки относительно втулки от типа IА к типу IIIА. Первое соотношение служило для выделения типов, второе – подтипов.

Тип 1. Наконечники с относительно длинной головкой (соотношение $A/a = 1,2-2$).

Подтип 2А Массивные наконечники. Соотношение $A/b = 1,5-2$.

Подтип 2Б Средние наконечники. Соотношение $A/b = 2-3$.

Подтип 2В Вытянутые наконечники 1. Соотношение $A/b = 3-4$.

Подтип 2Г Вытянутые наконечники 2. Соотношение $A/b = 4-5$.

Подтип 2Д Подшиловидные наконечники. Соотношение $A/b = 5-6$.

Подтип 2Е Шиловидные наконечники. Соотношение $A/b = 6-7$.

Тип 2. Наконечники со средней головкой (Соотношение $A/a = 2-3$).

Подтип 3А Массивные наконечники. Соотношение $A/b = 1,5-2$.

Подтип 3Б Средние наконечники. Соотношение $A/b = 2-3$.

Тип 3. Наконечники с короткой боевой головкой (Соотношение $A/a = 3-4$).

Подтип 4А Массивные наконечники. Соотношение $A/b = 1,5-2$.

Третий отдел. Представлен пятью типами:

Тип 1. Лавровидная головка.

Тип 2. Асимметрично-ромбическая головка.

Тип 3. Треугольная головка с ровной базой.

* Специальное исследование наконечников из колчаных наборов кубанских сарматов проведено Н.Ф. Шевченко. По его наблюдениям все целые наконечники имели треугольную головку с опущенными жальцами. Благодарю Н.Ф. Шевченко за любезно предоставленную информацию, расходящуюся с ранее опубликованными им данными [1213, С.40-42]

Тип 4. Треугольная головка с опущенными жальцами.

Тип 5. Дуговидная головка и потайная втулка.

Четвёртый отдел. Представлен двумя типами.

Тип 1. Головка треугольная.

Тип 2. Головка асимметрично-ромбическая.

Пятый отдел. Наконечники этого отдела в целом стандартны и имеют веретенообразную боевую головку.

Второй вид, черешковые наконечники, выделены четыре отдела: двухлопастные, трёхлопастные, трёхгранные, четырёхгранные.

Первый отдел представлен двумя типами:

Тип 1. Боевая головка с опущенными жальцами.

Тип 2. Боевая головка с ровной базой либо с лопастями, скошенными к острию.

Второй отдел.

Трёхлопастные черешковые наконечники не менее вариабельны, чем трёхлопастные втульчатые. Для выделения типов в данном случае служит форма боевой головки, подтипы выделены по соотношению её длины от основания черешка к максимальной ширине. Для удобства типология представлена в виде двупольного графика [Таб. 31]. На нём по оси ординат отложено соотношение длины боевой головки от острия до основания черешка (А) к длине от острия до места максимального расширения боевой головки (а). В результате можно выделить 4 типа наконечников:

Тип 1. С опущенными жальцами ($A/a < 1$).

Тип 2. С ровной базой ($A/a = 1$).

Тип 3. С лопастями, скошенными к острию ($2 > A/a > 1$).

Тип 4. С ромбической и асимметрично-ромбической головкой ($A/a \geq 2$).

По оси абсцисс отложено соотношение длины боевой головки (А) от основания черешка к максимальной ширине (b). Выделение подтипов проведено механически со значениями через 0,5, так как устойчивых естественных групп выделить не удаётся. Всего выделено 8 подтипов (А-З). Их пропорции изменяются от приземистых (Подтип А: $A/b \leq 1$) до вытянутых (Подтип З: $A/b \leq 4,5$). Все наконечники типов 1–4 имеют прямые грани. При этом в некоторых комплексах IV в. до н.э. отмечены наконечники с арочной боевой головкой, которые мы выделяем в отдельный тип 5 без учёта пропорций.

Варианты выделялись по длине черешка: наконечники с коротким (длина меньше длины боевой головки) и длинным (длина равна или больше длины боевой головки) черешком.

Третий отдел.

Трёхгранные черешковые наконечники стрел характерны для раннего этапа прохоровской АК и как правило имеют треугольную боевую головку и ровную базу. Самые поздние экземпляры кон. III – нач. II вв. до н.э. из Прикубанья могут иметь головку ромбической формы либо с гранями, скошенными к острию. Такие «мутации» практически бессистемны. Критерием для выделения типов здесь могут служить соотношение длины боевой головки и черешка. Для комплексов IV в. до н.э. типичны наконечники с черешком более коротким или равным по длине боевой головке. В более поздних комплексах известны наконечники с черешками, превышающими по длине боевую головку. На этом основании выделены 2 типа:

Тип 1. Наконечники с коротким черешком.

Тип 2. Наконечники с длинным черешком..

Четвёртый отдел.

Четырёхгранные черешковые наконечники встречаются в Прикубанье в комплексах первой пол. I в. до н.э. и имеют треугольную головку и короткий черешок.

Костяные наконечники стрел являются достаточно редкой категорией находок и встречаются на всех этапах савромато-сарматской АК. Предлагается следующая схема их типологии [Таб. 32]:

Первый вид. Втульчатые.

Первый отдел. Трёхгранные.

Тип 1. С треугольной головкой и опущенными жальцами.

Тип 2. С треугольной головкой и ровной базой.

Второй отдел. Четырёхгранные.

Тип 1. Четырёхгранные со сводчатой головкой и опущенными жальцами.

Тип 2. Четырёхгранные со сводчатой головкой и ровной базой.

Третий отдел. Шестигранные.

Тип 1. Со сводчатой головкой и опущенными жальцами

Четвёртый отдел. Круглые.

Тип 1. Пулевидные.

Тип 2. Шиловидные

Второй вид. Черешковые.

Первый отдел. Двухлопастные.

Тип 1 Головка ассиметрично-ромбическая.

Тип 2. Головка арочная..Черешок в виде «ласточкина хвоста».

Второй отдел. Трёхгранные.

Тип 1. Трёхгранные с арочной головкой.

Третий отдел. Четырёхгранные.

Тип 1. Головка арочная с ровной базой.

Тип 2. Головка сводчатая с лопастями, скошенными к острию.

Тип 3. Головка треугольная.

Тип 4. Головка ромбическая.

Четвёртый отдел. Круглые.

Тип 1. Веретеновидные.

Луки сохраняются гораздо реже, их деревянные части весьма подвержены тлению. Три лука происходят из погребений III в. до н.э., исследованных П.Д.Рау в 1928 г. [1027]. В северной II группе у с. Усатово «деревянный лук из трёх частей» происходит из к. F19 п.2, в группе у хутора Лебзак в к. G5 п.11 обнаружены сразу два лука [1027, С. 62–64, 100–103, Рис.39, 70]. К сожалению, детальное их описание и рисунки в крупном масштабе не приведены, но на планах погребений отчётливо прослеживается S-видная форма луков. Длина их, судя по масштабу планов погребений, составляла около 60 см. Синхронен находкам из Усатово лук из п.2 в к.9 из группы Покровка 7 в Приуралье [1281, С. 32]. Он имел S-видную форму и собран из дерева и костяных пластин. При этом костяные накладки располагались на концах лука, а центральная часть была деревянной. Длина одной из концевых накладок – 83 мм, ширина – 15 мм, толщина в центральной части – 4 мм. Общая длина лука составляла около 90 см, изгиб по вертикали – около 35 см [1281, С.32, Рис. 39, 46, 6]. Таким образом, для раннесарматского времени археологические находки фиксируют две схемы лука: S-видную и более сложную S-видную. Во всех случаях луки сложные, иногда усилены пластинами из кости. В архаических комплексах Задонья встречаются наконечники кибитей таких луков, выполненные в виде стилизованных головок хищных птиц. К средне- и особенно позднесарматскому времени относится серия костяных накладок для сложных луков т.н. «гуннского типа». Таким образом, можно выделить два типа луков [Таб. 33]:

Тип 1. Деревянный сложный малый лук S- или S-видной формы («скифский»).

Тип 2. Деревянный сложный большой лук с костяными накладками («гуннский»).

Кроме того, к стрелковому оружию можно отнести детали футляров для стрел и луков (колчанов и горитов) [Таб. 34]. Золотая обкладка парадного **горита** открыта в к.8/1954 Елисаветовского могильника. Она относится к изделиям «тройанской серии» и имеет полные аналоги в скифских Чертомлыкском, Ильинецком и Мелитопольском курганах. Остатки

деревянных и кожаных горитов и колчанов встречены в п.3 одиночного кургана в Линёвке на Урале, к.5 п.12 Койсугского могильника на Дону, к.9 п.9 у с. Успенского и к.9 п.35 у ст. Владимировской на Кубани. Внешний вид раннесарматских горитов реконструируется также по изображениям на каменных изваяниях святилищ на Устюрте [871, рис.66]. Судя по этим находкам, горит имел форму параллелепипеда с боковым карманом. На боковой крышке иногда изображён полусферический умбон [Таб. 34]. Последний, судя по находкам в Филипповке, выполнялся из металла [1283].

Колчанные застёжки встречены в основном в архаичных комплексах VII–VI вв. до н.э. и изготовлены из кости. К нач. IV в. до н.э. относится экземпляр из золота [Таб. 34а].

Тип 1. Грибовидные («столбики»).

Тип 2. Стержневидные с перехватом посередине.

Вариант А. Прямые гладкие.

Вариант Б. Прямые с выделенными коническими окончаниями.

Вариант В. С-видно изогнутый с окончаниями в виде копыт.

Колчанные крюки [Таб. 34б]. Основанием для выделения типов служила конструкция верхней части.

Тип 1. Крючки с плоской верхней частью, оформленной в «зверинном стиле» и стержневидной загнутой нижней частью.

Тип 2 Крючки с расплюсченной верхней и стержневидной загнутой нижней частью.

Вариант А. Крепление петлевидное

Вариант Б. Крепление в виде поперечной перекладины.

Вариант В. Крепление в виде отверстия соосного крюку.

Вариант Г. Крепление в виде отверстия перпендикулярного крюку

Тип 3. Стержневидные с Т-образной перекладиной в верхней части.

Тип 4. Гвоздевидные с отверстием в верхней части

Тип 5. S-видные из круглого в сечении стержня.

Тип 6. С-видные.

Вариант А. Плоские в сечении

Вариант Б. Стержневидные.

Тип 7. Стержневидный загнутый в петлю в верхней части.

Древковое оружие.

К древковому оружию относятся копья и дротики, представленные в погребениях наконечниками и подтоками. В отличие от стрелкового и клинкового это оружие пользовалось у савроматов и сарматов малой популярностью. Мы собрали информацию о 98 целых наконечниках

копий и дротиков. К числу первых были отнесены крупные наконечники с втулкой, которая обычно не превышает по длине перо. В группу дротиков выделены небольшие наконечники, у которых втулка обычно по длине равна перу либо длиннее его, диаметр втулки значительно меньше ширины пера.

Копья

При разработке типологии наконечников копий использованы критерии, предложенные А.И. Мелюковой для скифского древкового оружия [747]. Для выделения отделов служила форма пера (лавровидная, листовидная, ассиметрично-ромбическая). Типы выделены по его сечению (линзовидное, ромбическое, плоское с ребром жёсткости), подтипы – по соотношению длины пера и втулки (коротко- и длинновтульчатые), варианты – по оформлению нижней части втулки (гладкая либо с муфтой) [Таб. 35].

Отдел 1. Наконечники с лавровидным пером.

К данному отделу отнесены наконечники, абрис пера которых образуют две дуги, а максимальное расширение пера приходится примерно на его середину. Такие наконечники были распространены в Скифии в эпоху архаики (VII–VI вв. до н.э.). В савромато-сарматском мире они появились не ранее IV в. до н.э. При этом отсутствуют архаичные формы со втулкой, глубоко заходящей в перо и переходящей в ребро жесткости. Большая часть находок зафиксирована в сарматских древностях Предкавказья II–I вв. до н.э. Сечение наконечников позволяет отнести их к двум типам.

Тип 1. Наконечники линзовидные в сечении.

Тип 3. Плоские наконечники с ребром жёсткости.

Отдел 2. Наконечники с листовидным пером.

К данному отделу отнесены экземпляры, абрис пера которых также образуют две дуги, но максимальное расширение пера находится ближе к втулке. Это наиболее распространённый у савроматов и сарматов вид наконечника, появившийся не позднее V в. до н.э. на Дону (Шолоховский курган, Владимировская слобода к.5) и в Заволжье (Блюменфельд к.А12). Использовались такие наконечники вплоть до начала позднесарматского времени. Они известны во всех районах распространения сарматской АК. При этом в Приуралье такое оружие фиксируется только в комплексах IV в. до н.э.; в Заволжье – в V в. до н.э. – I в.н.э. На Дону оно встречается в погребениях V – IV вв. до н.э. и I в. до н.э. – II в.н.э. Между Доном и Днепром известен 1 наконечник в комплексе II в до н.э. В степном Предкавказье копьё с такими наконечниками известны в комплексах IV в. до н.э. и II в. до н.э. – I в.н.э.

Тип 1. Наконечники линзовидные в сечении.

Тип 2. Наконечники ромбические в сечении.

Тип 3. Плоские наконечники с ребром жёсткости.

Отдел 3. Наконечники с асимметрично-ромбическим пером.

Такая форма не зафиксирована в Скифии, но в савромато-сарматских и меотских древностях она фигурирует. У наконечников, отнесённых к данному отделу, перо имеет почти прямые грани, сходящиеся к острию. Оно переходит во втулку под тупым углом. Такие наконечники появляются одновременно с листовидными на Дону и Волге (Елисаветовка-65 к.30 п.2; Марычевка, Озерки, Бережновка Южная группа к.5 п.9). Они встречаются в прохоровское и позднесарматское время.

Тип 1. Наконечники линзовидные в сечении.

Тип 2. Наконечники ромбические в сечении.

Тип 3. Плоские наконечники с ребром жёсткости.

Дротики [Таб. 36].

Тип 1. Листовидный наконечник линзовидный в сечении с гладкой втулкой.

Тип 2. Асимметрично-ромбический наконечник ромбический в сечении.

Вариант 1. Втулка гладкая.

Вариант 2. Втулка с муфтой по нижнему краю.

Тип 3. Треугольный наконечник линзовидный в сечении.

Вариант 1. Втулка гладкая.

Вариант 2. Втулка с муфтой по нижнему краю.

Тип 4. Треугольный наконечник с опущенными жальцами.

Вариант 1. Втулка гладкая.

Вариант 2. Втулка с муфтой по нижнему краю.

Тип 5. Узкий наконечник с опущенными жальцами в виде «ласточкина хвоста».

Вариант 1. Втулка гладкая.

Вариант 2. Втулка с муфтой по нижнему краю.

Клиновое оружие.

Основы типологии клинкового оружия савромато-сарматской АК заложены в работах К.Ф.Смирнова, М.Г.Мошковой и А.М.Хазанова [792; 1086; 1190]. Основным типобразующим элементом для мечей и кинжалов они избрали особенности оформления рукоятей. Выделение отделов велось на основании особенностей формы навершия, а типов – на основании формы перекрестия клинка. А.С.Скрипкин, придерживаясь тех же

критериев, предложил использовать в качестве вариантного признака длину меча [1062, с.60–61]. В результате, на основе объективно выделенных параметров клинка удалось разделить на короткие (кинжалы) и длинные (мечи) [1062, рис.19, 1А–2Б]. В.М.Клепиков изменил иерархию признаков для выделения отделов и признаков. Он обратил внимание на то, что форма перекрестия меча является более чутким хронологическим индикатором [549, с. 19–20]. Вслед за А.С.Скрипкиным он предложил использовать длину клинка в качестве признака для выделения вариантов, добавив к двум вариантам третий, промежуточный – короткие мечи [549, с.21]. Эта схема кажется наиболее удачной. Прежняя иерархия признаков при построении сквозной типологической схемы для савромато-сарматских древностей приводит к постоянному объединению разновременных типов в рамки одного отдела. Кроме того, все ныне существующие схемы типологии сарматского клинкового оружия ориентированы только на двулезвийные мечи и кинжалы. Однако в редких случаях в сарматских комплексах встречаются однолезвийные клинки. Поэтому материал изначально был разделен на два класса: двулезвийные и однолезвийные мечи [Таб. 37].

Класс I. Двулезвийные мечи.

Отдел 1. Мечи с перекрестием сердцевидной схемы.

Мечи, объединённые в рамках данного отдела, носят общее древнеперсидское название – акинаки. Они характеризуются перекрестиями сердцевидной, почковидной или бабочковидной формы. Для большинства клинков характерна малая и средняя длина, то есть они являются короткими мечами и кинжалами. Акинаки появились в памятниках сарматской АК не позднее VI в. до н.э. и вышли из употребления в течение IV в. до н.э.

Тип 1. Мечи с почковидным перекрестием и брусковидным навершием.

Тип 2. Мечи с почковидным перекрестием и волютообразным навершием.

Тип 3. Мечи с почковидным перекрестием и когтевидным навершием.

Тип 4. Мечи с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием.

Тип 5. Мечи с бабочковидным перекрестием и волютообразным навершием.

Тип 6. Мечи с бабочковидным перекрестием и зооморфным навершием.

Тип 7. Мечи с бабочковидным перекрестием и овальным навершием.

Тип 8. Мечи с сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием.

Тип 9. Мечи с сердцевидным перекрестием и волутообразным навершием.

Тип 10. Мечи с сердцевидным перекрестием и зооморфным навершием.

Тип 11. Мечи с сердцевидным перекрестием без металлического навершия

Типы 1, 4 и 8 относятся к числу наиболее архаичных. В скифском мире акинаки с брусковидным навершием известны ещё в Келермесском кургане I/III второй пол. VII в. до н.э. и синхронном ему Литом кургане [303, рис.3, 35, 38; 817, рис.5]. К VII- первой пол. VI вв. относятся находки из Степного и Карраса [898, Таб. 87, 2,4]. В скифской АК такие мечи преобладают в комплексах VI в. до н.э. и встречаются в V в. до н.э. [1123, С.94, Таб. 32, 1, 3-5]. Весьма ранними можно считать и акинаки типа 11. Подобный меч найден у Лермонтовского разъезда совместно с набором упряжи новочеркасского типа [1265, Таб. 25, 1]. Мечи типов 2, 3, 5 и 9 сменяют в V в. до н.э. акинаки с брусковидными навершиями [1123, С.94, Таб. 32, 7-9]. Они надёжно датируются амфорами и расписной керамикой в погребениях Елисаветовского могильника. Наиболее поздними можно считать акинаки с зооморфным и овальными навершиями типов 3, 6, 7 и 10. В Елисаветовском могильнике они встречены с амфорной тарой и чернолаковой посудой IV в. до н.э.

Отдел 2. Мечи с перекрестием переходным от сердцевидного к прямому.

Мечи с подобными перекрестиями бытовали только в течение IV в. до н.э., к концу которого их вытеснили мечи с прямыми перекрестиями. Сейчас не вызывает сомнения их уральское происхождение. Именно в степях Приуралья обнаружено до 90% подобных клинков. В отличие от клинков I отдела большая часть оружия с перекрестиями переходного типа имеет значительную длину и относится к длинным мечам. От более поздних форм их отличает массивность: они явно являлись в первую очередь рубящим, а не колющим оружием. Клинки мечей 2 отдела имеют, как правило, параллельные лезвия и резко сужаются в последней четверти, хотя встречаются и мечи с треугольным клинком.

Тип 1. Мечи с брусковидным навершием и тупоугольным перекрестием.

Тип 2. Мечи с серповидным навершием и тупоугольным перекрестием.

Тип 3. Мечи с брусковидным навершием и дуговидным перекрестием.

Тип 4. Мечи с серповидным навершием и дуговидным перекрестием.

Тип 5. Мечи с волутообразным навершием и дуговидным перекрестием.

Отдел 3. Мечи с прямым брусковидным перекрестием.

Простая технологически и удобная с функциональной точки зрения форма перекрестия привела к сравнительно долгому его применению сарматскими оружейниками. Первые клинки с прямым перекрестием появляются в сарматских погребениях последней четверти – конца IV в. до н.э. Это мечи типов 1 и 2. Самой поздней формой можно считать мечи типа 4, характерные для комплексов II в.н.э. От мечей 2 отдела их отличает высокий процент коротких универсальных мечей варианта Б и большая лёгкость оружия, которое теперь являлось в первую очередь колющим.

Тип 1. Мечи с брусковидным навершием.

Мечи этого типа являются одними из самых ранних и бытуют в течение кон. IV–III вв. до н.э. Большинство из них происходит из Южного Приуралья, хотя отдельные экземпляры, причём все ранние – IV в. до н.э. найдены в Задонье и Прикубанье. Для ранних мечей характерен клинок с параллельными лезвиями, сужающимися в последней четверти меча. Большинство мечей этого типа имеет треугольный вытянутый клинок.

Тип 2. Мечи с антенновидным навершием.

Подтип 1. Навершие дуговидное с гладкими концами.

Подтип 2. Навершие дуговидное завершается шишковидными утолщениями.

Подтип 3. Навершие тупоугольное концами вверх.

Наиболее ранние мечи вариантов А и Б появились в Южном Приуралье в кон. IV в. до н.э., сформировавшись на основе мечей 2 отдела. Пик их распространения приходится на III–II вв. до н.э. В первой пол. I в. до н.э. преобладают мечи типа 3.2в, полностью вытесненные к концу этого времени клинками типов 3.3 и 4.5. Клинки большинства мечей имеют вид вытянутого треугольника. Некоторые ранние экземпляры имеют небольшое расширение в середине клинка, придающее ему пламевидную форму. Последнее в какой-то мере сближает их с греко-македонскими ксифосами.

Тип 3. Мечи с кольцевидным навершием

Прототипы мечей данного типа пытались проследить от акинаков с волютообразным навершием либо от кинжалов тагарской культуры VII–VI вв. до н.э. (историю вопроса см. [1190, С.6–9]). А.М.Хазанов отметил наличие hiatus между позднейшими находками акинаков и временем распространения мечей типа 3.3. и предположил, что они формировались одновременно с мечами типа 3.2 на основе последних. Данная гипотеза кажется более убедительной. Наиболее ранние образцы мечей типа 3.3 мы находим в комплексах III и II вв. до н.э. Почти все они

относятся к варианту А (длинные мечи), остальные – к варианту В (кинжалы) и происходят в основном из памятников Заволжья. Для них характерен клинок в виде вытянутого треугольника. Пик распространения мечей типа 3.3 приходится на I в. до н.э. – I в.н.э., когда используются в основном клинки варианта Б (короткие мечи или мечи-кинжалы) с параллельными лезвиями, сходящимися у конца меча. В это время они известны в обеих Сарматиях и встречаются в памятниках соседних культур. Наиболее поздние находки оружия данного типа относятся к кон. II – нач. III вв., причём кольцевидное навершие у поздних мечей часто имеет сравнительно небольшие размеры и может быть изготовлено из другого металла и прикреплено к черешку рукояти.

Тип 4. Мечи с волютообразным навершием

Мечи типа 3.4 происходят из комплексов сер. I в. до н.э. – кон. II нач. III вв. н.э. Клинок у них всегда прямой с параллельными лезвиями, плавно сходящимися к концу меча. Архаичная форма навершия позволила А.С. Скрипкину предположить, что оружие с подобными навершиями существовало в волго-уральских степях непрерывно со скифского времени [1062, с.126]. Гипотезу подкрепляют находки таких мечей в раннесарматских погребениях в к.6 п.3 из Покровки 1 и к.1 п.1 из Покровки 7 [1280, Рис.20, 1; 1281; Рис.28, 5]. На кинжале из к.1 у Зубовского хут. [373, Таб. XI, 124] волютообразная железная бляха с накладками из сусального золота, подчёркивающими рисунок, по мнению М.Б. Щукина, крепилась к брусковидному навершию. Типологически близкие сарматским кинжалы с волютообразным навершием и прямым перекрестием из Северной Бактрии, по мнению А.М. Мандельштама, формировались путём эволюции наверший антенновидной схемы.

Тип 5. Мечи с круглым навершием

Представлен только короткими клинками вариантов Б и В с лезвием как у мечей типа 3.4. Как правило, это парадное оружие в богато украшенных ножнах. В сарматских памятниках датируется I в.н.э. На соседних территориях наиболее ранний экземпляр происходит из п.3 в Тиля-Тепе. Некрополь суммарно датируется по совместным находкам кушанской, парфянской и римской монет и раннеханьских зеркал восьмиарочного типа со специальной лентой для надписи в пределах кон. I в. до н.э. – I в.н.э. Совместно с экземпляром из Тиля-Тепе обнаружен длинный меч типа 6.2, датируемый II–I вв. до н.э.

Тип 6. Мечи без металлического навершия.

Подтип 1. Перекрестие бронзовое.

Подтип 2. Перекрестие железное.

Подтип 3. Перекрестие из нефрита.

Отдел 4. Мечи без металлического перекрестия.

Тип 1. Мечи с брусковидным навершием («синдо-меотский тип»).

Тип 2. Мечи с серповидным навершием.

Подтип 1. Навершие с гладкими концами.

Подтип 2. Навершие завершается шишковидными утолщениями.

У меча из п.59 Курганинского кургана-кладбища [1377] серповидное навершие с шишечками на концах было перековано в калачиковидное.

Тип 3. Мечи с кольцевидным навершием.

Тип 4. Мечи с волютообразным навершием.

Тип 5. Мечи без металлического навершия («боспорский тип»).

Подтип 1. Плечики пологие.

Подтип 2. Плечики прямые.

Тип 6. Мечи с небольшим пуговицеобразным навершием.

Отдел 5. Мечи с перекрестиями редких форм.

Тип 1. Перекрестие железное тупоугольное узкое концами вниз, навершие отсутствует.

Тип 2. Перекрестие железное шестиугольное узкое, навершие отсутствует.

Тип 3. Перекрестие железное узкое «колоколовидное», навершие отсутствует.

Тип 4. Перекрестие тупоугольное узкое концами вверх, навершие отсутствует.

Класс II. Однолезвийные мечи.

Мечи данного класса в целом не характерны для сарматской культуры, однако даже среди единичных форм можно выделить не менее двух типов.

Тип 1. Махайры.

К данному типу отнесены мечи с горбатой спинкой и прямым либо вогнутым лезвием. Один из них происходит из Прикубанья (Новотитаровская–80, к.2 п.2) и, вероятнее всего, действительно является образчиком греческого либо фракийского происхождения. Это сравнительно короткий и широкий клинок с прямым лезвием и горбатой спинкой, рукоять не сохранилась, среди обломков – стержень, напоминающий серповидное навершие. Его можно отнести к IV в. до н.э., как и остальные махайры из Северного Причерноморья. Второй меч происходит из Башкирии (Старые Кишки) и имеет длинный узкий клинок с вогнутым лезвием и прямой плоской рукоятью. Его считают варварским подражанием «настоящим» махайрам, датируя III–II вв. до н.э. Учитывая, что собственно-античные прототипы такого оружия датируются не позднее IV в. до н.э., старокиш-кинский дериват относится, скорее всего, к III в. до н.э.

Тип 2. Сабли.

Принято считать, что сабли появились только в конце Эпохи переселения народов. Вместе с тем, в к.3 могильника Хас Кяриз в предгорьях Копетдага с характерным инвентарём I в. до н.э. – I в. н.э. обнаружен сильно изогнутый длинный клинок с лезвием на внешней стороне и прямой плоской рукоятью, весьма напоминающий кавказские шашки XIX – нач. XX вв [711, рис. VII, 3]. Погребение по характеру обряда близко среднесарматским комплексам Нижнего Дона и Прикубанья и, возможно, является сарматским.

Панцири.

Защитный доспех у савроматов и сарматов получил широкое распространение только в финале эпохи эллинизма и в раннее римское время, однако панцири встречаются и в более ранний период. По способу изготовления можно выделить три типа панцирей, которые делятся на варианты по материалу и деталям оформления [Таб. 38].

Тип 1. Чешуйчатые панцири.

Данный тип является самым распространённым и встречается ещё в савроматское время. Особенно популярен он в первые века нашей эры. По материалу можно выделить четыре варианта таких доспехов.

Вариант 1. Костяной панцирь из прямоугольных слегка выгнутых пластин с тремя отверстиями в верхней части. Пластины размером 5 x 2 см, толщина – 2–2,5 мм накладывались рядами внахлёт, перекрывая друг друга на 2/3 ширины, нижний ряд перекрывался верхним. Происходит из комплекса VII–VI вв. до н.э. в ст. Новокорсунской, автором публикации отнесён к кругу скифских [417, С.184, Рис.1, ^{13–14}].

Вариант 2А. Железный панцирь из мелких чешуек (длина 1,7–2,2 см) прямоугольной формы с округлой нижней частью и отверстиями вдоль верхнего и боковых краёв либо одним отверстием в верхней части. Нижняя часть подола может быть оторочена крупными (4,5 x 1,5 см) прямоугольными пластинами с отверстиями в боковых сторонах. Чешуйки также накладывались рядами внахлёт, перекрывая левый край предыдущей пластины и верхний край чешуй идущего ниже ряда. Характерен для Волго-Донского варианта савроматской АК (Шолоховский курган; Кашеевка к.1; Никольское к.1; Ясырев к.1 п.2; Елисаветовская к.1/1954; Ковыловка, 15-й посёлок к.1) [462, С.94, Рис.9; 672, Рис.12, ⁶; 18, ^{25–28}; 19, ⁸; 1086, С.75, Рис.42, ³]. Вероятно, к этому же варианту относятся находки из раскопок А.А. Миллера в Елисаветовском могильнике (к.18/1911; 29/1911, 34/1911 [751, С.236, 241, 244]). В 1959 г. там же в к.7

железный панцирь из чередующихся рядов крупных и мелких чешуй открыт В.П. Шиловым [747, С.72], информацией о форме пластин мы не располагаем. Близки им панцирные наборы из к.4 п.2 и к.28 в Филипповке, реконструируемые как остатки ламелярных панцирей с наплечниками и дополнительными нагрудными пластинами. Размеры чешуек уральских панцирей крупнее: 3,5 x 1,5; 14 x 2 и 19 x 4 см [1283, С.16–18, Рис.2; 9].

Вариант 2Б. Железный панцирь из прямоугольных чешуек с округлой нижней частью. В верхней части вдоль боковых сторон по два отверстия либо по три отверстия в два ряда. Размер чешуек 3,2 x 2 см. Набор таких чешуек встречен в комплексе IV в. до н.э. (Воронежская к.18) [1190, С. 59–60, Таб. XXXI, 1]. По мнению А.М.Хазанова, к данному панцирю могут относиться и железные ворворки, происходящие из кургана [1190, С. 60]. По одной чешуйке происходит из к.2 Аксёновского могильника V–IV вв. до н.э. [1237, С.127, Рис. 7,1] и к.10 п.2 в Покровке 2 IV–III вв. до н.э. [1280, Рис. 71, 6].

Вариант 2В. Железный панцирь из прямоугольных чешуек со срезаемыми нижними углами (размеры 2,4 x 2,4 x 0,15 см). Вдоль боковых сторон по два круглых отверстия, снизу прямоугольное или овальное отверстие. С ними сочетаются крупные прямоугольные пластины (примерно 8 x 4 x 0,25 см) с бортиком по краям. Характерны для I в.н.э. (Казанская к.8, 10, 17 и 40; Тбилисская к.3) [428, С. 77, Рис.1, ₁₇]. Аналогии в римских военных лагерях позволяют реконструировать такой панцирь как безрукавный колет, доходивший до бёдер, с оплечьями из крупных прямоугольных пластин. В Риме такие панцири назывались *Logica Squamata* [1346, Р. 153–161].

Вариант 2Г. Железный панцирь из крупных (5,2–13,6 x 2,4–4 см) прямоугольных пластин с округлым нижним краем. Самые крупные пластины в сечении S-видно изогнуты в длину и, вероятно, находились на поясе. Характерны для комплексов II–III вв. (Казанская к.9, Тбилисская к.15) [375, Кат.54, Таб. 5; 428, 90–92, Рис.3, ₂₅]. Ближайшие аналогии находят в Средней Азии в могильнике Акчий Карасу.

Вариант 2Д. Железный панцирь из крупных (8 x 12 см) прямоугольных пластин с отверстиями по углам обнаружен в ограбленном п.14 к.55 Калиновского могильника [1226, С.406, Рис.50, _{8,18}]. Судя по датировке остальных сарматских погребений в данном кургане, он должен относиться ко второй пол. I в. до н.э. Близкие по форме панцирные пластины размером 4,8–8,4 x 6–10,2 см происходят из п.8 к.80 у х. Нового кон. I в. до н.э. – нач. I в.н.э. [501, С.96–98, Рис.25, ₈₋₁₁].

Вариант 2Е. Железный панцирь из вытянутых прямоугольных пластин с заострённым нижним краем и двумя отверстиями в верхней

части. Могут иметь рельефное продольное ребро жёсткости. Находки относятся к I в. до н.э. – нач. I в.н.э. (Грушевка, Некрасовская к.4, Кривой Лиман к.41 п.1 [375, Кат.528; 675, Рис.77,8; 942, Рис.8, 6]).

Вариант 2Ж. Железный панцирь из прямоугольных пластин с отверстием и заклёпкой в центре. Размеры пластин 3–3,6 x 3,6–4,2 см. Находка относится к позднесарматскому времени. (Покровка 2 к.9 п.1) [1280, С.45, Рис.70, ₇₋₉].

Вариант 2З. Железный панцирь из прямоугольных пластин размерами 7 x 3 см с парными отверстиями вдоль коротких сторон. Происходит из комплекса III в. до н.э. (?) (Кушум к.1 п.3) [442, С.34, Рис.20, 12].

К варианту 2 без детализации можно отнести панцирь из Цветны, найденный в 1896 г. Информация о форме и размерах пластин отсутствует [846, С. 88–89].

Вариант 3. Бронзовый панцирь из крупных прямоугольных пластин (25 x 6,2–7,8 см) с перфорированными краями и четырьмя крупными отверстиями вдоль длинных сторон. Предположительно, они являются птеругами античного торакса [291, С.35; 302, Кат.71]. Бронзовые панцирные наборы происходят из к.5/1910, к.5/1911 п.2 и к.34/1911 Елисаветовского могильника, однако информация о форме и размерах чешуй отсутствует [751, С.228, 245]. Панцирь из к.5/1910 имел оплечья. Комплексы относятся к IV в. до н.э.

Вариант 4А. Биметаллические панцири из бронзовых и железных прямоугольных пластин с округлым нижним краем, продольным ребром жёсткости и парными отверстиями в верхней части боковых сторон. Размеры чешуек 2,9–3,2 x 1,8 см. Характерны для второй пол. I в. до н.э. – нач. I в. н.э. (Воздвиженская, Зубовский к.1, Никольское к.2 [373, Кат. 44, 112; 462, С.97, Рис.13, 4]). Возможно, в данном случае представлены детали доспехов, представленных на рельефах колонны Траяна и сосуде из Косики: кожаных, покрытых нашивными чешуйками, облегающих колетов с длинными рукавами и коротким подолом, прикрывавшим верхнюю часть бёдер, дополнявшимся обшитыми такими же пластинами до щиколоток облегающими штанами.

Вариант 4Б. Панцири данного варианта набирались из пластинок четырёх разновидностей:

- Прямоугольные железные с округлым нижним краем (2,6 x 1,8 см), вдоль боковых сторон по два отверстия и одно отверстие в центре нижней части.

- Пятиугольные железные вытянутые пластины (4 x 2 см) с четырьмя – пятью отверстиями в одном углу.

- Крупные прямоугольные железные пластины (примерно 8 x 4 x 0,25 см) с бортиком по краям, аналогичны крупным пластинам с панцирей варианта 2в.

- Бронзовые чешуйки мелкие (возможно, обеспечивали гибкость панциря) размером 1,2 x 0,7 см, прямоугольные с округлым нижним краем. Вдоль верхнего края два отверстия, в нижней части – полусферическая выпуклость. Наборы таких пластин найдены в римских лагерях на Дунае, поэтому можно считать, что они также являются останками *Lorica Squamata* и развитием идеи панцирей типа 2в. Панцири с таким набором характерны для второй пол I – II вв. (Казанская к.1, 2, 20, 33, 51, 52; Ладожская к.26, 28).

Вариант 4В. Наборы бронзовых и железных панцирных чешуек зафиксированы А.А.Миллером в Елисаветовском могильнике (к. 3/1911; 16/1911), однако, представления об их внешнем виде мы не имеем. Все они происходят из курганов IV в. до н.э.

Существует гипотеза о римском происхождении панцирей вариантов 2в и 4 на основании находок аналогичных доспехов в римских лагерях на Дунае [1014, С. 68; 1346, р.153–154; Fig. 159, 161, 162; pl. 503]. Однако часть сарматских панцирей относится к началу I в.н.э., а Тацит, сообщая о набеге роксолан в 69 г.н.э., специально описывал для римских читателей их чешуйчатые доспехи как нечто новое и оригинальное [61, I. 79]. Поэтому можно предположить, что детали чешуйчатых лорик из римских лагерей в Карнунте, Корстопитуме и Ньюстедде сами являются подражанием сарматским прототипам.

Тип 2. Кирасы.

Две железные кирасы происходят из основного погребения к.1 в Прохоровке и к.4 п.4 V Бердянского могильника [770, Рис.4₂; 950, Рис.15–16]. Они относятся к типу т.н. «мускульных» кирас, известных в Греции с эпохи архаики до походов Александра [291, С.11, 82]. Экземпляры из Прохоровки и Бердянки относятся, вероятно, к числу позднейших, так как найдены с инвентарём кон. IV – нач. III вв. до н.э.

Тип 3. Кольчуги.

Этот вид панциря появляется в сарматских памятниках позже остальных: наиболее ранний экземпляр происходит из святилища в Курганинском кургане-кладбище, датируемом около сер. I в. до н.э. Остальные кольчуги найдены в погребениях римского времени. По материалу можно выделить два варианта кольчуг.

Вариант 3А. Железные кольчуги. Фрагменты кольчуг происходят из курганов I–II вв. н.э. Самый ранний экземпляр происходит из святилища сер. I в. до н.э. в Курганинском кургане-кладбище (объекты 10 и 12).

С ним найдены шлем тессинского типа, полихромная брошь, культовый жезл и железные трехлопастные наконечники стрел с длинными черешками [1377, С. 173–176, 176–178].

Вариант 3Б. Биметаллические кольчуги из бронзовых и стальных колец. Найдены только в погребениях нач. I в.н.э. (Михайловская к.2 п.14; Тбилисская к.1) [521; 428, С.77].

Тип 4. Комбинированные чешуйчато-кольчатые панцири.

Остатки панцирей типа 1 вариантов 2е, 4а и 4б иногда встречаются с обрывками кольчуг. В результате появилась гипотеза о существовании комбинированных доспехов, состоящих и из чешуйчатой брони, и из кольчатого плетения [1190, С.60–61; 1014, С.68]. До сих пор ни одного целого панциря такой конструкции открыто не было. Наборы пластин для панцирей вариантов 4а и 4б не всегда встречаются в комбинации с кольчужными кольцами. Поэтому, трактовать все совместные находки кольчужных фрагментов и чешуек как останки комбинированной брони следует осторожно. К данному типу условно можно отнести панцири из Никольского к.2, Воздвиженской, Казанской к.1, 9, 10, 17; Ладожской к.28, кургана на Лысой Горе близ Майкопа, Высочино VII к.15 [1014, С.68].

Шлемы

Шлемы встречаются в савроматских и сарматских погребениях гораздо реже, чем панцири. При этом большая их часть представлена импортными формами. Поэтому, систематизируя эту категорию инвентаря, мы группировали ее, прежде всего по месту производства [Таб. 39].

Скифские шлемы.

Шлем «кубанского типа»: литой бронзовый полуяйцевидный с продольным литейным швом и небольшой литой петелькой на темени (с. Старый Печеур. случайная находка 1895 г.). На лицевой части две полукруглые выемки формируют небольшой наносник и небольшие нащёчки. На нащёчках по три отверстия, вероятно, для крепления бармицы. Шлемы такого типа известны в архаических скифских погребениях VII–VI вв. до н.э. [1086, С. 75–76]. Близкий по форме железный шлем, склепанный из двух боковин внахлест и имеющий треугольные нащёчки происходит из к.11 в Филипповке [1283, С.16, Рис.1].

Греческие шлемы.

Греческие шлемы распространены в савромато-сарматской среде несколько шире, чем скифские. Зафиксированы находки как минимум четырёх типов греческих боевых наголовий в сарматских памятниках.

Аттический тип. Тулья с назатыльником от одного и назатыльниками ещё от двух шлемов этого типа происходят из основного погребения Курджипского кургана. Все кованые из бронзы. У сохранившегося экземпляра верхняя часть тульи отделена от нижней уступом, имитирующим линию волос. Края глазных дуг и наносника рельефно выделены. Сохранились четыре отверстия для крепления нащёчников. Высота шлема 18,3, длина 22, ширина 16 см [302, С.97–98, Кат.55–68]. Своеобразным подражанием шлему кубанского типа является находка из к. 1 Никольского могильника [462, С.94, Рис. 7–8]. Шлем бронзовый кованый округлой формы с выраженной затылочной частью и двумя неглубокими полукруглыми вырезами, формирующими выемки для глаз и зачаточный наносник на лицевой части. По нижнему краю тульи пробиты отверстия, к которым крепилась бармица из бронзовых чешуек на кожаной основе. Высота шлема 14 см, диаметр – 20,5 см. Тулья получена путём переделки аттического шлема, у которого срезали назатыльник, нащёчники и нижний край тульи. Комплекс относится к V в. до н.э.

Фракийский тип. Шлем данного типа найден в Елисаветовском могильнике в к. 18/1911 [747, С.77; 751, С.237]. Курган относится к IV в. до н.э.

Тип Пилос. Шлемы бронзовые кованые, найдены в могильнике Греки II и у с. Ореховка [518, Таб. 99, 32; 878]. У шлема из Ореховки тулья луковичной формы сужается к полям, козырьку и назатыльнику. Нижняя часть тульи в районе ушей украшена рельефными волутами, сходящимися на лбу. Нащёчники утрачены, но по бокам шлема имеются по два отверстия для их крепления. Высота шлема 24 см, длина – 29, ширина – 33. Экземпляр из могильника Греки II имеет коническую тулью, отогнутые поля, нащёчники удалены. Находки относятся ко II–I вв. до н.э.

Южногреческий тип. Бронзовый кованый шлем с полусферической тульей, украшенной в передней части сходящимися ко лбу рельефными волутами, отогнутым козырьком и назатыльником происходит из Грушевской [942, Рис.8, 6; 1014].

Кельто-италийские шлемы.

Тип «Монтефортино» или *«Jokeimutzeform»*. Это литые из бронзы сфероконические боевые оголовья с небольшим отогнутым назатыльником, напоминающим козырёк, и выступом-шишечкой на темени. Существует несколько вариантов типологии таких шлемов, но в отечественном оружейоведении чаще используется схема Х. Робинсона [936, С.118]. В сарматских погребениях найдены экземпляры типов Робинсон-А, В и С. К типу А или А/В можно отнести шлемы из с. Беленького, Марьевки, Сергиевской,

Новопрехоровки и Новочеркасского музея. К типу В, вероятно, относятся экземпляры из Весёлой Долины, Мелитополя и Приволья [942, С.80]. К типу А/В отнесён шлем из к.2 п.56 в Заманкуле [1163, С.100, Рис.1, 1]. Шлемы из Мариенталя к. Д22 и Кисловодска близки типу С [942, С.81]. Оригинален шлем из к.9 п.35 в ст.Владимировской, у которого отсутствует назатыльник, а шишечка-навершие не отлита вместе с тульей, а заклёпана в специально пробитом отверстии на темени [220]. Ему близка случайная находка из ст. Роговской [942, С.81]. Считается, что шлемы типов А – В производились в IV–III вв. до н.э., но происходят из сарматских комплексов кон. II–I вв. до н.э. Ю.П.Зайцев обратил внимание на орнаментацию назатыльников шлемов из Северного Причерноморья, которая появилась на шлемах данного типа только во II в. до н.э. [455, С. 93–94]. Это позволяет считать, что производство шлемов данного типа по времени совпадает с их попаданием в Сарматия. Тип Монтефортино-С датируется в пределах I в. до н.э. – I в.н.э., чему не противоречит датировка материалов из соответствующих сарматских комплексов.

Тессинский тип. Шлем бронзовый кованый полусферический. Склёпан из двух частей, шов продольный по гребню шлема. По низу тульи подходит рельефный валик и параллельное ему горизонтальное ребро. Это ребро на фронтальной и затылочной частях шлема поднимается вверх, образуя гребень шириной 2 см. На темени отверстие для султана. По бокам в нижней части тульи пробито по два отверстия для крепления нащёчников. Шлем происходит из святилища сер. I в. до н.э. в Курганинском кургане-кладбище

Тип Манхейм. Бронзовый кованый шлем с полусферической тульей и отогнутым назатыльником происходит из к.1 п.3 в Заманкуле I в. до н.э. [1163, С.101, Рис.1,2].

Восточно-кельтский тип. В кургане II в. до н.э. из Бойко-Понуры найден железный шлем с полусферической тульей, оконтуренной рельефным валиком [716, С. Рис, 105, 2]. От тульи под тупым углом отходят козырёк, имеющий рельефные валики посередине и по краю; широкий расширяющийся книзу назатыльник, оконтуренный по краю рельефным валиком и украшенный по краям и в центре штампованными личинами; нащёчники, крепившиеся на шарнирах к внутреннему краю козырька. Нашёчники прямоугольные с закруглённым нижним краем, в центре каждого отштампован букраний, украшены накладными бронзовыми полосами, проходящими по краю и имеют в нижней части петли для крепления подбородочного ремня.

Шлемы редких типов.

Решетчатый тип. Шлемы данного типа имеют ажурную решетчатую тулью, которая, вероятно, должна была предохранять голову от рубящих ударов. В таких шлемах изображены сарматские воины на римских барельефах. Близкие по конструкции железные шлемы открыты в к.13 из Кишпека (середина – вторая пол. III в.) [232, Рис. III, 1] и в п.25 Андреевского кургана в Мордовии (I в.) [1122, С.15]. Культурная принадлежность Кишпекского комплекса точно не определена, Андреевский курган относят к кругу памятников городечной АК. Вместе с тем, из сарматских памятников известен только один бронзовый шлем (Тбилисская к.6 [428, С. 79–80, Рис.1, 41]) со сфероконической тульей, набранной из плоских аркообразных деталей на каркасе из четырёх плоских полос. К нижнему ободу тульи прикреплена цепочка, по бокам – крепления для нащёчников. Комплекс относится к кон. II в.

Позднефракийский (?) тип. Железный кованый шлем с тульей в виде фригийского колпака, наносником и подтреугольными нащёчниками найден в 1901 г. в к.52 у ст. Тифлисской, относящемуся к кон. II в. [643]. Ближайшими аналогиями ему Э.Ленц считал шлемы из Тобольского музея (из Истяцкого клада), однако последние не имеют нащёчников, а тулья у них коническая. Изображения шлемов ауксилляриев с аналогичной тульей, но без наносников известны на римских барельефах с саркофага 150–160 гг. и колонны Септимия Севера 203 г. [1346, fig. 108–109].

Другие виды защитного вооружения.

Помимо панцирей и шлемов, в савроматских и сарматских погребениях крайне редко встречаются иные виды защитного вооружения. К ним относятся наручи, поножи, боевые пояса и щиты [Таб. 40].

Наруч набран из бронзовых прямоугольных пластин, у которых вдоль коротких сторон пробито по три отверстия. Происходит из комплекса V в. до н.э. (Цаган Усн VIII к.1 п.8) [876, С.124, Рис.3, 1].

Поножи – греческие бронзовые кнемиды найдены в к.1/1954; 8/1954 Елисаветовского и основном погребении Курджипского курганов [302; 1228, С.163]. Комплексы датируются третьей или последней четвертью IV в. до н.э.

Боевые пояса – два боевых пояса из бронзовых полуколец и пояс из узких бронзовых пластин открыты в к.8/1954 Елисаветовского могильника [1228, С.161, 163].

Детали щитов представлены умбонами и металлическими оковками.

Тип 1. Железный умбон в виде усечённого конуса, плакированный золотыми треугольниками и скобками происходит из к.7 V в. до н.э. у с. Сара [1086, С.75, Рис.42, 2].

Тип 2. Железные цилиндроконические умбоны с горизонтальным бортиком. Характерны для паноплии пшеворской и черняховской АК. В Сарматии найдены 3 экземпляра в Садовом кургане, Высочино и Курчи, относящиеся к типам Ян-4С, Ян-5 и Кожень или Цилинг-К2 [543, С.114; 1014, С.70; 1022, С.151].

Бронзовые оковки деревянного щита близкие греческим образцам из Олимпии происходят из основного погребения в Курджипском кургане [302, С. 98–99, Кат. 69–70]. Представлены 5 фрагментов тонких узких пластин с гладкими краями и фризом в виде пяти рядов рельефной плетёнки с жемчужинами, ограниченным рельефными кантами. С ними найдена круглая бронзовая бляшка. Она слегка вогнута, край приподнят, в центре – шестилепестковая розетка, по сторонам которой вбиты два шпенька с круглыми шляпками. По мнению Л.К.Галаниной, первые 5 фрагментов служили оковками края щита, диаметром около 90 см, а круглая бляшка служила для крепления темляка или ремней, с помощью которых воин держал щит [302, С. 98–99].

4. КОНСКАЯ УПРЯЖЬ

Сквозная типология данной категории инвентаря ранее не разрабатывалась. Добротной разработана только типология упряжи скифского времени в работе К.Ф.Смирнова [1086, С.77–98]. Конское снаряжение раннесарматской эпохи исследовалось в работах М.Г.Мошковой, К.Ф.Смирнова и И.И.Марченко [716, С. ; 792, С.36–37; 1081, С.]. Из элементов упряжи римского времени исследовались только фалары [776]. В разработке типологии учтена также работа В.Р.Эрлиха по удилам предскифского и раннескифского времени [1265, С.56]

Удила.

Удила можно разделить на отделы по материалу и, соответственно, технологии изготовления на бронзовые литые и железные кованые. Типы выделялись по особенностям оформления внешних колец и грызель [Таб. 41]. При этом не учитывались типы, характерные для эпохи, переходной от бронзового к железному веку (Смирнов I.I), так как связь комплексов данной эпохи с савроматами и сарматами нуждается в уточнении.

Отдел I. Бронзовые литые удила.

Тип 1. Удила с круглыми внешними кольцами и поперечной нарезкой на грызлах (Смирнов I.П или Эрлих II).

Тип 2. Удила со стремявидными внешними кольцам, «подножка стремечка» выделена свисающими концами его арки (Смирнов I.П или Эрлих III.2).

Отдел 2. Железные кованые удила.

Тип 1. Удила бисигмовидной схемы с гладкими грызлами.

Вариант А. Грызла имеют одинаковую толщину по всей длине стержня.

Вариант Б. На грызлах имеются утолщения под внешними кольцами.

Тип 2. Удила бисигмовидной схемы с витыми грызлами.

Тип 3. Удила с круглыми внешними и квадратными внутренними кольцами, расположенными в перпендикулярных плоскостях. Грызла квадратные в сечении.

Псалии.

В данном разделе также не рассматривались материалы предскифского времени. Выделение отделов производилось по материалу (кость, бронза, железо), типов – по количеству и оформлению колец для крепления поводьев, вариантов – по оформлению концов псалия [Таб. 42].

Отдел 1. Костяные псалии.

Тип 1. Трёхдырчатые. Отверстия круглые, расположены близко друг к другу в средней части стержня. Один конец оформлен в виде головки хищной птицы с бараньими рогами, другой – в виде копыта.

Тип 2. Двудырчатые стержневидные. Отверстия круглые в средней части псалия.

Тип 3. Двудырчатые С-видные. Отверстия квадратные в средней части псалия.

Тип 4. Двудырчатые клювовидные роговые.

Отдел 2. Бронзовые псалии.

Тип 1. Трёхпетельчатые, отверстия круглые, расположены близко друг к другу в средней части стержня. Близок 1 типу костяных псалиев.

Тип 2. Двудырчатые с круглыми отверстиями, на местах их расположения псалий имеет утолщения.

Вариант 1. С-видные. Концы в виде головок животных

Вариант 2А. Стержневидные. Концы в виде головок хищных птиц.

Вариант 2Б. Стержневидные. Концы в виде головок хищников, повернуты в одну сторону

Вариант 2В. То же. Головки хищников направлены перпендикулярно друг другу

Вариант 3А. S-видные. Концы в виде лопастей.

Вариант 3Б. S-видные. Концы зооморфные.

Вариант 4. Г-образные с плоской ажурной отогнутой лопастью.

Тип 3. Двухпетельчатые очковидные.

Тип 4. Двухпетельчатые стержневидные, стержень расширяется к концам.

Отдел 3. Железные псалии.

Тип 1. Двудырчатые псалии.

Вариант 1. Г – образные с шишечками на концах.

Вариант 2. Z – образные с зооморфным оформлением концов.

Вариант 3А. S – видные с гладкими стержневидными концами.

Вариант 3Б. S – видные с шишечками на концах.

Вариант 3В. S – видные с концами в виде лопастей.

Вариант 4. С-видные с шишечками на концах.

Вариант 5. С - видные с концами в виде головок животных (аналогичны типу II.2.1).

Вариант 6. Стержневидные круглые в сечении с шишечками на концах.

Тип 2. Двухпетельчатые псалии.

Вариант 1. Стержневидный четырёхгранный в сечении с подпрямоугольными петлями.

Вариант 2. Стержневидные круглые в сечении с концами в виде трехзубцев.

Вариант 3. Стержневидные круглые в сечении с концами в виде головок хищных птиц.

Вариант 4. Стержневидные круглые в сечении с концами в виде сигм.

Вариант 5. Стержневидные круглые в сечении с концами в виде колеса с выступом.

Вариант 6. Стержневидные круглые в сечении с концами в виде колеса с 3 выступами.

Вариант 7. Стержневидные круглые в сечении , концы украшены круглыми медальонами.

Вариант 8. Стержневидные прямоугольные в сечении , концы расширены в виде ромбов.

Вариант 9. Стержневидные прямоугольные в сечении с лопастями на концах.

Вариант 10. S – видные с лопастями на концах.

Вариант 11. Стержневидные круглые в сечении с арочными петлями.

Тип 3. Однопетельчатые псалии.

Вариант 1. Стержневидные.

Вариант 2. Плоские в виде двойной секиры.

Тип 4. Однодырчатые крестовидные псалии.

Вариант 1. Крестовина небольшая с плоскими зазубренными концами. Псалии данного варианта всегда употреблялись в комплекте со стержневидными типа 1.7.

Вариант 2. Крестовина крупная с округлыми в сечении гладкими концами.

Вариант 3. Крестовина крупная с шишечками на концах.

Вариант 4. Крестовина средних размеров с небольшими шипами.

Тип 5. Однодырчатые колесовидные псалии.

Вариант 1. Кольца сварены из круглого в сечении дрота.

Вариант 2. Кольца вырезаны из плоских пластин.

Тип 6. Кольчатый трензель.

Вариант 1. Кольца небольшие (диаметр меньше длины грызла), могли крепиться вместе с псалием.

Вариант 2. Кольца крупные (диаметр почти равен длине грызла), крепились по одному к каждому грызлу. К трензелю крепились по 2 подвижных обоймы-зажима для поводьев.

Вариант 3. Кольца одиночные малого диаметра массивные. К трензелю крепились по 2 подвижных обоймы-зажима для поводьев.

Пряжки упряжи.

Подпружные пряжки [Таб. 43].

Тип 1. Пряжки с неподвижным крючком – фиксатором ремня.

Вариант 1. Круглорамчатая желобчатая в сечении пряжка с грибовидной кнопкой-фиксатором на внешней стороне рамки и одним-двумя Т-образными выступами на внутренней стороне.

Вариант 2. Аналогичные пряжки без фиксатора на внешней стороне рамки.

Вариант 3. Крупная бронзовая пряжка, обложенная золотым листом с рельефной круглой рамкой (иногда разомкнутой) и грибовидным фиксатором (может отсутствовать).

Вариант 4. Крупная круглорамчатая железная пряжка без выступов с подквадратным отверстием в рамке..

Вариант 5. Круглорамчатые пряжки, орнаментированные рельефными изображениями волчьих головок, с грибовидным фиксатором. Рамка может быть сплошной либо разомкнутой, обкладываться золотым листом.

Вариант 6. Восьмёркообразные пряжки. Одно из колец «восьмёрки» (иногда с выступом-фиксатором) круглое, второе – прямоугольное или трапециевидное.

Вариант 7. Восьмёрковидная пряжка. Одно из колец «восьмёрки» значительно больше второго и украшено по периметру пятью полусферическими выступами.

Вариант 8. Пряжка в виде плоского сплошного подтрапециевидного щитка с изображением головки грифона в широкой части. На оборотной стороне в широкой части прилит Т-образный выступ, а в узкой – небольшая петля

Вариант 9. Пряжка с рельефным щитком в виде стилизованной хищной птицы с двумя фиксаторами по обе стороны щитка.

Вариант 10. Круглые либо овальные ажурные, орнаментированные в зверином стиле.

Пряжки данного типа самые крупные (17,3 x 15 см). По характеру изображений выделены 3 подварианта.

Вариант 11. Круглорамчатые с боковым фиксатором в виде конской головки.

Все пряжки типа 1 происходят из погребений скифского времени, пик их распространения падает на V в. до н.э.

Тип 2. Пряжки с подвижным язычком. Язычок из круглого в сечении железного стержня, конец которого расплюснен и согнут вокруг рамки. Диаметр 6–7,1 см. Отнесены к числу подпружных условно в силу своих крупных размеров и совместных находок с удилами либо их деталями.

Подбородочные пряжки. Выделяются только в комплексах скифского времени и аналогичны подпружным типа 1.3.

Детали конского ошейя.

Обоймы-распределители ремней [Таб. 44а].

Тип 1. Четырёхдырчатые бронзовые цилиндрические столбики-распределители.

Тип 2. Четырёхдырчатые зооморфные столбики-распределители. Близки экземплярам типа 1, но в верхней части украшены изображением когтя, крыла, режа – хищника, головки грифона, морды рогатого животного. Обычно изготовлены из бронзы, из Филипповки происходит золотой.

Нащёчные бляшки и наносники [Таб. 44б].

Тип 1. Круглые уплощённо-полусферические сплошные с петлей на обороте, имеют сравнительно большой диаметр (от 3,5 см). По наличию или отсутствию изображения на щитке выделяются 2 варианта.

Тип 2. Круглые полусферические с петлей на обороте. Имеют малый диаметр (1,2–2,7 см).

Тип 3. Зооморфные бляхи небольших размеров с петлей на обороте. По характеру изображений и размеру выделяются 29 вариантов.

Оковки уздечки в виде бронзовых круглых обоймочек [Таб. 44в].

Подвески к упряжи [Таб. 44г].

Тип 1. Кабаний клык с отверстием в широкой части. Обычно, узкая часть оформлена в виде клюва грифа, а широкая – в виде волчьей морды.

Тип 2. Усечённо-коническая ворворка. В зависимости от материала выделяются 3 варианта ворворок (костяные, бронзовые, золотые)

Наконечники ремней [Таб. 44д].

В эту группу входят бронзовые и золотые плоские пластины с петлей на обороте. Характер изображений позволяет выделить 7 вариантов.

Вариант 1. Щиток в виде головы грифона, переходящей в крыло с реалистично выполненным оперением

Вариант 2. Щиток имитирует кабаний клык.

Вариант 3. Щиток в виде головки ушастого грифона.

Вариант 4. Щиток в виде головы грифона, от затылочной части которой отходит головка лошади.

Вариант 5. Щиток в виде головы грифона с длинной шеей с реалистично выполненным оперением.

Вариант 6. Щиток, имитирует кабаний клык с изображением волчьей морды в широкой части.

Вариант 7. Щиток в виде вигурки хищной птицы.

Вариант 8. Щиток в виде головы архара.

Налобники [Таб. 44е].

Тип 1. Серебряный парадный налобник с изображением головы хищника.

Тип 2. Налобники с загнутым вперёд крючком

Вариант 1. Налобник в виде вытянутой подтреугольной лопасти, расширяющейся книзу. В верхней части помещён отогнутый наружу крючок. В месте перехода лопасти в крючок расположена выступающая наружу петля.

Вариант 2. Стержневидный налобник, завершающийся крючком. У основания крючка расположена выступающая наружу петля.

К редким деталям упряжи можно отнести набор из серебряных налобника и двух наушников из к.8/1954 Елисаветовского могильника и наносник из к.2 п.2 в Мечет-Сае.

5. ДЕТАЛИ КОСТЮМА И УКРАШЕНИЯ

Одежда племён савромато-сарматского круга в полном виде известна по костяной фигурке и гравировке из Филипповки, гравированным изображениям на серебряном сосуде из Косики [388; 389], литым фигуркам, украшавшим рукоять зеркала из кургана Соколова Могила [564, Рис.70–72], пряжки из Мечет Сая и Кривой Луки IX [1094] и гривну из Кобяковского к.10 [917], рельефам на колонне Траяна и изваяниям на плато Устюрт из культового комплекса Байте [870; 871, рис.6]. Во всех случаях изображены мужчины в коротких запашных направо кафтанах с поясом, облегающих шароварах и низких сапожках – «скификах». Головные уборы имели вид островерхого башлыка (Мечет Сай) либо повязки, напоминающей чалму (Кобяково). Достоверных изображений женского костюма савроматов и сарматов мы не имеем. В погребениях сохраняются металлические и костяные детали одежды и бусы, типология которых и будет рассмотрена в данном разделе. Нами были уточнены либо заново разработаны типологические схемы для бус, бляшек, браслетов, серег, гривен, заколок и фибул.

Бусы.

Бусы использовались савроматами и сарматами в составе ожерелий, начиная со II–I вв. до н.э. ими расширялся костюм, часть бус использовалась для украшения клинкового оружия в качестве окончания темляков либо как навершия для мечей типа 4.5. Наиболее дробная типология данной категории находок эпохи раннего железа разработана Е.М.Алексеевой для античных городов Северного Причерноморья [112; 114–115]. Большинство бус из савромато-сарматских погребений находит аналогии в её типлистах, и потому для них применялась типология Е.М.Алексеевой. Вместе с тем, часть находок не находит параллелей в её сводах и их описание было разработано дополнительно [Таб. 45]. Кроме того, в типлистах Е.М.Алексеевой отсутствуют некоторые варианты формы и орнаментов бус. Они также были введены дополнительно в соответствующие разделы её кода. Выделение отделов и типов для удобства производилось по критериям, предложенным в работах Е.М.Алексеевой. Нумерация типов продолжает нумерацию, принятую в её своде.

Дополнения к типлистам Е.М.Алексеевой уже предлагались для сарматских памятников А.М.Ждановским, А.С.Скрипкиным и И.И.Марченко [430, С.26–38, 41–44; 716, С.76–88; 1062, С.144–148]. Они учтены в нашей работе с учётом определённых уточнений. Так оказалось, что выделенные И.И.Марченко на основе инвентаря к.10 п.9 из хут. Анапского типы 1626 и 165а стеклянных одноцветных бус [716, С.145] в данном комплексе не представлены [1367, Рис.307]. Стеклянные полихромные бусы типа 197а, выделенного этим исследователем на материалах к.7 п.4 группы Брюховецкая II, *de facto* в нём отсутствуют [716, С.144, 152; 1366, Рис.171–173]. В коллекциях Эрмитажа и ГИМ из «Золотого кладбища» не представлены выделенные А.М.Ждановским [430, С.31, 33] полихромные стеклянные бусы типов 140.I (данная бусина изготовлена из камня [375, Кат.421/8]) и 417.I, а также фаянсовые типа 44.I (это стеклянные одноцветные бусы типа Алексеева-180 [375, Кат.294]). В описании к.23 у ст. Ладожской отсутствуют халцедоновые бусы, отнесённые А.М.Ждановским к типу 28 и перламутровая типа 10, в к.43 между ст. Казанской и Тифлисской – золотые пронизи типа 7, в к.31 у ст. Усть-Лабинской – одноцветные стеклянные бусы типа 203.VII, а в к.38 – типа 203.IV [375, С.48–49, 52, 64, 68–69; 430, С.27, 35, 37, 54–55; 852, С.83; 853, С.75–76; 78–79, 82]. Экземпляр из к.29 у ст. Усть-Лабинской, отнесённый к типу 12 перламутровых бус сделан из глухого белого стекла [375, Кат.333/4; 430, С.37, 55]. Бусы из к.18 у ст. Тифлисской, выделенные в тип 58.I, являются рубленным бисером типа Алексеева-166 [114, С.72, Таб.33, 71; 375, С.60, Кат.297.10; 430, С.27, 54–55]. Полихромные стеклянные бусы с мозаичным орнаментом типа 22 по А.С.Скрипкину явно относятся к кругу индийских каменных бус с содовым орнаментом [1062, С.84]. Вместе с тем учтены некоторые типы, не представленные в сводках наших предшественников (Таб.45Б).

Код Е.М.Алексеевой дополнен следующим образом (Таб.45):

Признак 1 (материал). Группа 4. Драгоценные и полудрагоценные камни. Добавлены значения: 10 – опал

Группа 5. Прочие редкие материалы. Добавлены значения: 9 – пирит, 10 – цитрин, 11 – морион, 12 – кварц.

Признак 2 (форма).

Группа 1. Геометрические формы. Подгруппа 2 – плоскогранные. Добавлены значения: 29 – усечённая бипирамидальная двенадцатигранная форма, 30 – квадратная форма с закруглёнными углами, 31 – овальная форма.

Группа 2.Сложные формы. Подгруппа 1 – бугристые. Добавлены значения 20 – усечённо-коническая витая форма; 21 – цилиндрическая

поперечно-ребристая форма; 22 – биноклевидная поперечно-ребристая форма; 23 – ромб, собранный из семи ребристых цилиндров разной длины; 24 – четырёхдольчатая спирально согнутая; 25 – прямоугольник, собранный из трёх цилиндров.

Подгруппа 3 – гладкие. Добавлено значение 24 – округлые с выступами-закраинами; 25 – овально-линзовидная.

Подгруппа 4 – составные. Добавлены значения 9 – усечённо-коническая форма с круглым основанием; 10 – молоточковидная; 11 – восьмёрковидная плоская, 12 – округлая с параллельными валиками.

Группа 3. Фигурные формы Подгруппа 6-имитации сосудов. Добавлены значения 10 – стилизованная амфора с гранёным туловом без ручек с петелькой, 11 – сосуд в виде усечённой шестигранного колокольчика с петелькой.

Подгруппа 7-апотропеи, символы и прочие изображения. Добавлено значение 37 – двусторонний гребень

Признак 5 (орнамент).

Группа 1. Простые орнаменты.

Подгруппа 2 – глазчатый. Добавлено значение 26 – пять глазков на средней линии.

Подгруппа 11 – ромбовидный. Добавлено значение 3 – всё ядро покрыто шестиугольниками.

Группа 2. Комбинированные орнаменты.

Подгруппа 8 – глазчато-поперечно-линейный. Добавлены значения 12 – два глазка в обрамлении пояска; 13 – зигзагообразный поясok делит ядро на три зоны, в каждой из которых находится 1–2 глазка; 14 – по одному краю и центру ядра проходят полосы со спиралевидным орнаментом, по обе стороны от центральной полосы расположены по 3–4 глазка, лежащие на одной линии; 15 – поперечные гладкие или выпуклые полосы орнамента проходят по краям и через центр ядра, по обе стороны от центральной полосы расположены выпуклые глазки, лежащие на одной линии.

Подгруппа 13 – крестово-глазчатый. Добавлены значения 6 – на обеих гранях плоской квадратной плакетки крест делит поле на 4 малых квадрата, в каждом из которых по одному глазку; 7 – аналогичный орнамент с двух сторон ограничен рельефными витыми ободками.

Подгруппа 16 – глазчатый с продольными полосами. Добавлены значения 3 – обе грани плоской овальной плакетки продольные полосы делят на два сектора, в каждом из которых находится по одному глазку; 4 – аналогичный орнамент, но каждая грань по периметру окружена витым ободком.

Подгруппа 22 – зигзагообразная полоса в центре ядра орнаментирована квадратами.

Группа 3. Сложные орнаменты. Подгруппа 3 – шахматный и ковровый. Добавлены значения 12 – горизонтальный пояс из ромбов в обрамлении двух поясов из треугольников; 13 – орнамент в виде горизонтального пояса из квадратов в обрамлении двух поясов из меандра; 14 – центральный орнаментальный пояс из меандра обрамлён поясками из ромбов.

Бляшки из драгоценных металлов.

Бляшки из драгоценных металлов (чаще – из золота) использовались для украшения костюма, ножен и колчанов. Как правило, они выбиты специальными металлическими штампами из фольги. Основы их типологии разработаны в работе И.И. Марченко [716], которая и использована нами. Дополнения к типологии И.И. Марченко приводятся в таблице 46А.

Бляшки из бронзы.

Бронзовые бляшки в отличие от золотых чаще использовались не для украшения костюма. Судя по их положению в неогрabenных погребениях, они служили украшением колчанов, портупейных ремней, ножен, футляров и ремней конской упряжи. Типологически они менее разнообразны, нежели золотые. Для выделения отделов и типов использованы те же принципы, которые И.И. Марченко применил для бляшек из драгоценных металлов [716]. При этом следует отметить, что малые бляшки простых геометрических форм в большинстве характерны для комплексов II–I вв. до н.э., крупные встречаются в первые века н.э., а фигурные бляшки в «зверином стиле» обычны для погребений V–IV вв. до н.э. и всегда украшают узду [Таб. 46Б].

Отдел 1. Бляшки геометрических форм.

Подотдел 1. Круглые.

Тип 1. Полусферические с двумя отверстиями.

Вариант 1. Малые (диаметр 0,7–1,2 см).

Вариант 2. Крупные (диаметр 5,7 см).

Тип 2. Полусферические с гладким горизонтальным бортиком-защиной (в силу корродированности краёв часть из них, возможно, относится к подотделу 2 типу 1).

Тип 3. Бляшки в виде высокого конуса со слабо отогнутым наружу бортиком.

Тип 4. Бляшки в виде высокого конуса с рельефным гладким бортиком.

Подотдел 2. Квадратные.

Тип 1. Бляшки с полусферической выпуклостью в центре и горизонтальным гладким бортиком.

Тип 2. Плоские с выступающими углами.

Височные кольца и серьги.

Данная категория находок относится к числу массовых. Серьги и височные кольца обычны и в женских, и в мужских савромато-сарматских погребениях. При этом некоторые их разновидности могут служить хронологическими индикаторами. Вместе с тем, сквозная типологическая схема для височных колец и серег не разработана. Выделены 2 отдела: простые и сложные серьги. К отделу I были отнесены украшения, в основе которых лежит простое проволоочное кольцо. Отдел II объединил украшения, в основе которых металлический декоративный щиток либо скульптурная фигурка. При выделении типов мы шли от простейшей схемы проволоочного кольца ко всё более сложным. Материал, из которого изготовлены украшения, не учитывался, так как в зависимости от достатка обладательницы одинаковые по конструкции и синхронные серьги могут быть и медными (бронзовыми), и серебряными, и золотыми [Таб. 47].

Отдел I. Простые серьги.

Тип 1. Несомкнутое проволоочное кольцо.

Вариант 1. Гладкое кольцо из круглой в сечении проволоки.

Вариант 2. Витое кольцо с приотстрёнными концами.

Тип 2. Несомкнутое проволоочное кольцо концы слегка заходят друг за друга.

Вариант 1. Малые кольца диаметром 1–2 см.

Вариант 2. Крупные кольца диаметром 2–3,5 см.

Тип 3. Проволоочное кольцо в 1,5 оборота.

Вариант 1. Кольцо из гладкой круглой в сечении проволоки. Концы гладкие, прямо обрублены.

Вариант 2. Кольцо из гладкой круглой в сечении проволоки. Концы обмотаны тонкой проволокой и завершаются шариками.

Вариант 3. Кольцо из витой проволоки.

Тип 4. Проволоочное кольцо в 2–2,5 оборота.

Тип 5. Проволоочное кольцо в 1,5 оборота с напаянным украшением.

Вариант 1. К кольцу припаяна пирамидка из зерни.

Вариант 2. К кольцу припаян столбик из спирально скрученной проволоки, завершающийся гроздью из зерни.

Вариант 3. К кольцу припаян столбик из спирально скрученной проволоки, завершающийся плоским трилистником с напаянными снизу тремя шариками.

Вариант 4. К кольцу припаян столбик из спирально скрученной проволоки, завершающийся полым шариком с напаянными гроздьями зерни.

Вариант 5. К кольцу припаяна пластинчатая восьмёркообразная привеска, украшенная продольным верёвочным орнаментом.

Вариант 6. К кольцу припаяна подвеска в виде ажурного кольца с двумя продольными косичками. Место пайки украшено зернью.

Вариант 7. Кольцо с тремя подвесками в виде цепочек с лунницами.

Тип 6. Несомкнутое кольцо с припаянным украшением.

Вариант 1. Украшение в виде конуса раструбом вниз.

Вариант 2. Украшение биконическое с напайкой внизу в виде грозди зерни.

Тип 7. Несомкнутое кольцо с небольшим колечком внизу, к которому крепится дополнительное украшение.

Вариант 1. К колечку крепится бубенчик с пирамидкой зерни в нижней части.

Вариант 2. К колечку крепится цепочка из проволоки, завершающаяся бубенчиком.

Вариант 3. К колечку прикреплена литая фигурка в «зверином» стиле.

Тип 8. Кольцевидные серьги с застёжкой.

Вариант 1. Колечко из витой проволоки, один конец которой заострён, а второй загнут в петельку.

Вариант 2. Колечко из проволоки с крючком на одном конце и завязкой-петлей на другом.

Вариант 3. Колечко из проволоки с крючком на одном конце и пробитым отверстием-петлей на другом.

Тип 9. Золотая серьга из квадратной в сечении проволоки, по трём граням которой напаяны ряды колечек..

Тип 10. Гладкие проволочные серьги с перевитыми концами.

Тип 11. Серьга из изогнутой полый золотой трубочки, внешняя часть которой орнаментирована цветной эмалью в технике клаузонне. Застёжкой служит стержень, проходящий внутри трубочки и переходящий в крючок.

Тип 12. Серьга типа 1.1 с напускной 14-гранной бусиной.

Отдел II. Сложные серьги.

Тип 1. Бронзовые колечки, обложенные золотом, к которым прикреплены сдвоенные полулунные золотые щитки, украшенные перегородчатым орнаментом в виде треугольников, заполненных цветной пастой.

Верхние углы щитков украшены напайками из сдвоенных шариков зерни. К нижнему их краю к специальным петелькам крепятся на цепочках золотые бубенчики.

Тип 2. Золотые колечки, к которым прикреплены полые фигурки лошадей, запряжённых в колесницу.

Тип 3. Золотые серьги с основой в виде треугольного щитка со вставками овальной либо сегментовидной формы. К верхнему краю припаяна петелька для подвешивания, к нижнему – петельки, к которым на жгутах-цепочках крепятся подвески.

Вариант 1. На щитке овальное гнездо для гранатовой вставки, окруженное сверху и у основания тремя сквозными круглыми гнёздами. В основании щитка двойная косичка из скани. К верхнему гнезду и щитку сзади прикреплен крючок. К основанию щитка на четырёх цепочках прикреплены подвески в виде стерженьков с шариком на конце. В центре к основанию подвижно крепится амфоровидная подвеска из горного хрусталя.

Вариант 2. На щитке 2 гнезда для стеклянных либо пастовых вставок: верхнее круглое и нижнее в виде горизонтального сегмента. Они окружены по периметру поясками скани.

Вариант 3. На щитке 3 гнезда, идущих сверху вниз: 2 круглых и нижнее в виде горизонтального сегмента. Они окружены по периметру поясками скани. Нижняя вставка с четырех сторон окружена малыми круглыми гнёздами, заполненными эмалью. Между нижними малыми вставками припаяна «змейкой» проволока, формирующая петельки для крепления цепочек с подвесками.

Вариант 4. На щитке 4 овальных гнезда для стеклянных или пастовых вставок в обрамлении поясков из скани (верхнее вертикальное и ниже треугольником 3 горизонтальных). Центральную вставку окружают 4 малых круглых гнезда со вставками из эмали. В основании щитка двойная косичка из скани.

Тип 4. Золотые серьги. В основе сердоликовая шаровидная бусина с вертикальным каналом в оправе из двух золотых полусфер. Сверху и снизу к ней крепятся катушкообразные втулки. К верхней припаяна петля для подвешивания и 4 S-видных проволоочки, концы которых загнуты в кольца. К нижним кольцам с помощью четырёхгранных жгутиков-цепочек прикреплены пять полусферических подвесок. Нижняя втулка может завершаться золотым кубиком, нижняя грань которого украшена пирамидками зерни. Как вариант катушкообразные втулки могут заменяться цилиндрическими, к которым с обоих концов

прикрепляются раструбы из раскрытых полусфер. Все детали соединяются вертикальной золотой осью.

Тун 5. Золотые серьги с дужкой в виде кольца из витой проволоки, гладкий конец которой загнут в крючок, а на второй надета золотая полая лвиная головка, в пасть которой пропущен крючок.

Тун 6. Восьмёркообразные серьги с подвесками.

Вариант 1. Золотые серьги, в основе которых овальный щиток со вставкой из цветного стекла в кобюшоне, окруженной треугольными эмалевыми вставками. Вокруг кобюшона и по краю щитка – пояски из крученой скани. Над щитком на бантообразном постаменте малый овальный щиток с агатовой вставкой, обрамлённой крученой сканью. У основания малого щитка треугольником расположены золотой шарик и 2 круглых гнезда со стеклянными вставками. Под центральным щитком в петельках закреплены ещё две стеклянные вставки и золотая зерненная петелька. К петельке подвижно прикреплено схематическое изображение древа жизни. От нижних вставок отходят по 3 цепочки с бусинами на концах.

Вариант 2. В основе восьмёркообразная пластина, на которую напаяны 2 круглых медальона со стеклянными вставками. Снизу к основе припаяны 5 петель, к которым на цепочках крепятся дисковидные подвески. Сверху к основе припаяна золотая петля, через которую продето кольцо в 1,5 оборота.

Тун 7. Золотые серьги с основой в виде каплевидного щитка с пятью напаянными гнёздами для вставок, обрамлёнными зернью. Вверху – крючок, по краям и снизу на цепочках 7 плоских круглых подвесок.

Тун 8. Золотые серьги в виде сегментовидного щитка, обрамлённого сканным пояском и орнаментированного S-видными завитками. В основании щитка двойная косичка из скани и 5 петелек, к которым на цепочках крепятся дисковидные подвески с пуансонным орнаментом.

Тун. 9. Серьги в виде округлой бусины в золотой оправе с петелькой в верхней части и 4 дисковидными золотыми подвесками на цепочках – в нижней.

Тун 10. Золотые серьги, в основе которых овальный щиток с овальной сердоликовой вставкой в центре в высоком гнезде. Вставка окружена концентрическими «косичками» из скани. Дужка крепится на обороте щитка. Она свита из нескольких проволочек в «косичку» и завершается крючком. Замок выполнен в виде петли.

Тун 11. Золотые серьги с основой в виде четырёхгранной «палицы Геракла», покрытой зернью и вставками из стекла и граната. К основанию по углам прикреплены на цепочках полые подвески.

Тип 12. Золотые серьги в виде пятилепестковой розетки с изображением человеческого лица.

Тип 13. Золотые серьги с основой в виде низкого цилиндра, окантованного тремя поясками из витой скани, к которому сверху подвижно прикреплено несомкнутое кольцо, а снизу на витых цепочках 5–6 гладких дисковидных бляшек.

Тип 14. Калачиковидные серьги с проволоочной дужкой.

Вариант 1. Гладкие серьги.

Вариант 2. Серьги с орнаментом из S-видных завитков скани. В нижней части припаяны колечки для крепления подвесок.

Вариант 3. Серьги с двумя каплевидными и круглой стеклянными вставками в обрамлении поясков из зерни.

Вариант 4. Серьги с поверхностью, украшенной полусферическими выпуклостями в виде грозди.

Тип 15. Серьги с основой в виде плоского подтреугольного щитка, окантованного пояском скани и украшенного каплевидными сердоликовыми вставками в гнездах из зерни. К щитку сверху крепится крючок, снизу на витых цепочках 3–5 дисковидных подвесок. *Вариант 1.* На щитке 3 вставки, к щитку крепятся 3 подвески.

Вариант 2. На щитке 5 вставок, к щитку крепятся 5 подвесок.

Тип 16. Амфоровидные серьги с 6 подвесками на цепочках. Ручки амфорок в виде дельфинов, в основании амфорки гроздь зерни.

Тип 17. Золотые серьги в виде головок антилоп, украшенных S-видными завитками скани. В нижней части на цепочках крепятся по 4 дисковидные подвески на цепочках, сверху – рога и крючок из скани.

Браслеты.

Металлические браслеты встречаются обычно в женских и детских погребениях. При этом сарматы, в отличие от скифов, носили эти украшения только на руках [379, С.39; 894, С.49]. За основу классификации этой категории инвентаря взята схема В.Г.Петренко, принятая для скифской АК [894, С.49–62]. Членение на группы по материалу не предусматривалось, так как однотипные по форме браслеты могли изготавливаться из различного металла, в зависимости от достатка погребённого. Браслеты делились на 5 отделов: проволоочные, стержневые гладкие, стержневые скрученные, пластинчатые и сложные. Основа браслетов первого отдела всегда изготовлена путём волочения. Браслеты, отнесённые ко второму отделу, могут быть изготовлены путём волочения,ковки либо литья. Пластинчатые браслеты имеют кованую основу. Для изготовления сложных

браслетов использовались детали, часто выполненные путём разных технологий, соединявшиеся механически, а также путём пайки или горячей ковки. В качестве типобразующих признаков принята форма браслета. Варианты выделялись по оформлению концов [Таб. 48].

Отдел 1. Проволочные браслеты.

Тип 1. Сомкнутые с округлыми концами.

Тип 2. Сомкнутые с концами в виде шишечек.

Тип 3. Несомкнутые с обрубленными концами.

Тип 4. Несомкнутые с расширенными каплевидными концами.

Тип 5. Несомкнутые с заострёнными концами.

Тип 6. Спиральные несомкнутые.

Вариант 1. Концы гладкие округлые или приострёрные.

Вариант 2. Концы расплющены, имеют овальную форму.

Вариант 3. Концы расплющены и оформлены в виде головок животных.

Вариант 4. Концы украшены литыми наконечниками в «зверином стиле».

Тип 7. Раздвижные с концами, обмотанными вокруг обруча.

Тип 8. Браслеты с концами, обмотанными друг за друга.

Тип 9. Спиральный браслет в 2 оборота, свитый из двух гладких круглых в сечении проволок с наконечником в виде головы лошади.

Тип 10. Браслеты с концами, загнутыми в петли и обмотанными вокруг стержня, соединёнными в замок

Отдел 2. Стержневые гладкие браслеты.

Тип 1. Сомкнутые гладкие браслеты.

Тип 2. Сомкнутые браслеты, украшенные шишечками.

Вариант 1. Литё грубое, как правило, литиковый стержень не удалён до конца, крупные шишечки идут в три ряда далеко друг от друга.

Вариант 2. Литё аккуратное, следы литикового стержня зачищены, крупные либо мелкие шишечки посажены часто и идут в три ряда.

Тип 3. Несомкнутые браслеты.

Вариант 1. Браслет сужается от середины, концы заострены.

Вариант 2а. Концы прямые, гладко обрублены, не орнаментированы.

Вариант 2б. Концы прямые, гладко обрублены, украшены гравировкой в виде поясков и зигзага между ними.

Вариант 3. Концы расширяются раструбом, гладко обрублены.

Вариант 4. Концы в виде конических шишечек.

Вариант 5. Концы уплощены, имеют прямоугольную форму, в них пробиты отверстия.

Вариант 6. Концы украшены изображениями змеиных голов.

Вариант 7. Концы украшены литыми изображениями голов животных.

Вариант 8. Концы загнуты в петли.

Вариант 9. Литой браслет с гладко обрубленными концами, стержень украшен мелкими, часто посаженными шишечками

Тип 4. Браслеты с заходящими друг за друга концами.

Вариант 1. Концы обрублены

Вариант 2. Концы загнуты в петли.

Тип 5. Спиральные с прямыми обрубленными концами.

Тип 6. Браслеты с завязанными концами, крепление в виде «гераклова узла».

Отдел 3. Стержневые скрученные браслеты.

Тип 1. Браслеты с заходящими друг за друга округлыми или приострѐнными концами.

Тип 2. Спиральные браслеты, концы расплющены и оформлены в виде стилизованных змеиных голов.

Отдел 4. Пластинчатые браслеты.

Тип 1. Несомкнутые, концы прямые обрубленные либо округлѐнные.

Тип 2. Несомкнутые, концы ромбические в виде змеиных голов.

Тип 3. Несомкнутые сегментовидные в сечении сужающиеся к концам.

Тип 4. Спиральные, концы ромбические в виде змеиных голов.

Отдел 5. Сложные браслеты.

Тип 1. Золотые шарнирные браслеты. Каждый состоит из двух створок, одна из которых вдвое больше другой. Меньшая створка крепилась к большей на шарнире в виде наглухо закреплѐнной проволоки, вставленной в петельки на боковинах створок. Замок в виде медной иглы на золотой цепочке, вставлявшейся в вертикальные трубочки. Основу створок составляют 3 горизонтальные полые трубки. Между трубками пространство заполнено двумя рядами ромбов. По внешним трубкам большей части припаяны в положении антитезы фигурки животных (хищников?).

Тип 2. Золотой шарнирный двучастный браслет в виде усечѐнного конуса. Части симметричны и состоят каждая из 5 горизонтальных фриз, разделѐнных полыми трубками. Верхний и нижний фризы орнаментированы двойным меандром из горизонтальных S-видных завитков скани, разделѐнным горизонтальной осью. Пространство между осью и завитками заполнено зелёной и синей эмалью. Второй сверху фриз ажурный, заполнен стилизованными изображениями четырёх растянутых звериных шкур. В центре каждой шкурки оттиснута фигурка

барана. Центральный фриз гладкий с прорезанными вертикальными ромбами. У верхнего и нижнего углов каждого ромба по 2 полусферических выпуклости, аналогичные выпуклости соединяют ромбы между собой. Четвёртый фриз также ажурный в виде наклонённых друг к другу триглифов. Каждый с боков обрамлён проволокой. Плоскости полос-разделителей заполнены вертикальными рядами из 9–11 полочек, разделённых проволочками с загнутыми в колечки концами, внутрь которых напаяны колечки с шариками.

Тун 3. Золотой шарнирный браслет из двух симметричных частей. Створки в виде ажурных прямоугольных рамок, заполненных волютами, формирующими Х-образные фигуры, соединены шарниром в виде вертикальных трубочек, замкнутых бронзовой осью. Замок оформлен в виде бычьих (?) головок, орнаментированных в основании поясками скани и в лобной части накладками из зерни. Замок запирался осью (утрачена), проходившей через колечки в носовой части головок.

Тун 4. Золотые браслеты в виде несомкнутой полой трубки, в торцы которой вставлены литые фигурки Амура и Психеи, выступающие из цветка. К фигуркам крепится замок в виде пятиугольной либо овальной «коробочки» со вставкой из циркония. Трубка имеет множество отверстий, в которые вставлена сетка из тонкой проволоки, плотно унизанная жемчугом. В трёх местах на проволочки надеты бусы из зеленоватого либо черного камня и напаяны шарики зерни.

Тун 5. Золотые шарнирные двучастные браслеты. Части представляют собой прямоугольные рамки, заполненные изображениями грифонов с подогнутыми конечностями, инкрустированными бирюзой, гранатом, пастой.

Тун 6. Золотой шарнирный трёхчастный браслет, собранный из двух фигур скачущих самцов пятнистых оленей и сдвоенной протомы этих животных. По шеям и туловищам фигур проходят три ряда каплевидных гнёзд для вставок. Замок, соединяющий передние ноги скачущих фигур, выполнен в виде пружинной ограничительной заклёпки, проходящей через полые трубочки.

Гривны.

Шейные украшения в виде металлического обруча, являвшиеся, как правило, показателем особого статуса человека, известны с эпохи поздней бронзы до развитого средневековья. Встречаются они и в савромато-сарматских памятниках, обычно сочетаясь с социально-престижными вещами (золотые украшения, парадное оружие, упряжь, импортные

изделия и т.д.). Первые экземпляры известны в комплексах V в. до н.э. Более или менее репрезентативные серии таких украшений известны в комплексах IV и II–I вв. до н.э. Несколько гривен происходит из погребений знати I – нач. III вв. Они никогда не являлись массовым материалом. Из рассмотренных нами примерно 6 000 комплексов происходит 60 металлических ожерелий и гривен. При этом гривны вообще отсутствуют в комплексах эпохи архаики (VII–VI вв. до н.э.) и погребениях, узко датированных III в. до н.э. Основные принципы для выделения типов и вариантов гривен заимствованы нами у В.Г.Петренко, обработавшей аналогичные украшения скифов [894, С.41–48]. Отделы выделялись по сечению стержня, типы – по форме обруча и по оформлению концов гривны. Все гривны являются либо золотыми, либо бронзовыми, обложенными золотом или серебром [Таб. 49].

Отдел 1. Гривны из круглой в сечении тонкой проволоки.

Тип 1. Гривна в виде несомкнутого обруча. Концы гладко обрублены (Таб. 49, 1).

Тип 2. Гривна в виде сомкнутого обруча. Один конец согнут в петлю и плотно обмотан вокруг обруча, второй согнут крючком, конец может быть гладким или иметь форму конуса (Таб. 49, 2).

Тип 3. Гривна с заходящими друг за друга концами. Концы четырёхгранные в виде стилизованных змеиних голов (Таб. 49, 3).

Отдел 2. Гривны из круглой в сечении толстой проволоки.

Тип 1. Гривны в виде несомкнутого обруча.

Вариант 1. Концы гладкие, слегка расширяются (Таб. 49, 4).

Вариант 2. Концы округлые. Один слегка сужается, второй в виде шишечки (Таб. 49, 5).

Вариант 3. Концы уплощены и украшены чеканными изображениями в зверином стиле (Таб. 49, 6).

Вариант 4. Концы отлиты в виде фигурок лежащих львов (Таб. 49, 7).

Вариант 5. На концы надеты золотые трубочки, украшенные сканью и, возможно, оканчивающиеся золотыми головками львов (Таб. 49, 8).

Вариант 6. Обруч изготовлен из двух полых золотых трубок, наколенники в виде головок копытных животных со вставками из бирюзы (Таб. 49, 9).

Тип 2. Гривны с заходящими друг за друга концами.

Вариант 1. Концы гладко обрублены, обруч гладкий (Таб. 49, 10). (Бекешево III к.2 п.2; Тавлыкаево к.2; Альмухаметово к.6; Леканды к.4 п.1; Мечет Сай к.8 п.5; Прохоровка к.2 и 4; Высочино VII к.17 п.3; Лятошинка к.5 п.8; Новоузенск к.1 п.18). Гривны данного варианта обычно

имеют в основе бронзовый прут, обложенный золотом либо серебром. В Высочино VII серебряный прут обложен золотом. В Лятошинке и Новоузенске гривны не имеют обкладки из драгоценного металла.

Вариант 2. Концы обрублены, на стержне ближе к концам литые фигурки лежащих животных по 4 с каждой стороны (Таб. 49, 11).

Вариант 3. Концы гладко обрублены, расширяются раструбом (Таб. 49, 12).

Вариант 4. Концы фигурные в зверином стиле (Таб. 49, 13).

Тип 3. Многовитковые гривны.

Вариант 1. Гривна в виде неплотной спирали в 2 оборота. Концы обрублены (Таб. 49, 14).

Вариант 2. Гривна в виде неплотной спирали в 1,5–2,5 оборота. Концы украшены спиральной нарезкой и завершаются литыми головками антилоп, протомами архаров либо львов (Таб. 49, 15). У экземпляров из к.1 п.1 в Прохоровке, к.1/1971 п.3 в Новом Кумаке, к.4 п.3 и 4 в Филипповке стержень гладкий. У второй гривны из филипповского к.4 п.4 стержень ребристый.

Вариант 3. Гривна в виде неплотной спирали в 2–2,5 оборота. Концы горизонтально уплощены, выполнены в виде стилизованных змеиных головок (Таб. 49, 16).

Вариант 4. Гривна в виде плотной спирали в 3 оборота. Окончания оформлены резными фризами в виде трёх орлиноголовых грифонов. Глаза, плечо, бедро и основания рёбер подчёркнуты голубыми стеклянными бусами и, в одном случае, вставкой из коралла (Таб. 49, 17).

Отдел 3. Гривны из скрученного спирально четырёхгранного в сечении стержня.

Тип 1. Концы гладкие (Таб. 49, 18).

Тип 2. Концы гладкие, загнуты в петли (Таб. 49, 19).

Тип 3. Один конец расплюсчен и пробит, образуя петлю, второй согнут крючком, конец имеет форму конуса (Таб. 49, 20).

Тип 4. Спиральная гривна с концами в виде лосиных головок (Таб. 49, 21).

Тип 5. Серебряная, обложенная золотом, овальная гривна из массивного прута, фасетированного ромбами (Таб. 49, 22).

Отдел 4. Полые ложновитые гривны.

Тип 1. Шарнирная гривна из полых трубок, спаянных в шесть рядов и скреплённых на концах двумя обоймами. Концы «спирали» украшены чеканными головками волков. Гривна двучастная. Задний сегмент прикреплен на шарнире из двух петелек и вертикального штыря-запора.

Аналогичным образом выполнен замок гривны на другом конце подвижного сегмента (Таб. 49, 23).

Тун 2. Шарнирная гривна из трёх полых трубок с разъёмной задней частью на шарнирах с застёжкой. Лицевая сторона обрамлена сверху и снизу фризами, в каждом из которых восемь львов и львиных грифонов. Глаза, лопатки и мышцы украшены каплевидными вставками из бирюзы, кораллов и стекла (Таб. 49, 24).

Тун 3. Гривна шарнирная трёхчастная, разрублена. Каждая часть изготовлена из цельного золотого листа согнутого в плоскую трубку, на внешней плоской поверхности горизонтальными вдавлениями имитированы витки спирального стержня. Замок и шарнир аналогичны по устройству типу 1 (Таб. 49, 25).

Тун 4. Гривна кольчатая трубчатая разъёмная в виде спирали в 3,5 оборота. Состоит из двух частей. Концы трубок съёмной части гривны вставляются в концы трубок основной части. На внешних концах «спирали» – скульптурные головки барсов (Таб. 49, 26).

Отдел 5. Гривны плоские в сечении.

Тун 1. Гривна в виде пластинчатого несомкнутого обруча. Концы оформлены в виде чеканных головок антилоп, рога из крученной золотой проволоки припаяны отдельно. Позади головок напаяны «ожерелья», прямоугольные пластины с филигранным орнаментом, заполненным синей эмалью в виде лотосов с двумя дисками по сторонам (Таб. 49, 27).

Отдел 6. Гривны, сплетённые из тонкой проволоки в виде сложной косички.

Тун 1. Колье в виде двух жгутов-цепочек, сплетённых из четырёх золотых проволочек. Каждый жгут состоит из восьми звеньев длиной 4,2–5 см, соединённых проволочками. Жгуты скреплены между собой гофрированными золотыми хомутиками. На концах замки в виде каплевидных золотых пластинок со вставками из голубоватой яшмы и двумя кольцами на концах: малым у основания для крепления к жгуту и большим на остром конце для запираания гривны (Таб. 49, 28).

Тун 2. Колье в виде двух плетёных жгутов, прикреплённых к центральному золотому полихромному украшению. Жгуты состоят из четырёх золотых цепочек каждый. Цепочки соединены на концах золотыми цилиндрическими обоймами. На внешних обоймах припаяны колечки для застёгивания.

Вариант 1. Центральное украшение в виде 5 овальных медальонов со вставками из цветного стекла и полудрагоценных камней с подвеской в виде пчелы, инкрустированной разноцветными вставками (Таб. 49, 29).

Вариант 2. Центральное украшение в виде прямоугольного медальона с вставкой, к которой с двух сторон прикреплены профильные фигурки орлиных грифонов в геральдической оппозиции. Медальон и фигурки инкрустированы бирюзой и стекляннй пастой голубого и зелёного цвета. (Таб. 49, 30).

Вариант 3. Центральное украшение в виде 10 овальных медальонов с полихромными вставками овальной либо каплевидной формы. При этом 2 центральных медальона выделяются размерами. (Таб. 49, 31).

Вариант 4. Центральное украшение из 15 одинаковых медальонов, соединённых шарнирами. Медальоны золотые овальные с крупной овальной же гранатовой вставкой в кобушоне, обрамлённом пояском скани. К каждому медальону, за исключением крайних, припаяна петелька, сквозь которую продето золотое колечко. К колечкам прикреплены ромбовидные плоские подвески с янтарными вставками, обрамлёнными псевдофилигранью. (Таб. 49, 32).

Тип 3. Золотая гривна в виде обруча из трёх перевитых проволок, на концы которого надеты цилиндрические обоймы, обрамлённые с нижнего конца проволокой с вертикальными насечками. На цилиндры надеты литые наконечники в виде конских головок с рожками (антилопы?), инкрустированные каплевидными голубыми и белыми вставками. Головки соединяются спиралью из золотой проволоки (Таб. 49, 33).

Отдел 7. Гривны в виде золотых цепочек.

Тип 1. Однорядные цепочки

Вариант 1. Массивная однорядная замкнутая цепь. Звенья из сжатых с боков и согнутых пополам крупных колец (Таб. 49, 34).

Вариант 2. Однорядная разомкнутая цепь из миниатюрных золотых колечек с одиннадцатью каплевидными подвесками, украшенными вставками из сердолика (Таб. 49, 35).

Вариант 3. Однорядная разомкнутая цепь из миниатюрных золотых колечек с застёжками в виде литых львиных головок с рогами из скани (Таб. 49, 36).

Тип 2. Многорядные колье.

Вариант 1. Двухрядная цепочка из небольших колечек. Цепочки спаяны между собой через одно кольцо. К внешней цепи прикреплены 14 каплевидных подвесок с гранатовыми вставками, чередующиеся с подвесками из бус. На концах замки в виде прямоугольника с округлым краем, украшенного с внешней стороны рамками из скани квадратной и сердцевидной формы, к которым крепятся колечки-застёжки (Таб. 49, 37).

Вариант 2. Трёхрядная цепочка из небольших колечек. Цепочки спаяны между собой через три кольца. К внешней цепи прикреплены 36 подвесок. Последние 3 звена с каждой стороны надеты на стержень, пропущенный между трёх плоских крючков, припаянных к декоративным щиткам-замочкам (Таб. 49, 38).

Отдел 8. Сложные гривны.

Тип 1. Шарнирная плоская прорезная гривна. Передняя часть инкрустирована бирюзой. На лицевой пластине в центре изображён усатый и бородатый мужчина с пышной причёской в кафтане, узких шароварах и низких сапожках, сидящий на коврике со скрещенными ногами. В руках у него чаша, на поясе короткий меч в ножнах. По обе стороны от центральной фигуры изображены схватки трёх антропоморфных персонажей с мифическим животным в виде крылатого волка с козлиной бородой. Аналогичная композиция изображена на тыльной пластине (Таб. 49, 39).

Тип 2. Гривна-ожерелье из золотых, альмандиновых, агатовых и хрустальных в золотой оправе бус, соединённых золотыми же цепочками. Концы оформлены в виде петелек со щитками, украшенными вставками из чёрного агата (Таб. 49, 40).

Тип 3. Рельефная трёхчастная золотая пектораль. Состоит из полой основы и двух наконечников в виде литых головок баранов. Основа состоит из плоской задней и выпуклой лицевой пластин, соединённых пайкой. На лицевой стороне тиснением и чеканкой изображены сцены терзания (Таб. 49, 41).

Проколки.

Массивные костяные проколки характерны для развитой прохоровской АК III–I вв. до н.э. В.М.Клепиков относит их к числу орудий труда [549, С.73–74]. Однако качество обработки и размещение в погребении (возле черепа, у плеча) по крайней мере части из них позволяет предположить для них иное предназначение. «Проколки» могли скреплять костюм до распространения моды на фибулы, т.е. быть заколками. А.С.Скрипкин [1062, С.100] предложил разделить их на 2 типа [Таб. 50]:

Тип 1. Специально обработанные с глянцевой поверхностью стержневидные проколки с острием с одной стороны и Г-образным выступом с отверстием в другой. Длина до 25 см (Таб. 50 1–8).

Тип 2. Проколки из путовой кости лошади, обработаны только острие и верхняя часть без отверстия. Длина до 15 см (Таб. 50, 9–13).

Фибулы.

Использована типология фибул Северного Причерноморья II в. до н.э. – IV в.н.э., разработанная А.К.Амброзом [120]. В нашей работе имеются лишь небольшие расхождения с положениями, высказанными в своде А.К.Амброза.

Во-первых, учтены разработки в области хронологии латенской культуры в сторону удревнения последней по сравнению со схемой Я. Филипа, использованной А.К.Амброзом [548; 1255; 1348–1349]. В силу этого, фибулы среднелатенской схемы, традиционно относимые к Латену С2 – D1, датировались в нашей работе в пределах 180х-60х гг. до н.э.

Во-вторых, появление лучковых одночленных фибул серии I варианта I по А.К.Амброзу, являющихся, по его мнению, подражанием среднелатенской схеме [120, С.48–49], мы относим не к рубежу эр, а ко второй трети I в. до н.э. В пользу этого говорит удревнение хронологии Латена D1, а с ним – прототипов лучковых фибул и появление комплексов, датируемых I (а иногда и концом II) в. до н.э. с лучковыми одночленными фибулами варианта 0 [216, С. 26; 457; 1149, С.151].

В-третьих, пересмотрена датировка «воинских» фибул с прогнутой спинкой и укороченным приёмником (вариант Амброз-5 [120, С. 25]). Их А.К.Амброз датировал I в.н.э. Б.Ю. Михлин счёл возможным отнести экземпляры из Беляусского могильника к первой пол. I в. н.э. [761, С. 205].

Фактически согласно своду А.К.Амброза 3 комплекса относятся к I в. до н.э. (мавзолей Неаполя Скифского, ящик I костяк 48 и ящик XV костяк 69, Николаевка-Казацкое к₁N), 1 – к I в. до н.э.-I в.н.э., 2 – к I в.н.э. (Ольвия п. 87/1901, Петуховка к.4В). При этом петуховский курган 4В содержал многоактное захоронение пяти человек, с которыми помимо фибулы рассматриваемого варианта находились сосуды I в. до н.э. и лучковая подвижная фибула II варианта по А.К.Амброзу (вторая пол. I – первая пол. II вв.). «Воинская» фибула обнаружена при костяке II, а лучковая (по которой А.К.Амброз датирует «воинскую») – при костяке IV [1305, Abb. 86–87]. В этой ситуации синхронизировать обе застёжки мы не можем. Вызывает сомнение само отнесение данной фибулы к рассматриваемому варианту: длина приёмника, судя по рисунку Эберта, составляет около 28,5% всей длины фибулы, так что укороченным его назвать нельзя, скорее, в Петуховке обнаружена обычная «воинская» фибула с прогнутой спинкой и сплошным приёмником варианта I. В Беляусском некрополе фибула из п. 10–8 оказалась среди сдвинутых костяков с материалом, перекрытых костяками I и II с лучковыми одночленными фибулами варианта I по А.К.Амброзу (I в.н.э., возможно – первая его половина

по А.К. Амброзу [120, С. 49]) и керамикой I в.н.э. Датировка Б.Ю. Михлина, предлагаемая для воинской фибулы (первая пол. I в.) вряд ли оправдана – погребениями I в.н.э., тем более – первой его половины, скорее будут перекрываться костяки предшествующего столетия. Фрагментированная фибула в п. 13–23 была найдена «среди сдвинутых скелетов с материалом II–I вв. до н.э., тогда как у позднейших скелетов оказались бронзовое кольцо с зооморфным выступом и краснолаковая миска кон. I в. до н.э. – первой пол. I в.н.э.» [761, С. 205]. Из приведённой цитаты понятно, что и данный экземпляр мог быть упокоен в I в. до н.э., причём даже не в конце этого столетия. Фибула из п. 140–1 найдена с бусами рубежа эр. Фибула из п. 2–17 найдена со сдвинутыми костяками, сопровождавшимися инвентарём кон. I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э., причём это скопление перекрывалось более поздними костяками, среди которых костяк II с фибулой рассматриваемой конструкции 2–16 относится ещё к первой пол. I в.н.э. [761, С. 211]. Последнее не позволяет относить момент упокоения фибулы 2–17 ко времени после рубежа эр. К I в.н.э., причём его началу-первой половине в Беляусе относятся по Б.Ю. Михлину упомянутая фибула из п. 2–16 и экземпляр из п. 113–15. Итак, в Беляусском некрополе 4 «воинские» фибулы с прогнутой спинкой и укороченным приёмником должны датироваться в пределах I в. до н.э., возможно – его конца, и только 2 – началом-первой пол. I в.н.э. Всего же из 11 экземпляров, проанализированных А.К. Амброзом и Б.Ю. Михлиным, 6 относятся к I в. до н.э., 1 – к I в. до н.э. – I в.н.э., 4 – к I в.н.э. (из них 2 – началу или первой половине столетия). Это заставляет нас удревить фибулы данного варианта до пределов кон. I в. до н.э. – первой пол. I в.н.э. Вероятнее всего, они синхронны обычным «воинским» фибулам с прогнутой спинкой эпохи позднего Латена.

Сделаны дополнения к схеме А.К. Амброза за счёт новых материалов [Таб. 51].

Фибула, сочетающая особенности группы 1 («фанилатенская схема», фибулы со свободным загнутым вверх концом ножки) и группы 4 (одночленные «воинские» фибулы со сплошным приёмником) (Таб. 51, 1). Фибула бронзовая литая пружинная с двухвитковой пружиной и внешней тетивой, массивной веретенообразной спинкой, украшенной тремя двояными рельефными поясками, а у основания приёмника – изображением волчьей головки мордой к концу ножки. Приёмник сплошной треугольный завершается загнутым к спинке хвостиком в виде волчьей головки мордой к пружине (таким образом, головки на спинке и на конце приёмника смотрят друг на друга). Длина фибулы 4 см. Происходит из к.9 п.25 у ст. Михайловской начала I в.н.э. [525].

Фибулы среднелатенской схемы с копьевидно расплющенной ножкой и восьмёркообразными завитками на спинке (Таб. 51, 2–3). Фибулы бронзовые больших размеров. Происходят из к.3/1984 п.3 х. Пролетарского и к.11 п.8 у ст. Хопёрской [216]. Комплексы оснований для уточнения датировки фибул не дают. По балканским аналогиям отнесены к Латену-С2 (180–120 гг. до н.э.) [216, С.26].

«Воинские» фибулы с прямой спинкой и укороченным приёмником (Таб. 51, 4–6). Примыкают по набору конструктивных особенностей к «воинским» фибулам 5 варианта по А.К.Амброзу, отличаясь от них отсутствием характерного прогиба перед приёмником. Имеют двухвитковую пружину с внешней тетивой, плоскую каплевидную или вытянуто треугольную спинку и сплошной приёмник в виде параллелограмма. Встречены на Украине в комплексах кон. II – I вв. до н.э. (Пролетарий ХХХ к.1 п.9; Васильевка к.1, Широкая Балка к.2 п.11) [760; 1015]. Часть из них служила застёжками к серебряным круглым брошам (Широкая Балка, возможно – Васильевка).

Более подробно разработана типология *фибул-брошей из драгоценных металлов* (Группа 8 серия 1 по А.К.Амброзу [120, С.30–31, Таб. 14]). Это фибулы «из золотого листа, с зернью, филигранью, со вставками из драгоценных камней, стекла и эмали; с пружиной, нередко две иглы».

Тип 1. Круглые золотые броши.

Вариант 1. Броши без крупных полихромных вставок. Орнамент рельефный и сканный (Таб. 51, 7, 12А). В сарматских памятниках появляются в нач. II в. до н.э. Арéal – Кубань. Прототипом являются греческие броши и сложные серьги IV в. до н.э. Так брошь из к.7 п.13 в Раздольной, украшенная в центре шестилепестковым цветком из скани, сидящем на шестилепестковой же розетке в обрамлении листьев аканфа [716, рис.63,9а], близка по характеру декора верхним круглым щиткам серег из гробницы к.1/1853 в Феодосии IV в. до н.э. и из Куль Обы [1106, С.49, кат. 33; 1347, Cat. 130, 133]. К этому варианту относится и экземпляр из к.1 п.7 у х. Верхнего, орнаментированный рельефными полусферами и сканью [1217, Кат.152].

Вариант 2. Броши с полихромными вставками и орнаментом из скани (Таб. 51, 8–11). Броши варианта 2 встречены в комплексах кон. II – первой пол. I вв. до н.э. на Кубани и в степном Крыму. К данному варианту относятся броши из ст. Раздольной (к.3 п.5), х. Элитного; Курганинского к.1; Ногайчикского и Северского курганов [120, Таб. 14, 24; 130; 1015, фото 12; 456, рис.6, 3; 1217, Кат.153, цв. илл. XXXVI; 1377]. К щиткам брошей из Курганинска и из Ногайчика были припаяны золотые петельки (4 и 10 соответственно), служившие для крепления золотых подвесок на цепочках из скани.

Тип 2. Овальные золотые и серебряные броши.

Характер орнамента на датировку фибул не влияет и потому как признак для выделения типов и вариантов не использован. Вместе с тем, со временем уменьшаются размеры щитков фибул, и экземпляры августовского времени по длине всегда меньше эллинистических. На этом основании выделены 2 варианта овальных брошей.

Вариант 1. Крупные броши (длина щитка 5–7 см) (Таб. 51, 12–15). Происходят из комплексов кон. II – второй трети I вв. до н.э. с Кубани. К отмеченным А.К.Амброзом экземплярам из Зеленского и Артюховского курганов, ст. Ахтанизовской и Геймановской [120, с.30–31] можно добавить броши из к.1 п.10 у хут. Песчаного, к.5/1986 п.2 у хут. Пролетарского, к.1 п.3 у ст. Динской, к.1 п.19 с ОПХ «Рассвет» и из разрушенного погребения в могильнике гор. №1 у х. Ленина [144; 716, рис. 112, ₂, 113, ₁₁; 1217, фото XXXV; 1385].

Вариант 2. Малые броши (длина щитка менее 5 см) (Таб. 51, 16–22). К данному варианту относятся экземпляры из к.3 п.13 у ст. Брюховецкой, к.3/82 п.15 из х. Пролетарского, впускного погребения к.1 у ст. Воздвиженской, к.2 п.14 и к.9 п.25 у ст. Михайловской, к.2 п.6 у ст. Новокорсунской, к.2/86 п.9 с ПКОС; Камова Могила [373, Таб. III, 27; 521; 525, рис.3, 6; 716; 1019]. Они датируются в пределах сер. I в. до н.э. – первой трети I в.н.э.

Тип 3. Круглые серебряные и бронзовые броши без вставок (Таб. 51 23–25).

Щитки фибул этого типа не имеют накладных украшений и вставок, они украшены штампованными сюжетными изображениями. Застёжкой может служить пружинная игла из проволоки, либо небольшая «воинская» фибула с прямой пластинчатой спинкой и укороченным приёмником. Броши данного типа встречены в сарматских погребениях Украины и Крыма кон. II – I в. до н.э. Широкая Балка к. 2 п. 11 – щиток (диаметр 3,3 см) украшен рельефным погрудным изображением Афродиты с Эротом в двойной рельефной рамке. Застёжкой служила фибула с пластинчатой спинкой. Васильевка к. 1 разрушенное погребение – щиток (диаметр 2,2 см) украшен изображением трёх головок кошачьего хищника. В центре внутренней стороны щитка имеется прижатая к нему петелька из пластинчатой проволоки. Приёмник и игла проволоочные. Соколово II к. 1 п. 1 – щиток (диаметр 3,9 см) украшен профильным изображением всадника, повёрнутым вправо. По краю щитка рельефный орнамент, имитирующий крупную зернь. Приёмник и игла проволоочные.

Тип 4. Ромбические броши (Таб. 51, 26–30).

В основании броши щиток в виде ромба с вогнутыми сторонами длиной 4–5 см. В центре – сердоликовая вставка, окантованная пояском из скани, вдоль каждой стороны полоска скани, завершающаяся завитками. В поле щитка могут быть дополнительные украшения из скани. Игла железная. Комплексы с такими брошами (Новотитаровская к.1/1970 п.3, Раздольная к.14 р.п., там же к.18 п.5; Пролетарский к.5/1986 п.3; Комарово к.1 п.12, Тенгинская п.140) относятся ко второй пол. II – первой пол. I вв. до н.э.

Тип 5. Фигурные броши (Таб. 51, 31–33).

Вариант 1. Броши в виде «Гераклова узла» (Бойко-Понура к.1 п.3; Карстовый I к.1 п.2). Оба экземпляра встречены с импортными изделиями, датирующимися II в. до н.э.

Вариант 2. Брошь с символикой Исида: солнечного диска и перьев «Шу» (Соколова Могила). В основе овальный щиток с 2 выступами по бокам. К нему прикреплены крупный овальный гранат и 2 параллельных вставки из пасты. Гнёзда высокие с плоскими стенками. Вставки обрамлены зернью. На лицевой стороне щитка над гранатовой вставкой напаяна обойма, из которой выходят 4 золотые полоски с петельками на концах. На обороте – двойная игла с пружиной и приёмник. Первые десятилетия I в.н.э.

Пряжки.

До сих пор полная типологическая схема для данной категории находок не разрабатывалась. М.Г.Мошкова систематизировала одну из разновидностей пряжек, имевших неподвижный фиксатор [788]. Однако и для пряжек такой конструкции появились новые варианты. В нашей работе пряжки из савромато-сарматских погребений разделены на группы по материалу, на отделы по способу крепления ремня (с неподвижным либо подвижным фиксатором). Основанием для выделения в подотдел являлось наличие или отсутствие обоймы-щитка для крепления к поясу. Типы выделялись по форме рамки и материалу. Вариантными признаками служили размеры и нюансы оформления рамки [Таб. 52].

Группа 1. Железные пряжки.

Отдел 1. Пряжки с неподвижным фиксатором для застёгивания.

Тип 1. Кольчатые с боковым выступом-фиксатором.

Тип 2. Железная в виде лировидного щитка, плакированная золотой фольгой.

Тип 3. Пряжки с вытянутой лировидной рамкой.

Тип 4. Пластинчатый прямоугольный щиток с фиксатором

Отдел II. Пряжки с подвижным язычком.

Подотдел II.1. Пряжки без обоймы.

Тип 1. Пряжки с круглой рамкой и прямым язычком.

Вариант 1. Пряжки малого диаметра (до 18–31 мм).

Вариант 2. Пряжки среднего диаметра (до 35–40 мм).

Вариант 3. Пряжки большого диаметра (свыше 45–50 мм).

Вариант 4. Пряжки очень большого диаметра (свыше 50 мм).

Тип 2. Пряжки с овальной или овально-подтреугольной рамкой (диаметр 30–50 мм).

Вариант 1. Рамка подтреугольная.

Вариант 2. Рамка овальная.

Тип 3. Железные пряжки с прямоугольной рамкой.

Вариант 1. Рамка прямоугольная короткая широкая (отношение ширины к высоте 1,3)

Вариант 2. Рамка прямоугольная средняя широкая (отношение ширины к высоте 0,8–1).

Вариант 3. Рамка прямоугольная длинная узкая (отношение ширины к высоте 0,5–0,3).

Вариант 4. Рамка с вогнутыми боковыми сторонами

Тип 4. Пряжки с восьмёркообразной рамкой.

Тип 5. Пряжки с вытянутой лировидной рамкой.

Тип 6. Пряжки с короткой лировидной рамкой.

Тип 7. Железные пряжки с золотой аппликацией. Рамка круглая ажурная с прямоугольным выступом.

Тип 8. Пряжка с восьмёркообразной рамкой. Верхнее кольцо «восьмёрки» – круглое, нижнее – прямоугольное. Язычок длинный, прогнутый, крепится к прямоугольному звену и заходит в круглое.

Тип 9. Сюльгамы.

Подотдел II.2. Пряжки с обоймой.

Тип 1. Пряжки с округлой рамкой и коротким язычком.

Вариант 1. Щиток пятиугольный низкий широкий.

Вариант 2. Щиток прямоугольный низкий широкий.

Тип 2. Пряжки с прямоугольной рамкой

Вариант 1. Щиток прямоугольный узкий и высокий, пробит тремя заклёпками. Язычок плоский двойной.

Вариант 2. Щиток широкий низкий.

Группа 2. Пряжки из цветных металлов.

Отдел I. Пряжки с неподвижным фиксатором для застёгивания.

Тип 1. Кольчатые пряжки с верхним клювовидным выступом-фиксатором.

Вариант 1. Рамка круглая сомкнутая гладкая.

Вариант 2. Рамка круглая сомкнутая, на ней 3 грибовидных выступа и фиксатор.

Вариант 3. Рамка круглая сомкнутая с грибовидным выступом и фиксатором.

Вариант 4. Аналогичная пряжка, но внутреннее пространство рамки заполнено косым крестом из двух лент с верёвочным орнаментом.

Вариант 5. Рамка подковообразная со змеевидной перегородкой, концы рамки расплющены и снабжены отверстиями.

Тип 2. Бронзовые восьмёрковидные с верхним выступом-фиксатором.

Вариант 1. Кольца «восьмёрки» круглые либо овальные, непосредственно примыкают друг к другу.

Вариант 2. Кольца круглые, разделены ромбическим щитком с изображением личины.

Вариант 3. Кольца прямоугольные.

Тип 3. Золотые восьмёрковидные с верхним выступом-фиксатором.

Вариант 1. Кольца в виде волют сходятся к ромбическому щитку. Щиток и завитки волют имеют гнёзда, заполненные цветной пастой.

Вариант 2. Пряжка с крючком-фиксатором с одной стороны и четырьмя пластинчатыми петлями на обороте. В центре рамки крестообразная фигура, заключённая между поперечными перекладинами. Её середина украшена гнездом для стеклянной вставки.

Тип 4. Бронзовые ажурные с изображением в «зверином» стиле, вписанным в прямоугольную рамку с верхним выступом-фиксатором.

Вариант 1. В рамку вписано изображение лежащего верблюда.

Вариант 2. В рамку вписано изображение сцены борьбы верблюда с кошачьим хищником.

Вариант 3. В рамку вписано изображение всадника.

Вариант 4. В рамке сцена терзания лошади двумя кошачьими хищниками.

Тип 5. Пряжки из цветных металлов с ажурной прямоугольной рамкой с изображением тамг либо геометрическим заполнением и верхним выступом-фиксатором.

Тип 6. Фигурные пряжки из драгоценных металлов, инкрустированные стеклянными вставками, с рамкой в виде рельефного щитка в «зверином стиле».

Вариант 1. Рамка золотая в виде фигурки степного ушастого ежа в обрамлении четырёх протом грифонов. По бокам ежа, разделяя пары грифонных головок – гнезда для вставок.

Вариант 2. Рамка золотая в виде морды фантастического животного, инкрустирована стеклянными вставками (ноздри бирюзового цвета, глаза лиловые с белыми зрачками, уши красные и в фиксаторе лиловая вставка).

Вариант 3. Рамка подпрямоугольная золотая, украшена крестообразной фигурой из четырёх головок грифонов, соединённых шеями в узел, украшенный вставкой из синего стекла. Аналогичными вставками орнаментированы уши грифонов.

Вариант 4. Парные округло-каплевидные золотые пряжки на железной основе с бирюзовыми каплевидными вставками. Фиксатор грибовидный. В поле пряжки сцена борьбы двух грифонов.

Вариант 5. Парные золотые пряжки со вставками из пасты сиреневого цвета. Первая (левая) круглой формы с трапециевидным выступом сзади. По краю пряжки ободок из напаянных прямоугольных гнезд, заполненных серо-голубой пастой. В поле рамки изображение мужчины и двух грифонов, терзающих пантеру. Фиксатор грибовидный. Вторая (правая) пряжка овальная с выпрямленным основанием. В поле пряжки изображение, аналогичное оформлению левой пряжки.

Вариант 6. Парные золотые пряжки с основой в виде ажурного В- или Р-образного щитка с изображением сцены терзания. Фигуры покрыты круглыми, каплевидными и прямоугольными гнездами для цветных вставок. На оборотной стороне находятся крючок-фиксатор и петля для крепления к поясу.

Тип 7. Прямоугольные пряжки с бронзовой основой, обтянутой золотом либо серебром с рельефами в «зверином» стиле. Часто инкрустированы цветной эмалью.

Тип 8. Пряжка с вытянутой лировидной двучастной рамкой. Части соединены «геракловым узлом».

Тип 9. Золотая пряжка с круглым щитком, неподвижной прямоугольной рамкой и фиксатором, увенчанным каплевидным гнездом со вставкой из красного камня. Пряжка по периметру окружена пояском из зерни. Щиток и рамка инкрустированы светло-зелёной пастой и гранатом (альмандином?). В центре щитка образована крестообразная фигура.

Тип.10. Прямоугольные бронзовые пряжки в виде плоского щитка с крючком.

Отдел II. Пряжки с подвижным язычком.

Подотдел II.1. Пряжки без обоймы.

Тип 1. Пряжки с круглой рамкой и прогнутым язычком.

Вариант 1. Небольшие пряжки (диаметр 12–22 мм). Рамка в сечении круглая или четырёхгранная. Язычок из того же материала, что и рамка.

Вариант 2. Крупные бронзовые пряжки (диаметр 44–46 мм) с железным язычком.

Вариант 3. Пряжки с овальной рамкой с выпрямленной тыльной стороной. Рамка граненая в сечении. Язычок пластинчатый, может быть фасетирован.

Вариант 4. Бронзовая пряжка с круглой рамкой, выпрямленной тыльной стороной и утолщенной передней. Язычок узкий подтреугольный, сильно прогнут.

Вариант 5. Массивная пряжка трапецевидная в сечении. Язычок прямой с прямоугольным выступом, покрытым сетчатым орнаментом.

Вариант 6. Рамка выпуклая полая с прямоугольным вырезом в центре. Язычок фасетирован.

Тип 2. Пряжки с прямоугольной рамкой.

Вариант 1. Рамка круглая в сечении.

Вариант 2. Рамка в сечении трапецевидная, фасетирована.

Тип 3. Аналогичен пряжкам I отдела типа 3.1. но имеет подвижный язычок.

Тип 4. Пряжки с вытянутой лировидной рамкой

Тип 5. Пряжки с укороченной лировидной рамкой.

Тип 6. Овальнорамчатые пряжки с уплощённой задней стороной. Язычок плоский.

Тип 7. Бронзовые и серебряные круглорамчатые хоботковые пряжки. Рамка сильно утолщена в передней части. Язычок далеко выступает за пределы рамки и имеет уступ-порожек в месте крепления к рамке.

Вариант 1. Рамка в виде правильного круга.

Вариант 2. Задняя часть рамки выпрямлена. На языке у порожка изображен крест.

Вариант 3. Язычок короткий, почти не выступает за пределы рамки.

Тип 8. Бронзовые круглорамчатые хоботковые пряжки. Рамка круглая в сечении, язычок короткий, прогнут, имеет уступ-порожек

Тип 9. Бронзовые пряжки-скульгамы.

Подотдел II.2. Пряжки с обоймой.

Тип 1. Круглорамчатые пряжки с коротким язычком.

Вариант 1. Рамка подтреугольная или в виде правильного круга, утолщена в передней части, тыльная сторона выпрямлена. Сечение рамки круглое. Язычок прогнут. Щиток прямоугольный вытянутый, боковые стороны фасетированы.

Вариант 2. Рамка овальная или в виде правильного круга, утолщена в передней части, тыльная сторона выпрямлена, сечение круглое. Язычок прогнут. Щиток прямоугольный гладкий.

Вариант 3. Аналогичная пряжка, но рамка в сечении трапецевидная.

Вариант 4. Рамка серебряная овальная, утолщена в передней части, тыльная сторона выпрямлена. Язычок прогнут. Щиток золотой овальный с рубчатым бортиком, инкрустирован янтарём.

Вариант 5. Рамка бронзовая овальная круглая в сечении, задняя сторона выпрямлена. Язычок пластинчатый прогнутый. Щиток овальный плоский, пробит двумя заклёпками.

Вариант 6. Рамка бронзовая овальная круглая в сечении, задняя сторона выпрямлена. Язычок пластинчатый прогнутый, края фасетированы. Щиток в виде секиры с фасетированным краем пробит двумя заклёпками.

Вариант 7. Рамка бронзовая овальная шестигранная в сечении, задняя сторона выпрямлена. Язычок прогнут, края фасетированы. Щиток овальный с фасетированным краем пробит одной – тремя заклёпками.

Вариант 8. Рамка бронзовая овальная шестигранная в сечении, задняя сторона выпрямлена. Язычок прогнут, края фасетированы. Щиток прямоугольный пробит двумя заклёпками.

Вариант 9. Рамка бронзовая овальная круглая в сечении, задняя сторона выпрямлена. Язычок прямой с прямоугольным расширением в средней части, сильно прогнут. Щиток бронзовый прямоугольный с золотой оправой. В центре щитка овальная вставка из сердолика в оправе из зерни, по краю щитка рельефная рамка в виде «верёвочки».

Вариант 10. Рамка серебряная овальная круглая в сечении. Язычок прямой массивный, срезан уступом у места крепления к рамке, конец не выступает за пределы рамки. Щиток серебряный овальный с плоской овальной вставкой из сардоникса, закреплённой в гнезде из вертикальной пластины и окружённой по периметру двумя косичками из золотой скани.

Вариант 11. Рамка бронзовая круглая утолщённая в передней части, круглая в сечении. Язычок с небольшим порошком у места крепления к рамке не выступает или слабо выступает за её пределы. Щиток овальный плоский.

Вариант 12. Рамка бронзовая круглая утолщённая в передней части, круглая в сечении. Язычок с небольшим порошком у места крепления к рамке не выступает или слабо выступает за её пределы. Щиток прямоугольный плоский, пробит двумя заклёпками.

Тип 2. Круглорамчатые «хоботковые» пряжки.

Вариант 1. Рамка круглая утолщённая в передней части, круглая в сечении. Язычок хоботковый, далеко выходит за пределы рамки. Щиток прямоугольный.

Вариант 2. Рамка овальная круглая в сечении. Язычок с небольшим порожком у места крепления к рамке слабо выступает за её пределы. Щиток прямоугольный.

Вариант 3. Рамка круглая утолщённая в передней части, шестигранная в сечении. Язычок с небольшим порожком у места крепления к рамке слабо выступает за её пределы. Щиток прямоугольный, боковые стороны фасетированы.

Вариант 4. Рамка круглая утолщённая в передней части, круглая в сечении. Язычок хоботковый, далеко выходит за пределы рамки. Щиток овальный плоский.

Тип 3. Пряжки с прямоугольной рамкой.

Вариант 1. Бронзовая пряжка с короткой высокой плоской рамкой, прямым язычком и прямоугольным щитком, пробитым двумя заклёпками.

Вариант 2. Бронзовая пряжка с короткой высокой рамкой трапециевидной в сечении, прямым язычком и овальным щитком, пробитым двумя заклёпками.

Вариант 3. Бронзовая пряжка подквадратной формы с прямоугольной в сечении рамкой, плоским коротким железным язычком и бронзовой удлиненно-прямоугольной обоймой.

Тип 4. Бронзовые пряжки с укороченно-лировидной рамкой и сплошным щитком.

Вариант 1. Щиток прямоугольный.

Вариант 2. Щиток трапециевидный.

Тип 5. Бронзовые пряжки с укороченно-лировидной рамкой и ажурным прямоугольным щитком.

Тип 6. Золотые пряжки с усложнённо-лировидной рамкой со вставками из цветного стекла и эмали и прямоугольным щитком.

Тип 7. Пряжки с В-образной рамкой

Вариант 1. Язычок короткий прогнутый с выступом у основания. Щиток овальный.

Вариант 2. Язычок массивный хоботковый. Щиток прямоугольный.

Отдел III. Пряжки без фиксаторов.

К данному отделу отнесены предметы, называемые пряжками достаточно условно: на них отсутствует фиксатор для свободного конца ремня. Это кольца небольшого диаметра из цветного металла, снабжённые

обоймой-щитком, аналогичным обоймам для крепления пряжек к ремню, но без выреза для язычка.

Тип 1. Круглая рамка с удлинённо-прямоугольной обоймой.

Тип 2. Круглая гранёная рамка с высокой короткой обоймой.

Тип 3. Круглая рамка с овальной обоймой.

Тип 4. Лировидная вытянутая рамка без обоймы.

Тип 5. Плоский прямоугольный щиток с отверстием у одной из узких сторон.

«Пряжки» типов III.1–3 были, вероятнее всего, поясными подвесками для крепления портупейных ремней. Подобное их назначение реконструировано А.В. Симоненко для пояса из к.1 п.1 у с. Пороги [1023, Рис.11,7; 27,1]. Пряжки типа III.4 считаются обувными.

Группа 3. Неметаллические пряжки.

Отдел I. Пряжки с неподвижным фиксатором для застёгивания.

Тип 1. Прямоугольные гешировые пряжки без крючка с вертикальным овальным отверстием вдоль одной из узких сторон.

Тип 2. Костяная пряжка с фигурной подтрапециевидной рамкой и неподвижным боковым фиксатором.

Тип 3. Костяная подпрямоугольная пластинчатая пряжка с двумя полуовальными отверстиями и железным крючком-фиксатором.

Отдел II. Пряжки с подвижным язычком.

Тип 1. Пряжка с овальной перламутровой рамкой и бронзовым язычком.

Тип 2. Пряжка с прямоугольной перламутровой рамкой и серебряным язычком

Поясные наконечники.

Типология данной категории инвентаря разработана только для позднесарматской АК В.Ю. Малашевым [681]. Мы применили отобранные им принципы для обработки материала ранне- и среднесарматского времени. Материал был разделён на два отдела по степени сложности наконечника (одночастные и двухчастные). Типологическими признаками служили форма нижней части наконечника. Вариантными служили признаки наличия-отсутствия декора [Таб. 53].

Отдел I. Одночастные наконечники.

Тип 1. Ложковидные наконечники в виде прямоугольной сомкнутой либо несомкнутой обоймы, от которой отходит каплевидная, расширяющаяся книзу пластина.

Вариант 1. Гладкие.

Вариант 2. Инкрустированные полихромными вставками.

Тип 2. Наконечник в виде трапецевидной обоймы с кольцом на узком конце.

Тип 3. Прямоугольный плоский наконечник.

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Фасетированный.

Тип 4. Прямоугольный из согнутой вдвое пластины с валикообразным утолщением на конце.

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Инкрустирован полихромными вставками в стиле клуазонне.

Тип 5. Прямоугольный плоский с округлым концом.

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Полихромный с прямоугольной прорезью в верхней части.

Вариант 3. Фасетированный.

Тип 6. Прямоугольный коробчатый с округлым концом.

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Инкрустированный полихромными вставками.

Тип 7. Прямоугольный с заострённым концом

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Полихромный в стиле «Кишпек-Закшув» с прямоугольной прорезью в верхней части.

Вариант 3. Фасетированный. На оборотной стороне приклёпана пластина для крепления к ремню либо пластина-основа согнута вдвое и заклёпана.

Тип 8. Прямоугольный с круглым расширением в нижней части.

Тип 9. Прямоугольный с секировидным расширением в нижней части.

Тип 10. Прямоугольный пластинчатый с фигурным расширением в виде двух волут в нижней части.

Тип 11. Прямоугольный с луновидным расширением в нижней части.

Отдел II. Двухчастные наконечники.

В основе всех типов наконечников данного отдела прямоугольная или трапецевидная пластина с прямоугольной прорезью в верхней части, с которой соединяется вторая прямоугольная пластина с помощью загнутого пластинчатого язычка. Как правило, обе части наконечника декорированы одинаково, поэтому внимание обращается только на особенности пластины-основы.

Тип 1. Прямоугольный с округлым концом.

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Фасетированный.

Тип 2. Прямоугольный с заострённым концом.

Вариант 1. Гладкий.

Вариант 2. Фасетированный.

Тип 3. Наконечник в виде вытянутой трапеции с круглым расширением в нижней части. Всегда фасетирован.

Тип 4. Короткий прямоугольный с секировидным расширением в нижней части. Всегда фасетирован.

Тип 5. Прямоугольный с треугольным расширением в нижней части.

Особые детали костюма.

1. Вставки парчи. В ряде случаев сохраняются плоские либо спирально закрученные золотые, реже – серебряные нити из тонкой фольги.

2. Наплечная сетка. Останки наплечной сетки из нитей, на которые были надеты цилиндрические гладкие и рельефные многочастные золотые пронизи.

6. ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

Зеркала.

В основу типологии зеркал положены принципы, предложенные А.С. Скрипкиным для материала III в. до н.э. – I в.н.э. [1062, С. 91–93]. Основными типобразующими признаками в его схеме являются особенности оформления диска и ручки, вариантными – орнамент на обороте диска и иногда размеры зеркал. Так как в нашей работе рассматривается более широкий хронологический диапазон, количество значений типобразующих признаков пришлось увеличить. Так, вместо 6 вариантов диска по А.С. Скрипину, мы выделили 14 и, помимо формы диска, учли способ его изготовления (литьё либо ковка):

1. плоский кованый диск;
2. плоский кованый диск со слегка загнутым бортиком и фестонами у основания ручки;
3. кованый плоский диск с наклонным бортиком;
4. кованый плоский диск с вертикальным бортиком по краю;
5. литой плоский диск с вертикальным бортиком по краю;

6. литой диск с легкой проковкой в центре;
7. литой диск с проковкой в центре, формирующей валик по краю (валик уплощённо-треугольный в сечении).
8. литой диск с валиком по краю сегментовидным в сечении;
9. литой диск с валиком в поле диска;
10. литой диск с концентрическими валиками по краю и в поле диска;
11. аналогичный диск с небольшой точечной выпуклостью в центре.
12. литой диск с валиком, концентрическим прочерченным орнаментом в поле диска и небольшой точечной выпуклостью в центре;
13. литой диск с валиком по краю сегментовидным в сечении и конической выпуклостью в центре;
14. литой диск с рельефным орнаментом на обороте.

К одиннадцати вариантам ручки, предложенным А.С. Скрипкиным [1062, С.92], пришлось добавить ещё четыре: 12 – ручка-петелька в виде двух вертикальных столбиков, к которым прикреплена горизонтально плоская круглая бляшка, 13 – небольшая плоская прямоугольная ручка-выступ; 14 – плоская вытянутая каплевидная ручка; 15 – плоская ручка в виде топорика. В итоге корреляция вариантов диска и ручки позволила выделить 38 типов зеркал [Таб. 54]. А.С. Скрипкин выделил 2 размерных варианта зеркал с плоским диском: вариант 1 диаметром 50–90 мм и вариант 2 диаметром 100–240 мм [1062, С.93]. Нами аналогичным образом разбиты на варианты зеркала типа 8.0 (литые с валиком по краю диска без ручки). Вариант а – зеркала диаметром 90–130 мм; б – диаметром 180 мм.

Савроматы и сарматы использовали также импортные зеркала, которые иногда формируют значительные серии. Это греческие «ольвийские» литые зеркала с вертикальным бортиком по краю диска и боковой каннелированной ручкой, завершающейся фигуркой барса либо бараньей головкой; китайские зеркала эпохи ранней и поздней Хань (восми- и двенадцатиарочные со специальной лентой для надписи, *ming kuang, ssü ju ssü hui* [652, С.102–103]), римские прямоугольные и дисковидные с перфорированным краем. В единичных экземплярах встречены некоторые типы греческих зеркал и восточное «музыкальное» зеркало (возможный прототип зеркал типов 10.3, 11.3; 12.3; 12.14; 13.0; 13.4; 13.7). Они учтены нами, но в типологию варварских зеркал не вводились [Таб. 54а]. Типы, представленные большим количеством экземпляров, использовались при разработке относительной хронологии, единичные экземпляры – как материал для уточнения узких дат.

Гребни.

Эта категория находок представлена в памятниках эпохи позднего эллинизма и позднего римского времени. Все сохранившиеся гребни были сделаны из кости. Зубцы у них сохраняются не всегда, поэтому логична классификация по особенностям оформления спинки. В хронологическом плане наиболее оптимально членение материала по пропорциям спинки [Таб. 55].

Тип 1. Гребни с широкой приземистой спинкой.

Вариант 1. Спинка в виде приземистого фриза, обрамлённого головками животных.

Вариант 2. Спинка прямоугольная с прямоугольным выступом сверху в центральной части, обрамлённым головками животных.

Вариант 3. Спинка прямоугольная, украшена четырьмя-пятью головками.

Вариант 4. Спинка прямоугольная, головки выступают из боковых сторон.

Вариант 5. Спинка прямоугольная, зооморфные украшения отсутствуют.

Тип 2. Гребни с узкой высокой спинкой, украшенной по бокам головками животных.

Тип 3. Гребни с широкой и высокой горбатой спинкой.

Вариант 1. Спинка в виде округлого либо треугольного фриза, украшена рядами циркульных изображений.

Вариант 2. Спинка в виде полукруга на низком прямоугольном основании.

Гребни типов 1 и 2 характерны для раннесарматских памятников Заволжья и Приуралья (особенно – Заволжья). Гребни типа 3 являются импортом с территории черняховской культуры и происходят из комплексов Европейской Сарматии III–IV вв.

7. АТТРИБУТЫ КУЛЬТА

Жертвенники и кургильницы.

Использованы типологические схемы К.Ф. Смирнова [1088; 1093].

Культовые сосуды.

1. *Деревянный столик с вогнутой крышкой и четырьмя ножками* (Жутово к.27 п.5). Копирует каменные алтарики, отличаясь назначением.

На деревянных столиках находят кости МРС и ножи. Они известны, помимо сарматских памятников, в могильниках горного Алтая V–IV вв. до н.э., Ферганы и Таласской долины в I–III вв. и аланских скальных могильниках VII–IX вв.

2. *Низкие деревянные блюда круглой, овальной либо подпрямоугольной формы.* Как и деревянные столики, копируют каменные алтарики и также предназначались для жертвенного мяса.

3. *Лепные горшочки различных пропорций с угольками и закопченными гальками либо с обрывками железной цепи.*

Данная разновидность культовых сосудов встречается только в Предкавказье в сарматских погребениях и погребениях местных сарматизированных культур. Семантика их до сих пор не находит удовлетворительного объяснения [434].

Ложечки.

Костяные и металлические ложечки, судя по Похоронному гимну XVIII, 4 Атхарваеды [12, С. 247], могли служить для ритуальных возлияний жертвенного масла. При этом металлические ложечки единичны и систематизации не поддаются (Песчаный к.1 п.10, Кобяково к.10). Костяные же часто встречаются в комплексах скифского и раннесарматского времени. Они также весьма разнообразны, особенно в части оформления их в зверином стиле. Мы разбили материал по отделам на основании наличия/отсутствия изображений в зверином стиле. Основанием для выделения типов была ширина ручки. Варианты выделялись по оформлению перехода от ручки к ложке [Таб. 56].

Отдел 1. Ложечки, оформленные в «зверином» стиле

Тип 1. Ручка плоская широкая.

Вариант 1. Переход от ручки к ложке плавный.

Вариант 2. Переход резкий, ручка переходит в край ложки почти под прямым углом.

Тип 2. Ручка тонкая.

Вариант 1. Переход от ручки к ложке плавный.

Вариант 2. Переход резкий, ручка переходит в край ложки почти под прямым углом.

Отдел 2. Ложечки без изображений животных.

Тип 1. Ручка плоская широкая.

Вариант 1. Переход от ручки к ложке плавный.

Вариант 2. Переход резкий, ручка переходит в край ложки почти под прямым углом.

Тип 2. Ручка тонкая.

Вариант 1. Переход от ручки к ложке плавный.

Вариант 2. Переход резкий, ручка переходит в край ложки почти под прямым углом.

Жезлы и треножники.

Хорошо изучены по находкам на Северо-Западном Кавказе, известны экземпляры и из других районов [232; 1361, Cat. 2, 2–4]. По особенностям фиксации на грунте и оформления верхней части можно выделить 2 типа этих изделий [Таб. 57].

Тип 1. Жезлы завершались снизу острием и вбивались в грунт. Верхняя часть их оформлена в виде стилизованного колоса, из-под которого крестообразно отходят 4 стилизованных головки животных (обычно – оленей). К последним могли подвешиваться вытянутые конические подвески (колокольчики?). Аналогичные конусы могли надеваться на отростки оленьих рогов. Стержень жезла может быть цельным либо складным. Три известных мне жезла были железными (Курганинск объект 10, Песчаный к.1 п.10, Новоджерелиевская р.п.). Жезл из Zubовского к.1 имел железную верхнюю часть и вонзавшийся в землю вток с боковой приступкой, а древко его, вероятно, было деревянным.

Тип 2. Треножники имеют по 3–4 ножки. Верхняя часть может быть такой же, как у жезлов. Встречаются экземпляры, увенчанные полусферической чашей либо двумя – четырьмя головками животных.

ВЫВОДЫ

Анализ материала показывает, что наиболее массовыми и при этом варьирующими во времени категориями находок являются некоторые типы керамики, бронзовые котлы, кельтская и итальянская бронзовая посуда, наконечники стрел и копий, мечи, панцири, псалии, бусы, фибулы, пряжки, гривны и браслеты, зеркала, каменные жертвенники и курильницы. Некоторые виды инвентаря бытовали сравнительно недолго и представлены репрезентативными выборками. К ним относятся среднеазиатские красноглиняные хумчи и флаги, шлемы «Монтефортино», конские очелья в скифском «зверином стиле», гребни, культовые сосудики с гальками и цепями, жезлы и треножники. Они могут быть использованы при выстраивании региональных схем относительной хронологии и общей хронологической схемы савромато-сарматской АК. Ряд единичных находок (сосуды из драгоценных металлов и стекла, греческие шлемы, некоторые виды украшений) достаточно узко датируются и могут быть использованы при уточнении хронологии выделенных горизонтальных секвенций.

ГЛАВА 3. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

1. МЕТОДИКА РАБОТЫ

В установлении относительной и абсолютной хронологии древностей эпохи раннего железа на протяжении значительного времени господствовал сравнительно-типологический метод. Погребения датировались с большей или меньшей степенью точности по аналогиям либо по импортным изделиям и в дальнейшем объединялись в хронологические группы. Комплексы, не содержащие импортов с «узкой» датой, часто помещались в очень широкие временные промежутки (например, IV–III, III–I вв. до н.э.; I–II, I–IV вв. н.э.). В таких случаях формируемые хронологические горизонты также широко датировались и подчас давали картину непрерывных цепочек развития тех или иных АК в ситуациях, когда реальное развитие было дискретным. Часто использование только абсолютных дат приводило к чрезмерному омоложению либо удревнению памятников. Так произошло с хронологией латенской АК в редакции Я. Филипа и хронологией провинциально-римских культур Восточной Европы [1255, С.37–38; 423, С.9–14].

Вместе с тем, ещё на заре научной археологии появился метод, позволяющий достаточно корректно разрабатывать относительную и уточнять абсолютную хронологию материала. Этот метод, называемый корреляционным, предполагает выявление комплексов с сериями изделий, образующими устойчивые сочетания (или, проявляющих повышенную взаимовстречаемость). Такие изделия М.Б. Щукин предложил называть хронологическими индикаторами (ХИ). Известно, что с течением времени мода на различные типы украшений, сосудов, предметов туалета, вооружения меняется. Моменты этой смены наглядно наблюдаются на корреляционных колонках. Интуитивно, на реальных экспонатах археологической коллекции Национального музея древностей в Копенгагене, этот метод был апробирован Томсеном в 1836 г. П. Рейнке использовал его уже осознанно при разработке хронологии гальштаттской и латенской АК [1255, С.36]. В отечественной археологии

данный метод впервые использовал П.П.Ефименко при обработке материалов рязано-окских могильников в 1926 г. [425]. В 1970е-80е гг. он использовался А.К.Амброзом для уточнения относительной хронологии раннесредневековых древностей, М.П.Абрамовой и Б.М.Керефовой при работе с материалами Центрального Предкавказья сарматского времени [78; 79, Таб. 1; 121–122; 541–542]. И.И.Гущина и И.П.Засецкая использовали его при обработке материалов «Золотого кладбища» в Прикубанье [374].

Нами разработана серия шкал относительной хронологии для сарматских древностей [201], катакомбных могильников Центрального [194] и Северо-Восточного Кавказа [218]. Последняя шкала вызвала сомнения у М.П.Абрамовой [93], степень обоснованности которых будет рассмотрена ниже. Недавно опубликована корреляционная шкала для меотской АК [203], полностью подтверждающая выводы Н.В.Анфимова [136]. В этих работах использован метод П.Рейнеке в его современной редакции, разработанной М.Б.Шукиным и членами семинара «Хронограф». Он подразумевает раздельное исследование наборов инвентаря из мужских и женских погребений. Последнее позволяет избежать выделения «разнополюх» кластеров. Кроме того, одни и те же ХИ могли попадать в мужские и женские погребения в течение различных фаз, такая закономерность отмечалась при исследовании зарубинецких и черняховских могильников [423, С.79–82]. Наконец, катакомбы и склепы часто служили семейными усыпальницами и пополнялись погребёнными на протяжении 200–300 лет. Поэтому наборы инвентаря в них желательно рассматривать отдельно по костякам, а не по погребениям. В противном случае в корреляционных колонках в единые кластеры объединяются разновременные наборы инвентаря. Подобными накладками страдают работы М.П.Абрамовой [78–79; 86]. Так в п.29, 40 и 37 Нижне-Джуглатского могильника встречены и втульчатые, и черешковые железные трёхлопастные наконечники стрел, что, по мнению М.П.Абрамовой, служит в пользу их синхронного бытования [78, С.23]. Но в камере п.29 найдены останки 13 человек, из них 11 – перемешаны, и нет гарантии того, что втульчатые и железные наконечники происходят из одного колчана. В п.37 погребённых было четверо и два из них (костяки 2 и 4), явно разновременные, сопровождалась стрелами. К первым векам н.э. были отнесены наборы инвентаря из п.1 и 2 раскопок Г.Д.Филимонова в Кобани [79, Таб. 1]. Оба комплекса являются коллективными и содержат явно разновременные погребения более широкого хронологического диапазона. В частности, кольцевидные пряжки с неподвижным боковым крючком из обоих

погребений, кружка типа «Галларате» из п.1 и меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием [79, Рис. 3, ^{12, 32}, 4, ^{1, 4, 5}] датируются в пределах I в. до н.э., причём пряжки и меч – не позднее второй трети этого столетия [204, С.7, Таб. 1; 932, С.166]. Количество таких примеров можно увеличить.

С учётом приведённых выше соображений строилась схема хронологии савромато-сарматских древностей.

2. ШЕСТЬ СЕКВЕНЦИЙ.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ САВРОМАТО-САРМАТСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРИУРАЛЬЯ, ЗАВОЛЖЬЯ, ЗАДОНЬЯ, ПРЕДКАВКАЗЬЯ, ДНЕПРО-ДОНСКОГО И ДНЕПРО-ДУНАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧИЙ

Ниже приводится описание колонок относительной хронологии для шести территориальных групп савромато-сарматских памятников. Границами выделяемых регионов служили крупные речные артерии. Подобное разграничение успешно использовано А.С.Скрипкиным при анализе хронологии Азиатской Сарматии. В результате исследовалась хронология памятников Приуралья, Заволжья, Задонья, Предкавказья, Днепро-Донского и Днепро-Дунайского междуречий. При этом Дунай/Истр, Днепр/Борисфен, Дон/Танаис использованы Геродотом, Страбоном и Птолемеем как разграничительные линии между различными кочевыми объединениями, ими же традиционно обособливались и равнины Предкавказья. При этом использован единый типлист, включающий 760 ХИ [Таб. 58]. По возможности для уточнения начальной и конечной дат каждой колонки их предваряют и завершают кластеры древностей, непосредственно предшествующих им и сменяющих их степных культур (досавроматских и гуннских соответственно). Это делалось во избежание «поджимания» конечных дат и погрешностей в выборе начальных и финальных ХИ.

Памятники Южного Приуралья открывают собою ряд колонных секвенций для савромато-сарматского мира. Основы их периодизации и хронологии разработаны М.И.Ростовцевым и Б.Н.Граковым [345; 950]. До начала 1990х гг. была принята классическая четырёхчленная хронологическая схема Б.Н.Гракова, которая в последнее время оспаривается

С.В. Полиным и В.Ю. Зуевым [475–477; 480; 908]. Эти исследователи предлагают дискретную схему хронологии древностей уральских сарматов, исключая из неё памятники III в. до н.э. Анализ 1250 комплексов, из которых 675 вошли в итоговые корреляционные таблицы позволил выделить 3 периода (А – С), в рамках которых выделяются по несколько фаз (А1–4, В1–3, С1–3) [Таб. 59А–Б]. Кластеры, характеризующие набор ХИ всех трёх периодов отчётливо выделяются и для мужской, и для женской групп.

Появлению древностей сарматской АК в степях Приуралья и Зауралья предшествуют памятники т.н.. «Бобровско-тасмолинского этапа», выделенного А.Д. Таировым [1138]. Для них типичны бронзовые чеканы и акинаки типа 1.1.2 (ХИ Б-В); бронзовые наконечники стрел двухлопастные асимметрично-ромбические с потайной втулкой; четырёхгранные с дуговидной головкой и опущенными жальцами. черешковые трёхлопастные типа 3 и трёхгранные типа 3 (ХИ Д-З); костяные черешковые наконечники типа III.4 (ХИ 302); бронзовые дисковидные зеркала с боковой длинной клиновидной ручкой с петелькой на обороте (ХИ М); поясные наборы из бронзовых обоймочек. бронзовые булавки с трёхлопастными головками (ХИ Н-О) и бронзовые ножи с кольцевидными навершиями (ХИ Т).

Период А в целом характеризуется «скифской триадой» во всех её проявлениях.

Характеризуя отдельные фазы можно отметить, что фаза А1 выделена по присутствию литых бронзовых втульчатых наконечников стрел типов 1.1, 1.2, 1.5, 1.6, 1.8, 2.2, 2.7, 2.10, 3.4, 3.5А, 3.5В, 3.8, 3.9, 4.4.А (ХИ 198, 199, 201–203, 206, 216, 220, 229, 232, 235, 237, 240, 241, 252); акинаков типов 1.1.1, 1.1.4 и 1.1.5 (ХИ 324, 326, 327); псалиев типов II.2.2.А и III.1.3.А (ХИ 384–385); трочных пряжек типов 1.1 и 1.6.А (ХИ 399, 400); каменных алтариков прямоугольных с четырьмя (в женских погребениях) либо с тремя (в мужских) ножками (ХИ 708–709), в одном случае – овальный без ножек (ХИ 711). Только для погребений данной фазы характерны ольвийские зеркала с каннелированной ручкой, украшенной фигуркой барса и «сибирские» зеркала типа 5.11 (ХИ 678, 695), а также серьги типа 1.7.2 (ХИ 533). Встречаются также зеркала типов 1.11 и 1.4 (ХИ 664, 668). Появляются лепные плоскодонные горшки типов 95 и 128–130 (ХИ 29, 32). Большинство погребений данной фазы является основными под курганами (ХИ 1). Некоторые мужские захоронения считаются могилами стражников (ХИ 6). Часть погребений совершена на древнем горионте (ХИ 7). В единичном случае фиксируется погребение в дромосной могиле (ХИ 8). Можно отметить также, что ХИ 6, 198, 199, 202, и 253 встречаются и в памятниках предшествующего бобровско-тасмолинского этапа.

В погребениях фазы А2 отсутствуют ХИ 199, 202, 533, 678 и 695. Вместе с тем появляются впускные погребения в более ранние савроматские курганы (ХИ 2); лепные горшки с плоским дном типов 12, 34, 37–40, 44, 45 и 95 (ХИ 17, 19–22, 29) и с плоским выделенным дном типа 28 (ХИ 40); плоскодонные горшки с носиком-словом (ХИ 55). Воинскую панопию дополнили бронзовые наконечники стрел втульчатые типа 3.19 и черешковые типа 2.2 (ХИ 251, 254), акинаки типов 1.1.6 и 1.1.7 (ХИ 328, 330), ворворки типа 2.2 (ХИ 381). В обиход вошли костяные ложечки типов 2.1.1, 2.1.2, 2.2.1 и 2.2.2 (ХИ 734–737) и костяные проколки типа 2 (ХИ 757). Характерны зеркала типа 1.11 и 4.0 (ХИ 668, 676). В единичных случаях встречены круглодонный горшок с носиком-сливом (ХИ 56), бронзовый котёл типа Демиденко-1.1 (ХИ 169), железные браслеты типа 2.3.1 (ХИ 552), зеркала типов 1.4.Б и 3.4 (ХИ 666, 673), стеклянные «рогатые» бусы типов 251–252 (ХИ 444), глазчатые бусы типов 610 и 625 (ХИ 459, 462). Зафиксированы погребение в дромосной могиле и женское погребение с оружием (ХИ 8, 15). В женской субкультуре появляются первые диагональные погребения (ХИ 10). ХИ 668 присутствует в памятниках «Бобровско-тасмолинского» этапа.

Для фазы А3 отмечается исчезновение ХИ 20, 201, 203, 206, 241, 252, 327, 664, 668, 676, 681, 708 и 709. К числу новых ХИ относятся лепные плоскодонные горшки типов 12 и 180 (ХИ 17, 35); первые железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел типа 5 (ХИ 292); наконечники копий типа II.1.А (ХИ 312); акинаки типа 1.1.2 (ХИ 325), серьги типа 1.5.6 (ХИ 532); гривны типа 2.3.2 (ХИ 561), пряжки типа 1.2.1.1.1 (ХИ 604); зеркала типа 1.1, 3.0, 6.4 и 7.2 (ХИ 663, 671, 680, 682), стеклянные глазчатые бусы типов 623 и 626 (ХИ 461, 463). ХИ 8, 19, 56, 444, 459, 462, 552 и 673 из единичного явления превращаются в норму.

Фазу А4 характеризует появление погребений в колоколовидных катакомбах «ворухского» типа (ХИ 12); лепных круглодонных горшков типов 68–69 (ХИ 50); бронзовых котлов типа Демиденко-5.1–3 (ХИ 170), бронзовых наконечников стрел типа 2.11 (ХИ 222); наконечников копий типа II.2.А (ХИ 314) и мечи типа 1.2.4 (ХИ 336). Единичными находками представлены характерные уже для следующего периода железные браслеты типа 2.4.1 (ХИ 556) и гривна типа 2.2.1 (ХИ 559). Вместе с тем, в погребениях данной фазы уже не встречаются ХИ 6, 17, 21, 22, 40, 198, 216, 229, 235, 237, 253, 254, 325, 326, 400 и 734

Период В представлен самой крупной серией погребений. Именно для него характерно постепенное замещение элементов «скифской триады» качественно новым сарматским набором ХИ.

Переходя к анализу отдельных фаз можно отметить, что для фазы В1 характерно сочетание ХИ предшествующего периода с новыми. Из индикаторов периода А сохранились ХИ 2, 7, 8, 12, 35, 50, 55, 169, 170, 220, 222, 232, 240, 251, 292, 312, 314, 328, 330, 336, 381, 556, 559, 604, 735, 736, 737. Вышли из обихода ХИ 1, 29, 324, 384, 399. Одновременно распространяется традиция захоронения в курганах-кладбищах, содержащих сначала 3–4 погребения, а затем до 10–11, хотя встречаются и захоронения под индивидуальной насыпью (ХИ 3, 4). По-прежнему sporadически встречаются диагональные погребения (ХИ 10). Используются мечи и кинжалы типов 1.2.1–3, 1.3.1 и 1.3.2.1.Б-В (ХИ 333–335, 337, 340). Впервые появляется меч «боспорского» типа (тип 1.4.5.1 или ХИ 361). Встречаются копейные втоки (ХИ 322). Представлены колчанные крюки типа 1.4 (ХИ 307), железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типа 1В, 1Д, 3Б-Г (ХИ 273, 277, 286–288). Известны панцирные наборы типа 1.2.А (ХИ 372). В керамическом наборе доминируют лепные круглодонные горшки наших типов 16, 48, 57, 72 и 97 (ХИ 44, 48, 49, 51, 54). Распространяются плоскодонные горшки типа 180 в том числе с «гофрированным» горлом (ХИ 35–36). Появляются среднеазиатские красноглиняные хумчи и фляги (ХИ 165–166). Зеркала представлены типами 8.0, 8.5, 10.3–12.3 (ХИ 683, 686, 690). Фиксируются находки стеклянных одноцветных бус типа Алексеева-193д, коралловых типа 30 и 31, гагатовых типа 27А (ХИ 440, 478, 479, 486); золотых бляшек типа 1.А.1.1.4.3 (ХИ 508), серег типа 1.3.1 (ХИ 528), железных пряжек типа 1.1.1 (ХИ 602), гребней типа 1.1–5 (ХИ 704). Дериватом алтариков периода А можно считать каменные блюда (ХИ 712). Новым явлением являются курильницы типов V.1 и V.3 (ХИ 720, 721). Отмечены находки ложечек типа 2.2.2.А (ХИ 738), каменных молоточков (ХИ 742), пряслиц из фрагментов хумчей (ХИ 752).

Фаза В2 выделена по широкому распространению погребений в ямах с заплечиками (ХИ 9). Керамический набор пополняют лепные круглодонные горшки типа 73 и плоскодонные, орнаментированные «полотенцами» (ХИ 52, 64), лепные плоскодонные кувшины типа 6 (ХИ 58). Распространяются железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типов 1В-Г, 1Е, 2В-Г (ХИ 273, 274, 278, 282, 283); мечи типов 1.3.3.А и 1.3.6.1.А (ХИ 346, 352). Появляются железные кирасы (ХИ 377). Известны коралловые бусы типа Алексеева-9 (ХИ 472); пряжки типа 1.2.1.1.3 (ХИ 607). Женские погребения могут содержать зеркала типа 8.7 (ХИ 687), курильницы типов Смирнов-VII и VIII (ХИ 723, 725). Выбывают ХИ 2, 7–8, 11–12, 15, 32, 35, 44–46, 50, 52, 55–56, 166, 169–170, 220, 222, 232,

240, 251, 292, 307, 312, 314, 316, 322, 328, 330, 336, 381–382, 385, 432, 440, 445, 458, 461, 465, 480, 532, 552, 556, 559–561, 604, 663, 666, 669, 675, 680, 690, 710–712, 735–737, 746, 757.

Погребения фазы В3 отличаются от предшествующих наличием в составе инвентаря костяных накладок на сложный лук (ХИ 306), мечей типа 3.6.2 (ХИ 398), плоскодонных горшков типов 37–40 и 101 (ХИ 20, 30) и сероглиняных кружальных кушинов типов 50/51 (ХИ 94). Появляются костяные ложечки типа 2.2.2.Б. Для данной фазы специфичны зеркала типов 13.7 и 13.10 (ХИ 691, 692), курильницы типов Смирнов-1, 9В-Д и кубические с круглым горлышком (ХИ 714, 721, 750), фаянсовые фигурные подвески (ХИ 498), серьги типа 2.12 (ХИ 540). Возобновляется обычай возведения индивидуальных курганных насыпей (ХИ 5), появляются (в женской субкультуре широк распространяются) «диагональные» погребения (ХИ 10), отмечен один из первых случаев прижизненной деформации черепа (ХИ 14). Широко встречаются «боспорские» мечи типа 1.4.5.1. Более не встречаются ХИ 4, 26, 52, 58, 138, 290, 339, 486, 617, 618, 742, 759.

Кластер, выделенный нами в период С обособлен от предыдущего и гораздо менее многочислен. С фазой В3 его объединяют ХИ 10, 289, 313, 361, 398, 592 и 620, представленные только в мужской субкультуре. Именно в это время распространяется обычай прижизненной черепной деформации, впервые зафиксированный для фазы В3. Остальные ХИ специфичны только для данного кластера.

При этом в фазе С1 появляются секировидные наконечники ремней упряжи типа Малашев-С9 (ХИ 408), фибулы с завитком на конце приёмника и ромбической спинкой типа 13.8.А и лучковые одночленные типа Амброз-1.4 (ХИ 588, 592), бронзовые пряжки с подвижным язычком типа 2.2.2.1.5 (ХИ 631), поясные наконечники типа 1.5.3 (ХИ 644). В женских захоронениях фиксируются китайские «восьмиарочные» зеркала без специальной ленты для надписи типа ming kuang (ХИ 698), серьги типа 2.14.1 (ХИ 542), стеклянные одноцветные четырнадцатигранные бусы (ХИ 434). Характерны также кружальные узкогорлые красноглиняные кувшины из Средней Азии (ХИ 138), котлы типа Демиденко-8 (ХИ 172), курильницы типа Смирнов-12, крупные пряслица усечённо-конической формы (ХИ 753).

Комплексы фазы С2 содержат лепные плоскодонные горшки типа 125/126 и 160 (ХИ 31, 33); костяные наконечники стрел типов III.2 и III.4 (ХИ 301–302). По-прежнему фиксируются костяные накладки для луков (ХИ 306). Появляются сбруйные наборы типа Малашев-С5Б (ХИ 403); накладки типа Малашев-С9 (ХИ 407); фибулы с завитком

на конце приёмника вариантов Амброз-13.3 и 13.8 (ХИ 586, 587); бронзовые щитковые пряжки с подвижным язычком типов 2.2.2.1.7–8 (ХИ 632, 633); поясные наконечники типа 2.3 (ХИ 650); проволоочные подвески, украшенные четырнадцатигранной бусиной (ХИ 654), серьги типов 2.14.3–4 (ХИ 543, 544), зеркала типа 14.11 (ХИ 694), грибовидные керамические пряслица и железные пружинные ножницы (ХИ 754, 755). Выбывают ХИ 10, 289, 313, 592 и 698.

Фазу С3 отличает распространение золотых бляшек типа 1.А.1.1.5.3 (ХИ 510) и гривен типа 1.2. (ХИ 558). В погребениях, отнесенных к данной фазе не фиксируются ХИ 31, 33, 138, 172, 361, 398, 407, 408, 434, 542, 544, 588, 592, 620, 631, 644, 650, 652, 693, 731, 753.

Памятники периода С сменяются в Приуралье древностями гуннского типа (Владимирское, Фёдоровка, Кызыл Адар, Муслюмово, Брюхановский выселок и др.). Для последних типичны совершенно новые хроноиндикаторы: мечи типа 1.4.5.Б; железные наконечники стрел типа Засецкая-1/1А и Б; 1/4Б; Т-образные прогнутые колчаные крюки; удила с трензелями типа 3.6.3; серебряные обкладки ленчиков сёдел с чешуйчатым орнаментом; калачиковидные серьги; полихромные диадемы; пряжки типов Засецкая-1.1.1.1.Е и III.1.16.А; поясные наконечники типа 1.4 и серебряные дисковидные плоские бляшки (ХИ II, V, VIII, IX, XI, XII, XV, XVIII, XIX, XXII, XXVIII, XXIX, XXXI). Впрочем, сохраняют своё значение и ХИ 166, 316, 322, 333, 372, 382, 560, характерные для позднесарматского времени.

Хронология *памятников Заволжья* исследовалась М.И. Ростовцевым, П.Д. Рау, Б.Н. Граковым и А.С. Скрипкиным [345; 941; С.152, 950; 1057; 1062; 1343, С.67–69, 1345; С.5, 35]. Она имеет «классический» четырёхчленный вид. Попытки В.Ю. Зуева «потерять» в этой схеме древности III в. до н.э. [475–477; 480] встретили контраргументы в работах В.М. Клепикова, А.С. Скрипкина и автора данной работы [211; 549; 1071]. Анализ примерно 800 комплексов, из которых 310 вошли в итоговые корреляционные таблицы [Таб. 60А–Б], позволил разделить материал на 4 кластера, которые можно считать хронологическими периодами (А – D). В рамках периодов вычлениаются отдельные фазы. При этом древностям периода А предшествуют комплексы с инвентарём предскифского и раннескифского облика, некоторые формы которого встречены в погребениях фазы А1. Для этого «предсавроматского» периода можно отметить присутствие погребений со скорченными костяками (ХИ А); в которых фиксируются бронзовые однокольчатые удила (ХИ К), лепные горшки с выделенным

дном, иногда со сливом на крае венчика (ХИ 38, 57) наконечник копья типа III.2 и бронзовый акинак типа 1.1.4 (ХИ 318, 326).

Период А в целом характеризуется наличием «скифской триады». В погребениях присутствуют бронзовые литые втульчатые наконечники стрел, акинаки, изделия в «зверином стиле», зеркала «сибирского» типа (наш тип 5.12), лепные горшки с выделенным дном. Наследием предшествующей эпохи можно считать ХИ 38, 57, 318, 326.

В погребениях фазы А1 отсутствуют ХИ А и К. Керамический набор пополнили горшки с плоским дном и трубчатым носиком-сливом (ХИ 55). Появляются бронзовые литые наконечники стрел типов 1.1, 1.4, 2.1, 2.2, 2.3 массивный, 2.6А и Б, 2.9 массивный и лёгкий, 2.10, 3.1 массивный, 3.5А, 3.5В, 3.6, 3.7, 3.12 массивный (ХИ 198, 200, 206, 207, 209, 210, 212, 218–220, 228, 235, 237–239, 246); акинаки типов 1.2 и 1.4 (ХИ 325–326). В женских погребениях встречаются железные браслеты типа 2.3.1, бронзовые литые зеркала типа 1.13 и 5.12 и каменные плиты (ХИ 552, 669, 679, 731), часть из них совершена под индивидуальными курганными насыпями (ХИ 1).

Фаза А2 отличается от предшествующей отсутствием ХИ 198, 207 и 326. К числу новых относятся лепные горшки с плоским выделенным дном типов 7 и 29 (ХИ 39, 41); бронзовые наконечники стрел типов 2.6А лёгкий, 2.6В, 2.6 обычный, 2.11, 2.12, 3.3 массивный, 3.4 массивный, 3.11, 3.15 и 3.18 (ХИ 211, 213, 215, 222–223, 230, 233, 243, 248, 250); костяные ложечки и подвески из кабаньих клыков (ХИ 383)

Выделение фазы А3 основано на выбывании из употребления ХИ 200, 206, 228, 237–239, 246 и появлении в погребениях бронзовых втульчатых наконечников стрел типа 3.19, железных втульчатых трёхлопастных типа 2В и черешковых типа 2Б, вороворок типа 2.2 и костяных ложечек типа 2.1.2 (ХИ 251, 261, 281, 381, 735).

Период В отчётливо отделяется от предыдущего на женской корреляционной колонке, но теснее связан с ним общими ХИ на мужской. В погребениях данного периода отсутствуют составляющие «скифской триады», за исключением отдельных типов бронзовых наконечников стрел. Вместе с тем, представлены категории материальной культуры, характерные для раннесарматского (прохоровского) этапа по терминологии Б.Н.Гракова. Можно выделить четыре фазы (В1-В4), причём последняя читается лишь для женской колонки. Фаза В2 в свою очередь делится на подфазы В2а-с, В3 – на В3а и b, В4 –на В4а и b.

Итак, в женских погребениях фазы В1 из числа ХИ предшествующего периода сохранились ХИ 38, 552 и 669. В мужских погребениях более не встречаются ХИ 39, 41, 55, 209–210, 212–213, 218, 228, 230, 233, 243, 318,

325, 383. К числу новых ХИ относятся лепные плоскодонные горшки типов 88/89, круглодонные типов 13/14, плоскодонные горшки, орнаментированные «полотенцами» типа 5 и кувшины с аналогичным орнаментом (ХИ 26, 43, 65, 73); бронзовый котёл типа Демиденко-1.1 (ХИ 169); бронзовые втульчатые наконечники стрел типов 2.13 и 3.16 (ХИ 226, 249); железные втульчатые трёхлопастные типа 3А, черешковые трёхлопастные типов 1В, 2Д и трёхгранные типа 1 (ХИ 265, 273, 284, 293). Появляются мечи типов 1.2.2, 1.3.2.2 и 1.3.2.3.Б-В (ХИ 335, 343, 345); S – видные двудырчатые псалии типа III.1.3.А (ХИ 385); пряжки типов 1.1.1. 2.1.2 и 2.2.1.8 (ХИ 602, 617, 627); костяные ложечки типов 2.1.2 и 2.2.2 (ХИ 735, 737); сланцевые «молоточки», раковины Gr1feа (ХИ 742, 746), костяные проколки типов 1–2 (ХИ 756–757). Инвентарь женских погребений пополнили зеркала типов 8.0.а, 8.5 и 8.7 (ХИ 684, 686–687);, стеклянные одноцветные бусы типов 112–115, 166 и коралловые типа Алексеева-9 (ХИ 430, 437, 472); серьги типов 1.3.1, 1.5.2 (ХИ 528, 531); костяные гребни типа 1 (ХИ 704); курильницы типов Смирнов-7.1 и 8 (ХИ 724–725). К новациям в обряде относится появление основных прохоровских огребений и впускных в курганах-кладбищах (ХИ 3–4).

Комплексы подфазы В2а отличаются появлением погребений в ямах с заплечиками (ХИ 9); железных втульчатых трёхлопастных наконечников стрел типов 2Д-Е и черешковых трёхлопастных типов 1Г-Д и 2Г (ХИ 263–264, 274, 277, 283) и кинжалов типа 1.3.3.В (ХИ 349); луков типа 1 (ХИ 304). Выбывают ХИ 3, 38, 211, 215, 219–220, 222–223, 235, 248, 250–251, 265, 333, 335, 337, 381, 385, 430, 552, 669, 686, 735, 737, 746.

Подфаза В2b характеризуется появлением плоскодонных горшков, орнаментированных «полотенцами» типов 21, 27/28 (ХИ 68–69); гагатových бус типа 27А (ХИ 486); повозок в погребениях (ХИ 760). С мужскими наборами инвентаря встречаются зеркала типа 8.7. Вышли из употребления ХИ 26, 226, 249, 261, 265, 281, 293, 304, 343, 627, 742 и 757.

Выделение подфазы В3а основано на появлении железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел типа 3Д (ХИ 289); фибул среднелатенской схемы (ХИ 564) и зеркал типа 1.0 (ХИ 661). Одновременно уходят из употребления ХИ 263–264, 617, 687 и 756.

Для подфазы В3b характерно распространение лепных круглодонных горшков типа 48 (ХИ 48); курильниц типа Смирнов-3 и 10А1 (ХИ 716, 729). Единичной находкой представлен меч типа 1.4.5.А (ХИ 363), характерный уже для следующего периода. Более не встречаются ХИ 9, 671, 760.

Основанием для выделения подфазы В4а послужило исчезновение ХИ 4, 65, 415, 528, 602 и 716. Новым является ХИ 547 – браслеты типов 1.6.1 и 3. Возобновляется традиция помещения в погребения котлов

типа Демиденко-1.1 (ХИ 169). Представлен и типичный ХИ следующего периода – диагональное погребение (ХИ 10) – в к. D4 п. 8 у хутора Шульц.

В погребениях подфазы В4b появляются лепные плоскодонные горшки типа 181 с высоким «гофрированным» горлышком (ХИ 36); зеркала типа 8.0.Б (ХИ 685) и парные курильницы типов 1А и 1а (ХИ 715). Выходят из обихода ХИ 24, 48, 50, 169, 687, 725.

Для периода С отмечается отсутствие всех типичных составляющих прохоровского комплекса. Вместе с тем убедительно представлены все составляющие среднесарматского или сусловского этапа периодизации Б.Н. Гракова. Материалы, вошедшие в мужскую колонку относительной хронологии позволяют вычлениить в рамках данного периода две фазы: С1 и С2. Распределение ХИ в женской колонке позволяет дополнительно разделить фазу С2 на подфазы С2а и С2b.

Выделение фазы С1 связано с распространением значительного количества новых ХИ. В их числе сероглиняные кружальные кувшины типов 53 и 94 (ХИ 96, 100); костяные обкладки лука «гуннского» типа (ХИ 306); мечи типа 1.3.6.2.А (ХИ 356); лучковые подвязные фибулы варианта 1.0 (ХИ 589); зеркала типа 1.6 (ХИ 667); курильницы типов Смирнов-9В – Д и 10А2 (ХИ 727, 730). Широкое распространение получают ХИ 10 и 727, представленные в единичных случаях в предшествующий период. Перестали использоваться ХИ 36, 531, 564, 704 и 724.

В погребениях фазы С2 появились лепные плоскодонные горшки типов 125–126 и 128–130 и сероглиняные кружальные горшки типа 62 (ХИ 31–32, 85); железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типов 4Г-Е (ХИ 291); зеленые двудырчатые псалии типа III.2.1 (ХИ 388); железные круглорамчатые пряжки с подвижным язычком типа 1.2.1.1.1 (ХИ 604); курильницы типа Смирнов-9А (сдвоенные) и 12 (ХИ 726, 731). В мужской субкультуре единичными находками представлены индикаторы следующего периода: прижизненная деформация черепа (ХИ 14) и лучковая одночленная фибула варианта 1.3 (ХИ 591). С запозданием появляются в мужских погребениях ХИ 10 и 100. Уже не встречаются ХИ 284, 345, 486, 547, 602, 661, 685, 729, 737 и 756

Комплексы фазы С3 отличает от предшествующих появление фаянсовых плакеток в виде скарабеев (ХИ 502) и стаканообразных курильниц типа Смирнов-1 (ХИ 714), а также отсутствие ХИ 589 и 715.

Завершающий период D колонки относительной хронологии для Заволжья характеризуется распространением позднесарматского набора элементов материальной культуры и исчезновением среднесарматского. В пределах данного периода вычленяются три фазы (D1-D3).

В погребениях фазы D1 новыми ХИ являются сероглиняные кружалные кувшины типа 23 (ХИ 90); сероглиняные кружалные миски типа 3.53 (ХИ 117); бронзовые котлы типа «Ровное» по Б.А. Раеву (ХИ 189). Широко распространяются четырнадцатигранные бусы из одноцветного стекла (ХИ 434). Появляются шарнирные римские броши, сильнопрофилированные фибулы варианта 1.2, лучковые подвязные вариантов 1.3 и 4 (ХИ 578, 581, 591–592); зеркала-подвески типа 14.10 (ХИ 693); железные пружинные ножницы для стрижки овец (ХИ 755). Популярен обычай прижизненной деформации черепа (ХИ 14). Выбыли из обращения ХИ 85, 100, 273, 274, 277, 283, 289, 291, 349, 388, 589, 715, 726–727, 730.

Комплексы фазы D2 содержат вновь появившиеся железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типа 2А (ХИ 280); костяные черешковые типа 3.1 (ХИ 300); кинжалы типа 1.4.5.В (ХИ 364); серьги типа 1.8.2 (ХИ 534); крупные фибулы с плоской треугольной спинкой и завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника типа 13.8 (ХИ 587); плоские сюльгамы (ХИ 628). Одновременно распространились подвески из скрученной проволоки, украшенные четырнадцатигранной бусиной (ХИ 654) и металлические грушевидные флакончики без орнамента (группа IV по А.М. Скалон) (ХИ 701). В комплексах данной фазы уже не встречаются ХИ 10, 90–91, 348, 356, 502, 578, 581, 604, 667, 714.

Для фазы D3 фиксируется отсутствие ХИ 31–32, 96, 117, 189, 280, 300, 363, 534, 578, 591, 693, 731 и 755. К числу вновь появившихся ХИ относятся лепные горшки типов 37–40 и 95 (ХИ 20, 29) и лучковые двучленные фибулы варианта 3.1 (ХИ 594).

Комплексы данной фазы сменяются в степном Заволжье погребениями типа к.17–18 из Покровска, Курнаевки, Берёзовки и др. С сарматской эпохой их связывают лишь сохранившиеся в мужской субкультуре ХИ 306 и 363. Основной же набор индикаторов (прямые однолезвийные мечи и кинжалы, наконечники стрел типов Засецкая- I/1Аа и б, чешуйчатые серебряные накладки на ленчики седла, круглые бляхи с личинами, зеркала «Чми-Бригеттио», полихромные диадемы и калачиковидные серьги) не находит прототипов и параллелей в сарматских древностях региона.

Савромато-сарматские древности Задонья наиболее подробно рассмотрены в работах В.Е. Максименко, исследовавшего их на территории Ростовской области [672; 675]. Хронологией только сарматских древностей всего Волго-Донского междуречья занимался А.С. Скрипкин [1057; 1062]. В последнее время схемы В.Е. Максименко и А.С. Скрипкина подвергаются критике со стороны В.Ю. Зуева [См. выше]. Подробная публикация

значительной выборки новых комплексов [См. напр. 382; 387; 501; 734; 1003], включение в группу савроматских памятников могильника у ст. Елисаветовской, а также применение методики Рейнеке-Щукина к данному материалу позволяют вернуться к анализу относительной и абсолютной хронологии савромато-сарматских древностей данного региона на качественно новом уровне.

Анализ 1452 комплексов, из которых 355 вошли в итоговые корреляционные таблицы, привёл к выделению 5 кластеров (А – Е), которые можно считать хронологическими [Таб. 61а–б]. Как и в предшествующих секвенциях, в рамках периодов удалось выделить фазы (В1–3, С1–3, D1–3 и Е1–3). При этом фазам В1–2 мужской корреляционной колонки соответствует фаза В1 женской. Древностям периода А в регионе предшествуют комплексы со скорченными костяками, характерными лопастными трёхпестельчатыми бронзовыми псалиями, бронзовыми наконечниками стрел новочеркасского облика и костяными четырёхгранными, восьмёрковидными бронзовыми бляхами и плоскими свёрнутыми височными кольцами (ХИ А, Г, И, Л, П, Р).

Период А характеризуется инвентарём раннескифского облика. В погребениях встречаются архаические родосско-ионийские амфоры (ХИ 146); бронзовые литые наконечники стрел типов 1.1, 1.2, 1.5, 1.9, 2.1, 2.2, 2.3, 2.6А лёгкий, 2.6, 9 и 10 массивный, 2.12 массивный и лёгкий, 3.3 массивный, 3.4 массивный и лёгкий, 3.5Б/В лёгкий, 3.6 (ХИ 198–199, 201, 204, 206–208, 211, 214, 218, 221, 224–225, 230, 233–234, 236, 238); железные трёхлопастные втульчатые с лавровидной головкой и втульчатые трёхлопастные типа 3б (ХИ 258, 266); костяные втульчатые типа IV.1 лёгкий и массивный (ХИ 298–299); костяные наконечники кибитей луков в виде грифонных головок и застёжки колчанов типов 1, 2А, 2Б (ХИ 305, 308–310); акинаки типов 1.1.2 и 1.1.5 (ХИ 325, 327). В керамическом наборе обычны лепные горшки с плоским дном типов 37–40 и с выделенным дном типа 28 (ХИ 20, 40). Характерны полихромные стеклянные бусы «личины» типа 627А (ХИ 464); литые бронзовые зеркала типа 5.12 и ольвийские зеркала с ручкой, завершающейся бараньей головкой (ХИ 679, 695); каменные алтарики с четырьмя ножками (ХИ 708). Часть погребений совершается под индивидуальными курганными насыпями (ХИ I). ХИ Г, Л, П и Р не встречаются.

Для периода В характерно сочетание элементов «скифской триады» с характерными ХИ развитой меотской культуры (меотский или среднемеотский I этап по Н.В. Анфимову [134; 136]). При этом набор инвентаря почти не имеет общих ХИ с набором фазы А2.

Фаза В1 характеризуется распространением хиосских пухлогорлых амфор и герклейских типа ПА (ХИ 147, 150); бронзовых наконечников стрел типов 2.11, 3.11, 3.15 (ХИ 222, 243); наконечники копий типа П.1.Б (ХИ 313), ворворок типа 2.2 (ХИ 381). Женские погребения могут содержать предметы вооружения (ХИ 15), бусы из многоцветного стекла типов 33Н, 49В и 219 (ХИ 447–448, 455); зеркала типа 1.1 (ХИ 663). В комплексах этой фазы уже не встречаются ХИ А, И, 146, 198–199, 201, 206, 208, 230, 233, 258, 305, 308–310, 464, 679, 695 и 708.

Фаза В2 выделяется в связи с появлением бронзовых наконечников стрел типов 2.12 лёгкий, 2.13, 3.3 лёгкий, 3.8, 3.9, 3.10, 3.11 лёгкий, 3.15, 3.16 (ХИ 225–226, 231, 240–242, 244, 248–249); железных втульчатых двухлопастных типа 1.2 массивный и трёхлопастных типа 2В (ХИ 256, 261); наконечников копий типа П.2.А (ХИ 314). Распространились акинаки типа 1.1, в том числе 1.1.7, 1.11.Б (ХИ 323, 330–331). Инвентарь женских погребений дополнился стеклянными одноцветными бусами типа 42 и полихромными типа 78 (ХИ 422, 450); зеркалами типов 1.4 и 10.3–12.3 (ХИ 664, 690). Перестают встречаться ХИ 1, 20, 214, 222, 447–448, 455, 553 и 696.

Погребения фазы В3 отличает от предшествующих распространение амфор Гераклеи типа I (ХИ 149), бронзовых котлов типа Демиденко-5.1–3 (ХИ 170), мечей типа 1.1.6.Б, 1.2.1, 1.3.1.Б (ХИ 329, 333, 338); панцирей типа 1.2.А и боевых поясов (ХИ 372, 379), псалиев типа III.1.4 (ХИ 386). В единичном случае зафиксирован ХИ периода D – меч «боспорского» типа 1.4.5.1 (ХИ 361) (Никольское IV к.1 п.3). Появились бусы из одноцветного стекла типа Алексеева-5, 35, 193Д и полихромные типов 74, 192, 276, коралловые типа 9, гагатовые типов 8А, 43Б и фаянсовые типа 10А (ХИ 414, 421, 440, 449, 452, 458, 472, 483, 487, 500). Одновременно вышли из употребления ХИ 15, 40, 147, 204, 207, 218, 221, 224, 243, 266, 298–299, 313–314, 323, 325, 327, 663.

Для фазы В4 отмечается появление амфор Гераклеи типа ПА и Херсонеса типа ПА (ХИ 150–151), бронзовых втульчатых наконечников стрел типа 2.12 (ХИ 223), наконечников копий типа П.1.А и дротиков типа 4 (ХИ 312, 321). Массово встречаются мечи «синдо-меотского» типа 1.4.1 (ХИ 357). Гораздо больше ХИ вышли из употребления: 211, 225, 231, 234, 236, 238, 240, 242, 244, 248, 256, 331, 338 и 381.

Период С по набору ХИ значительно отличается от предшествующего. Смешанный скифоидно-меотский облик материальной культуры сменяется раннесарматским, причем характерным для развитой прохоровской АК. На мужской и женской корреляционных колонках фиксируется резкая смена моды и на оружие, и на керамику, и на предметы туалета,

и на украшения. К началу периода вышли из обихода ХИ 149–151, 170, 192, 223, 226, 241, 249, 265, 312, 321, 329–330, 333, 357, 372, 379, 386, 421–422, 440, 449–450, 452, 458, 483, 487, 500, 664, 690

В погребениях фазы С1 в керамическом наборе фигурируют плоскодонные горшки и кувшины, орнаментированные «полотенцами» (ХИ 64, 67, 73). Появляются бронзовые котлы типа Демиденко-6 (ХИ 171). Предметы вооружения представлены железными втульчатыми трёхлопастными наконечниками стрел типов 2Г и 2Е и черешковыми трёхгранными типа 1, в одном комплексе встречены и черешковые трёхлопастные наконечники типа 3Д (ХИ 262, 264, 289, 293), а также кинжалами и мечами типов 1.3.2.1Б-В (ХИ 341–342). Появляются литые бронзовые ажурные прямоугольные пряжки с неподвижным фиксатором и изображением верблюда типа 2.1.4 (ХИ 618). Характерными деталями костюма являются бусы из одноцветного стекла типов 103, 163, 166, 197 и 198 (ХИ 429, 436–437, 441–442), бусы из стекла с металлической прокладкой типа 1а (ХИ 466). В набор атрибутов культа вошли курильницы типа 7.1 по К.Ф.Смирнову (ХИ 724). Женские наборы инвентаря иногда включают зеркала типа 8.7 (ХИ 687).

Фаза С2 выделена по распространению в мужских погребениях кувшинов, орнаментированных «полотенцами» типа 16/17, красноглиняных боспорских кувшинов, унгвентариев (ХИ 74, 129, 158); железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел типов 1Б и Г, 2В и Д (ХИ 272, 274, 282, 284.); мечей и кинжалов типов 1.3.3.А и В, 1.3.5, 1.3.6.1.А (ХИ 346, 349, 351–352, 391); бронзовых бляшек типа 1.1.1.1 (ХИ 525); фибул среднелатенской схемы и лучковых подвижных варианта 1.0 (ХИ 564, 589); железных кольчатых и восьмёрковидных пряжек с подвижным язычком типов 1.2.1.1.1 и 1.2.1.4 и (ХИ 604, 612), пряжек из цветных металлов типов 2.1.1.1–2 и 2.1.6.1 и гешировых типа 3.1.1 (ХИ 616, 619, 639); ложковидных поясных наконечников типа 1.1.1 (ХИ 640); зеркал типа 8.7 (ХИ 687); парных курильниц типа Смирнов-1 (ХИ 715) и костяные проколки типа 2 (ХИ 757). В единичных случаях встречены ХИ следующего периода: железные трёхлопастные черешковые наконечники типов 3Б-В (ХИ 286–287) и короткие мечи типа 1.3.3.Б (ХИ 348). Инвентарь женских захоронений пополнили бусы из стекла с металлической прокладкой типов 3А и 32 (ХИ 468, 471); серьги типа 2.5 (ХИ 538) и зеркала типа 1.0 (ХИ 661). Вместе с тем, погребения данной фазы уже не содержат ХИ 247, 259–262, 264, 413–414, 416, 418, 472, 499.

Выделение фазы С3 связано с появлением в составе инвентаря сероглиняных кружальных горшков типа 65/66, мисок типа 3.55 (ХИ 86, 118); бронзовых котлов типа Демиденко 11–13 (ХИ 174); кинжалов типа

1.3.6.1.Б (ХИ 353); серебряных или золотых монохромных фаларов (ХИ 409). В женских захоронениях распространяются бусы из гагата типа Алексеева-9А (ХИ 484); фибулы среднелатенской схемы (ХИ 564); появляются зеркала типов 8.10 и 13.7 (ХИ 688, 691); парные курильницы 1 типа (ХИ 715) и вотивные треножники (ХИ 741). Перестают встречаться ХИ 64, 73, 158, 274, 293, 342, 346, 466, 525, 589, 616, 619 и 724.

Период D весьма отчётливо выделяется на женской корреляционной колонке и несколько менее выразительно – на мужской. Очередная смена моды приводит к исчезновению атрибутов раннесарматского периода и распространению среднесарматских.

Фаза D1 выделена по появлению в мужской субкультуре грушевидных кубков из драгоценных металлов с зооморфными ручками (ХИ 175); железных трёхлопастных черешковых наконечников типа 1А (ХИ 271); наконечников копий типа II.2.Б (ХИ 315); мечей типа 1.4.5.1 (ХИ 361); железных позолоченных ажурных псалиев (ХИ 411); золотых бляшек «городков» типа 1.А.2.9.2.2 (ХИ 514); сильнопрофилированных фибул 11 группы типа 1.1 (ХИ 580) и золотые полихромные пряжки типа 2.1.6.1 (ХИ 619). В женской субкультуре широко распространились «диагональные» погребения (ХИ 10) и бронзовые котлы Демиденко-6 (ХИ 171). Перестают употребляться ХИ 67, 73, 129, 177, 272, 341, 352, 391, 429, 441–442, 436–437, 468, 471, 538, 564, 589, 595, 639, 661, 687–688, 756–757.

Для выделения фазы D2–3 характерно широкое распространение «диагональных» погребений (ХИ 10); кружальных сероглиняных кувшинов типа 93–95, сероглиняных мисок типа 1.1 и 1.12 (ХИ 99, 106, 109); итальянских бронзовых ковшей Эггерс-140 и котелков типа «Дебелт» (ХИ 186, 190); мечей и кинжалов типа 1.4.5.2Б-В (ХИ 367); лучковых одночленных фибул варианта 1.3 (ХИ 591); зеркал типа 13.10 (ХИ 692); курильниц типа Смирнов-9В-Д (ХИ 727) и пружинных ножниц (ХИ 755). Из наборов инвентаря выбыли ХИ 74, 171, 284, 349, 564, 604, 612.

Фаза D3 фиксируется на материалах женской хронологической колонки по выпадению из наборов инвентаря ХИ 190, 661, 691, 715, 727. Одновременно появляются первые образцы лучковых одночленных фибул варианта 1.4–5 (ХИ 593) и зеркал типа 14.10 (ХИ 693).

Последний из выделенных нами периодов (Е) вновь наиболее отчётливо выделяется на материалах женской колонки, где почти полностью сменился набор ХИ. Для этого периода характерно вытеснение среднесарматского набора ХИ позднесарматским.

Погребения фазы Е1 отличаются от предшествующих по широкому распространению сероглиняных кружальных мисок типов 2.33 и 3.53

(ХИ 112, 117); костяных накладок на сложный лук (ХИ 306); сердоликовых бус типа 5б (ХИ 476); серебряных бочковидных бус с большими квадратными отверстиями (ХИ 506); массивных железных круглорамчатых пряжек типа 1.2.1.1.3 (ХИ 607); круглопроволочных сюльгам и пряжек типа 2.2.1.1.1 (ХИ 627, 629); курильниц типа Смирнов-12 (ХИ 731) и игольников (ХИ 758). Часть женских погребений совершается в катакомбах «ворухского» типа (ХИ 12). В мужской субкультуре перестали употребляться ХИ 171, 174, 175, 287, 351, 409, 514, 619. Также вышли из моды ХИ 86, 99, 109 и 591.

Наступление фазы Е2 ознаменовано распространением мужских погребений в Т-образных в плане катакомбах (ХИ 11); мечей типов 1.3.4 и 1.4.5.2.А (ХИ 350, 366); серповидных наконечников ремней типа Малашев-С-2 (ХИ 408); сильнопрофилированных фибул типа 1.2 и лучковых одночленных типа 1.4/5 (ХИ 581, 593); пряжек типа 2.2.2.1.7 (ХИ 632), и поясных наконечников типов 1.5.1, 1.5.3, 1.7.1 и 2.1.1 (ХИ 642, 644–645, 648) в мужских погребениях. В женских распространяются стеклянные одноцветные бусы типа 125Б, гагатовые типа 107, янтарные типов 5, 7 и 21 (ХИ 433, 489, 492–493, 495); сильнопрофилированные фибулы типа 2.2 лучковые двучленные варианта 3.1 (ХИ 583, 594); подвески с 14-гранной бусиной (ХИ 654) и серебряные гладкостенные флаконы группы IV по К.М.Скалон (ХИ 701). Из употребления вышли ХИ 10, 106, 109 (в женской субкультуре), 174 (в мужской субкультуре), 186, 348, 390, 640, 692, 715 и 741.

В комплексах фазы Е3 появляются такие новые ХИ, как небольшие лучковые фибулы «лебяжьинского кавказского» типа 15 серии варианта 6.4, прогнутые подвязные 16 группы подгруппы 2 варианта 3 (ХИ 598, 601); поясные наконечники типа 1.4.1 (ХИ 641). Кроме того, распространились женские погребения в Т-образных катакомбах (ХИ 11); сероглиняные двуручные кувшины типов 9 и 14 (ХИ 105). Для ожерелий наиболее характерны бусы из одноцветного стекла типа 132, полихромные типа 217, гагатовые типа 9А (ХИ 435, 454, 484); бронзовые луницы с завитками на концах (ХИ 655). Появляются черняховские гребни типа 3.1 (ХИ 705). Прекращается традиция совершения женских погребений в катакомбах «ворухского типа» (ХИ 12); уже отсутствуют ХИ 117, 271, 283, 289, 306, 315, 353, 361, 367, 396, 491, 506, 581, 593, 607, 648 и 755.

Погребения периода Е сменяются в Волго-Донском междуречье комплексами типа Верхне-Яблочного, Берёзовки и Нижней Добринки, относимыми к кругу гуннских.

Савромато-сарматские памятники Предкавказья до кон. 1970х гг. были известны по немногочисленным и чаще всего разрушенным погребениям последних веков до н.э., серии более чем из 100 комплексов римского времени, исследованных Н.И.Веселовским на Кубани и несколькими десяткам комплексов из Притеречья [135; 137, С.48–49; 269; 271; 950, С.56]. Первый обстоятельный разбор их хронологии произведён М.И.Ростовцевым [952, С.569–571, 629]. Позднее материалы кубанских курганов анализировались К.Ф.Смирновым, который датировал их III–II вв. до н.э. – II в.н.э. [1082]. В.Б.Виноградов обработал памятники Притеречья, выделив группы погребений V–IV, III–I вв. до н.э. I–III вв.н.э. [271]. Ю.М.Десятчиков попытался выявить сарматские памятники на Тамани с IV в. до н.э. [405].

Новостроечные работы 1970х–1980х гг. в зонах рисосеяния и мелиорации многократно увеличили выборку сарматских погребений в данном регионе (до 1000 комплексов). Это привело к появлению новых хронологических разработок.

А.М.Ждановский, рассматривая памятники Средней Кубани, выделил 2 хронологические группы. Первую он датировал II в. до н.э. – I в. н.э., вторую – I–II вв. н.э. [429].

Единственным опубликованным крупным исследованием по хронологии сарматских древностей Прикубанья с учётом вновь открытых материалов является монография И.И.Марченко [716]. Пользуясь в основном сравнительно-типологическим методом, методом «узких дат» и в меньшей степени – корреляционным, И.И.Марченко выделил 7 хронологических групп [716, С.82–92]. Группа 1 датирована IV – нач. III вв. до н.э., группа 2 отнесена ко второй–третьей четв. III в. до н.э., группа 3 – к четвёртой четв. III – II вв. до н.э., группа 4, судя по тексту, отнесена к первой пол. I в. до н.э., а на итоговой таблице уже ко всему I в. до н.э. [716, С.88–89, Таб. на С.91], группа 5 датирована в пределах второй пол. I в. до н.э. – первой пол. I в.н.э. Группа 6 объединила комплексы, не имеющие узких дат и условно отнесённые к III–I либо II–I вв. до н.э., наконец, группу 7 И.И.Марченко датировал I–III вв. н.э.

В этой схеме вызывает сомнение выделение древностей III в. до н.э. Ядро группы 2, отнесённой к данному столетию, составили по И.И.Марченко комплексы с красноглиняными кувшинами типов 3 и 126 [716 С.85]. В качестве датированной аналогии И.И.Марченко предлагает кувшин из колодца в Горгиппии первой пол. III в. до н.э. [716, С.85 сноски]. Однако, во-первых, кувшины типа 3 по И.И.Марченко являются плоскодонными [716, Рис.23, 3], а приводимая аналогия имеет кольцевой

поддон [113, Рис.4, 6], во-вторых, судя по описанию Е.М.Алексеевой, кувшин из Анапы вообще является сероглиняным [113, С.46, Стр. 12 снизу] и основанием для узкой датировки красноглиняной формы быть не может. Судя по приведённой И.И.Марченко корреляционной таблице, в которую вошли предметы вооружения из меотских могильников, имеющие аналогии в сарматских погребениях, и датированный керамический импорт [716, Рис.18], отчётливо выделяется кластер, датируемый амфорами IV в. до н.э., и второй – с амфорами конца III – II вв. до н.э. и синхронными им амфориском и чернолаковой миской. В первый кластер вошли комплексы с мечами «синдо-меотского» типа по К.Ф.Смирнову [1100] и наконечниками стрел типов Марченко-1-3, 5-7, 9-10, 13, 20-21, 33 и 39, а во второй – погребения с наконечниками стрел типов 15-17, 22, 24 и 37. Набор, датируемый 1-3 четвертями III в. до н.э. отсутствует.

Б.М.Керефов и В.А.Петренко использовали новые материалы для уточнения хронологии сарматских древностей Центрального Предкавказья, но их схемы, в общем, вписываются в предложенную ранее систему В.Б.Виноградова [542; 893]. Л.Б.Гмыря также на основе новых исследований обратилась к хронологии курганов Приморского Дагестана и отнесла их к гуннскому времени [329].

Моя точка зрения на периодизацию и хронологию сарматских древностей Кавказа изложена в работах, посвященных катакомбным погребениям региона, «Зубовско-Воздвиженской» группе, сарматам Восточного Закубанья, аланам-маскутам и хронологии Азиатской Сарматии [190; 201-202; 218; 220]. Ограниченный объём статей не позволял уточнить все нюансы типологии и абсолютной хронологии. Ниже приводится полный вариант авторской концепции относительной и абсолютной хронологии савромато-сарматских древностей степного Предкавказья. Было проанализировано свыше 980 комплексов, из которых 326 вошли в итоговые корреляционные таблицы [Таб. 62А-Б]. Корреляция XI в комплексах позволила разделить материал на 4 кластера (А-D), которые отчётливо выделяются на мужской и женской хронологических колонках. Можно отметить крайне слабую связь кластера А с кластером В (только по одному XI в мужской и женской колонках). Анализ кластеров приводит к следующим результатам:

В кластер А вошли погребения с бронзовыми литыми наконечниками стрел типов 2.6, 2.9 и 3.14 (XI 215, 217, 247), железными трёхлопастными наконечниками типов 2А, 3А и 3Б (XI 259, 265-266), костяными втульчатыми типа 1.2 (XI 296), мечами типов 1.2.1-4 и 1.4.1 («синдо-меотские» [1100]) (XI 332, 357). В них встречаются наконечники

копий типа 2.1.А и дротиков типов 1 и 4 (ХИ 312, 320–321), ворворки типов 2.1 и 2.2 (ХИ 380–381). И в мужских, и в женских погребениях встречены литые бронзовые дисковидные зеркала с загнутым краем и парными отверстиями для крепления рукояти типа 3.1 (ХИ 672). Из украшений выделяются золотые бляшки-горгонейоны типа 1.3.1.3, височные кольца в 2–2,5 оборота типа 1.4, и золотые подвески с сердоликовыми бусинами (ХИ 524, 529, 660). Керамический набор включает лепные плоскодонные горшки типа 11 и биконические горшочки с горлышком-раструбом типов 166/171 (ХИ 16, 34). Характерны также сероглиняные кружальные кувшины типов 11, 22, 45/53 (ХИ 87, 89, 92) и гераклеийские амфоры (ХИ 148). Этот набор ХИ в целом характерен для первой фазы прохоровской АК [204, С.3–4, Таб. 1–2] и фазы 3 меотской хронологической колонки [198].

Кластер В гораздо многочисленнее предыдущего и по числу комплексов, и по набору ХИ, что позволяет выделить в его пределах три фазы (В1–3). В погребениях этой группы обычны изделия, характеризующие 3 и 4 фазы прохоровской АК [204, С.5–6, Таб. 1–2], а другая составляющая набора ХИ находит аналогии в древностях сроеднемеотского 2го этапа. При этом из набора ХИ периода А в фазе В1 сохранились только железные втульчатые трёхлопастные наконечники стрел типа 3А и височные кольца в 2–2,5 оборота типа 1.4 (ХИ 265 и 529).

Фаза В1 выделена по распространению в погребениях чернолощённых кружек без орнамента и украшенных «полотенцами» типа 17 (ХИ 77, 81); красноглиняных боспорских кувшинов и ойнохой, мисок типа 3С, пелик и унгвентариев типа Марченко-4 (ХИ 129, 139, 143, 145, 160). Для набора вооружения типично сочетание меотских втульчатых железных трёхлопастных наконечников типов 2Г-Е, а также трех- или четырёхгранных и круглых в сечении (ХИ 262–264, 267–269) и сарматских черешковых трёхлопастных наконечников типа 1Е и трёхгранных типа 2 (ХИ 278, 294); наконечников копий типа 1.1.А (ХИ 311); прохоровских мечей типа 1.3.2.1.Б и 1.3.2.2 и местных типа 1.4.2.1 (ХИ 341, 343, 358); бронзовых бляшек-скорлупок типа 1.1.1.1 (ХИ 525). Популярны удила с крестовидными железными псалиями типов III.4.2–3 (ХИ 393–394). Появляются золотые броши типов 1.1 и 5.1 (ХИ 572, 577); железные пряжки с неподвижным фиксатором типа 1.1.1 (ХИ 602); украшения в виде золотых спиралек (ХИ 657). В погребения помещаются гальки (ХИ 743). Для женской субкультуры характерны чернолощённые, орнаментированные «полотенцами», кувшины типа 16/17 и кружки типа 5 (ХИ 74, 78); чернолощённые миски типа 1Б (ХИ 82); сероглиняные круглодонные туалетные мисочки

(ХИ 120); красноглиняные кувшины типов 3, 6 и 20, миски типов 2А и 3С и кружки с горизонтальными ручками (ХИ 130–131, 136, 142–144); унгвентарии типов Марченко-2 и 3/4 (ХИ 159–160). Распространяются стеклянные одноцветные бусы типов 103, 171 (ХИ 429, 439); золотые бляшки типа 1.Г.1.2.2 (ХИ 517); серьги типа 2.13 (ХИ 541); браслеты типов 1.6.4 и 2.2.1 (ХИ 548, 550); зеркала типов 1.0, 3.6, 4.0 и 8.7 (ХИ 661, 674, 676, 687). Гальки в женских погребениях помещались в сосудики (ХИ 744).

Фаза В2 отличается от предшествующей по появлению орнаментированных «полотенцами» кубышек, кувшинов типов 19–22 и 30 и кружек типов 10, 12–13 (ХИ 72, 75–76, 80); сероглиняных кружальных ойнохой типов 3/4, 6/7 и 8/9 (ХИ 101–104); сероглиняных мисок типа 1.6, 1.16, 2.26 и 3.55 и плоскодонных туалетных мисочек (ХИ 107, 110–111, 118–119); сероглиняных кружек типа 33 и скифосов с двумя либо тремя ручками (ХИ 122, 126–127); красноглиняных кувшинов типов 8, 12–14 и (ХИ 133–135). В мужской субкультуре фиксируются бронзовые котлы типа Демиденко-1.1 (ХИ 169); железные втульчатые наконечники стрел типа 1.1 (ХИ 255); наконечники дротиков типов III.2.А–III.3.А (ХИ 319); мечи типов 1.4.2.2, 1.4.5.В (ХИ 359, 364); шлемы «Монтефортино» (ХИ 370); цельнометаллические фалары (ХИ 409); халцедоновые бусы типа 2А (ХИ 497); золотые овальные броши типа 2.1 (ХИ 574); зеркала типов 1.0 и 3.6 и сосудики с гальками, ранее появившиеся в женских погребениях. Для женских погребений характерны стеклянные одноцветные бусы типа 163, сердоликовые типа 3Б, янтарные типа 44 (ХИ 436, 474, 496); серьги типов 1.2 и 1.5.1 (ХИ, 527, 530); броши типа 2.2 (ХИ 575); зеркала типа 2.6 (ХИ 670); находки галек вне сосудов и рапанов (ХИ 743, 745). Одновременно выходят из обихода ХИ 77–78, 82, 131, 136, 139, 143, 145, 159–160, 265, 267, 278, 294, 341, 393, 529, 541, 550, 572, 577, 657, 676.

В мужских погребениях фазы В3 появляются орнаментированные «полотенцами» кружки типа 10 (ХИ 79); сероглиняные кружки с вертикальной ручкой (ХИ 121); «мегарские» чаши (ХИ 155). Для мужских погребений характерны железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типа 1Д и черешковые четырёхгранные (ХИ 277, 295); мечи типа 1.3.6.1.А (ХИ 352); фибулы среднелатенской схемы (ХИ 564); броши типа 1.2 (ХИ 573). Инвентарь женских погребений дополнили сероглиняные миски типа 1.7 и кружки с горизонтальными ручками (ХИ 108, 125); бронзовые котлы типа Демиденко 5.1–3 (ХИ 170); сковородки типа «Айлесфорд» (ХИ 177) и стеклянные бусы с металлической прокладкой типа 19 (ХИ 469). Уже не встречаются ХИ 64, 74, 81, 116, 120–121, 129–130, 143–144, 160, 264, 269, 311, 343, 358, 394, 429, 517, 548, 602, 674, 687.

Кластер С малочисленное предшествующего. Тем не менее его можно разделить на подкластеры С1 и 2 (для мужской группы – и С3). Для него характерны типичные индикаторы среднесарматской АК. Так в погребениях фазы С1 сочетаются сарматские бронзовые котлы типа Демиденко-6 и кубки с ручкой в виде птицы (ХИ 171, 176); импортные сковородки «Айлесфорд» и кружки «Идрия», патеры «Хагенов» (ХИ 177–178, 191); стеклянные скифосы типов I–III по И.П.Засецкой и И.И.Марченко и канфары (ХИ 154, 193–194). Характерны железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел типов 2В-Г, 3В (ХИ 282–283, 288); мечи типа 1.3.3Б (ХИ 348); детали панцирей типов 1.2.В и 1.4.А (ХИ 373, 375); псалми типа III.2.2 (ХИ 389); золотые полихромные накладки на лопасти ножен парадных кинжалов (ХИ 412); золотые дисковидные бляшки и лунницы типов 1.А.1.1.1, 1.А.1.1.4.3 и 1.Б.1.1.1.1 (ХИ 507–508, 515); серьги типа 1.3.1 (ХИ 528); браслеты типов 1.7 и 2.3.3 (ХИ 549, 554); броши типа 2.2 (ХИ 575); пряжки типа 1.2.1.5 (ХИ 613); копоушки (ХИ 703); курильницы типа 9.В-Д (ХИ 727); культовые жезлы (ХИ 740); подвески из кабаньих клыков (ХИ 748); в наборе атрибутов культа – мелкозвенчатые цепи, жертвенные ножи и каменные топоры (ХИ 749–751). Выбыли ХИ 72, 75–76, 79–80, 101–104, 107–108, 110–111, 118–119, 121–123, 125–127, 132–134, 142, 144, 255, 262–263, 268, 295, 319, 359, 364, 370, 436, 469, 497, 525, 530, 564, 574, 661, 670, 674, 743–745.

Для фазы С2 характерно появление сероглиняных мисок типа 2.34 (ХИ 113); гагатовых бус типа 84 (ХИ 488); золотых бляшек в виде шестилепестковых розеток и зигзагов типов 1.Е.2.1.2 и 1.И.1.2 (ХИ 518, 521); золотых гривен типа 1.2 (ХИ 558); пружинных брошей с объёмными фигурками группы 5 по А.К.Амброзу (ХИ 579); бронзовых зеркал-подвесок типа 13.10 (ХИ 692) и культовых треножников (ХИ 741). Более не встречаются ХИ 119, 135, 155, 169, 177–178, 194, 277, 352, 375, 389, 409, 527, 573, 740.

Выделение фазы С3 основано на появлении в мужских погребениях первых экземпляров итальянских котелков типа «Дебелт» (ХИ 190); железных трёхлопастных черешковых наконечников стрел типа 2А (ХИ 280); «боспорских» мечей типа 1.4.5.1.А (ХИ 362) и наборов панцирных пластин типа 1.4.Б (ХИ 376). Выбывают ХИ 191, 282–283, 288, 348, 507, 751.

Кластер D удалось разбить на 3 подкластера или фазы (D1–3). Фаза D1 выделяется за счёт ХИ, характерных для конца среднесарматского, всего позднесарматского и второй фазы позднемеотского периода. К числу первых относятся светлоглиняные амфоры типа Шелов-С (ХИ 152); котлы Демиденко-6 (ХИ 171) и зеркала типа 14.10 (ХИ 693). Меотскими

можно считать сероглиняные кружальные биконические сосудики типа 45 (ХИ 84). Характерны также находки сильнопрофилированных фибул вариантов 1.1 и 1.2, фибул с завитком на конце приёмника варианта 3 и лучковых подвижных варианта 1.3 (ХИ 580–581, 586, 591). Типичными находками являются также железные пряжки типа 1.2.1.2.1 и пряжки из цветных металлов типов 2.1.1.1, 2.2.2.1.2 и 2.2.2.6 (ХИ 609, 616, 630, 636). Одновременно исчезают ХИ 154, 170–171, 176, 193–194, 287, 373, 439, 474, 496, 507–508, 515, 518, 521, 528, 549, 554, 558, 575–576, 579, 691, 703, 727, 743, 748–750.

В керамическом наборе фазы D2 популярны лепные горшки типов 128–130, лепные кувшины типа 41, кружки типа 61, сероглиняные кувшины типа 49, плоскодонные сероглиняные миски типов 2.36, 2.40, 3.53 и 3.55 (ХИ 32, 60–61, 93, 114–115, 117–118). Появляются железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типа 2Б (ХИ 281). Обычными деталями костюма стали стеклянные четырнадцатигранные бусы, гагатовые типа 107В и янтарные типа 21 (ХИ 434, 490, 495), сильнопрофилированные фибулы варианта Амброз-2.2, лучковые двучленные с расширенной ножкой варианта 3.1 и лучковые арбалетные (ХИ 583, 594, 599), пряжки из цветных металлов типов 2.2.1.9 и 2.2.2.1.5 (ХИ 627–628, 631); поясные наконечники типа 1.5.2 либо 2.2.1 (ХИ 643, 649), подвески-лунницы и проволочные с четырнадцатигранной бусиной (ХИ 654–655). Зеркала с боковой ручкой типа 14.10 сменяются зеркалами 14.11 (ХИ 694). Популярными становятся погребения в основных подкурганых катакомбах Т-образной планировки (ХИ 11). Перестают встречаться ХИ 109, 113, 171, 182, 188, 276, 315, 396, 412, 488, 607, 692.

В погребениях последней фазы D3–4 к числу новых ХИ можно отнести костяные наконечники стрел типа П.2 (ХИ 297); мечи типа 1.3.6.Б, 1.4.5.2.А, 1.5 (ХИ 354, 366, 369); наборы панцирных пластин типа 1.2.Г (ХИ 374). Распространяются лепные горшки типов 89/90 и 123/125, лепные кувшины типов 31, ангобированные кувшины типа 2 (ХИ 27, 59, 164). К числу новых ХИ также можно отнести стеклянные полихромные бусы типа 259А (ХИ 457); серьги, украшенные четырнадцатигранной бусиной (ХИ 536); пряжки типов 2.2.1.2.2, 2.2.1.7.1, 2.2.2.3.1, 2.3.3 (ХИ 610, 623, 635, 638); поясные наконечники типа 1.4.1 (ХИ 641); малые лучковые одночленные фибулы с обмотанной спинкой (ХИ 600), туалетные ложечки-цедилки (ХИ 702) и курильницы типа Смирнов-8 (ХИ 725). Вышли из употребления ХИ 32, 61, 93, 114, 115, 118, 190, 280, 362, 376, 397, 495, 549, 580–581, 591, 609, 628, 636, 654–655, 693.

Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра. Периодизация сарматских древностей этого региона детально разрабатывалась в работах В.А. Костенко и А.В. Симоненко [594; 1022]. Комплексы, относящиеся к начальному этапу проникновения сарматов в Скифию, специально рассматривались К.Ф. Смирновым и С.В. Полиным [908; 1103]. Исследователи, как правило, использовали метод «узких дат», об опасности применения которого в отрыве от иных упомянуто выше. А.В. Симоненко пишет об использовании им корреляционного метода [1022, С.134], однако корреляционные таблицы им не приведены.

По результатам же его работы можно высказать определённые претензии. Выделяя группу наиболее ранних, по его мнению, сарматских комплексов в Северном Причерноморье А.В. Симоненко не учёл один из основополагающих археологических критериев миграции: наличия в первых комплексах мигрантов на новой территории набора элементов материальной культуры, характерного для исходной территории миграции. В результате, по его мнению, сарматы, переселившиеся с Востока в степи Причерноморья, принесли с собой кельтские фибулы, греческие бусы и зеркала Хазанов-6, характерные для среднесарматской АК. Погребения же с раннесарматскими мечами, зеркалами и керамикой, орнаментированной «полотенцами», отнесены к тому же горизонту, но получают более поздними. Другим серьёзным упущением является подгонка археологических реалий под исторические реконструкции исследователя. Неоднократно неоправданно омолаживались комплексы с импортными изделиями. Наиболее наглядно сие выразилось в ходе дискуссии по датировке Ногайчинского кургана на V Сарматской конференции, когда выразительный комплекс кон. I в. до н.э. А.В. Симоненко пытался отнести к кон. I в.н.э.

Всё это привело к необходимости разработки новой схемы периодизации сарматских памятников Северного Причерноморья, причём отдельно рассматривались памятники, расположенные к Востоку и к Западу от Днепра [206]. В данном исследовании приводится подробная расшифровка опубликованных ранее корреляционных таблиц. Итак, для Днепро-Донского междуречья мы располагали информацией о 605 погребённых. Из них 187 учтены в итоговых корреляционных таблицах [Таб. 63а-б]. Материалы мужской колонки позволяют выделить 5 кластеров (А – Е). На материалах женских погребений горизонт, соответствующий кластеру А, отсутствует, а древности кластеров D и E расчленить весьма сложно, в результате чего выделена подфаза D – E.

Период А по набору ХИ близок древностям периода В Волго-Донской шкалы. Для него также характерно сочетание элементов «скифской триады» с некоторыми предметами вооружения синдо-меотских типов. К первым можно отнести литые бронзовые котлы Демиденко-1.1 (ХИ 169); золотые обивки деревянных чаш (ХИ 192); бронзовые литые втульчатые трёхлопастные и костяные наконечники стрел типа 4.1 (ХИ 205, 298); акинаки (ХИ 323); панцирные наборы типа 1.2.А (ХИ 372). Вторые представлены характерными мечами типа 1.4.1 (ХИ 357); железными втульчатыми трёхгранными наконечниками стрел (ХИ 267); наконечниками копий типа 2.1.А (ХИ 312). Кроме того, к числу ХИ данного периода относятся железные черешковые четырёхгранные наконечники стрел (ХИ 295). Только для него характерны погребения в дромосных могилах (ХИ 8). Единичными экземплярами представлены ХИ следующей эпохи: копье типа 2.2.А и бронзовая кольцевидная пряжка с неподвижным фиксатором типа 2.1.1.1 (ХИ 314, 616).

Погребения данного периода сосуществуют с памятниками скифской АК, составляющими основную массу древностей в рассматриваемом регионе в VII–IV вв. до н.э. и прекращающими существование в нач. III в. до н.э. Следует отметить наличие hiatus между периодами А и В в развитии сарматской АК в регионе, на протяжении которого отсутствуют и скифские древности, кроме Ак-Ташского некрополя в Крыму и Каменского городища на Днепре.

Период В фактически не имеет общих ХИ с предшествующим. Материалы более репрезентативной женской колонки позволяют выделить в его пределах 4 фазы.

Фаза В1 характеризуется появлением комплексов, содержащих красноглиняные боспорские кувшины и веретенообразные унгентарии (ХИ 129, 158); железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типов 2Д и 3В (ХИ 284, 287); мечи типов 1.3.2.1.Б-В и 1.3.3.Б (ХИ 340, 348); бусы из полихромного стекла типа 615 и из сердолика типа 3Б (ХИ 460, 474); в одном случае – фибула среднелатенской схемы, чаще – воинские подгруппы 2 варианта 5 и броши типа 3 (ХИ 564, 566, 576); зеркала типа 8.7 (ХИ 687); курильницы типа 5 с дырчатыми стенками (ХИ 722). Более не встречаются ХИ 8, 169, 192, 295, 298, 323, 357, 372.

В погребениях фазы В2 широкое распространение получили погребения в решётчатых гробах (ХИ 13); лепные горшки типов 37–40 и 44/45 (ХИ 20, 23); круглодонные краснолаковые чаши (ХИ 156); стеклянные одноцветные типов 15, 17, 163 и 171, полихромные типа Алексеева-197

и сердоликовые типа 2 (ХИ 418–419, 436, 439, 453, 473). Широко распространились среднелатенские фибулы и лучковые подвязные варианта 1.1 (ХИ 564, 590); пряжки типа 1.2.1.3.3 (ХИ 611) и зеркала типа 1.0 (ХИ 661). Вышли из употребления ХИ 158, 205, 267, 284, 312, 460, 576, 616, 687, 722.

Для погребений фазы В3 характерно появление краснолаковых чаш на кольцевидном поддоне (ХИ 157); мечей типа 1.4.6 (ХИ 368); железных однокольчатых удил с псалиями типа 3.1.4 (ХИ 386); конских налобников с крючком на конце типа 2.А (ХИ 404); наборов фаларов типа Мордвинцева-2 (ХИ 409). Распространились стеклянные полихромные бусы типа Алексеева-190 (ХИ 451); серьги с застёжкой-петелькой типа 1.8.2 (ХИ 534) и зеркала типа 8.0 (ХИ 683). В погребениях этого времени уже отсутствуют ХИ 129, 340, 419, 474, 564, 566.

Выделение фазы В4 основано на появлении первых диагональных погребений (ХИ 10); кружальных сероглиняных кувшинов типа 52 (ХИ 95); круглодонных котелков из листовой бронзы (ХИ 179); мечей типа 1.4.4.1 (ХИ 360). В женских погребениях распространяются бусы одноцветные типов 20 и 86 и полихромные типа 32 (ХИ 420, 428, 446). Зафиксировано появление китайских восьмиарочных зеркал со специальной лентой для надписи (ХИ 697). Выбывают ХИ 20, 23, 156, 314, 386, 404, 409, 418, 564, 661

Следующий период С отчётливо отделяется от предшествующего на материалах мужских погребений и менее уверенно – для женской хронологической колонки. В рамках периода С можно выделить две фазы (С1-С2). При этом материалы женских погребений позволяют разделить каждую из фаз на подфазы (С1а-б и С2а-б).

Фаза С1 характеризуется распространением мужских диагональных погребений (ХИ 10); орнаментированных «полотенцами» плоскодонных горшков (ХИ 64); сероглиняных кружальных кувшинов типа 20 (ХИ 88); красноглиняных кувшинов типа V по Вязьмитиной и мисок типа 1Е (ХИ 137, 141); краснолаковых кружек-кувшинчиков типа Гросу-К32 (ХИ 162); бронзовых котлов типов Демиденко-11–13 (ХИ 174); итальяйских бронзовых тазов типа Эггерс-99/100 (ХИ 182); стеклянных бальзамариев типа III по Куниной и Сорокиной (ХИ 196). В мужских погребениях появляются железные черешковыетрёхлопастные наконечники стрел типов 1Б и Г, 2Б и В, 3В и Г (ХИ 272, 274, 281–282, 287–288); в женских – стеклянные одноцветные четырнадцатигранные бусы (ХИ 434); золотых ромбических и тамгообразных бляшек типов 1.А.1.6.1, 1.Ж.1.3.4 и 1.Ж.1.4.6 (ХИ 513, 519–520); проволочных несомкнутых браслетов типа 1.3 и спиральных

типа 1.6.4 (ХИ 545, 548), брошей серии I типов 1–2 (ХИ 571); пружинных фибул с кнопкой на конце приёмника варианта 3 и лебяжьинских 15 серии типа 6 варианта 2 (ХИ 584, 596); железных круглорамчатых пряжек с подвижным язычком типа 1.2.1.1.2 (ХИ 605); украшений в «бирюзово-золотом» стиле (ХИ 658). В женской субкультуре широко распространились зеркала типов 13.7 и 13.10 (ХИ 691–692); фиксируются золотые полихромные флаконы группы I по К.М. Скалон (ХИ 700); парные курильницы-стаканы типа I (ХИ 715) и ложечки типа 2.2.2.Б (ХИ 739). В них отсутствуют ХИ 13, 19, 182, 287, 360, 368, 551, 584–585, 611, 728.

Выделение фазы С2 основано на распространении в мужских погребениях бронзовых котлов Демиденко-6 и 11–13, тазов типа Эггерс-96 или 99/100 (ХИ 171, 174, 181–182); железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел типов 1В, 2Г и Е, 3Д (ХИ 273, 283, 285, 289); кинжалов типа 1.3.3.В и мечей типа 1.4.5.1.А (ХИ 349, 362); сильнопрофилированных фибул с крючком для тетивы варианта 1.1, небольших фибул со слабо намеченной кнопкой на конце приёмника варианта 3 и лучковых варианта 1.4–5 (ХИ 580, 584, 593) и пряжек типа 1.2.1.1.1 (ХИ 604). Женский инвентарь пополнился меньшим количеством ХИ. Это лепные плоскодонные горшки типов 19 и 34 (ХИ 18–19) и пружинные фибулы с кнопкой на конце приёмника варианта 4Б (ХИ 585). Комплексы данной фазы уже не содержат ХИ 64, 88, 95, 141, 162, 174, 179, 196, 274, 281, 348, 513, 519–520, 548, 551, 571, 590, 596, 658, 683, 691, 697, 700, 715, 739. «Диагональные» погребения данной фазы содержали только мужские наборы инвентаря.

Погребения периода D отчётливо отделяются от предшествующих. В рамках данного периода можно выделить три фазы: D1–3.

Фаза D1 выделена по появлению в мужской субкультуре сероглиняных мисок типа 3.53 (ХИ 117); кинжалов типа 1.4.5.1.В (ХИ 365); удила с кольчатым трензелем типа 3.6.1 (ХИ 397); сильнопрофилированных фибул с крючком для тетивы варианта 1.2 (ХИ 581); бронзовых щитковых пряжек с подвижным язычком типа 2.2.2.1.1 (ХИ 629) и двусоставных шарнирных наконечников поясов типа 2.1.1. (ХИ 648). В женских погребениях начинают встречаться чернолощёные миски типа 2Т и горшочки типа 66 (ХИ 83, 86); лучковые одночленные фибулы варианта 1.3 (ХИ , 591); сильнопрофилированные фибулы и пряжки, аналогичные находкам из мужских погребений (ХИ 581, 629), и зеркальца-подвески типа 14.10 (ХИ 693). Наборы бус пополнились стеклянными одноцветными типов Алексеева-5, 13, 60, 62 66, 170, а также различными четырнадцатигранными (Алексеева-127–129, 131–135), стеклянными с металлической прокладкой типов 1Б и 3А, сердоликовыми типа 8 и гагатовыми типа 26

(ХИ 414, 417, 424–426, 434, 438, 467–468, 475, 485). Прекращается традиция совершения «диагональных» погребений (ХИ 10). Вышли из употребления ХИ 19, 171, 174, 181–182, 272, 282, 286, 545, 584–585, 605, 692, 728.

Комплексы фазы D2 отличает распространение в мужских захоронениях бронзовых тазов типа Эггерс-102 и котелков типа «Дебелт» (ХИ 183, 190); железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел типа IЖ (ХИ 279); наконечников копий типа 3.1 (ХИ 317); железных удил с псалиями типов 3.2.1 и 3.3.2 (ХИ 388, 392); языковых пряжек типов 1.2.1.1.4, 2.2.1.2.2, 2.2.1.5 и 2.2.2.1.7 (ХИ 608, 621–622, 632); поясных наконечников типа 1.5.3 (ХИ 644) и костяных черняховских гребней типа 3.2 (ХИ 706). Часть погребённых покоится в катакомбах Т-образной планировки (ХИ 11). В женских наборах инвентаря распространяются серьги типа 2.10 (ХИ 539); крученые гривны с замком типа 3.3 (ХИ 562); лучковые двучленные фибулы варианта 3.1 (ХИ 594) и зеркала типа 14.11 (ХИ 694). В моду вошли одноцветные бусы типа 54, полихромные типа 248, гагатовые типа 2Б (ХИ 423, 456, 482). Более не встречаются ХИ 18, 86, 580–581, 591, 604.

Фаза D3 выделяется, в основном, по выбыванию ХИ 83, 190, 273, 283, 285, 287–289, 349, 362, 388, 414, 417, 424, 426, 434, 438, 467–468, 485, 593, 629, 648, 693. В женских наборах инвентаря распространились янтарные бусы типа 11 (ХИ 494).

Небольшой кластер, иллюстрирующий фазу D4, объединил исключительно мужские погребения, в которых появляются прогнутые подвязные фибулы 16 серии 2 подгруппы варианта 3 (ХИ 601) и круглорамчатые «хоботковые» пряжки типа 2.2.1.7.3 (ХИ 625). Одновременно вышли из употребления ХИ 117, 183, 317, 365, 392, 397, 581, 608, 622, 629.

Памятники периода Е сменяются в Днепро-Донском междуречье гуннскими погребениями типа Старой Игрени, Новогригорьевки, Алешки и Марфовки.

Сарматские памятники междуречья Днепра и Дуная. Проблемой периодизации древностей данного региона занимались В.И. Гросу, А.В. Симоненко и А.Н. Дзиговский [354; 411; 1022]. Использование первым из исследователей исключительно метода узких дат и методические ошибки, допущенные вторым, позволяют нам вернуться к анализу хронологии сарматских памятников Днепро-Дунайского междуречья.

При работе над данным разделом было проанализировано около 480 наборов инвентаря. Из них 146 вошли в итоговые корреляционные таблицы [Таб. 64а–б]. Корреляция ХИ в комплексах позволила разбить

материал на 4 группы (А-D), которые можно считать хронологическими. При этом кластер, соответствующий периоду D выделяется только для мужской хронологической колонки. В рамках периода В выделены две фазы, а в рамках периода С – три. Ниже приводится характеристика каждой из выделенных групп.

Период А иллюстрируется немногочисленной группой из 13 погребений и «странных комплексов». Они содержат красноглиняные миски варианта 1Е (ХИ 141); бронзовые ситуты с овоидным корпусом (ХИ 180); железные втульчатые трёхлопастные наконечники стрел (ХИ 257); наконечники копий с ассиметрично-ромбическим пером типа III.1 (ХИ 317); шлемы «Монтефортино» (ХИ 370); железные удила с С-видными двудырчатыми или крестовидными псалиями типов 3.1.4 и 3.4.4 (ХИ 386, 395); бронзовые трочные пряжки типа 1.11 (ХИ 401); конские налобники типа 2А-Б (ХИ 404–405); Нашечные бляхи упряжи типа 2 (ХИ 406); плоские фалары с солярным орнаментом (ХИ 409). К числу остальных ХИ данного периода относятся фаянсовые пронизи в виде лежащего льва на постаменте (Алексеева-68Б) (ХИ 503); золотые круглые бляшки типа 1.А.1.1.5.3 (ХИ 509), стержневые браслеты типов 1.3 и 1.4 (ХИ 545–546); фибулы среднелатенской схемы и «воинские» с гладким корпусом и не украшенным приёмником (ХИ 564–565) и ведёрковидные подвески (ХИ 659). Погребения данного периода соседствуют с памятниками скифов Тираспольщины. Возможно, часть «странных комплексов» оставлена последними.

Погребения периода В гораздо многочисленнее, что иллюстрируют и корреляционные колонки (29 комплексов). Материалы женской подгруппы позволили выделить две фазы: В1 и В2. Рассматривая мужскую колонку, следует отметить, что практически все ХИ периода А вышли из употребления. Вместе с тем появляются итальяйские бронзовые тазы типа Эггерс-100 (ХИ 182); железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел (ХИ 270); короткие мечи и кинжалы типов 1.3.3.Б и В, длинные мечи типа 1.3.6.1.А (ХИ 348–349, 352); чешуйчатые панцири (ХИ 371); крупные нагрудные фалары (ХИ 410); сердоликовые бусы типа 125 (ХИ 481); стержневые браслеты типа 2.3.3 и пластинчатые типа 4.2 (ХИ 554, 557); фибула боев и сильнопрофилированные фибулы с крючком для тетивы варианта 1.1 (ХИ 568, 580); пряжки 1.2.1.1.3 (ХИ 607) и одночастные наконечники поясов типа 1.5.2 (ХИ 643). К данному периоду можно отнести появление сарматских (или сарматоидных) памятников на территории современной Болгарии: именно к периоду В относится набор ХИ из к.2 в Рошава Драгане.

Из набора ХИ женской колонки с началом периода В исключаются ХИ 509, 546, 564–565. При этом инвентарь погребений фазы В1 пополнился фаянсовыми бусами типа 9 (ХИ 499); крестовидными бляшками типа 1.Г.1.2.1 и 2.А.2.1.2.2 (ХИ 516, 523); стержневыми браслетами типа 2.2.2 (ХИ 551); фибулами «Аукисса» (ХИ 569); бронзовыми перстнями с овальным щитком (ХИ 656); зеркалами типов 1.0, 13.7 и римскими прямоугольными (ХИ 661, 691, 699). В набор посуды вошли бронзовые котелки Демиденко-11–13 (ХИ 174); ойнохои Эггерс-124 и ковши Эггерс-137 (ХИ 184–185); костяные цилиндрические пиксиды (ХИ 197), курильницы типов Смирнов-3 и 5.2 с дырчатыми стенками и Смирнов-8 (ХИ 717, 722, 725).

В захоронениях женщин фазы В2 появились сероглиняные кувшины типа 61 или 64 (ХИ 97); ковши Эггерс-144 (ХИ 187); браслеты типа 1.7 (ХИ 549) и сильнопрофилированные фибулы варианта 1.1 (ХИ 580). Вместе с тем вышли из моды ХИ 141, 174, 184–185, 197, 503, 516, 523, 545, 656, 659, 699, 722, 725. Не позднее данной фазы сарматские памятники появляются в Паннонии: набор ХИ из п. 17 в Шегед Фельшепушастер относится именно к данному кластеру.

Период С в корреляционных колонках представлен самой репрезентативной выборкой (100 комплексов). С его началом совпадает исчезновение из наборов инвентаря мужских погребений ХИ 182, 348, 371, 410, 481, 554, 557, 568, 580, 643. Женские погребения рассматриваемого периода уже не содержат ХИ 549, 569, 580, 691.

Погребения фазы С1 отличает от более ранних распространение лепных горшков с выделенным дном и с зацепами по венчику типов 84/85, 90/91 (ХИ 37); светлоглиняных амфор типа Шелов-С (ХИ 152); кинжалов типа 1.4.5.1.В (ХИ 365); удила с кольчатым трензелем типа 3.6.2 (ХИ 398) и фаянсовых бус типа 16Д (ХИ 501). Инвентарь женских погребений пополнили краснолаковые кувшины типа Гросу-32 (ХИ 162); височные кольца типа 1.8.2 (ХИ 534). Характерны бусы из одноцветного стекла типов 71–76, 116–120 или 122–124, 127–129 и 131–135, полихромные типа 192, сердоликовые типа 125, гагатовые типа 27А, янтарные типа 44, фаянсовые скарабеи (ХИ 427, 431, 434, 452, 481, 486, 496, 502).

Для фазы С2 характерно появление в мужских погребениях красноглиняных мисок типов 1Д и 3У (ХИ 140); светлоглиняных амфор типа Шелов-Д (ХИ 153); керамических крышек для горшков (ХИ 167); стеклянных кубков Айсингс-44 (ХИ 195); круглых золотых бляшек типа 1.А.1.1.5.4 (ХИ 510); лучковых одночленных фибул вариантов 1.4–5 и двучленных варианта 3.1 (ХИ 593–594); пряжек железных круглорамчатых язычковых типов 1.2.1.1.1–2 и бронзовых щитковых типов 2.2.2.1.2,

2.2.2.1.5, 2.2.2.1.12, 2.2.2.6, 2.3.1 и 2.3.3 (ХИ 604–605, 630–631, 634, 636–638); одностачных поясных наконечников типов 1.5.1, 1.7.1 и 1.9 (ХИ 642, 645, 647). В состав ХИ женской колонки вошли лепные горшки с выделенным дном и с защипами по венчику типов 84/85, 90/91 и крышки для них (ХИ 37, 167); светлоглиняные амфоры типа Шелов-С (ХИ 152); стержневые браслеты типа 2.3.3 (ХИ 554); железные фибулы типа Гросу-Ф8 (ХИ 570); застёжки-«бигуди» (ХИ 653) и зеркальца-подвески типа 14.10 (ХИ 693). Пополнился набор бус за счёт стеклянных одноцветных типа 249 и перламутровых типа 5 (ХИ 443, 504). В комплексах этой фазы отсутствуют ХИ 97, 187, 352, 522, 551, 607, 717.

Фаза С3 выделена по распространению в женских погребениях краснолаковых кружек-кувшинчиков типа Гросу-32 (ХИ 162); меловых бус типа 7 (ХИ 505) и двучленных лучковых фибул типа 3.1 (ХИ 594). Одновременно широко распространяются ХИ 504 и 570, появившиеся в фазе С2. Перестали употребляться ХИ 431 434, 452, 481, 486, 496, 499, 502, 534, 661.

Период D выделен на материале четырёх мужских наборов инвентаря. Его специфику определяет появление ХИ, характерных уже для культуры гуннов. К ним относятся хоботковые пряжки типа 2.2.1.7.1 (ХИ 623) и удила с псалиями типа 3.6.3 с полихромными зажимами на трензелях (ХИ XIII). Синхронно немногочисленным комплексам данного периода в регионе распространяются гуннские памятники типа Кубей к.8 п.2, Концешты и др.

3. СИНХРОНИЗАЦИЯ КОЛОНОК РЕГИОНАЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Наблюдения за эволюцией материальной культуры савромато-сарматов в различных регионах позволяют перейти к следующей фазе работы по уточнению её периодизации и хронологии: синхронизации выделенных хронологических групп и выявлению горизонтальных секвенций [Таб. 65].

Горизонт А. В погребениях фазы А1 Уральской шкалы, А1 Заволжской и периода А для Задонья [Карта 1] встречаются бронзовые литые наконечники стрел типов Смирнов- 1.1, 1.2, 2.1, 2.2; «сибирские» литые зеркала с бортиком по краю диска и центральной ручкой типа 5.11–12 и ольвийские с каннелированной ручкой с зооморфным окончанием; каменные алтарики с четырьмя ножками (ХИ 198, 199, 206, 207, 679, 695 и 708).

В Заволжье и Приуралье большая часть погребений совершена под индивидуальными насыпями (ХИ 1). В целом данный горизонт характеризуется инвентарём архаического скифского облика. По месту максимальной концентрации комплексов этого горизонта его можно назвать Новоалександровским или Савроматским I.

Горизонт В характеризуется развитой «скифской триадой», с которой в финале данного горизонта начинают сочетаться элементы следующего периода. Комплексы, относящиеся к данному горизонту, по-прежнему фиксируются в Приуралье (фазы А2–4), Заволжье (фазы А2–3), Задонье (период В), на правом берегу Дона (период А). При этом в рамках данного хронологического пласта можно выделить отдельные фазы.

Фаза В1 характеризуется распространением в кочевом мире Приуралья (фазы А2–3), Заволжья (фазы А2–3) и Задонья (подфазы В1–2) [Карта 2] лепных плоскодонных горшков типов 34, 128–130; горшков с выделенным дном типа 28 и горшков с трубчатым носиком-сливом; бронзовых литых втульчатых наконечников стрел типов 2.6, 3.3 и 4 массивных, 3.11; железных втульчатых типов 2В; 3Б и костяных типа IV.1 лёгких; наконечников копий типа II.1.Б и зеркал типа 1.1 (ХИ 19, 32, 40, 55, 215, 230, 233, 243, 261, 266, 298, 313, 663). Сохранили популярность бронзовые литые втульчатые наконечники стрел типов 1.1, 3.5А и В и акинаки типов 1.1.2, 1.1.4 и 5. Многие изделия декорированы в «зверином» стиле, причём доминируют изображения хищных птиц и клыкастых хищников.

Для фазы В2 характерно сочетание на всех исследуемых территориях классической «скифской триады» с элементами, характеризующими следующий горизонт. К первой относятся литые бронзовые котлы типа Демидко-5.1–3, акинаки типа 1.5, бронзовые литые втульчатые наконечники стрел типов 2.13 и 3.16, железные псалии типа III.1.4 и раковины Gr1feа (ХИ 170, 226, 249, 327, 386, 746). Элементами нарождающейся раннесарматской АК являются мечи типа 1.2.1, бусы из коралла типа 9 и стеклянные одноцветные типа 5 (ХИ 333, 414, 472), одиночные находки железных черешковых наконечников стрел. В Задонье и Заволжье приобрели популярность железные втульчатые трёхлопастные наконечники стрел. Данный круг новаций характерен для уральских памятников фазы А4, заволжских фазы В1 и комплексов Волго-Донского междуречья подфазы В3 и, частично, В4 [Карта 3].

В рассматриваемом массиве имеется ряд особенностей, отличающих его от памятников скифов Причерноморья и саков Средней Азии и Казахстана. В скифских памятниках отсутствуют лепные горшки со сливом, известные в Задонье-Приуралье, бронзовые черешковые трёхлопастные

наконечники стрел, погребения в деревянных гробницах на древнем горизонте. В свою очередь, клинковое оружие, упряжь и зеркала из комплексов Задонья-Приуралья рассматриваемой эпохи не находят аналогий в сакских и тасмолинских памятниках. Уже отмечалось, что к числу любимых персонажей мифологического бестиария кочевников донских, заволжских и уральских степей относятся хищная птица и волк. Скифы и саки чаще изображали копытных животных: оленя, коня, архара, а из хищников – пантеру или барса [200; 1206, С.190, сн. 107]. Классическим образцом для данного горизонта эпохи его расцвета можно считать комплекс кургана А12 у с. Блюменфельд (Цветочное). Мы считаем возможным называть данный этап Блюменфельдским или Савроматским II.

Горизонт С зародился в степях Южного Урала, откуда характерные ХИ распространялись на запад, юг и восток. Наиболее яркие находки данного горизонта впервые были найдены в 1916 г. в Оренбуржье и мы присоединяемся к традиционному его названию – Раннесарматский или Прохоровский.

Начальная фаза (C1) данного периода фиксируется не только в Приуралье – Задонье, но и в степном Предкавказье и междуречье Дона и Северского Донца. Она синхронна последней фазе Савроматского горизонта (А4-В1 в Приуралье, В1 в Заволжье, В4 в Задонье, А в Предкавказье и А в Днепро-Донском междуречье) [Карта 3]. Отдельные ХИ и комплексы представлены в Средней Азии. В число «сквозных» индикаторов данной фазы входят раннесарматские мечи «переходного» типа 1.2.1, собственно-раннесарматские типов 1.3.1 и 1.3.2, синдо-меотские типа 1.4.1(ХИ 333, 337, 340, 357); столь же интернациональны железные втульчатые трёхлопастные, трёхлопастные и трёхгранные черешковые наконечники стрел (ХИ 265, 273, 287–288, 293, 294). С ними могут встречаться бронзовые трёхлопастные или трёхгранные наконечники типов 2.6, 2.10–12, 3.8, 3.14 и 3.16 (ХИ 215, 220, 222–223, 240, 247). Характерны наконечники копий типов II.1.А или 2.II.А и дротики типа 4 (ХИ 312, 314, 321); панцирные наборы типа 1.2.А (ХИ 372). Популярны в Приуралье и встречены в Заволжье, Задонье и Прикубанье лепные круглодонные горшки (ХИ 48, 50, 55) и плоскодонные типов 128–130 (ХИ 32). Повсеместно встречаются стеклянные одноцветные бусы типа 193д и полихромные типа 276 (ХИ 440, 458). В Заволжье и Задонье встречаются коралловые подвески типа 9 и гагатовые типа 27а (ХИ 472, 486), а в Приуралье и Заволжье золотые бляшки типа 1.А.1.1.4.3 (ХИ 508). Обычной деталью костюма стали небольшие железные кольцевидные пряжки с неподвижным фиксатором либо с язычком (ХИ 602, 604). Популярны

зеркала типов 1.1, 1.13, 8.0, 8.5, 10.3–12.3 (ХИ 663, 669, 683, 686, 690), костяные гребни типа 1 (ХИ 704) и ложечки типов 2.1.2 и 2.2.2 (ХИ 735, 737). Появляются «молоточки» из сланца (ХИ 742). Всё ещё встречаются котлы типов Демиденко-1.1 и 5.1–3, золотые обкладки деревянных сосудов, акинаки типа 1.1.7, ворворки типа 2.2, железные браслеты типа 2.3.1, раковины Grifea и костяные проколки типа 2 (ХИ 169–170, 192, 330, 381, 552, 746, 757). Погребения либо основные под курганами либо впущены в курганы-кладбища (ХИ 3–4). Повсеместно фиксируются погребения в дромосных могилах, в Приуралье – диагональные погребения, там же и в Задонье – женские погребения с оружием (ХИ 8, 10, 15).

Памятники, характеризующие фазу С2 данного горизонта, представлены значительной выборкой в Приуралье (фаза В2а), небольшой серией комплексов в Заволжье (подфазы В2а-б) и немногочисленными находками в Задонье, Предкавказье и междуречье Дона и Донца [Карта 4]. Синхронны этой фазе и изображения на статуях ритуального комплекса Байте на Устьюрте и ряд ХИ из могильников на Узбое. Могильники данной фазы формируются в основном курганами-кладбищами, содержащими в среднем по 10–11 погребений (ХИ 4). В них могут встречаться круглодонные горшки типов 68–69, (ХИ 50), первые плоскодонные горшки и кувшины, орнаментированные «полотенцами» (ХИ 64, 73); наборы бронзовых и железных втульчатых трёхлопастных или трёхгранных наконечников стрел (ХИ 226, 249, 263–264). Популярны мечи типов 1.3.2.1.Б, 1.3.2.2, 1.3.3.Б-В, 1.3.4 (ХИ 340, 343, 346, 348–350), распространяются железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел (ХИ 274, 277–278, 283–284, 286–288). Характерными ХИ являются стеклянные одноцветные бусы типа 166, коралловые типа 9, гагатовые типа 27а; золотые бляшки типа 1.А.1.1.4.3; серьги типа 1.3.1; зеркала типов 8.5 и 7. (ХИ 437, 472, 486, 508, 528, 686–687). Обычной деталью костюма для данной фазы являются железные пряжки типа 1.1.1 бронзовые типа 2.1.1–2 и неметаллические типа 3.1.1 (ХИ 602, 617, 639). Популярны гребни типа 1, костяные проколки типа 1 (ХИ 704, 756). Появляются курильницы типов VII.1 и VIII (ХИ 724–725). По-прежнему встречаются сланцевые «молоточки» (ХИ 742), в Приуралье – диагональные погребения, в Заволжье – котлы типа Демиденко-1.1 (ХИ 10, 169).

Фаза С3 вновь представлена от Южного Урала до Предкавказья и Дона. В Приуралье это памятники фазы В2b, в Заволжье – В3, в Задонье – фазы С1–2, в Предкавказье – В1–2. С финалом данной фазы синхронизируются и сарматские памятники фазы В1 из Днепро-Донского междуречья [Карта 5]. В единых пластах их позволяют объединить

находки появившихся ранее мечей и кинжалов типов 1.3.2.1.Б-В, 1.3.2.2, 1.3.3 и вновь изобретённых типов 1.3.2.3.Б-В и 1.3.6.1.А (ХИ 340–341, 343, 345–346, 348–349, 352); железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел типов 1В-Е, 2В-Д, 3Б-Д (ХИ 273–274, 277–278, 282–284, 286–289); а также втульчатых трёхлопастных типов 2Г-Е и втульчатых трёхгранных (ХИ 262–264, 267). Характерно использование чернолощённых кувшинов и горшков, декорированных «полотенцами» (ХИ 64, 73–74), бронзовых и железных кольцевидных пряжек с неподвижным фиксатором (типы 1.1.1, 2.1.1–2) и прямоугольных ажурных типа 2.1.4 (обычно в прямоугольную рамку вписано изображение лежащего верблюда) в сочетании с железными кольцевидными с подвижным язычком типа 1.2.1.1.3 и неметаллическими восьмёрковидными типа 3.1.1 (ХИ 602, 607, 616–618, 639), зеркал типов 1.0, 8.7 (ХИ 661, 687), костяных наверший гребней типа 1 (ХИ 704), курильниц типов Смирнов- VII.1 и VIII (ХИ 724–725). Типичными ХИ являются котлы типов Демиденко-1.1 и 6 (ХИ 169, 171), бусы стеклянные одноцветные типов 103, 163, 166 и 171, коралловые типа 9 и гагатовые типа 27А (ХИ 429, 436–437, 439, 472, 486); бронзовые полусферические бляшки типа 1.1.1.1, серьги типа 1.3.1, браслеты типа 1.6.4, каменные «молоточки» и костяные проколки типа 1 (ХИ 525, 528, 548, 742, 756). В погребениях данной фазы могут встречаться круглодонные горшки типов 68–69 и железные трёхгранные черешковые наконечники стрел (ХИ 50, 293). В западных районах сарматского мира появляются красноглиняные боспорские кувшины, античные унгентарии и фибулы среднелатенской схемы (ХИ 129, 158, 564).

Для финала данного горизонта (фаза С4) можно отметить распространение плоскодонных горшков типа 37–40, сероглиняных мисок типа 3.55, боспорских кувшинов (ХИ 20, 118, 129), железных втульчатых наконечников стрел типа 2Г и черешковых типов 1В-Д, 2В-Д и 3 Б-Д (ХИ 262, 273–274, 277–278, 282–284, 286–289); копий типов II.2.А и III.1 (ХИ 314, 317); мечей и кинжалов типов 1.3.2.2, 1.3.2.3.Б-В, 1.3.3, 1.3.6.1 (ХИ 343, 345–346, 348–349, 352–353); кельтских шлемов типа «Монтефортино» (ХИ 370), бус стеклянных одноцветных типа 15, 163, 171 и гагатовых типа 27А (ХИ 418, 436, 439, 472, 486); серег с застёжкой-петелькой типа 1.8.2, среднелатенских фибул (ХИ 534, 564), железных круглорамчатых пряжек с подвижным язычком (ХИ 607), малых зеркал типов 1.0 и 8.0 (ХИ 661, 683), курильниц типа I (ХИ 714–715). В Волго-Донских степях из Приуралья появляются «диагональные» погребения (ХИ 10). В этих же регионах и Днепро-Донском междуречье зафиксированы единичные находки мечей «боспорского» типа 1.4.5.1, а на Урале первые наборы костяных

накладок для сложных луков (ХИ 306, 361). Появляются «пилотные» экземпляры зеркал типа 13.7 (ХИ 691). В Предкавказье и на Украине популярны железные бисигмовидные удила с С-видными псалиями, налобники-крючки типа 2А и наборы фаларов типа Мордвинцева-1 (ХИ 386, 404, 409). По-прежнему встречаются чернолощённые горшки с «полотенцами», котлы типа Демиденко-1.1, пряжки с неподвижным боковым фиксатором типов 1.1.1, 2.1.4 и 3.1.1; зеркала типа 8.7; гребни типа 1; курильницы типов VII.1 и VIII и костяные проколки типа 1 (ХИ 64, 169, 602, 618, 639, 687, 704, 724–725, 756). Этими особенностями обладают комплексы фазы В3а из Приуралья, В4 из Заволжья, С3 из Задонья, В3 из Предкавказья, В2–3 и С1а и из Днепро-Донского междуречья [Карта 6].

Горизонт D, существование которого подвергалось сомнению со стороны А.В.Симоненко, отчётливо выделяется почти на всех исследованных колонках относительной хронологии. Его иллюстрируют сарматские древности Урала фаз В3b-c, Заволжья периода С, Задонья периода D, Предкавказья периода С, Днепро-Донского междуречья периода С (кроме подфазы С1а) и Днепро-Дунайского междуречья периодов А и В. Ряд ХИ, относящихся к данному пласту, выявлен в кочевнических могильниках Средней Азии.

В погребениях, относящихся к фазе D1 данного горизонта, сочетаются красноглиняные миски типа 1Е (ХИ 141); бронзовые котлы типов Демиденко-6 и 11–13 (ХИ 171, 174); костяные накладки для «гуннского» лука (ХИ 306); мечи и кинжалы типов 1.4.5.1 (ХИ 361); золотые и серебряные фалары без вставок (ХИ 409); браслеты типа 1.3 и 2.3.3 (ХИ 545, 554); сильнопрофилированные фибулы типа 1.1 по А.К.Амброзу (ХИ 580). Популярны зеркала типа 13.7 (ХИ 691); курильницы Смирнов-1 и IX В-Д (ХИ 715, 727). В Заволжье и Днепро-Донском междуречье широко распространяются «диагональные» погребения (ХИ 10). Из прежних ХИ ещё встречаются кувшины, орнаментированные полотенцами, железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел типов 1В-Д, 2В-Д, 3Б-Д; мечи типов 1.3.2.3.Б-В 1.3.3.Б-В 1.3.6.1.А-Б; железные пряжки типа 1.1.1 (ХИ 64, 273–274, 277, 282–284, 286–289; 345, 348–349, 352–353, 602). Эти ХИ позволяют объединить в единую группу комплексы из Заволжья фазы С1, Задонья фазы D1, Предкавказья фазы С1, Днепро-Донского междуречья фазы С1а и Днепро-Дунайского междуречья периода А [Карта 6].

Для фазы D2 из ХИ, появившихся ранее, сохраняют популярность «диагональные погребения» (ХИ 10), котлы Демиденко-6 и 11–13 (ХИ 171, 174); наконечники стрел типов 1В, 2В-Г, 3Б-Д (ХИ 273, 282–283, 286–289); костяные накладки на сложный лук (ХИ 306); мечи типов 1.3.3.Б и В,

1.3.6.1.А, 1.4.5.1 (ХИ 348–349, 352, 361); браслеты типов 1.3 и 2.3.3 (ХИ 545, 554), сильнопрофилированные фибулы типа 1.1 (ХИ 580), зеркала типов 1.0 и 13.7 (ХИ 661, 691), курильницы Смирнов-I (ХИ 715). Другими «сквозными» индикаторами стали сероглиняные миски типа 1.12 (ХИ 109); итальяские бронзовые тазы Эггерс-99/100, котелки типа «Дебелт» (ХИ 182, 190); копья типа II.2.Б (ХИ 315); браслеты типов 1.7 и 2.2.2 (ХИ 549, 551); лучковые одночленные фибулы варианта 3 (ХИ 591); пряжки типов 1.2.1.1.1 и 1.2.1.1.3 (ХИ 604, 607); зеркала-подвески типа 13.10 (ХИ 692). Эти особенности отмечены в комплексах фаз С2–3 из Заволжья, фаз D2–3 из Задонья, фазы С2 из Предкавказья, фазы С2 из междуречья Дона и Днепра и периода В из Днепро-Дунайского междуречья [Карта 7].

В целом набор характеристик данного хронологического пласта вполне соответствует Среднесарматскому или Сусловскому этапу, выделявшемуся Б.Н. Граковым, К.Ф. Смирновым и М.Г. Мошковой.

Древности горизонта Е хорошо представлены во всех рассмотренных нами территориальных группах. В пределах данного хронологического пласта также удаётся выделить фазы, общие для всей сарматской АК.

Фаза Е1 выделена для погребений Приуралья фазы С1, Заволжья фазы D1, Задонья фазы Е1, Предкавказья периода D1, Днепро-Донского междуречья фазы D1 и Днепро-Дунайского междуречья фазы С1–2 [Карта 8]. В единый хроносрез их объединяет присутствие в составе погребально-го инвентаря лепных горшков с защипами по венчику типов 84/85, 90/91 (ХИ 37), плоскодонных сероглиняных мисок 1.12 и 3.53 (ХИ 109, 117); светлоглиняных амфор типа Шелов-С (ХИ 152); черешковых наконечников стрел типов 2Г и 3Д (ХИ 283, 289); костяных накладок для луков «гуннского» типа (ХИ 306); копий типа II.2.Б (ХИ 315); мечей и кинжалов типов 1.3.3.Б-В и 1.4.5.1.А-В (ХИ 348–349, 361–362, 365); удила с кольчатыми трензелями (ХИ 397–398); зеркал типов 13.10 и 14.10 (ХИ 692–693). Характерными деталями костюма стали бусы стеклянные одноцветные четырнадцатигранной формы и фигурные фаянсовые (обычно – скарабеи) (ХИ 434, 502); фибулы сильнопрофилированные вариантов 1-1 и 2 и лучковые одночленные вариантов 3 и 4 (ХИ 580–581, 591–593); пряжки типов 1.2.1.1.1, 1.2.1.1.3, 2.2.2.1–2, 2.2.2.1.5 (ХИ 604, 607, 629–631). Синхронизаторами для данной фазы являются также курильницы Смирнов-ХП (ХИ 731), культовые треножники (ХИ 741), железные пружинные ножницы для стрижки овец (ХИ 755). Сокращается количество «диагональных» погребений (ХИ 10).

Фаза Е2 представлена на всех исследованных региональных колонках относительной хронологии. К ней относятся памятники фазы С2–3 уральской шкалы, D2–3 заволжской, фазы Е2–3 из Задонья, фазы D2–4

кавказской колонки, фазы D2–3 из Днепро-Донского междуречья и фазы С3 из междуречья Днепра и Дуная [Карта 9]. Обычны находки приземистых лепных плоскодонных горшков типов 125–126 и 128–130; горшков с зашипами по венчику; сероглиняных мисок типов 3.53 и 3.55; светлоглиняных амфор типа Шелов-С и котелков типа «Дебелт» (ХИ 31–32, 37, 117–118, 152, 190). Комплекс вооружения сформировался ещё в предшествующей фазе: железные черешковые наконечники стрел типов 2А и Г, 3Д (ХИ 280, 283, 289); костяные накладки на сложный лук (ХИ 306); мечи типов 1.4.5.1.А-В и 1.4.5.2.А (ХИ 361, 365–366). К нему добавляются удила с кольчатыми трензелями и наконечники ремней упряжи типа Малашев-С2 (ХИ 397–398, 408); бусы стеклянные одноцветные четырнадцатигранные, янтарные типа 21, перламутровые типа 5 (ХИ 434, 495, 504); золотые бляшки типа 1.А.1.1.5.6 (ХИ 510); браслеты типа 1.7 (ХИ 549); фибулы сильнопрофилированные типов 1.2 и 2.2, с плоской треугольной спинкой и завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника вариантов 3 и 8, лучковые одночленные вариантов 3–5 и двучленные варианта 3.1 (ХИ 581, 583, 586–587, 591–594); пряжки типов 2.2.1.8, 2.2.2.1.1–2, 2.2.2.1.5, 2.2.2.1.7, 2.3.3 (ХИ 628–632, 638); поясные наконечники типов 1.5.1 и 3, 1.7.1, 2.1.1 (ХИ 642, 644–645, 648); подвески с четырнадцатигранными бусинами (ХИ 654); лунницы с завитыми концами (ХИ 655); зеркала типов 14.10 и 11 (ХИ 693–694); металлические флакончики IV группы по К.М.Скалон (ХИ 701); кубические курильницы типа Смирнов-ХП (ХИ 731) и пружинные ножницы (ХИ 755). Широко распространился обычай искусственной деформации черепа (ХИ 14). К западу от Волги обычны погребения в Т-образных в плане катакомбах (ХИ 11).

Завершающая фаза Е3 представлена в древностях фазы D4 Днепро-Донской шкалы хронологии и D Днепро-Дунайской колонки, отдельные комплексы из Предкавказья (фаза D3–4) и, частично, в финале фазы Е3 в Задонье [Карта 10]. Наиболее яркой характеристикой памятников данной фазы является появление деталей костюма либо конской упряжи, декорированных в стиле «Клазонне». К сквозным ХИ относятся мечи типа 1.4.5.2.А (ХИ 366); фибулы сильнопрофилированные типа 2.2, лучковые подвязные типа 3.1 и прогнутые подвязные 16 группы 2 подгруппы 3 варианта (ХИ 583, 594, 601); «хоботковые» пряжки типа 2.2.1.7.1, круглопроволочные сюльгамы типа 2.2.1.8, щитковые с прогнутым язычком типа 2.2.2.1.7 и безъязычковые типа 2.3.3 (ХИ 623, 627, 632, 638); поясные наконечники типа 1.5.3 (ХИ 644) и зеркала типа 14.11 (ХИ 694). Большинство погребений совершено в катакомбах разной конструкции (ХИ 11), реже – в подбоях.

Весь набор характеристик данного горизонта соответствует определению Позднесарматского этапа, данного Б.Н. Граковым и А.С. Скрипкиным и отличного от Среднесарматского. Памятники финальной фазы существуют в степи с ранними памятниками гуннской эпохи.

4. АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТОВ

Синхронизация савромато-сарматских древностей из различных регионов облегчает установление их абсолютной хронологии. Для каждого из выделенных горизонтов можно выделить набор комплексов, которые узко датируются по содержащимся в них импортным изделиям. При этом для горизонтов D и E такие импорты часто являются хронологическими индикаторами.

Горизонт А представлен, прежде всего, комплексами из междуречья Дона и Волги. Его «широкую» датировку позволяют определить наборы наконечников стрел, костяные колчаные застёжки и немногочисленные зеркала из женских погребений [Таб. 66].

Наборы литых двухлопастных бронзовых наконечников стрел с лавровидной головкой и выступающей либо потайной втулкой типов 1.1, 1.2, также как наконечники с овальной головкой типа 1.6, К.Ф. Смирнов относил к VII – первой пол. VI вв. до н.э. [1104, Таб. 12–13]. Наконечники стрел именно таких типов составили основу колчаных наборов Келермесского курганного могильника [304, Рис. 5, ^{20, 21, 26}; 9, ¹²; 1]. Последнее по всему комплексу находок, включающему импорты из Передней Азии, датированы в пределах середины-второй пол. VII в. до н.э. [303, С.100–105]. Фигурируют они и в наборе из Литого кургана [1345, Taf. 3, 1 A-B], найденном совместно с парадным акинаком, аналогичным находке из Келермесса [817, Рис.5].

Костяные грибовидные колчаные застёжки находят аналогии в Келермесских к.1/1904 г. и 24/1983 г. [303, Рис.2, ^{50, 77–78}; 304, Рис.6, ^{30–33}]. Аналогичные предметы встречены в кургане на Темир-Горе вместе с родоскопическим сосудом середины – третьей четв. VII в. до н.э. [817, С.18–19, Рис. 5, ¹¹; 7]. Можно согласиться с мнением Т.В. Рябковой, датирующей такие застёжки из Койсуга (к.5 п.3), Новоалександровки (к.7 п.8), Высочино VII (к.8 п.2) и Красногоровки III (к.13 п.5) в пределах VII в. до н.э. [304, С.20].

Типология и хронология скифских зеркал разработана Т.М. Кузнецовой [619]. Зеркала с литым диском, окаймлённым бортиком и центральной ручкой-петелькой (наш тип 5.11) выделены ею в тип I отдела I скифских зеркал и датированы в пределах VI в. до н.э. [619, С.35–36]. «Ольвийские» зеркала или «зеркала-патеры» с литым диском с вертикальным бортиком по краю и боковой ручкой, украшенной на конце фигуркой барса либо бараньей головкой, отнесены к типам I и III группы I отдела II второго класса и датированы VI в. до н.э. [619, С.39–40; 607, С.131–133]. Экземпляры с литым диском, окружённым вертикальным бортиком с центральной ручкой в виде бляшки, прикрепленной к двум вертикальным столбикам Т.М. Кузнецова предлагает считать зеркалами-фиалами и также датировать VI в. до н.э. [621, С.129–131]. Последние входили в состав инвентаря к.4 п.10 Крепинского, к.10 Аксёновского, к.10 п.8 из х. Шульц, к.2 у пос. Целинного и к.18/71 Ново-Кумакского могильника. «Ольвийские» «зеркала-патеры» обнаружены в к.10 Аксёновского могильника, Улан Эрге (случайная находка, 1904 г.), п.6 у пос. Комсомольского, к.1 (Елга) у с. Преображенка и у с. Андреевка. «Зеркала-фиалы» были найдены в Сусловском могильнике (к.26), Шахматовке и к.4 п. 17 группы Кривая Лука IX [621, С.131, Рис. 3В-Г]. М.А. Очир-Горяева относит комплекс из к.10 Аксёновского могильника, содержавшего зеркала обоих рассматриваемых типов, к более позднему времени. Основанием этому служат найденные с ними плоские овальные голубые бусы с двумя глазками, разделенными полосой (тип 627), характерные для уральских комплексов конца VI – V вв. до н.э. [1237, С.151]. Однако до сих пор не выяснено, откуда такие бусы попадали к носителям савроматской АК. Не зная центра производства, мы не можем точно говорить и о времени бытования украшений данного типа. Уральские комплексы с такими бусами, как будет показано ниже, как правило, не содержат импортов, позволяющих уточнить их датировку. Совместная же находка с одной из них в Задонье сразу двух надёжных индикаторов VI в. до н.э. и радиоуглеродная датировка футляра зеркала «ольвийского» типа [459, С.131] позволяет говорить о появлении бус типа 627 уже в течение данного столетия. Интересно, что оба наиболее распространённых в погребениях данного горизонта типа зеркал не заходят в VII в. до н.э., в отличие от колчаных наборов из мужских погребений.

Таким образом, материалы мужских погребений позволяют отнести сложение горизонта А к середине – второй половине VII в. до н.э., а зеркала из женских – распространить его рамки и на VI в. до н.э.

Датировку древностей горизонта А в пределах второй пол. VII – VI вв. до н.э. позволяют уточнить находки импортной керамики в курганах

Задонья [Таб. 66; Карта 11]. В п.5 к.14 из группы Красногоровка III обнаружены две архаические амфоры – хиосская и самосская и сероглиняная ойнохоя, которые могли попасть в один комплекс в кон. VII – нач. VI вв. до н.э. [767, С.34–37, Таб. 2]. Из к.2 п.10 у с. Бушуйка происходит красноглиняная амфора на кольцевидном поддоне, покрытая жёлтым ангобом и расписанная красным лаком. К.К. Марченко предложил датировать её около сер. VI в. до н.э. и отнёс к изделиям североионийского круга [230, С.193, Рис. 6, ₂₀]. Близкая по пропорциям амфора с несколько иной схемой росписи найдена в к.3 п.3 могильника Аксай-I [421, Рис. 5, 1]. Роспись на ней также нанесена на слой желтоватого ангоба. Авторы раскопок отнесли её к середине – второй пол. VI в. до н.э. Амфора из коричневой глины с пухлым венчиком, широким округлым корпусом, на кольцевидном поддоне с овальными в сечении ручками входила в состав инвентаря п.8 к.7 из Новоалександровки [585, С.157, Рис.8; 672, Рис. 24, 12]. Первоначально И.Б. Брашинский отнёс её к сер. – второй пол. VI в. до н.э. [585, С.157]. Вместе с тем, находка из Новоалександровки близка амфоре из к.14 из Красногоровки III, отличаясь от неё отсутствием росписи. Ещё ближе ей материалы милетского производства из колодца №5 с о-ва Березань, относящиеся к 540–530 м гг. до н.э. [767, С.46–54, Рис. 4, ₁₋₃]. Таким образом, античная керамическая тара из погребений горизонта А относится к кон. VII – третьей четв. VI вв. до н.э. Это не противоречит датировке остальных находок, относящихся к данному хронологическому срезу и позволяет конкретизировать его временные пределы.

Материалы горизонта В распались на две фазы. При этом, в пределах каждой из них вновь можно найти комплексы, узко датированные по импортным изделиям, позволяющие ограничить рамки каждой фазы [Таб. 67–68].

Для датировки комплексов фазы В1 [Карта 12] важны материалы Елисаветовского могильника. Курганы 15/1966 и 30/1967 содержали в наборе с акинаками типов 1.5 и 1.4 и наконечниками копий типа II.1 хиосские пухлогорлые амфоры второй четв. V в. до н.э. [250, С.60, Рис. 22; 251, С.107; 253, С.114–115, Рис. 44, 1–5]. Датировка к.15/1966 подкрепляется находкой чернолакового килика второй четв. V в. до н.э. [251, С.126]. В к.40 с акинаком типа 1.5 также найдена хиосская амфора второй четв. V в. до н.э. [577, С.24, Рис.1, 2; 251, С.107]. Датировку п.2 к.28/1967 с аналогичным мечом определяет наличие амфоры Менды последней четв. V в. до н.э. и чернолакового килика третьей четв. V в. до н.э. [577, С.26, Рис.1, 3; 251, С.111, 127]. В к.41 акинак типа 1.5 встречен в сочетании

с хиосской амфорой середины – третьей четв. V в. до н.э. и чернолаковым аттическим киликом кон. первой – нач. второй четв. V в. до н.э. [577, С.26, Рис.1, 2; 251, С.108, 126]. Комплекс к.17/1966, содержавшего акинак типа 1.4 включает и фасосскую амфору третьей четв. V в. до н.э. [577, С.27; 251, С.109]. Аналогичный меч обнаружен в к.39/1975 вместе с чернолаковым скифосом середины-третьей четв. V в. до н.э. [577, С.27; 251, С.130]. В к.7/1908 обнаружено греческое зеркало с рельефным изображением цветка и горгонея на ручке нач. V в. до н.э. [234, Кат.8]. Датировка подкрепляется совместной находкой миниатюрной стеклянной ойнохой первой пол. V в. до н.э. [251, С.141]. Типологически близкое зеркало происходит из к.2 п.1 могильника Сазонкин Бугор [222, Рис.7, 1]. Датировку данного комплекса в пределах первой пол. V в. до н.э. подкрепляют находки золотых обкладок деревянного сосуда, аналогичных предметам из скифских погребений нач. V в. до н.э. в Острой Могиле, к.П в Яблоневке и к.411 группы Пекари [222, С.149]. Золотые серьги в виде лошадок близки украшениям кон. VI – первой пол. V вв. до н.э. из Вани и Ахалгорийскогоклада [222, Рис., 8, 1; С.151–153].

В Приуралье интересен инвентарь погребения в к.2 у с. Покровка на р. Хобде, в состав которого вошла ахеменидская печать кон. VI – первой пол. V вв. до н.э. [493, С.216–217; 976, С.118]. Более широкую дату имеет серебряная чаша из к.6 п.4 в группе Пятимары I [1088, Рис.29, _{3г}]. Судя по аналогиям из храма Окса, она должна относиться к ахеменидскому времени, возможно – только к V в. до н.э. [901, Кат.3/467; 21/6; Таб. 1, 1; 5, 3]. Сузить датировку комплекса позволяет находка кубаревидных распределителей ремней упряжи с погребением коня [1088, Рис.29, _{4г-д}]. В Скифии подобные предметы датируются не позднее V в. до н.э. [111, Рис. 2; 1123, С.96]. Различные варианты таких распределителей найдены в кургане у пос. Черниговского, к.4 п.3 и к.8 группы Пятимары I, к.5 в Матвеевке; к.3 с Алебастровой горы, п.1 к.5/1971 Ново-Кумакского могильника, к.2 п.2 из Мечет Сая, к.1 п.1–2 и к.2 п.1 из Сынтаса I [510, Рис. 2, ₄₋₆; 3, ₈₋₉; 6, _{3, 5-7}; 1088, Рис. 9, _{1ж}; 21, _{1у}; 27, _{8, 10, 11}; 28, _{1з, 4г-д, 22-23}; 34, _{4е}; 40, ₁₆; 1097, Рис. 3, _{3д}].

Серия погребений Южного Урала содержала в составе уздечных наборов S-видные псалии варианта 1.3.А. Близкие по конструкции псалии известны в памятниках Европейской Скифии, датированных античным импортом. Так в к.11 п.1 у с. Подгородное они встречены вместе с хиосскими амфорами, краснофигурным скифосом и чернолаковой солонкой первой пол. V в. до н.э. [111, С.51, Рис. 2, _{1з}]. К V в. до н.э. отнесено п.3 к.48 из Акташа с аналогичными псалиями [231, С.51]. На этом основании к первой

пол. V в. до н.э. можно отнести комплексы, содержащие псаллии типа I.3а из Приуралья и Заволжья. Это к.7 у с. Сара, к.2/1958 и п.3 к.19/1971 Ново-Кумакского могильника, к.2 п.2 и к.10 п.1 из Мечет Сая, погребение коня №5 в к.8 группы Пятимары I, к.1 п.3 и к.2 п.1 из Сынтаса, к.А12 у с. Блюменфельд [790, Рис.4, ₁; 1088, Рис. 21, _{1с-ж}; 28, ₁₃; 35, ₁₀; 1097, Рис.12, ₁₁; 1104, Таб. 16, ₂₀₋₂₂]. Именно V в. до н.э. в Скифии датируются С- и S – видные псаллии с зооморфными концами [1123, С.96]. Подобные псаллии либо их фрагменты происходят из кургана у пос. Черниговского, к.3 с Алебастровой горы, к.4 из Бесобы, к.2 из Клястицкого; к.5 группы Аландское III [509, Рис.1, ₂₃; 543, Рис. 4; 794, Рис. 4, ₄; 1088, Рис.9, _{1г}; 36, _{1в}; 40, _{1в}].

Таким образом, большая часть датирующих материалов из погребений фазы В1 относится к V в. до н.э. Вместе с тем, отдельные XII этого же столетия фигурируют в ранних комплексах следующей фазы, а ранние погребения фазы В1 содержат изделия, характерные для скифского пласта. Корреляционные колонки для всех исследуемых регионов демонстрируют непрерывность развития для фаз А-В2. На этом основании можно предположить, что сложение фазы В1 относится к последней четв. VI, а её финал – к кон. третьей четв. V вв. до н.э. При этом в рамках региональных шкал данная фаза делится на подфазы, что позволяет сузить датировки конкретных комплексов в пределах выделенного столетия.

В Задонье фазы В1 и В2 представлены приблизительно равным количеством комплексов, что позволяет выделить на каждую из подфаз одинаковые временные промежутки. При этом фаза В2 местной колонки относительной хронологии завершается не позднее рубежа третьей-четвёртой четв. V в. до н.э., так как погребения Елисаветовского могильника, относящиеся к следующей подфазе, ещё содержат импорт V в. до н.э. Следовательно, данная фаза в Задонье продолжалась около столетия, и на каждую из её подфаз в данном регионе должно приходиться около 50 лет. Тогда комплексы фазы В1 данной шкалы должны датироваться последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э., а фаза В2 – второй третьей четвертями V в. до н.э. Данному предположению не противоречит датировка комплексов, содержащих античный керамический импорт и зеркала.

В Заволжье данный горизонт удаётся разбить на 3 фазы, представленные равным количеством комплексов (большая часть фазы А1 и фазы А2–3). Это позволяет предполагать, что на каждую из этих фаз приходится примерно 33 года, и датировка погребений фазы А1 должна лежать между 525 и 492 гг. до н.э., фазы А2 – между 492 и 459 гг. до н.э., а фазы А3 между 459 и 425 гг. до н.э.

Три фазы (А1–3) выделяются в рамках анализируемого хронологического пласта в Приуралье. Их можно датировать по аналогии с Заволжьем в пределах трети столетия каждую.

Фаза В2 савроматского горизонта также может быть узко датирована по находками импортных изделий в курганах Задонья (фаза В3 колонки локальной хронологии) и Приуралья (фаза А4) [Карта 13].

На Дону узкие даты по-прежнему в первую очередь дают курганы Елисаветовского могильника. Наиболее ранними можно считать к.36 и 45/1975, в которых мечи типа 1.6 сочетались с фасосскими амфорами третьей четв. V в. до н.э. [577, С.27; 251, С.109]. Началом IV в. до н.э. можно датировать и Ушаковский курган 1901 г. по совместной находке орибаллического лекифа кон. V – нач. IV вв., гераклейских и хиосской амфор IV в. до н.э. [251, С.124; 1229, С.190]. Гераклейские амфоры типа I с клеймами Эвклеона и Геракледа 90-х годов IV в. до н.э. позволяет уточнить датировку к.10/1909 [251, С.112; 750, С.105; 767, С.170–171]. О датировке к.34/1911 позволяет судить находка херсонесской амфоры типа IIА [251, С.122; 751, С.243–244]. Погребение в к.14/1909 содержало Пепаретскую амфору 370х гг. до н.э. и синхронную ей амфору неустановленного центра [251, С.122; 767, С.311–313]. Курган 15/1909 датируется по находке хиосской и шести гераклейских амфор II типа кон. 360х – 350х гг. до н.э., чернолакового килика середины-третьей четв. IV в. до н.э., чернолакового блюда второй пол. IV в. до н.э. и светлоглиняной леканы середины – третьей четв. IV в. до н.э. [251, С. 128, 136, 142; 750, С.107–108; 767, С.330–331]. Выразительная серия импортных изделий определяет датировку «царского» погребения в к.8/1954 [1227–1228]. Из него происходит 5 амфор Гераклеи типа IА и 4 типа III, суммарно датируемые 50–30 гг. IV в. до н.э.; 5 синопских полуамфор второй пол. 40х гг. IV в. до н.э. [767, С.358–362]. В этом же комплексе обнаружена золотая обкладка горита «троянской» серии, аналогичная находкам из Чертомлыка, Мелитопольского и Ильинецкого курганов, датировка которых лежит в пределах 340–280 гг. до н.э., а также экземпляру из Вергины [108; 109, С.72–74; 110, С.47–50; 128, Рис. 9; 129, Таб. СХVI; 1228]. Ножны парадного акинака аналогичны находке из Чертомлыка 340–330х гг. до н.э. [767, С.368]. Погребение в к.4/1909 можно датировать по гераклейской амфоре типа IIа кон. IV – нач. III вв. до н.э., лекифу с сетчатым орнаментом второй пол. – конца IV в. до н.э., чернолаковым канфарам третьей четв. IV и. до н.э. и кон. IV – нач. III вв. до н.э. и чернолаковой чашке второй пол. IV – нач. III вв. до н.э. [251, С.120, 124, 133–135; 750, С.99–101].

Таким образом, материалы Задонья позволяют отнести древности фазы В2 к последней четв. V – нач. III вв. до н.э., причём большинство комплексов датируется кон. V – третьей четв. IV вв. до н.э.

На правобережье Дона-Танаиса к данной фазе можно отнести к.25 из Сладковки, датируемый по сочетанию сероглиняной амфоры и меча IV отдела типа 1 рубежом V–IV вв. до н.э. [672, С.82, Рис. 14–15]. Вероятно, синхронен ему Шолоховский курган, в котором железные удила с S-видными псалиями типа 1.3.Б, характерного для комплексов фазы В1, также сочетается с мечом «синдо-меотского» типа [672, Рис.11–13].

В Приуралье о датировке комплексов данной фазы свидетельствует инвентарь к.8 из Альмухаметово, содержащий бронзовое зеркало с литой боковой ручкой в виде женской фигурки [922, Рис. 22, Таб. XXXIII, 1]. Данный экземпляр относится к группе античных зеркал на подставках, датируемых в пределах VI – первой пол.V вв. до н.э., причём расцвет их производства падает на 480–470 гг. до н.э. [234, С.33–34]. Близкими аналогами находке из Альмухаметово можно считать зеркало второй пол. VI в. до н.э. из хут. Анновка (Николаевская обл.) и из Рожновского кургана кон. VI – нач. V вв. до н.э. [129, Таб. LXVII, 3; 154, С.68, Рис.16, 2; 234, Кат.1]. Уральский экземпляр скорее относится к V в. до н.э., так как имеет следы износа и встречен с вещами, не характерными для фазы А. В этом же погребении найден железный S-видный псалий типа 1.3.В. Псалии данного варианта хорошо известны в Европейской Скифии, где надёжно датированы греческим керамическим импортом. В Журовке (к.400 и 401) они сочетались с хиосскими амфорами второй четв. V в. до н.э. и киликом рубежа первой-второй четв.V в. до н.э. [111, С.47, Рис. 2, ₅]. Чернолаковые килики второй четв. V в. до н.э. позволяют определить узкую дату комплексов с аналогичными деталями узды в к.2 у с. Стайкин Верх и к.32 из Нимфея [111, Рис. 2, _{6, 17}]. Таким образом, псалии данного типа всегда встречаются с датированным импортом V в. до н.э. В погребении из х. Весёлый близ пос. Ак Булак S-видные псалии сочетаются с Г-образными с шишечками на концах вариантов 1.1 и 1.3Б [1088, Рис. 38, _{2, 4}]. Последнее может считаться основанием для датировки: в Скифии удила с шишечками на концах встречаются в комплексах IV- нач. III вв. до н.э. [1123, С.96]. Сочетание же псалиев описанных типов в одном комплексе позволяет датировать его концом V – началом IV вв. до н.э. В к.11 п.1 могильника Кара-Оба обнаружен акинак типа 1.6 со стильно стилизованным навершием в виде головок хищных птиц. Ближайшими его аналогами являются парадные мечи из к.10/1909 Елисаветовского могильника и из п.2 кургана

Солоха [705, С.68–69, Кат.48], датируемые не позднее начала – 370 х гг. до н.э. [109, С.74]. Таким образом, меч из к.11 п.1 в Кара-Обе может быть датирован в пределах первой четв. IV в. до н.э.

Всё вышесказанное, с учётом абсолютной датировки комплексов фазы В1 общесарматской хронологии, позволяет отнести уральские погребения фазы В2 к последней четверти V – первой четверти IV вв. до н.э.

В целом вторая фаза периода В хронологии савромато-сарматской АК может датироваться в пределах последней четв. V – IV вв. до н.э.

В рамках *горизонта С* мы выделили четыре фазы, что позволяет достаточно дробно датировать материал [Таб. 69–72].

Материалы из погребений *фазы С1* (фазы В1 в Приуралье, В1 в Заволжье, В4 в Задонье, А в Предкавказье и А в Днепро-Донском междуречье [Карта 14]) свидетельствуют о её частичной либо полной синхронности фазе В2. Об этом свидетельствуют комплексы, содержащие характерные индикаторы обеих фаз. К ним относятся Шолоховский курган и к.25 Сладковского могильника, в которых мечи IV отдела типа 1 («синдо-меотский» тип) встречены в первом случае с S-видными псаллиями варианта 3А, а во втором – с акинаком [672, Рис. 12, ₂₂; 13, ₁₃; 15, _{10–11}]. Близок им по характеру комплекс Филипповского к.1, объединивший раннесарматский меч II отдела типа 2 (XI фазы С1), акинак типа I.6 (XI фазы В2) и наконечник ремня в виде головы грифона вкупе с кубаревидным распределителем ремней упряжи (XI фазы В1) [925]. Эти наблюдения подтверждают и абсолютные датировки комплексов, относящихся к фазе С1 по набору характерных ХИ. Для датировки данного пласта сохраняют своё значение материалы Задонья и Приуралья. Кроме того, узкодатируемые погребения фазы С1 встречены в Предкавказье и на правобережье Дона.

В Задонье к нач. IV в. до н.э. отнесён елизаветинский к.24/1966, в котором меч «синдо-меотского» типа (тип 1 IV отдела нашей типологии) встречен с херсонесской амфорой типа ПА [251, С.122; 1100, С.41, Рис. 2, ₁₄]. Погребение 3 кургана 2 в Азове [672, С.37, Рис. 26–27] датируется книдской и гераклеийской типа ПА амфорами кон. IV – нач. III вв. до н.э. и аттической чернолаковой мисочкой, близкой экземпляру кон. IV – нач. III вв. до н.э. из Елисаветовского к.14/1960 [251, С.24–25, 136, Таб. IV, ₉₉; XVII, ₂₁₄; 767, С.441–443]. В к.2 п.32 группы Радутка находилась херсонесская амфора, которая находит аналогии в памятниках третьей четв. IV в. до н.э. [672, С.36, Рис. 30, ₆; 767, Таб. 182, ₃; 183, ₁; 184]. В п.16 из этого же кургана обнаружена гераклеийская полуамфора типа ПА кон. IV – нач. III вв. до н.э. [672, С.83, Рис. 53, ₈; 251, С.24–25, Таб. V, 119]. В ограбленном п.2 к.1

могильника Ясырев обнаружены фрагменты фасосской амфоры IV в. до н.э. [672, С.83, Рис. 19, 7]. В пределах кон. IV в. до н.э. могут быть датированы к.3 п.11 и к.5 п.4 Крепинского II могильника, в которых найдены мечи IV отдела типа 1. Такие мечи в меотских могильниках Прикубанья устойчиво коррелируют с античными амфорами IV в. до н.э. [203; 1100].

О финале данной фазы в Волго-Донском междуречье свидетельствуют материалы Астраханской экспедиции ИА АН СССР. Погребение 14 в к.1 группы Кривая Лука VI содержало гераклейскую амфору с клеймом и чернолаковую чашечку [382, С.65–67, Рис. 70–71], которые И.Б. Брашинский датировал концом IV в. до н.э. [251, С.105]. Уточнить датировку погребения позволяет набор бус. На шее погребённой находилась голубая стеклянная подвеска в виде четырёхгранной пирамидки. Такие подвески Е.М. Алексеева отнесла к типу 113 и датировала IV–III вв. до н.э. [114, С.69, Таб. 33, ₃₅; 382, Рис. 97, ₂]. На правом запястье найдены полихромные стеклянные бусы типа Алексеева-2766 и 278, характерные для комплексов IV–III вв. до н.э. [114, С.49, Таб. 31, _{1, 3, 4}], на обоих запястьях были обнаружены также крупные бочковидные бусы из гагата типа 9а, появившиеся в III в. до н.э. [114, С.12, Таб. 20, ₉₋₁₄]. Встретиться в одном комплексе все эти находки могли не ранее нач. III в. до н.э. Синхронен ему набор бус в к.1 п.10 из Никольского I [388, 67–70, Рис. 46]. В нём сочетаются полихромные бусы Алексеева-146 и 2766 и одноцветные типа 170 IV–III вв. до н.э. [114, С.40, 49, 73, Таб. 27, _{12, 14, 16}; 31, _{1, 3, 4}; 33, ₇₅] со стеклянными полихромными типов 74 и 192а, появившимися в III в. до н.э. [112, С.67, Таб. 16, ₅₁; 114, С.43, Таб. 27, ₈₉].

Итак, в Волго-Донском междуречье древности фазы С1 можно датировать в пределах кон. IV – нач. III вв. до н.э.

Вероятно, финальную дату для раннего пласта в Заволжье фиксирует к.5 п.10 у с. Лятошинка, где в наборе бус костяка 2 [448, С.35–37, Рис.16] сочетаются стеклянные одноцветные бусы типов Алексеева-193д IV–III вв. до н.э. и Алексеева-111 III–I вв. до н.э. [114, С.69, 74], позволяющие отнести комплекс к III в. до н.э.

На правобережье Дона античный керамический материал позволяет уточнить дату к.4 из Сладковки [1102]. В нём обнаружены амфоры: херсонесская пифонидная и синопская варианта 1Е, которые могли попасть в один комплекс в течение третьей четв. IV в. до н.э. [767, С.409–411, Таб. 183; 1102, Рис.5]. Датировке не противоречит найденная в этом погребении гривна из толстой проволоки типа 2.2, аналогичная находкам из Чертомлыка и Толстой Могила [1102, Рис.8; 1347, Pl. 124, 235] и набор бус, включающий стеклянные одноцветные амфоровидные

подвески типа Алексеева-193д IV–III вв. до н.э. [114, С.74, Таб. 34, 40; 1102, Рис.9, 1]. В Новочеркасске в 1973 г. исследовано погребение, содержащее херсонесскую амфору близкую находкам из посёлка У7 поселения Панское I кон. IV – 70 х гг. III вв. до н.э. [672, Рис. 20, 14; 767, С.509–521, Таб. 215–217]. Курган 1 у хут. Кашеевка датируется по сочетанию стеклянных одноцветных бус Алексеева-193д IV–III вв. до н.э. и рубленого стеклянного бисера типа 166, появившегося в III в. до н.э. [114, С.72, 74; 672, Рис. 18, 11–12] в пределах III в. до н.э., подтверждая верхнюю дату данного хронологического пласта, полученную для Задонья.

Полученные таким образом абсолютные датировки для комплексов фазы С1 (третья четв. IV – нач. III вв. до н.э.) близки тем, которые мы получили для Задонья.

В Предкавказье также присутствуют узкодатируемые комплексы, которые можно отнести к данной фазе. В их числе вновь открытые погребения, проанализированные в сводках В.Б.Виноградова, В.А.Коренько и А.В.Найденко и И.И.Марченко [271; 587; 712; 716]. На основании особенностей погребального обряда и наборов инвентаря мы сочли возможным ввести в их число комплексы, исследованные в Прикубанье и Закубанье Н.И.Веселовским и В.М.Сысоевым до революции у ст. Курджипской, Марьянской и Воронежской [208; 270; 302; 853].

Погребение 3 из к.63/1979 на Понуро-Калининской оросительной системе (далее – ПКОС) датируется по фрагментам гераклейской амфоры в пределах второй пол. IV в. до н.э. [714, С.69–70, Рис. 1]. Набор античной керамики, украшений и предметов вооружения позволил Л.К.Галаниной весьма аргументировано отнести первоначальное погребение в Курджипском кургане к последней четв. IV в. до н.э. [302, С.30–55]. Первичное захоронение в кургане 1912 г. в ст. Марьянской может быть датировано в пределах 335–330 гг. до н.э. по находке двух фасосских амфор, на одной из которых стоит клеймо астинома Телефана [767, С.390–392]. К кон. IV в. до н.э. можно отнести комплекс к.3 п.9 у ст. Михайловской, в котором найдена полихромная стеклянная бусина, украшенная личинами, типа Алексеева-459, характерная именно для этого промежутка времени [115, С.41, Таб. 47, ₁₋₉; 220, Таб. 2]. В пределах всего IV в. до н.э. можно датировать серию погребений с «синдо-меотскими» мечами IV отдела 1 типа, время бытования которых рассматривалось выше. Это к.5/1980 п.3 и к.9/1980 п.1 на ПКОС, к.3/1982 п.9 у хут. Пролетарского, к.1 п.12 у хут. Белевцы [716, Рис. 40, 86, 103; Компл. 22, 27, 276, 383], к.12 п.5 у ст. Хопёрской [492, С.184, 193, Рис.5, 1], к.1 п.21 из Новокубанска [1216], к.2 п.1 у с. Новоселицкого [587, С.240, Рис.2]. О финале данной

фазы в Предкавказье свидетельствуют материалы погребений 6, 14 и 15 савроматского к.3 у ст. Михайловской, которые содержали сероглиняные миски типа 1.20 [213, Таб. 2; Таб. 4а, ^{34, 35}], характерные для среднемеотского этапа меотской АК, датируемого III – первой пол. I вв. до н.э. [203, С.6, Таб. 1, ХИ 83; 518, С.239–24, Таб. 96, ¹²]. Следовательно, эти комплексы могли сложиться уже в III в. до н.э., возможно, в начале.

В целом узко датированные комплексы из Предкавказья позволяют отнести сарматские древности фазы С1 из этого региона ко второй пол. IV – нач. III вв. до н.э.

В Приуралье узкая дата устанавливается для к.1 у с. Филипповка [925]. К числу датирующих находок относятся парадные ахеменидские сосуды [925]. Среди них позолоченный кувшин с высокой шейкой и округлым рельефным туловом, стилистически близкий находке кон. VI–V вв. до н.э. из Амударьинского клада [473, С.41, Кат. 17]. С ним сочетается золотой кувшин с двумя вертикальными ручками в виде фигурок архаров: подобные сосуды и ручки от них известны в частном собрании из Парижа, в Лувре и в Амударьинском клада и датируются VI–IV вв. до н.э. [473, С.39–40, Кат. 10; 660, С.90, Илл. 317а, 320]. Серебряный ритон (гладкий с протомой быка) входит в серию изделий VII–V вв. до н.э., известных по находкам в Сирии, Мидии и северном Иране [797, Рис.5, 1, 4; 660, Илл.319а]. Второй ритон рельефный с рисунками из фестонов в придонной части стилистически близок каменной чаше из Лувра V–IV вв. до н.э. [660, Илл. 319б]. Таким образом, весь набор парадной посуды из Филипповки можно отнести к V в. до н.э. Этому не противоречат упомянутые выше кубаревидный распределитель ремней упряжи, украшенный головкой грифона, и наконечник ремня упряжи с изображениями грифоньей и верблюжьей головок – характерные индикаторы предшествующей фазы. Об отнесении данного комплекса к V в. до н.э. свидетельствует и радиоуглеродная датировка одной из деревянных скульптур оленей, найденных в данном кургане [459, С.131–132]. Однако, единственные датированные аналогии деревянным скульптурам, обитым драгоценным металлом, происходят из к.1/1981 г. в ауле Уляп. Это фигурки оленя и кабана, первая из которых была обита серебром и золотом, а вторая только серебром из культового комплекса, датированного IV в. до н.э. [1109, Кат. 208–209]. Более отдалённой параллелью можно считать деревянные украшения, обитые золотой фольгой из Пазырыкских курганов, датируемых в пределах второй пол. V в. до н.э. [709, С.70]. С учётом верхней даты уральских древностей фазы В2, к.1 у с. Филипповка может быть датирован в пределах кон. V – нач. IV вв. до н.э.

В разрушенном в 1971 г. кургане из Ново-Кумака обнаружены алебастровый флакон и красноглиняная хумча [196, Рис. 9–10; 976, С.106–107, Рис. 1д, 2–3]. Флакон с именем царя Артаксеркса, по мнению К.Ф. Смирнова и Т.В. Савельевой, относится ко времени Артаксеркса I (464–423 гг. до н.э.) [976, С.110]. Хумча с плоским дном, массивным слабо расширяющимся кверху туловом, высоким плечиком и низким узким горлом близка экземплярам из нижнего горизонта Кой-Крылганкалы, датируемым IV в. до н.э. [572, С.103–104, Таб. I, 5, 21]. Другой аналогией могут служить хумчи чирикрабадской АК, наиболее распространённые на II этапе данной культуры (последняя треть IV – сер. III вв. до н.э.) [262, С.55–57; Таб. 12, ^{36, 80}]. Золотая серьга варианта 5.6 [976, Рис. 16], аналогичная находке из к.1 в Филипповке, позволяет считать оба комплекса хронологически близкими и отнести разрушенный курган 1971 г. из Ново-Кумакского могильника к IV в. до н.э.

На перекрытии основного п.3 в к.1/1971 Ново-Кумакского могильника находились серебряный ритон и золотая многовитковая гривна варианта 2 нашей классификации [976, С.114, Рис. 5–6]. Ритон находит аналогии среди произведений ахеменидских торевтов V–IV вв. до н.э., причём ближайшим его аналогом авторы публикации считают ритон V в. до н.э. из Эрбуни [976, С.115]. Наконечники гривны в виде головок архаров со «сросшимися» рогами аналогичны наконечникам браслетов из Амударьинского клада и богатого погребения в Сузах, относящихся к кон. IV в. до н.э. [473, С.24, 26, Кат. 131, 135–137, 141]. Всё это позволяет отнести анализируемый комплекс к концу IV в. до н.э. Во впускном п.1 данного кургана сочетаются стеклянная полихромная бусина типа Алексеева-2596 и одноцветная типа 193_д IV–III вв. до н.э. [114, С.48, 74; Таб. 30, ⁷; 34, ⁴⁰; 1099] и каменное блюдо-алтарик, датируемое не позднее IV в. до н.э. С учётом времени совершения основного погребения, данный комплекс должен относиться к концу IV или началу III вв. до н.э.

Погребение 1 к.6 могильника Челкар III [809, С.264–265, Рис.4, ^{75, 10}] датируется набором бус, включавшем полихромные типов 146 и 2766 и одноцветные типов 113 и 193_д IV–III вв. до н.э. и появившимися только в III в. до н.э. полихромными бусами Алексеева-192а [114, С.43]. Несколько более ранним временем (кон. IV или нач. III вв. до н.э.) можно датировать основное п.2 из этого же кургана, также содержавшее полихромную бусину типа Алексеева-2766 [809, С.264–265, Рис.4, _г].

В к.23 п.5 из Покровки 2 [1279, Рис.89] сочетаются полихромные бусы типов Алексеева-2766 IV–III вв. до н.э. и 1906 III–I вв. до н.э. [114, С.43, 49, Рис.14]. И в данном случае дата погребения ложится в пределы III в. до н.э. В коллективном п.10 из этого же кургана с полихромными бусами

типов Алексеева 54в, 76, 77 и 276б и одноцветных типа 193д, датируемых в пределах V–IV, IV и IV–III вв. до н.э., встречены глазчатые бусы типа Алексеева-74 III–II вв. до н.э. [112, С.67; 114, С.49, 74]. Поэтому часть погребений в данной могиле также может быть отнесена к III в. до н.э.

Бронзовая фиала, аналогичная находкам из Прохоровки, но без надписи, позволяет отнести к кон. IV – нач. III вв. до н.э. к.3 у пос. Матвеевского [345, С.115; 1088, Рис. 48, ₁₋₃]. Такой датировке не противоречит набор бус, включающий стеклянные одноцветные амфоровидные подвески типа Алексеева-193д IV–III вв. до н.э. и полихромные Алексеева-221 III–II вв. до н.э. [114, С.45, 74; Таб. 28, ₄₉; 34, ₄₀].

Хронологически примыкают к погребениям данной фазы не вошедшие в корреляционные колонки погребения из Приуралья, содержащие мечи «синдо-меотского» типа. Это к.33/1962 Ново-Кумакского могильника, к.1 п.6 из Тавлыкаево IV, к.2 п.2 из группы Тамар Уткуль VIII и к.4 могильника Краснопартизанский II [264, С.170; 790, С.39–40; 922, С.66, Таб. XLVIII, 7]. К началу этой фазы примыкает и комплекс из пос. Долинное, содержащий серебряный иранский ритон, золотой перстень, серебряную гривну, обтянутую золотом, бронзовые наконечники стрел и золотые обкладки деревянного сосуда. Как показано в публикации, ритон из комплекса датируется V в. до н.э. [797, С.176–178]. Вместе с тем, золотые обивки деревянного сосуда близки находкам из к.9 п.3 группы Пятимары I, к.4 у с. Сладковка и погребения, открытого в 1973 г. в Новочеркасске, которые датируются не ранее IV в. до н.э. [672, Рис. 17, ₁₅, 20, ₁₁₋₁₃; 1094, С.36–37]. Это заставляет нас отнести комплекс из Долинного к нач. IV в. до н.э.

Таким образом, в Приуралье фаза C1 начинается на рубеже V–IV вв. до н.э. и завершается в нач. III в. до н.э. В целом же следует отметить, что для памятников савромато-сарматской АК из разных регионов данная фаза завершилась в одно и то же время – в нач. III в. до н.э. Начало же её зависит от региональной принадлежности памятников. На востоке Сарматии нижняя дата прохоровского этапа – это кон. V–нач. IV вв. до н.э., в Предкавказье – сер. IV в. до н.э., на Дону – последняя четв. IV в. до н.э.

Фаза C2. Абсолютные даты для данной фазы удаётся установить для серии комплексов из Приуралья фазы B2 местной хронологической колонки. Кроме того, начальная и конечная хронологические границы устанавливаются в Заволжье для локальных подфаз B2a-b. На остальной территории Сарматии данный хронологический пласт представлен отдельными погребениями, а к западу от Танаиса-Дона отсутствует вовсе [Карта 15].

В степях Южного Урала основой для абсолютного датирования являются античный и среднеазиатский импорт и наборы бус.

В п.3 из кургана Б в Прохоровке сочетаются серебряная фиала, сероглиняный кувшин и гагатовые бусы [1282, Рис. VI]. Фиала по пропорциям аналогична находкам из храма Окса ахеменидского времени [901, С.163, Таб. 4, 2, Кат.17/460]. Кувшин близок находкам из меотских погребений IV в. до н.э. [134, Рис.3, 8–9; 1083]. Гагатовые бусы типа 2 появляются не ранее III в. до н.э. [114, С.10–11, Таб. 20, 1–8]. Дата комплекса – рубеж IV–III вв. до н.э. или нач. III в. до н.э.

Основное погребение прохоровского к.1 у содержало железную «мускульную» кирасу, золотую гривну и две серебряные фиалы с надписями на арамейском языке [950, С.5–6, 12–16, Рис. 15–16, Таб. I, II, 1, III, 1]. Кирасы данного типа, как отмечено выше, известны в Греции в эпоху архаики и классики и в Македонии в эпоху походов Александра [291, С.11, 82]. К IV в. до н.э. они уже вышли из употребления в пехоте и редко использовались конниками, уступая место более лёгким кожаным, льняным и азиатским чешуйчатым панцирям [126, С.190–195]. Ближайшей аналогией наконечникам гривны из Прохоровки являются наконечники гривны из Курджипского кургана и браслетов из Македонии, Малой Азии, богатого погребения в Сузах и Амударьинского клада, относящиеся ко второй пол. – кон. IV в. до н.э. [302, С.37, Кат. 18, Таб. IV верх, Рис. 14–15; 473, С.26, Кат. 131, 134, 140]. Серебряные фиалы относятся к кругу изделий персидских торевтов кон. IV- нач. III вв. до н.э. [493, С.217–218, 792, С.8]. Таким образом, импортные изделия из прохоровского к.1 относятся к кон. IV или нач. III в. до н.э.

Вместе с тем, особенности начертания знака «алеф» в надписи «Чаша Атромитра» (tašti Athromithr) на одной из фиал позволили сначала П.К. Ковцеву, а затем В.А.Лившицу датировать надпись (а с нею и весь комплекс) более поздним временем – III или II вв. до н.э. [573, С.83; 647]. Однако, известно, что надпись выполнена с применением арамейского алфавита, использовавшегося ещё в Империи Ахеменидов, а позднее – в государствах возникших на его территории. Реально судить о времени возникновения такого начертания «алефа», которое мы встречаем на фиале из Прохоровки, и о времени появления грамматической формы «tštu» для обозначения слова «чаша» в именительном падеже нельзя. По словам самого эксперта, мы располагаем парфянскими текстами, начиная с сер. II в. до н.э. О более ранних памятниках парфянского письма судят лишь по легенде на монете Андрагора кон. III в. до н.э. [647, С.164]. То есть в палеографии парфянского и среднеазиатских языков существует такая же «проблема III в. до н.э.», как и у археологов – сарматчиков. Какими были знаки арамейского письма и грамматические формы парфянского языка

в Средней Азии с последней трети IV по нач. II вв. до н.э., мы не знаем. Кроме того, работа В.А. Лившица основана на двух больших допущениях. Во-первых, предполагается безукоризненная грамотность автора надписи и полное знание им норм парфянского языка, что в реальности вовсе не обязательно. Во-вторых, допускается собственно парфянский язык надписи, хотя арамейским письмом пользовались до походов Александра во всей Персии, в том числе и в Хорезме, откуда происходит большинство аналогий среднеазиатским импортам из сарматских погребений. Поэтому язык надписи может быть и не парфянским, а близким ему иранским языком одного из народов эллинистической Средней Азии. В любом случае, в данном случае оправдано не датирование комплекса прохоровского к.1 по палеографическим особенностям, а наоборот, датирование надписи по основному составу комплекса. Он, как указано выше, относится к кон. IV – нач. III вв. до н.э. Вполне возможно, что надпись на блюде из к.1 у с. Прохоровка является как раз древнейшим памятником парфянского письма эпохи его оформления. До тех пор, пока наука не будет располагать корпусом надписей из Средней Азии (причём не только рукописных, но и на металле) кон. IV – III вв. до н.э., датирование надписи из Прохоровки по рукописным аналогиям II–I вв. до н.э. не может считаться корректным и приниматься во внимание.

Близок набор датирующих материалов из раннесарматских погребений V Бердянского могильника. В к.4 п.4 найдена задняя часть железной кирасы, аналогичной экземпляру из Прохоровки, и красноглиняная хумча, близкая описанному выше сосуду из разрушенного в 1971 г. кургана в Новом Кумаке [770, С.125–127, Рис. 3, ₆; 4, ₂]. Выше уже отмечалось, что аналогии хумче можно найти в хорезмийских и чирик-рабадских материалах IV или кон. IV – нач. III вв. до н.э., кираса датируется не позднее походов Александра Великого. Таким образом, данное погребение можно отнести к IV в. до н.э., вероятно – его концу. В составе инвентаря к.5 п.6 этого же могильника найдены ажурные браслеты V отдела типа I с наконечниками в виде мордочек животных, стилистически близкими наконечникам гривен из к.1 у с. Прохоровка и Курджипиского кургана кон. IV в. до н.э. [770, С.131–132, Рис. 11, ₂₋₃]. С ними сочетаются гагатовые бочонковидные бусы типа 8а по Е.М.Алексеевой, появившиеся в III в. до н.э. [114, С.11–12, Таб. 20, _{20, 23–25}]. Погребение можно датировать нач. III в. до н.э.

К данному пласту относится и к.3 п.1 из Ново-Мусино, в котором находилась гераклеяская амфора типа 2а [264, С.169, рис. 2, ₆₋₇].

Набор украшений из к.7 п.8 в Мечет Сае [1094, Рис.31, ₁₀₋₁₂] включал стеклянные одноцветные бусы типов Алексеева 164 IV–III вв. до н.э.

и Алексеева-171 III в. до н.э. – IV в.н.э. [114, С.72–73]. Они могли попасть в один комплекс в III в. до н.э. В п.10 этого же кургана набор из 4 бронзовых втульчатых наконечников стрел, не характерных для комплексов II–I вв. до н.э., сочетается с одноцветной стеклянной бусиной упомянутого выше типа 171, появившегося только в III в. до н.э. [1094, Рис.31, ₁₄; 37, ₉]. Близкая ситуация прослежена в Мечетсайском к.6 п.26 [1094, Рис.31, ₆; 47, ₇]: здесь набор из 6 бронзовых втульчатых наконечников стрел найден вместе со стеклянным бисером типа 166, появившимся только с III в. до н.э. [114, С.72]. Оба комплекса можно отнести к III в. до н.э.

Стеклянная одноцветная бусина типа 164 IV–III вв. до н.э. и гагатовые бусы типа 27а III в. до н.э. – III в.н.э. [114, С.14, 72] находились в к.2 п.7 из Бишунгарово [922, С.23, Таб. XII], датируя его III в. до н.э. В к.3 п.6 этого же могильника набор бронзовых втульчатых наконечников стрел сочетается с просверленной веточкой коралла Алексеева-9 [115, С.30]. Бусы из коралла типа Алексеева-9 появляются не ранее III в. до н.э., наборы бронзовых наконечников стрел после этого столетия не использовались, о чём уже говорилось выше. Аналогично можно датировать п.9 из этого же кургана. В нём бронзовый наконечник стрелы встречен вместе с набором бус из гагата типа Алексеева-27а, также появившихся не ранее III в. до н.э. [114, С.14–15].

Погребение 3 в бишунгаровском к.5 [922, С.23, Таб. XII] также может быть отнесено к III в. до н.э. В нём совместно встречены коралловые подвески типа Алексеева-9 III–II вв. до н.э. и красноглиняный хорезмийский кувшин, аналогичный находкам из нижнего слоя городища Кой-Крылган-Кала IV–III вв. до н.э. [572, Таб. II, 35, 41]. Аналогична датировка бишунгаровского к.11 п.1 [922, С.28, Таб. XVIII]. Здесь гагатовый бисер типа Алексеева-27а III в. до н.э. – III в. н.э. встречен с красноглиняной хумчой с узким горлом, приземистым туловом и широким дном. Аналогичные сосуды характерны для I–II слоёв чирик-рабадской АК, датируемых в пределах IV-первой пол. III вв. до н.э. [262, С.55, 57, Таб. 12, _{36, 80}].

В Покровке 7 набор бус из к.9 п.5 [1281, С.35–36 рис. 50, ₆] содержит экземпляры из гагата типа 27а III в. до н.э. – III в. н. э. и одноцветного стекла типа 28 IV–III вв. до н.э. [114, С.65, Таб. 33:4]. Аналогичное сочетание наблюдается в к.6 п.1 могильника Покровка 1 [1280, С.15 рис.18, ₁]. Комплексы относятся к III в. до н.э. Основное п.1 к.1 из Покровки 7 [1281, С.21–23, рис. 26, 27] можно датировать по сочетанию костяного фигурного навершия гребня, типичного для прохоровских комплексов III–I вв. до н.э. [1062, С.169, Рис.37, _{36–44}], и красноглиняного хорезмийского кувшина, аналогичного находкам из нижнего слоя Кой-Крылган-Калы,

датируемого IV–III вв. до н.э. [572, Таб. II, 41]. Даже если вслед за В.Ю. Зуевым попытаться поднять нижнюю дату позднепрохоровских древностей, к которым относится навершие гребня, до II в. до н.э., оказаться в одном комплексе с кувшином он мог не позднее рубежа III–II вв. до н.э.

В к.2 п.3 из Ново-Калкашево [102, С.121–122] архаичные фаянсовые бусы типов 2 и 5, характерные для VI–V вв. до н.э. сочетаются с гагатовыми типа 27а и стеклянными позолоченными типа 1, появившимися только в III в. до н.э. [112, С.31; 114, С.14, 29]. Такой набор мог сложиться, скорее всего, именно в III в. до н.э.

В Старых Киишках к.XI п.3 содержит красноангобированную хумчу [981, С.91, Таб. II, 9], аналогичную экземплярам IV–III вв. до н.э. из Покровки, и гагатовые бусы Алексеева-27а III–I вв. до н.э. Комплекс мог сложиться только в III в. до н.э.

Ещё одна хумча этого же типа найдена в к.23 п.2 могильника Покровка 2 [1279, С.45–46, рис.88, 1]. С ней, если верить иллюстрации [1279, рис.88, 4], также найден гагатовый рубленный бисер типа Алексеева-27а [114, С.14, Таб. 20, ^{33, 38, 41}].

Наборами бус III в. до н.э. датируются некоторые погребения междуречья Узеней. Так в к.3 п.3 могильника Мошков [549, Рис.31, ^{18, 28}] сочетаются одноцветные стеклянные бусы типов Алексеева-193д IV–III вв. до н.э. и Алексеева-111 III–I вв. до н.э. [114, С.69, 74]. Разрушенное п.3 из к.2 в Джангале II [1031, С.113, Таб. VII, 1–2] содержало хрустальную дольчатую бусину типа 156 III–I вв. до н.э. и две стеклянные одноцветные типа 164 IV–III вв. до н.э. [114, С.72; 115, С.72]. Комплекс относится к III в. до н.э.

К финалу фазы С2 должно относиться п.7 к.XX из Старых Киишек, которое интересно сочетанием полихромной стеклянной бусины, близкой экземплярам типа Алексеева-356 II–I вв. до н.э. [114, С.54] и красноглиняной хорезмийской фляги с рельефом на выпуклой стороне [981, С.112, 114, Рис. XII, ^{6, 7}]. Фляги с рельефным орнаментом вышли из употребления к концу раннекангюйского периода (IV–III вв. до н.э.) [1286, С.329]. Следовательно, этот комплекс мог сложиться в конце III – начале II вв. до н.э. Погребение 7 было впускным в кургане, следовательно, совершённые ранее основное п.10 и впущенные рядом с ним п.8 и 9 должны были быть совершены в III в. до н.э.

Исходя из вышесказанного, комплексы фазы С2 из Приуралья относятся к III в. до н.э., исключая его начало.

Для погребений Заволжья о начале данной фазы свидетельствует нижняя датировка предшествующей фазы, установленная для к.5 п.10 в Лятошинке – III в. до н.э. (см. выше). Верхнюю дату дают п.19 кургана 12 у с. Политотдельское с унгентарием кон. III – нач. II вв. до н.э. [1084,

С.268–272, Рис.24,_{4–5}; 25] и к.3 п.9 этого же могильника, в котором коралловая подвеска типа Алексеева-9 III–II вв. до н.э. сочетается с бронзовым кованым дисковидным зеркалом с загнутым бортиком и позолоченной оборотной стороной диска, характерным для меотских погребений II в. до н.э. [203, Таб. 2; 1084, Рис. 13,_{8,10}].

Детское погребение 3 к.2 в Верхнем Погромном I [1233, Рис.39] датируется III в. до н.э. по сочетанию уже знакомых нам гагатовых бус Алексеева 27а III – I вв. до н.э. и полихромной стеклянной типа Алексеева-276б IV–III вв. до н.э. В п.40 к.8 Калиновского могильника [1226, С.353–354, Таб. л.3] встречены дисковидные гагатовые бусы (Алексеева-27а) вместе со стеклянной зелёной пирамидальной (Алексеева-112). Как отмечено выше, гагатовые бусы данного типа в III в. до н.э. только появились, а стеклянные пирамидки не использовались после его окончания [114, С.69].

Исходя из вышесказанного, в Заволжье данный пласт можно ограничить рамками нач. III – нач. II вв. до н.э.

В Предкавказье к III в. до н.э., вернее к его середине – второй половине, можно отнести п.3 из к.2 в Старомышастовской [716, Рис.91], в котором архаичное зеркало типа 12.14, близкое находкам из Покровки 2 к.23 п.5; Челкара III 6/1; Мечет Сая 8/4, сочетается с унгвентарием типа III по М.Парович-Пешикан III – нач. II вв. до н.э. [879, С.110]. В меотских п.2/1934 г. и 18/1931 г. Елизаветинского могильника №1 открыты мечи с типичными для данной фазы прохоровской АК серповидными навершиями [137, С.48; 1100]. Меч из п.18/1931 имел серповидное навершие и прямое перекрестие; его длина составляет 116 см, ширина клинка – 5 см. Меч в п.2/1934 имеет длину 63 см и относится к серии дериватов сарматского оружия с серповидным навершием без металлического навершия. Оба комплекса датированы III в. до н.э. по набору характерных для меотской культуры XII этого времени. Датировка меча из п.2/1934 подкрепляется пантикапейской монетой и амфорой III в. до н.э. [1100].

Приведённые данные позволяют ограничить комплексы фазы С2 общесарматской хронологической схемы III в. до н.э., возможно, исключая его первые десятилетия.

Привязка древностей фазы С3 осуществляется в основном благодаря комплексам, содержащим кельтский и античный импорт из Заволжья (подфаза В2с), Задонья (фазы С1–2), Предкавказья (фазы В1–2) и Днепро-Донского междуречья (фаза В1) [Карта 16].

О хронологических рамках уральских древностей, относящихся к данной фазе, говорят наборы бус из к.10 п.3 и 11, к.13 п.5 из Старых Кишешек, к.5 п.3 из Бишунгарово, к.2 п.1 у с. Привольное и к.13 могильника Кара Оба I, содержавшие подвески из веточек необработанного коралла

[748, С.44–45, рис. 4, ₁₋₄; 983, С.55–57, Рис. 2, _{1-5, 7}; 3, ₃₋₉]. Такие подвески по Е.М.Алексеевой относятся к типу 9 и датируются III–II вв. до н.э. [115, С.30, Таб. 43, ₄₂]. С учётом верхней даты уральских комплексов предшествующей фазы, время совершения данных погребений можно ограничить пределами II в. до н.э.

В Заволжье о нижней дате данной фазы свидетельствуют упомянутые выше комплексы к.3 п.9 и к.12 п.19 у с. Политотдельское II в. до н.э. (к.12 п.19 возможно рубежа III–II вв. до н.э.). Чернолаковая пелика из к.13 п.2 могильника Бережновка II [1034, С.22, Рис. 5, ₅] относится к группе «Gnathia», которая считается продукцией пергамских мастерских кон. III–II вв. до н.э. [556, С.274, Рис. 1, ₁₋₉; 879, С.123–125, Рис. 100, ₁₋₃]. О хронологических рамках данной фазы в Заволжье позволяет судить кельтский импорт. В к.2/1977 п.3 у с. Быково обнаружена фибула среднелатенской схемы со свободным концом ножки, относящаяся к Латену C2 (180–120 гг. до н.э.) [216, С.26, Таб. 1, 4; 1063, С.107, Рис. 1, ₁₋₁₃]. Фрагмент среднелатенской фибулы с ложковидной спинкой и свободным концом ножки из к.3 п. 7 в Новоникольском относится к тому же времени [216, С.26, Таб. 1, 7; 1233, Рис. 5, 9]. Таким образом, в Заволжье данную фазу можно ограничить рамками II в. до н.э., возможно, исключая его последние десятилетия.

Импортными изделиями датируется выразительная серия погребений из Волго-Донского междуречья, относящихся к данной фазе.

Серебряный унгентарий типа III по М.Парович-Пешикан позволяет датировать в пределах III – нач. II вв. до н.э. к.23 п. 6 могильника у с. Перегрузное [553, С.143–144, Рис.14, 13; 879, С.110]. С учётом верхней даты предшествующей фазы датировку можно сузить до кон. III – нач. II вв. до н.э.

О датировке к.27 п.4 могильника Жутово позволяют судить найденные в нём котелок из листовой бронзы, веретенообразный унгентарий и красноглиняный кружальный кувшин [783, С.139–140, Рис. 2; 3, ₃; 6]. Котелок с невысоким отогнутым наружу горлышком и шаровидным туловом типологически близок экземплярам первой пол. V в. до н.э. из IV и I Малевого Семибратних курганов и Куковой могилы в Болгарии, а также котелку из Курджипского кургана конца IV в. до н.э. [302, С.35–36, Рис. 12–13]. От этих сосудов эпохи классики и раннего эллинизма жутовский экземпляр отличает конструкция горлышка (расширяющееся, а не прямое) и плоских сплошных атташей вместо подвижных колец. Можно согласиться с точкой зрения В.П. Шилова, относившего его к III в. до н.э. [1233, С.138–139; 1235, С.188]. Унгентарий близок флаконам типа IV по М.Парович-Пешикан [879, С.110, Рис. 95, 2] второй пол. III – нач. II вв. до н.э. Кувшин с округлым туловом и высоким горлом на плоском

выделенном поддоне относится к типу 14 нашей типологии или варианту 5 типологии Н.Ф. Шевченко [1212, Рис. 2]. Сосуды варианта 5 Н.Ф. Шевченко относил к кон. III – нач. I вв. до н.э. При этом жутовскому кувшину ближе всего экземпляр из к.5 п. 11 в Приазовской, который по Н.Ф. Шевченко относится ко второй пол. II – нач. I вв. до н.э. [1212, Таб. 2, 32]. Таким образом, комплекс к.27 п.4 из Жутова логичнее всего отнести к первой пол. II в. до н.э.

В к.2 п.6 у х. Весёлого находился чернолаковый канфар с округлым туловом, невысоким расширяющимся горлом на невысоком профилированном кольцевидном поддоне [150, С.313–315, Рис. 19]. Т.Н. Книпович относил подобные кубки к кругу пергамских изделий, датируя их концом III – II вв. до н.э. [556, С.275, Рис. 1; 6]. Этому не противоречат выводы М. Парович-Пешикан, которая отнесла подобные сосуды из некрополя Ольвии к типу IV и датировала III–II вв. до н.э. [879, С.80–82, Рис. 77; 79]. При этом п.113/1902 из Ольвии, содержавшее канфар данного типа, датировано кон. III – нач. II вв. до н.э.; п.102/1901 – кон. II в. до н.э.; п.91/1901 – II в. до н.э. [879, С.105, 199–200]. Таким образом, материалы Ольвийского некрополя подтверждают датировку канфаров типа IV по М. Парович-Пешикан в пределах кон. III – II вв. до н.э. Экземпляр из х. Весёлого имеет следы износа, у него утрачены обе ручки, что позволяет отнести время его попадания в погребение в пределах II в. до н.э. Вместе с ним в погребении находился красноглиняный боспорский кувшин, относящийся к выделенному нами типу 19 [150, Рис. 18]. Ближайшей аналогией ему является сосуд из Прикубанья в к.1/1986 п.1 у хут. Пролетарского, датируемый Н.Ф. Шевченко второй пол. II – нач. I вв. до н.э. Это подтверждает позднюю дату для канфара и позволяет отнести комплекс из Весёлого ко времени около середины II в. до н.э.

Набор бус из к.7 п.3 в Белокаменке II [783, С.139, Рис. 1, ; 4] включает коралловые бусы типа Алексева-9. характерные для III–II и I–III вв. [115, С.30, Таб. 43, ⁴²]. С ними сочетаются стеклянные бусы с золотой прокладкой типа 10, характерные для II в. до н.э. – III в. н.э. [114, С.31, Таб. 26, ^{42–45, 49, 50}]. Из этого же погребения происходят парадный меч, близкий находке из Жутово 27/4 и парные бронзовые пряжки с неподвижным фиксатором типа 4.1, аналогичные находке из Весёлого. Всё это позволяет синхронизировать погребение из Белокаменки с двумя вышеописанными и датировать его первой пол. II в. до н.э.

Абсолютную датировку для к.46 п.4 у хут. Нового [501, С.60, Рис. 12, 24–27] позволяет уточнить найденный в нём красноглиняный унгентарий типа V по М. Парович-Пешикан, датируемый II в. до н.э. [879, С.110–111].

Фибула среднелатенской схемы и бронзовое ведёрко типа «Баргфельд», датируемые Латеном С2 (180–120 гг. до н.э.), позволяют отнести ко II в. до н.э. к.7 п. 8 у хут. Арбузовского [216, С.26, Таб. 1, ₈; 2, ₈; 501, С.144–145, Рис. 33, _{11–18}].

Датировку к.1 п.2 могильника Колпачки [684, С.213, Рис. 1, _{1,8}; 3, _{1–2}] позволяет уточнить совместная находка чернолощёного кувшина, орнаментированного «полотенцами» – XII могильников Центрального Предкавказья II–I вв. до н.э. [194], и стеклянной глазчатой бусины типа Алексеева-68 I в. до н.э. – I в.н.э. [112, С.67, Таб. 14, _{21–23}], которые могли встретиться в одном комплексе только в I в. до н.э.

Погребение 5 из к.6 из Белокаменки В.М. Клепиков и А.В. Лукашов датировали III в. до н.э. по красноглиняному боспорскому кувшину и золотому перстню [549, С.98–99; 659, С.208, 211, Рис. 8, _{4–10}; 9]. Однако кувшин из данного комплекса отличается от экземпляров IV–III вв. до н.э. из пос. им. Войкова и некрополя Ольвии: его тулово выше и уже, горлышко приземистее. По своим пропорциям он аналогичен экземплярам из Прикубанья в к.1/1984 п.4 в х. Пролетарском и к.6 п.5 у ст. Приазовской, датируемым в пределах II в. до н.э. [1212, Рис. 1, 4, 14]. В пользу омоложения данного комплекса говорит и наличие в нём бронзового котла типа Боковенко-2, характерного XII фазы С4, отсутствующего в погребениях фаз С1–2, а также зеркала типа 8.7, появившегося только в погребениях анализируемой фазы. Ergo, к.6 п.5 у с. Белокаменка можно датировать II в. до н.э., причём, вероятнее всего, его концом.

Всё вышесказанное позволяет датировать памятники фазы С3 в междуречье Волги и Дона в пределах кон. III – кон. II вв. до н.э. При этом выделяются комплексы кон. III – первой пол. II вв. до н.э. (фаза С1 местной хронологической колонки) и второй пол. II в. до н.э. (фаза С2).

Значительное число узкодатируемых комплексов, относящихся к данной фазе, открыто в Степном Предкавказье (фазы В1–2 местной хронологической колонки).

В подкластере В1 к.1 п.2 могильника Карстовый 1 [716, Рис. 73] содержал унгвентарий типа 3 по М. Парович-Пешикан [879, С.110, Рис.94, _{5–9}] или типа 2 по И.И. Марченко [716, С.41–42, Рис.6]. Сосуды этого типа И.И. Марченко датировал III – нач. II вв. до н.э. [716, С.41], хотя сам же отметил, что ольвийский экземпляр происходит из погребения кон. III – II вв. до н.э., а в Аполлонии подобные сосуды относят ко второй пол. III – нач. II вв. до н.э., и, наконец, что следующие по времени унгвентарии типа Марченко-3 относятся ко второй пол. II – середине I вв. до н.э. [716, С.41–42]. Таким образом, унгвентарий из Карстового могильника скорее

может быть датирован кон. III – первой пол. II вв. до н.э. Аналогичные флаконы содержали к.2 п.2 ух. Верхнего и к.1 п.9 у х. Северного [716, Рис.57, 77, 91, 1056, Рис.3]. В последнем комплексе вместе с унгентарием обнаружено бронзовое ведёрко типа «Баргфельд», датируемое не ранее нач. II в. до н.э. [1299, Р.17], что позволяет ограничить время совершения погребения первой пол. II в. до н.э. Ещё одно ведёрко того же типа открыто в к.8–9 п.5 из ст. Приазовской [1368, Рис. 244–248], что позволяет синхронизировать его с комплексом из х. Северного. Унгентарий типа 5 по М.Парович-Пешикан II в. до н.э. [879, С.110–111, Рис.95, ₅₋₇] происходит из к.1 п. 3 у х. Северного [1056, Рис.1]. Погребение 9 к.9 группы Малаи I содержало пергамский буролаковый канфар, аналогичный находкам кон. III – нач. II вв. до н.э. из Ольвии [879, С.85, Рис.79–80].

Датировку комплекса к.1 п.3 из Бойко-Понуры позволяет уточнить находка железного шлема с нащёчниками [716, Рис. 105, 2]. Шлем относится к группе восточнокельтских изделий и датируется Б.А.Раевым, А.В.Симоненко и М.Ю.Трейстером концом II – I вв. до н.э. [936, С.126]. И.И.Марченко считает ближайшей аналогией ему шлем из Кимешти III – II вв. до н.э. [716, С.68]. Полагаю, что данный экземпляр можно датировать в пределах II до н.э.. В целом, хронологические рамки данного подкластера могут ограничиваться концом III – первой пол. II вв. до н.э..

В подкластере В2 также встречены комплексы с узкодатируемыми импортами.

Погребение 3 к.1 у ст. Новоджерелиевской [1213, Рис.4] содержало синопскую амфору типа 3С или 3D по С.Ю.Монахову [766, С.176–178, Таб. 11]. Амфоры данных типов относятся ко II в. до н.э. (тип 3С – первая половина, тип 3D – конец первой – вторая четверть столетия) [766, С.177–178]. Комплексы к.1 п.14 Карстового I и к.1 п.4 Поповического могильников включали унгентарии типа 3 по М.Парович-Пешикан [716, Рис.77; 980, Таб. 1, ₄]. Они могут датироваться не позднее сер. II в. до н.э. Датировку к.3/84 п.3 у х. Пролетарского позволяет уточнить «копьевидная» фибула среднелатенской схемы с восьмёрковидными петлями на спинке [216, Рис.1, ₇₇]. Ближайшим её аналогом является экземпляр из Нови Бановци в Сербии, относимый к рубежу Латена C1–C2 или 190–150м гг. до н.э. [548, Рис.3, ₄; Рис.5]. Аналогичная фибула происходит из не вошедшего в корреляционную таблицу к.11 п. 8 у ст. Хопёрской [490]. В к.41 п.5 группы ПКOC-79 найдена среднелатенская фибула с раскованным «в лапку» для крепления к спинке свободным концом ножки [716, Рис.44, ₁₁]. Подобные фибулы датируются Латеном C2 (180–120 гг. до н.э.) [216, С.26]. К этому же кластеру хронологически примыкает комплекс к.14 п.1

у ст. Раздольной [716, Рис.64, ¹²]. В нём найдена фибула среднелатенской схемы, у которой свободный конец ножки крепится к спинке с помощью хомутиков, что характерно для Латена С2 [216, С.26].

Погребение 24 в к.1 у с. Комарово авторы раскопок отнесли к рубежу эр [313, С.132], на основании находки в нём золотого шитья, производство которого, по их мнению, впервые было освоено в Китае именно в это время. Однако, ткани, затканые золотыми и серебряными нитями, производились в Вавилоне ещё в нововавилонскую эпоху (689–482 гг. до н.э.) [184, С.130]. Они известны в Персии в эпоху Ахеменидов. Дарий III в канун битвы при Иссе был одет в парадный плащ с золототканым изображением ястребов, его телохранители – «бессмертные» в плащи, расшитые золотом [35 III. 3. 13–18]. Пурпурные одежды, расшитые золотом, стал носить после победы при Арбелах Александр Македонский, заставивший надевать их и своих друзей [22, XVII. 70. 3; 70, XI. 3. 5]. Следовательно, золотое шитьё из сарматских погребений может происходить и из Передней Азии, где оно производилось задолго до появления китайской парчи. В состав анализируемого комплекса входят также стеклянная полихромная бусина Алексеева-292 II в. до н.э. [114, С.50, Таб. 29, ³³] и золотая шейная цепь с застёжкой в виде головок рогатых львов, аналогичная экземпляру из п.261 некрополя Танаиса II в. до н.э. [147, С.135, Таб. XXX, 3, 6] и гробниц I–III Артюховского кургана сер. – третьей четв. II вв. до н.э. [680, С.54–57, Арт. 3, 43 и 102]. Это позволяет отнести погребение в Комарово ко второй пол. II в. до н.э.

Датировку к.21 п.11 из группы Весёлая Роща III [758, С.147–153, Рис. 3–5] определяют сочетание бронзового «птолемеевского» перстня с крупным овальным щитком, украшенным изображением скачущей лошади, III в. до н.э., хрустальной бусины типа Алексеева-156 III–I вв. до н.э., стеклянных одноцветных бус типов Алексеева-159 II в. до н.э. – II в. н.э. и Алексеева-83 II в. до н.э. – I в.н.э. [114, С.68, 72; 115, С.9; 1148, С.67–68, Рис. 1, ^{3, 5}]. В женских погребениях данного подкластера часто встречаются литые бронзовые зеркала типа 8.7 или Хазанов-4 (х. Верхний-78 к.7 п.4, Пролетарский-82 к.3 п.5, Брюховецкая I к.3 п.9, Павлодольская к.2 п.1). Целые зеркала данного типа позднее II в. до н.э. в погребениях сарматов Кубани не встречаются.

С учётом датировки предшествующего кластера данная группа в целом может быть отнесена ко второй пол. 2 в. до н.э. Следовательно, комплексы фазы С3 в Предкавказье содержат материалы кон. III – II вв. до н.э., причём так же, как и в Волго-Донском междуречье, можно выделить комплексы кон. III – первой пол. II вв. до н.э. и погребения, относящиеся ко второй пол. II в. до н.э.

Несколько узко датированных комплексов, относящихся к данной фазе, исследовано между Доном и Днепром.

В ограбленном п.3 к.1 у с. Васильевка на юге Донбасса датировка определяется по совстречаемости унгентария типа V по М.Парович-Пешикан II в. до н.э. и полихромных стеклянных бус нашего типа 615, близких типам Алексеева-354–357 II–I вв. до н.э. и особенно экземпляру из п. XIII мавзолея Неаполя Скифского, датированному кон. II – I вв. до н.э. [114, С.54; 760; 1246, С.80–81, Таб. XXII, 15]. Очень близок набор XII в к.1 п.1 группы Соколово II [1103, С.107, Рис. 49, 6–14; 50]. Здесь встречены 2 унгентария и бусы того же типа 615, а также круглая серебряная брошь без вставки, аналогичные находкам из Васильевки, что позволяет синхронизировать оба комплекса. Можно считать, что к западу от Дона поздние прохоровцы появились в самом конце II в. до н.э. Об этом свидетельствует и незначительное количество комплексов между Доном и Днепром, содержащих собственно-раннесарматские вещи (мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием, зеркала с валиком по краю плоского диска).

В целом данную фазу можно ограничить пределами кон. III – кон. II вв. до н.э., а по материалам Задонья, Предкавказья и Днепро-Донского междуречья выделить подфазы С3а (кон. III – первая пол. II вв. до н.э.) и С3b (вторая пол. II в. до н.э.).

Абсолютные даты для фазы С4 в основном дают комплексы Заволжья, Задонья, Предкавказья, Украины и Молдавии [Карта 17].

Для Приуралья можно судить лишь о конечной дате данной фазы. В к.5 п.4 у с. Иштуганово, содержащем XII уже следующего – среднесарматского горизонта, найдены пантикапейские монеты Митридата Евпатора (120–63 гг. до н.э.) и Фарнака II Боспорского (63–47 гг. до н.э.) [613]. Это позволяет предполагать, что смена раннесарматской эпохи среднесарматской в Приуралье относится ко второй трети I в. до н.э.

В Заволжье в к.3 п.12 у пос. Рыбного, к.14 п.5 у с. Ровное и к.8 п.6 у г. Волжского обнаружены фрагментированные фибулы среднелатенской схемы, у которых раскованный в лапку свободный конец ножки крепится к спинке близко к пружине, что является диагностирующим признаком застёжек Латена D1 (120–60 гг. до н.э.) [216, С.26; 1037, С.59, Рис. 23, 5; 1063, С.107, Рис. 2, 4–10]. Конструктивно близка им фибула из к.27 п.3 Калиновского могильника, также относящаяся к Латену D1 [1226, С.383–384, Рис. 41, 1]. Остальной инвентарь погребений не противоречит их датировке в пределах первой трети I в. до н.э.

В междуречье Дона и Волги выборка узко датированных погребений данной фазы больше. Так в к.3 п.20 у х. Алитуб [672] обнаружены

веретенообразный унгентарий близкий экземплярам типа V по М. Парович-Пешикан, датировка которых рассмотрена выше, и бронзовая сковородка типа «Айлесфорд», датируемого в пределах 90–50 гг. до н.э. [932, С.160–163]. Комплекс можно датировать первой пол. I в. до н.э. Аналогично можно датировать п.2 из Косики с сковородой того же типа [1071, Рис. 4, ²⁷ 5, ^{4, 5, 8, 13}]. Датировку в пределах первой пол. I в. до н.э. здесь подкрепляет находка кружального трёхручного канфаровидного кубка, характерного для финала среднеэотского периода (III – первая пол. I вв. до н.э.) [134; 203]. В к.1 у с. Лебяжье и к.1 п.5 из Сарепты раннесарматский инвентарь сопровождался имитациями среднелатенских фибул, выделенных А.К.Амброзом в особую «лебяжью» серию I в. до н.э. [120, С.56–57; 1063, С.111, Рис. 3, 20–23].

В Предкавказье подкластер В3 можно датировать по многочисленным кельтским импортам. Так в составе инвентаря к.5/84 п.5 у х. Пролетарского встречена фибула «неапольского» варианта, относимая к Латену D1 или 120–60м гг. до н.э. [216, С.2]. В п.68 Курганинского кургана-кладбища и к.9 п.9 у ст. Раздольной открыты «копьевидные» фибулы среднелатенской схемы [220, Таб. 46, ⁵⁰; 716, Рис.65, ²]. Они близки описанным выше экземплярам из Хопёрской к.11 п.8 и Пролетарской к.3/84 п. 3, однако у них отсутствуют характерные восьмёрковидные завитки на спинке. Более точной аналогией являются экземпляры из Беляусского склепа №20 [761] и могильника Кермен Кыр [379, Таб. 64, ⁵], датируемые кон. II – I вв. до н.э., т.е. тем же Латеном D1. Прототипами их можно считать найденные в Югославии фибулы из Маревичей и Гостилю, датируемые Латеном C2 [548, Рис.3, ^{5,6}]. Ряд комплексов (Владимировская к.9 п.35, с/х Мичурина к.1 п.4, разрушенные курганы у ст. Сергиевской и Роговской [220, Таб. 46, 51, 716, Рис. 114, ¹, 115, ⁹; сообщение И.В.Каминской]) содержали литые бронзовые шлемы типа «Монтефортино» А/В [936, С.118]. Принятая в отечественной науке датировка этих шлемов в пределах IV–III вв. до н.э. [216, С.26; 936, С.124; 1255, С.147], как указано выше, подверглась пересмотру в сторону омоложения [455, С.93–94]. В настоящее время их можно отнести ко II в. до н.э., что не противоречит гипотезе о попадании их к сарматам в эпоху Митридатовых войн 89–63 гг. до н.э. Погребение 19 к.1 у ОПХ «Рассвет» [285; 716, Рис.113; 933, С.168–170] содержало позднелатенскую бронзовую ситулу типа Эггерс-52 [1307, Тур 52] и сероглиняную кружальную мисочку, аналогичную находкам из погребений третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника №2 (III – первая

* В монографии И.И.Марченко данный рисунок ошибочно отнесён к комплексу к.19 п.7 у ст. Раздольной, уточнено по отчёту А.А.Нехаева [1381, С.8, Рис.22, 5].

пол. I вв. до н.э.) [134, С.174–176, Рис. 9, _{2, 8}]. Такое сочетание возможно в пределах второй трети I в. до н.э. Переходный характер имеет набор ХИ из к.5/1986 п.2 у хут. Пролетарского [1385]. В нём сочетаются ранне-сарматский чернолощённый кувшин, орнаментированный «полотенцами», и среднесарматское зеркало типа 13.7. Об узкой датировке погребения можно судить по сочетанию бус: полихромных стеклянных Алексеева-292 II в. до н.э. и стеклянных одноцветных Алексеева-68 I в. до н.э. – IV в.н.э., 163 I в. до н.э.-I в.н.э. и 167 II–I вв. до н.э. [114, С.50, 67, 72–73] и овальной серебряной фибулы-броши с большим щитком нашего типа II.1, датируемого II-второй третью I вв. до н.э. Всё это позволяет датировать комплекс из Пролетарского началом-первой пол. I в. до н.э.

Таким образом, большая часть погребений, вошедших в данный подкластер, может быть датирована в пределах первой трети I в. до н.э. Вместе с тем, отдельные комплексы могут быть отнесены и ко второй трети данного столетия.

Серия погребений фазы С4, датируемых по импортным изделиям, исследована между Доном и Днепром.

Среднелатенская фибула со свободным концом ножки, раскованным в лапку и прикреплённым к спинке, близкая экземпляру из Калиновского к.27 п.3, и красноглиняный боспорский кувшин из к.3 п.5 могильника Никитин I [636, С.47–48, Таб. XXXIX] ограничивают время совершения погребения пределами первой трети I в. до н.э. Аналогично можно датировать к.50/18 п.11 у х. Попова, к.40 п.3 могильника Валовый, к.24 п.5 из Высочино V, к.1 п.11 из Новопалестинского II, к.2 п.15 из Суходеревского II и к.2 п.7 из х. Донского, содержавшие среднелатенские фибулы «неапольского» варианта и типа В-Костжевский, характерные для Латена D1 [318, С.167, Рис. 27, ₁₀; 467; 1126]. О датировке к.1 п.3 могильника Северо-Западный I [283, С.9–11] можно судить по сочетанию «мегарской» чаши ионийского производства, датируемой в пределах 169–69 гг. до н.э. [323, С.129], и лучковой одночленной фибулы «нулевого» варианта, появление которых относят к I в. до н.э. или даже к кон. II в. до н.э. [204, С.6; 456, С.152; 1070, С.133; 1149, С.151]. Аналогично можно датировать к.1 п.17 из Кулешовки [675, С.80, Рис. 1–5; 676, Рис. 1] по находке «мегарской» чаши, однотипной экземпляру из Северо-Западного. Серию погребений с крупными (длина 8 см и более) фибулами среднелатенской схемы типа В-Костжевский и близких им вариантов из Северной Таврии А.В. Симоненко отнёс к нач. II в. до н.э., сравнив их с материалами пшеворской АК эпохи Латен С2 [1015, С.27; 1022, С.138–139]. В эту серию входят комплексы из к.1 п.3 во Владимирове, к.1 п.1 в группе Привольное II, к.2 п.1 в Садово, к.1 п.5

у с. Черноморского, в кургане у пос. Ставки, к.1 п.4 из Васильевки; к.2 п.2 из Громовки; к.1 п.23 в могильнике Каиры и п.4 на поселении Бабино IV и случайную находку у с. Петровское [1015, С.9–19; Рис. 2, _{1,3}; 3, _{1,4}; 4, ₂; 6; 1103, С.84–86, 99–100; Рис. 37, _{5,7}; 45, _{3,6}; 46]. Однако ни один из этих комплексов не содержал ХИ, характерных для фазы СЗ, в них отсутствуют характерные для собственно прохоровской АК оружие и зеркала, что не позволяет относить их не только к началу, но к концу II в. до н.э. Соглашаясь с предположением А.В.Симоненко, мы приходим к курьёзной ситуации. Первые (по А.В.Симоненко) прохоровцы в Европейской Сарматии не принесли ни одного элемента собственной материальной культуры из Задонья-Приуралья, но неведомым чудом обзавелись пшеворскими фибулами, хотя пшеворская АК во II в. до н.э. простиралась на восток лишь до верховьев Днестра, а сарматы ещё не перешли Днепр. Фибулы В-Костжевский известны и в Латене D1, что позволяет синхронизировать находки их из Северной Таврии с нижнедонскими аналогами, датируя в пределах первой трети I в. до н.э. Вместе с тем, можно согласиться с предлагаемой А.В.Симоненко датировкой к.10 у пгт. Каланчак в пределах кон. II – I вв. до н.э. [1015, С.15, 27–28; Рис. 4,], содержавшего фибулу среднелатенской схемы с прогнутым свободным концом ножки и пластинчатым креплением ножки к спинке, близкую экземпляру из к.27 п.3 в Калиновке. Датировку можно сузить до пределов первой трети I в. до н.э. с учётом датировки остальных комплексов со среднелатенскими фибулами, вошедшими в данный хроносрез. Согласны мы в целом и с предложенной А.В.Симоненко датировкой комплекса из Булаховки в пределах кон. II – I вв. до н.э., на основании присутствия в нём трёх серебряных чаш, близких находкам их гробницы II Артюховского кургана и ст. Новоджерелиевской [143, Рис. 1, ₄; 680, С.80–81, Рис. 26; 591; 1022, С.139]. Последняя аналогия позволяет ограничить верхнюю дату комплекса из Булаховки пределами первой пол. I в. до н.э. (о её датировке см. ниже).

Интересно разрушенное погребение у с. Солонцы, в нём сочетаются фибулы среднелатенской схемы, близкой «неапольскому» варианту, но с муфтами для крепления свободного конца ножки к спинке и позднелатенская «воинская» фибула [260]. Хронологические рамки бытования фибул среднелатенской схемы определяются как 180е-60е гг. до н.э. «Воинские» фибулы К.В.Каспарова сравнивала с позднелатенскими экземплярами типов М и N-Костжевский, относя их к IV фазе зарубинецкой АК, синхронизируя её с частью Латена D2 [547, С.133–136, Рис. 2; 548, С.116–117]. Начало латена D2 в настоящее время принято относить к 60–58 гг. до н.э. [1255, С.54, Рис. 13, 23]. Таким образом, встретиться в одном комплексе фибулы из Солонцов могли примерно в начале второй трети I в. до н.э.

В к.5 п. 18 у с. Червонное (Ногайчинский курган) [456] о датировке свидетельствует сочетание чернолощёного кувшина, орнаментированного «полотенцами», имитации зеркала типа 13.7, унгентария и круглой полихромной фибулы-броши со сканными подвесками. Чернолощёная керамика с «полотенцами» распространялась из Центрального Предкавказья и в комплексах после рубежа эр не встречается [204, С.6]. Веретенообразные унгентарии были распространены в эпоху эллинизма, после чего их сменили флаконы с плоским дном [879, С.108]. Ближайшими аналогиями находке из Червонного могут служить экземпляры из резиденции Хрисалиска, погибшей в 14–13 гг. до н.э. [1108, С.94, 108; Рис. 53, 1, 6, 10]. Вместе с тем, зеркало типа 13.7 является хроноиндикатором следующего хронологического горизонта. Брошь, однотипная Ногайчинской, происходит из комплекса святилища в Курганинском кургане-кладбище, также относящемся к фазе D1. Всё это позволяет датировать п. 18 Ногайчинского кургана в пределах второй трети I в. до н.э.

Присутствие позднелатенских импортов, аналогичных описанным выше, свидетельствует о датировке не позднее сер. I в. до н.э. т.н. «странных» комплексов из Весёлой Долины, Марьевки, Новых Бедражей и Великопосского. Впрочем, в отношении этих комплексов могут быть справедливы предположения Ю.П.Зайцева, связывающего их с Тираспольской группировкой поздних скифов [455], хотя присутствующий в составе комплекса из Великопосского бронзовый котёл как будто не характерен для скифов [746].

Вероятно, к первой пол. I в. до н.э. можно отнести погребение 13 в к.11 группы Аккермень I и к.1 п.1 группы Лычково III [594, Рис. 1, 7; 1103, С., 96, Рис. 43, 7], содержавшие зарубинецкие копьевидные фибулы варианта IV по А.К.Амброзу [120, С.17–18]. Эти фибулы характерны для IV этапа зарубинецкой АК, который синхронизируется с частью Латена D2, III фазой пшеворской АК и фазой d позднего предримского времени, что в абсолютных датах даёт 60–58 г. до н.э. – 40 е гг. н.э. [548, С.116, Рис. 5; 1255, Рис. 13]. При этом нижняя дата комплексов следующей фазы позволяет исключить последнюю треть I в. до н.э. и I в. н.э. из хронологических рамок сложения комплексов из Лычково и Аккерменя. Это предположение подтверждает комплекс к.1 п. 3 группы Прядовка IV [594, Рис. 1, 16] содержащий обломки аналогичной фибулы и сероглиняную мисочку, близкую находкам из погребений третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника №2, верхней датой которой является сер. I в. до н.э. [134, Рис. 9, 1, 8]. «Воинские» фибулы с прямой каплевидной спинкой и укороченным приёмником, аналогичные экземплярам из к.1 п.3 в Васильевке, позволяют датировать в пределах I в. до н.э. к.1 п.3 группы

Соколово V и к.1 п.9 группы Пролетарское XXX [597, Таб. 10, ⁸; 11, ³⁵]. В пределах I в. до н.э. можно датировать к.3 п.2 из Балтазаровки, в котором сочетаются железная лучковая одночленная фибула «нулевого» варианта и лепной горшочек-курильница, декорированный «полотенцами» [1015, С.55–56, Рис. 17, 1]. Об удревнении момента появления лучковых фибул говорилось выше, керамика, декорированная «полотенцами» в эпицентре её распространения на Центральном Кавказе с материала-ми I в.н.э. не встречается [194, С.109]. На том же основании не позднее I в. до н.э. мы датруем к.1/1985 п.2 из Ново-Филипповки, из которого происходит чернолощёный кувшин с таким же орнаментом [759, Рис. 2, ¹⁵].

Таким образом, импортные изделия из раннесарматских погребений фазы С4 позволяют ограничить её рамками первой-второй трети I в. до н.э.

Уточнение абсолютных временных рамок *періода D* или среднесарматского горизонта облегчается значительным количеством комплексов с узко датруемыми импортными изделиями в Заволжье, Задонье, Предкавказье и Приднепровье. Встречены они и в Приуралье, несмотря на то, что здесь фаза D в отдельный кластер не выделяется, а также в Дунайско-Днепровском междуречье [Карты 18–19]. При этом в рамках данного периода мы выделили фазы D1 и D2 [Таб. 73–74].

В Заволжье для фазы D1 одним из наиболее ранних узко датруемых комплексов можно считать к.1 п.14 могильника Верхнее Погромное I, содержавшее сильно повреждённую фибулу среднелатенской схемы, вышедшей из моды к концу Латена D1 (60–58 гг. до н.э.). Погребение можно отнести к первой трети I в. до н.э., скорее всего – её концу. Опорным может служить к.55 п.8 Калиновского могильника [1226, С.402–404, Рис. 33, 51, 52, ¹⁻², 57]. В нём встречены позднелатенские бронзовые кувшины и амфора. Кувшин Б.А.Раев относит к типу «Галларате», датруемому в пределах всего I в. до н.э. вплоть до 20–10 гг. до н.э., амфора также, по его мнению, относится к числу изделий эпохи позднего Латена, то есть 60–58 гг. до н.э. – 10 г.н.э. [932, С.166]. Литая стеклянная чаша из этого погребения близка экземпляру из к.1 у Зубовского хут., датруемого около сер. I в. до н.э. (см. ниже), и аналогична стеклянной чаше из ст. Даховской, датруемой, по мнению И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, в пределах I в. до н.э. Наиболее вероятным временем для сложения данного комплекса можно считать вторую треть I в. до н.э. К позднему Латену относится котелок из тонкой листовой бронзы, найденный в тайнике в к.1 п.4 могильника Киляковка [216, С.27, Рис. 2, ⁷⁴; 819, С.126–127, Рис. 6, ¹⁻¹³].

В Задонье одним из самых ранних комплексов данной фазы является п.10 из к.40 у х. Арпачин, содержавшее проволочную фибулу среднелатенской схемы «неапольского» варианта, аналогичную экземплярам из к.40 п.3 могильника Валовый II и к.50/18 п.11 у х. Попова фазы С4 [931]. Погребение не может быть датировано позднее начала второй трети I в. до н.э. (финал Латена D1). Не позднее сер. I в. до н.э. можно датировать к.21 п.2 из Ильёвки [772, С.125 сл.] по находке краснолаковой пелики, аналогичной находке из Горгиппии и близкой экземпляру из к.13 п.2 из Бережновки II, описанному выше. В пределах второй пол. I в. до н.э. можно датировать комплекс к.6 могильника Балабинский III, содержащий «воинскую» прогнутую фибулу [324, С.130].

Погребение в к.1 из Октябрьского V [820] содержит серебряную полусферическую каннелированную чашу, аналогичную находкам из Прикубанья в к.1 п.10 у х. Песчаного и к.29 п.2 близ Усть-Лабинской, датируемых соответственно второй пол. I в. до н.э. и нач. I в.н.э. (см. ниже). Устройство атташей кольчатых ручек котелка из тонкой бронзы аналогично атташам котелка из к.1 п.4 в Киляковке, что позволяет отнести его к позднему Латену. Стекланный скифос III типа 2 варианта по И.П.Засецкой и И.И.Марченко [466] аналогичен находке из Воздвиженского кургана августовского времени (см. ниже). В пользу относительно ранней датировки комплекса свидетельствует орнамент в виде розетки из листьев аканфа на дне одной из серебряных чаш, близкий орнаментам на фаларах из Жутовского к.27, Янчокракскогоклада и Балаклеи, датируемых в пределах II–I вв. до н.э. [777, С.164, Рис. 2, _{1, 2, 5}; 1257, Рис. 6, ₅] и некоторых типах «мегарских» чаш II – первой пол. I вв. до н.э. Поэтому можно датировать данный комплекс временем около рубежа эр.

Комплекс п.2 к.20 могильника Новый [501, С.42, 45, Рис. 7] можно датировать по сочетанию позднелатенского бронзового черпака [216] и трёх стекланных скифосов типа IIIa варианта 4 по И.П.Засецкой и И.И.Марченко [466]. Скифосы типа III авторами классификации суммарно датируются второй пол. I в. до н.э. – I в.н.э., что в сочетании с позднелатенским сосудом позволяет ограничить данный комплекс рамками второй пол. I в. до н.э. – нач. I в.н.э.

Датировка погребений данной фазы из Предкавказья не вызывает трудностей. В комплексах рассматриваемого среза всё ещё встречается позднелатенский импорт. Так в разрушенных курганах у ст. Новоджерелиевской и хут. Элитного [132; 143], а также в п.15 кургана «Овального» на ПКОС [716, Рис. 102, ₁₀] найдены бронзовые сковородки типа «Айлесфорд» или Эггерс-130, датируемые 90–50 гг. до н.э. либо даже

90–10 гг. до н.э. [932, С.161, 163]. При этом первые два экземпляра сочетаются с «мегарскими» чашам, кроме того второй – с бронзовой позднелатенской кружкой типа «Идриа» [932, С.163–164, 1314, S.103], что подкрепляет датировку по сковородам. Кружка типа «Идриа» происходит из к.1 у Зубовского хут. [373; 418]. С нею найдена бронзовая шарнирная фибула типа «Алезия». Бытование таких застёжек начинается перед 52 г. до н.э. и завершается к 15 г. до н.э. [1251]. Следовательно, данный комплекс можно отнести к середине I в. до н.э. В святилище из Курганинского кургана–кладбища сочетаются бронзовый импортный шлем, железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел с узкой вытянутой боевой головкой и длинными черешками и фрагменты железной кольчуги [1377, С.173–178]. Шлем тессинского типа датируется в пределах II–I вв. до н.э. [936, С.121]. Наконечники стрел, аналогичные курганинским, в Прикубанье встречены только в самых ранних комплексах фазы С3 (Верхний к.1 п.4, Карстовый 1 к.1 п. 2), т.е. кон. III – первой пол. II вв. до н.э. Кольчуги известны в римской армии с первых веков н.э. [1346, P.172], когда были заимствованы у кельтов. Таким образом, комплекс курганинского святилища мог сложиться примерно во второй пол. I в. до н.э., а с учётом датировки погребений из данного кургана – около середины данного столетия. Погребение 10 к.1 у хут. Песчаного [432] содержало овальную золотую брошь-фибулу с камеей 80х гг. до н.э., бронзовую крышку позднелатенского сосуда, датированную Б.А. Раевым I в. до н.э. [932, С.172], серебряную чашу, близкую находке из Ахтанизовского кургана кон. II – нач. I вв. до н.э. [611, С.85, Рис.45, 3]. Датировка комплекса в пределах первой пол. I в. до н.э. вполне оправдана.

Несколько позднее должен датироваться комплекс п.5 в к.5 из Новокубанска [1216, С.167–169]. В нём сочетаются чернолощёный кувшин, декорированный «полотенцами» – XII предшествующей фазы, сероглиняный кружальный горшочек с крышкой и тремя ручками, напоминающий пиксиды финала среднемеотского этапа меотской АК (первая пол. I в. до н.э.) [134; 203], фаянсовая бусина типа Алексеева-156 I–II вв.н.э. [112, С.33] и стеклянный канфар типа II варианта I, 1 по И.И. Марченко и И.П. Засецкой [466]. Канфары данного варианта И.И. Марченко и И.П. Засецкая отнесли к сер. II в. до н.э. Однако анализ стекла выявил в нём примесь марганца, появившуюся только в раннеимператорское время*. Таким образом, комплекс из Новокубанска может быть датирован началом последней трети I в. до н.э. Ему близко по особенностям обряда и набору XII п.6 в к.2

* Сообщение Б.А. Раева

из Новокорсунской [716; 1378]. В нём сочетаются стеклянные скифос типа IIa варианта I, канфар типа II варианта I, 1 по И.И.Марченко и И.П.За-сецкой, отнесённые авторами типологии к I в. до н.э. [466]. В стекле этих сосудов также содержится примесь марганца, свидетельствующая об их более поздней датировке. В пользу омоложения данного комплекса свидетельствует и глиняный амфориск, аналогичный находке I в.н.э. из Тасуново [238, С.105, Рис. 41,]. Вместе с тем, в комплексе встречена и небольшая кружальная сероглиняная мисочка, характерная для финала среднемеотского этапа меотской АК [134; 203] и чернолощёный кувшин, орнаментированный «полотенцами». Вероятнее всего, новокорсунское погребение близко по времени комплексу из Новокубанска. Во впускном сарматском погребении кургана у ст. Воздвиженской сочетаются набор панцирных чешуй, железные двухпетельчатые псалии типа II.2, идентичные находкам из Зубовского к.1 и овальная фибула-брошь с малым щитком [373, Кат. 27–50, С.124–125], близкая находкам в к.2 и 9 у ст. Михайловской нач. I в.н.э. (см. ниже). Это позволяет согласиться с выводами исследователей, относивших этот комплекс к рубежу эр [187; 373; 1253].

К западу от Дона также встречены достаточно ранние среднесарматские комплексы. Так к.1 п.1 группы Рясный II содержал позднелатенскую прогнутую «воинскую» фибулу [284, С.65–67, Рис. 17]. С нею сочетались полихромная стеклянная бусина типа Алексеева-197 I в. до н.э. – II в. н.э., глазчатые типа Алексеева-536 III–II вв. до н.э. и Алексеева-14 I в. до н.э. – IV в.н.э. [112, С.58, 65; 114, С.43–44]. Наиболее вероятна датировка погребения в пределах второй пол. I в. до н.э. В составе инвентаря ограбленного к.7 могильника Пятихатки I сохранился краснолаковый лаггинос малоазийского производства [284, С.67–68, Рис. 18, 6], аналогичный находкам из Пантикапея (п. 75–1910, 27–1906) и некрополя в Кыз-Ауле, датированным I в. до н.э. [1107, С.132, Таб. II, 11]. Это позволяет датировать погребение из Пятихаток не позднее рубежа эр. Интересен к.13 могильника Шаумяна, в котором находились три бронзовые монеты Митридата VI Евпатора и Асандра с надчеканками времени Асандра и деформированный черпак типа «Песчате» кон. II – I вв. до н.э. [318, С.178–179, Рис. 2, 3]. Вместе они определяют датировку погребения в пределах второй пол. I в. до н.э. В разрушенном погребении из х. Виноградного сочетаются бронзовая кружка типа «Идрия», датируемая 90–50 гг. до н.э., китайское «восьмиарочное» зеркало со специальной лентой для надписи эпохи ранней Хань и полихромные стеклянные бусы типа 193 I в. до н.э.- II в.н.э. [114, С.43; 602; 652, С.101–102; 932, С.165]. Наиболее вероятной датой сложения комплекса с учётом того, что торговля между Китаем и Римом началась

в 36 г.до н.э. и возобновилась при Августе [1125, С.171, сн. 1], является последняя треть I в. до н.э. Курганы 2 из Ново-Филипповки (западная группа) и 5 из Аккермена II (восточная группа) можно датировать по наличию в них фибул «лебяжьинской» серии варианта 2, датируемых I в.н.э. [120, С.56; 292, С.240, Таб. VI, 7]. С учётом датировки следующей фазы следует, вероятно, говорить либо о рубеже эр, либо о самом начале I в.н.э. К кон. I в. до н.э. или самому началу I в.н.э. можно отнести комплексы, содержащие лучковые одночленные фибулы I варианта по А.К.Амброзу (Лычково XXVIII к.1 п.10; Новое к.3 п.3 [595, Рис. 1, ₂; 1015, С.32, Рис. 8, ₃]).

К западу от Днепра о начальной дате рассматриваемого хронологического пласта свидетельствуют фибулы среднелатенской схемы из к.4 в Холмском, Турлаков, разрушенного погребения в Безнах [354, С.38–39, Рис. 7А; 359, С.21–23, Рис. 2, ₁₁; 945, С.16, Рис. 4], которые вышли из употребления к нач. второй трети I в. до н.э. Комплексы из к.1 п.9 в Старых Дубоссарах, к.124 близ Смелы и к.2 п. 11 в Широкой Балке также содержали фибулы [354, С.42, Рис.7, ₁₁; 1010, Рис. 4, ₁₁; 1015, С.64, Рис. 20, ₁]. Первые две относятся к кругу «воинских» прогнутых фибул второй трети I в. до н.э. – нач. I в.н.э. Фибула из Широкой Балки служила для крепления броши, однотипной экземплярам в к.1 п.1 группы Соколово II и п.3 к.1 у с. Васильевка, описанным выше. С ней сочетается миска, покрытая «графитным» лаком, близкая находкам из дома Хрисалиска, погибшего в 14–13 гг. до н.э. [1015, Рис. 20, 1; 1108, Рис. 50, ₄₋₅]. Миски этого же типа происходят из п.25 в Старых Дубоссарах [354, Рис. 7В] и к.1 могильника Аккермень II [292, Таб. V, 3]. С учётом датировки следующей фазы комплексы могут быть датированы в пределах второй трети – конца I в. до н.э.

Таким образом, можно считать, что начало формирования фазы D1 относится ко второй трети I в. до н.э., большая же часть комплексов должна относиться к последней трети I в. до н.э.

Абсолютная хронология древностей фазы D2 также базируется на серии комплексов, содержащих узко датируемые изделия. Целый ряд ХИ, учтённых при разработке региональных колонок относительной хронологии, является надёжным датирующим материалом. К ним относятся зеркала-подвески типа 13.10, надёжно датированные в закрытых комплексах Центрального Предкавказья фибулами I в.н.э. [77, С.126–127; 194]; одночленные фибулы вариантов 1 и 2 по А.К.Амброзу; сильнопрофилированные фибулы с крючком для тетивы I варианта по А.К.Амброзу; фибулы с завитком на конце приёмника варианта I, основное время бытования которых также включает I в.н.э. Вместе с тем, внушительная серия комплексов узко датируется по иным импортным изделиям.

О начале данной фазы в Заволжье свидетельствует к.Е25 п.19 у Старой Полтавки [1026, С.91, Рис. 23–27], где узкую дату определяют сочетание китайского зеркала и железной пряжки типа II.1.5. Зеркало «восьмиарочное» со специальной лентой для надписи, однотипное находке из х. Виноградного [652, С.101–102]. Пряжка близка «маркоманнским» типов С и U по Раддацу, появившихся на ступени VIa римского времени (10–40 гг.) [1255, Рис. 21–22]. Другой аналогией пряжке могут служить экземпляры из п.62 Чегемского кургана-кладбища и п.2 могильника Мостового в Предкавказье, относящиеся ко второй четв. I в. [194, С.109–110, Таб. I]. Встретиться в одном комплексе зеркало и пряжка могли в нач. I в.н.э. К данной фазе относятся погребения в к.А1 у х. Шульц, к.37 Бережновского I могильника и к.24 из гр.III у с. Харьковка, в которых обнаружены зеркала-подвески типа 13.10 [376; 1033, С.101–102, Рис. 30, ^{7, 13, 15, 16}].

Выразительна выборка узко датированных погребений данной фазы между Волгой и Доном. «Крестовый» к.26 у х. Алитуб датируют совместно найденные ковш типа Эггерс-136 («Сисция»), характерный для 80–30 гг. до н.э. [1337, С.36], и 3 монеты второго правления Динамии (9 г. до н.э. – 7 г.н.э.) [465, С.57–60; 1255, С.55]. Эти находки позволяют отнести комплекс «Крестового» кургана к кон. I в. до н.э. самому нач. I в.н.э. Вероятно, синхронен ему к.43 у х. Нового, в котором также обнаружен ковш типа Эггерс-136 [1319]. Сероглиняные кружальные плоскодонные скифосы и миска из этого погребения, характерные для позднемеотского этапа меотской АК (вторая пол. I в. до н.э. – II в.н.э.) [134; 136; 203], позволяют отнести комплекс ко второй пол. I в. до н.э. Третий ковш типа «Сисция» происходит из Багаевского к.14 [1341, Р. 52–53]. С ним найдены бронзовый таз типа «Хоби» или Эггерс-97, датируемый фазой VIa [1307, Taf. 10], светлоглиняные амфоры типа Шелов-А I в.н.э. [1221, С.17–18]. В этом же комплексе встречена бронзовая амфора, аналогичная находкам второй пол. – кон. I в. из Кунчукохабля и Хохлача. Встретиться в одном наборе с остальными датировующими вещами данного комплекса она могла около сер. I в.

Погребение 1 у с. Косика [387, С.6–11; 389] узко датируется по сочетанию ручки ковша типа «Песчате» кон. II – I вв. до н.э. [323, С.130], серебряной ложки, клеймённой тамгой Аспурга (8 – 38 гг. н.э. [233, С.199]) и таза Эггерс-92 с посвятителльной надписью царю Артевазду [277, С.157–158]. Вероятнее всего, имеется в виду Артевазд III армянский, правивший в 4–6 гг., так как тазы данного типа относятся к периоду VIa (10–40 гг.). [233, С.201]). Всё это позволяет отнести данный комплекс к концу первого – началу второго десятилетий I в.н.э.

В к.28 из Высочино VII [224] о датировке можно судить по краснолаковой миске, серебряным канфарам, железному умбону и сероглиняной кружальной крышечке. Краснолаковая профилированная миска с высоким вертикальным бортиком аналогична находке из п.20/1973 в Ольвии, датируемой первой пол. I в.н.э., при том, что весь комплекс ограничен первой третью данного столетия [569, С.69]. Умбон находит аналогии в древностях Чехии ступени Vla римского времени [1255, Рис. 6, ₆₂]. Серебряные кубки с вильчатыми ручками близки находкам из Богви и Агаяни в Закавказье первой пол. I в. [1165; 1164]. Вероятно, двум аналогичным сосудам принадлежат 4 ручки и фрагменты тулова из комплекса в Колоколинине, датируемого импортами фазы Vla [1255, С.195, Рис. 69]. Более отдалённые аналогии происходят из ст. Ярославской и Ольвии [373, Таб. I, 7; 1327, Pl. 78–79]. Исходными формами для них могут быть малоазийские сосуды II в. до н.э. типа найденного в Артюховском кургане и кубки августовского времени типа находок из Сынкрейени [680, Арт. 106; 1311, Pl. 43]. Полушарическая кружальная крышечка с отверстием в центре аналогична крышечкам от пиксид меотской АК финала среднемеотского этапа, завершающегося к сер. I в. до н.э. [134; 203]. При этом меотские пиксиды не относятся к предметам роскоши и уникальным произведениям искусства, значительно переживать основное время своего бытования они не могли. Последнее заставляет нас синхронизировать анализируемый комплекс с п. 1 из Косики и относить к началу второго десятилетия I в.н.э.

О времени совершения погребения в кургане «Дачи» [226] можно судить по найденным в нём втульчатым железным трёхлопастным наконечникам стрел, светлоглиняным амфорам и парадному кинжалу. Наконечники стрел рассматриваемого типа характерны для памятников меотской АК меотского и среднемеотского этапов (IV-первая пол. I вв. до н.э.) [134; 136; 203]. Как исключение они могут встречаться в нач. I в.н.э. в немеотских погребениях. Амфоры относятся к типу Шелов-В, датируемому в пределах второй трети I – нач. II вв. [1221]. Парадный кинжал находит ближайший аналог в п.4 некрополя Тиля-Тепе [989, С.84–110, Рис. 33; 1295, Cat. 4.8; Ill. 160], суммарно датируемого по находкам в п.2, 3 и 6 раннеханьских зеркал «восьмиарочного» типа со специальной лентой для надписи и монет Митридата II парфянского (123–88 гг. до н.э.), Тиберия (16–21 г.н.э.) и Фраата IV (38–32 гг. до н.э.) в пределах последней трети I в. до н.э. – первой четверти I в.н.э. Это позволяет датировать комплекс «Дачи» началом второй трети I в.н.э.

Курган 13 из Багаевского могильника [1341, Р. 47–48] можно датировать по сочетанию таза Эггерс-96 – XI фазы Vla римского времени

[1255, Рис. 8; 1307, Taf. 10] и бронзовой амфоры группы А типа 1 по Б.А. Раеву, аналогичной находкам в Помпеях [1341, Р.35–36]. Учитывая, что посуда из слоя разрушения Помпей вряд ли была произведена именно в день извержения Везувия в 79 г.н.э., её можно отнести к фазе В1b или 40–70 гг. Сочетание же таза и амфоры в одном погребении позволяет датировать его около сер. I в.н.э. Вероятно, аналогично следует датировать к.28 п.1 могильника Новый [501, С.50–52]. В нём сочетаются краснолаковый кубок, орнаментированный в стиле «барботин» нач. I в.н.э. [557, С.310] и фрагмент ручки бронзового таза типа Эггерс-99 или 100, относящихся к фазе В1b. [1255, С.56, Рис. 7–9; 1307, Taf. 10; 1308; 1360].

В набор датирующих вещей к.28 из Жутово [783; 1233, С.150, Рис. 58] входит серебряный таз типа Эггерс-96 [1307, Taf. 10], относящийся к ступени В1а римского времени [1255, Рис. 8–9]. Серебряная полусферическая чаша близка находкам из комплексов эпохи эллинизма и августовского времени, в том числе упомянутым выше экземплярам из к.1 п.2 Карстового I могильника, Булаховки, Артюховского кургана и клада в Сынкрейени. Серебряный полусферический канфар также близок изделиям эпохи эллинизма и раннего римского времени из Артюховского кургана третьей четв. II в. до н.э., Алезии, Тразименского озера сер. I в. до н.э., Хильдесхайма нач. I в.н.э., Сынкрейени первой пол. I в.н.э. [680, Рис. 24; 1311, Pl. 42; 1320, S.121, Taf. 12, ; 1327, P. 113, 126, Pl. 73, 80]. Серебряный скифос с одной стороны близок сосудам типа Эггерс-169, попадавшим в Вольную Германию в течение фазы С римского времени (после 170 г.) [1307, Taf. 14, ¹⁶⁹], вместе с тем Д.Стронг выделил подобные сосуды в тип Е кубков I в.н.э. [1355, Fig. 27]. В Сарматии ближайшие аналоги жутовскому скифосу происходят из Соколовой Могины нач. I в.н.э. и Хохлача кон. I в. Таким образом, скифос может датироваться в пределах всего I в.н.э., а время производства тазов Эггерс-96, полусферических чаш и канфаров, подобных жутовским, определяет датировку комплекса в пределах первой пол. I в.н.э.

Курган 3 могильника Бердия [1003, С.67–71, Рис. 82–87] датируется бронзовым тазом Эггерс-99 и котелком «Дебелт» в пределах 40–70 гг. н.э. [1255, С.56, рис. 7]. Аналогично можно датировать к.11 из Авиловского II могильника [1003, С.84–87; Рис. 102–104]. В нём обнаружены котелок «Дебелт» и ковш Эггерс-140, которые также могли попасть в одно погребение в течение фазы В1b римского времени [1255, С.56, рис. 7]. Вероятно, синхронен этим комплексам к.2 Кирсановского III могильника [930]. В нём обнаружен таз Эггерс-100, относящийся к ступени В1b [1307, Taf. 10]. В тех же пределах можно датировать к.96, исследованный в 1887 г.

у с. Большая Дмитриевка [678; 1231]. В состав этого комплекса входил ковш Эггерс-140. Время совершения погребения вряд ли значительно выходит за пределы фазы B1b, так как вместе с ковшом найдено поздне-латенское ведёрко типа Баргфельд со следами починки.

К I в. должен относиться к.4 Авилковского II могильника [800; 1028, 1003, Рис. 123], в котором сочетаются зеркальце-подвеска типа 13.10 I в.н.э. и лучковая одночленная фибула, которую А.К.Амброз отнёс к I варианту своей классификации, датируемому не позднее I в. [120, С.48–49]. Отметим, что по внешним признакам фибула из Авилковского II могильника ближе к более позднему варианту Амброз-4, на что обращал внимание ещё А.С.Скрипкин [1052, С.118]. Вероятно, целесообразно датировать данный комплекс концом I или самым началом II в.н.э. В к.14 Терновского могильника [1052, С.118; 1057, Рис. 13, ₆] зеркальце того же типа встречено с лучковой одночленной фибулой варианта I-3, относящейся ко II в.н.э. [120, С.49], что позволяет отнести данное погребение к рубежу I–II вв.н.э. или нач. II в.н.э. В пределах всего I в.н.э. можно датировать к.12 п.3 могильника Новый [501, С.37–38, Рис. 5] по двум серебряным канфарами, типологически близким находкам из Жutowo к.28, Соколовой могилы и Хохлача, а также кубкам I в.н.э. типа Е по Д.Стронгу. Столь же широко определяется датировка для к.28 из Барановки и Крепинского к.26, содержавших зеркальца-подвески типа 13.10 [387, С.58, Рис. 40; 1062, Рис. 36, _{16–17}]. К этой же группе можно отнести к.14 п.2 Каршинского, к.26 п. I Криволиманского, к.2 п.2 и к.10 Крепинского I могильников [675, Рис. 65, _{7, 10–11}; 1062, Рис. 36, ₁₅], к.1 из Норки [378, С.271–272, Рис. 5, _{1–5}].

Таким образом, все узко датируемые комплексы данной фазы из степей Задонья относятся к I в.н.э., а самые ранние из них заходят в I в. до н.э.

Серия комплексов фазы D2, содержащих узко датируемые предметы, исследована в Предкавказье, в основном в среднем Прикубанье.

Не позднее сер. I в.н.э. можно датировать комплексы, содержавшие железные втульчатые трёхлопастные наконечники стрел, датировка которых рассмотрена при анализе комплекса в кургане «Дачи». Это курганы 8, 10, 41, 44 (основное погребение) у ст. Казанской, к.37 у ст. Усть-Лабинской и к.4 у ст. Некрасовской [375, Кат. 48, 55, 105, 125/1, 422, 541; 851; 852; 855]. В к.44 из Казанской наконечники стрел сочетаются с бронзовым тазом типа Эггерс-100, относящимся к ступени B1b римского времени. Датировка к.4 из Некрасовской подкрепляется литой бронзовой ручкой кувшина с верхним креплением в форме лебединых головок и нижним атташем, украшенным фигуркой Эрота. Кувшины с аналогичными ручками были широко распространены в Италии и римских

провинциях и выделены А.Радноти в группу «расчленённых» первой пол. I в.н.э. [1339, S.159, Taf.XIV, 77; XXXIX, 2; XL, 1]. Радноти отмечал, что сначала появились кувшины с сюжетным изображением на нижнем атташе ручки, которые сменили сосуды с изображением масок. Это позволяет отнести к.4 из Некрасовской к нач. – первой четв. I в.н.э. К началу данной фазы относится п.14 в к.2 у ст. Михайловской [521]. О сравнительно ранней его позиции в пределах I в. свидетельствуют овальная фибула-брошь с малым щитком и позднелатенский бронзовый котелок, не находящий пока точных аналогий [932, С.172]. Датировку позволяют уточнить бронзовая патера, относящаяся к типу D – Хагенов по Х. Нуберу первой пол. I в.н.э. [1326, S.38–45, Taf.3, 1a-b] и серебряные сосуды, украшенные тамгами царя Аспурга (8–38 гг.). Сочетание этих сосудов с позднелатенским котлом позволяет отнести данный комплекс к нач. I в.н.э. Хронологически примыкает к нему п.25 к.9 у ст. Михайловской [525]. В нём патера того же типа Хагенов первой пол. I в. встречена с оригинальной позднелатенской фибулой и стеклянным скифосом типа IIIa варианта 3 по И.П.Засецкой и И.И.Марченко первой пол. I в. [466]. Такое сочетание наиболее вероятно в нач. I в.н.э. В пользу ранней датировки данного комплекса говорит и наличие овальной фибулы-броши, большинство из которых встречено в комплексах фаз C4 и D1.

Датировка «Острого» кургана у ст. Ярославской надёжно обоснована в работах Л.Ю.Березовской, И.И.Гущиной, И.П.Засецкой и М.Б.Шукина [187; 373, С.92–96; 846, С.56–58; 1253]. В нём сочетаются патера типа Хагенов, стеклянный скифос типа IIIa варианта 3 по И.П.Засецкой и И.И.Марченко, серебряные вильчатые ручки от кубка, близкие описанной выше находке в к.28 из Высочино VII нач. I в. и керамическая фляжка, покрытая коричневой глазурью, аналогичная находке из п.23 некрополя Дура-Эвропос, датированной по монете Орода II (58–39 гг. до н.э.) [1358, P. 139, Tab. XLIII]. Время сложения комплекса можно отнести к первой пол. I в.н.э., но с учётом датировки фляги более вероятно начало I в. Фрагменты скифоса, аналогичного находкам из Михайловской и Ярославской позволяют синхронизировать с ними к.36 у ст. Казанской [851 С.81–82]. Ещё один аналогичный скифос встречен в к.6/1902 у ст. Тифлисской [852, С.66, Рис. 135]. Это ограбленное захоронение явно содержало 2 разновременных погребения: женское, к которому относятся скифос, зеркальце-подвеска, возможно – бусы и миска [375, Кат. 206–208, 210] и более позднее мужское, представленное пряжкой, поясными наконечниками и наконечником стрелы [375, Кат. 202–203, 209]. Факт наличия парных асинхронных погребений в катакомбах «Золотого

кладбища» документирован для к.44 и 49 у ст. Казанской и к.29 у ст. Усть-Лабинской. Исходя из этого, мы считаем возможным разделить набор вещей из к.6/1902 у ст. Тифлисской на два комплекса и датировать раннее женское погребение в пределах начала – первой четв. I в.н.э.

Курганы 43 у ст. Казанской и 18/1902 у ст. Тифлисской [851: 852] содержали серебряные чаши с ручками в виде птиц, близкие находке в к.28 у с. Жутово первой пол. I в.н.э. [1233, С.150, Рис. 58,]. Датировку к.43 из Казанской позволяет сузить «арочное» зеркало со специальной лентой для надписи эпохи ранней Хань [652, С.102, Таб. 23–24]. В тифлисском к.18 обнаружен стеклянный бальзамарий типа I.A по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной первой пол. I в.н.э. [628, С.148, Рис. 1, 2]. В обоих комплексах найдены алебастровые культовые сосудики с зооморфными ручками, аналогичные находкам из комплексов кон. I в. до н.э. – нач. I в.н.э. в к.1 из Зубовского хутора, к.2 п.14 у ст. Михайловской и Соколовой могилы (см. ниже). Это позволяет отнести оба комплекса к нач. I в.н.э.

О датировке армавирского «Большого» кургана [853, С.62–65, Рис. 96–113] можно судить по сочетанию золотой фибулы позднелатенской схемы [373, Кат. 87], которая должна относиться к 60 г. до н.э. – 10 г.н.э., и бус из халцедона типа Алексеева-2А и янтаря Алексеева-44, появившихся в I в.н.э. [114, С.25; 115, С.11]. Такое сочетание наиболее вероятно в нач. I в. Первой пол. I в. можно датировать инвентарь к.1 п.5 из Армавира [852, С.86–87]. В пользу этого говорит сочетание стеклянного канфара типа III вида 2 варианта 2 по И.П. Засецкой и И.И. Марченко, относящегося к первой пол. I в.н.э., синхронной ему малоазийской краснолаковой миски и глиняного бальзамария кон. I в. до н.э. – первой пол. I в.н.э. [371; 466; 611, С.76, №584; 680, С.131, 133, Рис. 63].

В основном погребении к.29 у ст. Усть-Лабинской [852, С.77–78, Рис. 161–163] обнаружены 2 серебряных кубка, близкие итальяским сосудам типа D по Д. Стронгу, датируемого I в.н.э. [1355, Таб. 27] и фрагмент алебастрового сосудика, аналогичного находкам из Зубовского к.1, к.2 п.14 из ст. Михайловской, Соколовой Могилы, к.18/1902 из Тифлисской и к.43 из Казанской. К этому же комплексу относится бронзовый светильник на треножнике, украшенном скульптурной фигурой сирены, датируемый эпохой Августа [312, С.97–99, Таб. V, 20]. С учётом износа светильника и разнородности его составляющих, дату захоронения можно отнести к первой – нач. второй четв. I в. Курган 43 у ст. Усть-Лабинской [852, С.84, Рис. 186–188] датируется по наличию бронзового атташа от таза типа Эггерс-92 ступени VIa римского времени. Датировке не противоречат найденные в погребении фрагменты стеклянного скифоса и стеклянная бусина нашего типа 600, близкие находкам из к.9 п. 25 в ст. Михайловской.

Захоронение в к.15/1902 у ст. Тифлисской («Денисовом кургане») [375; 852, С.76–79;] датируется на основании сочетания бронзовых ойнохой, таза, котелка и серебряного кубка [197]. Ойнохоя типа Эггерс-125 и таз Эггерс-99 являются индикаторами фазы B1b римского времени (40–70 гг.) [1307, Taf. 9; 11; 1308; 1349, Pl.4.; 1360, S.245–246]. Бронзовый котелок типа «Дебелт» по Б.А. Раеву [1340, S.628] находит аналогии в Помпеях. Это обстоятельство позволяет отнести начальный этап их производства к той же ступени B1b. Серебряный канфар с вильчатыми ручками однотипен находкам из к.28 в Высочино VII, Богви, Агаяни, датируемым не позднее сер. I в.н.э. Сервиз из «Денисова кургана» можно датировать 40ми-нач. 50х. гг. В пользу такой датировки говорит и впускной характер данного погребения: все богатые погребения «Золотого кладбища» второй пол. I – II вв. были основными под насыпями.

Впускное погребение мальчика в к.32 у ст. Усть-Лабинской [852, С.87–88] содержало флакон из синего прозрачного стекла второй пол. I – нач. II вв. [628, С.171], стеклянную амфору первой пол. I в. [611, С.100, Кат. 884], овальную фибулу-брошь, близкую находкам из ст. Михайловской и Воздвиженской нач. I в. н.э. и пружинную фибулу со щитком в виде фигурки льва I в. до н.э. – I в.н.э. Такое сочетание наиболее вероятно для сер. – нач. второй пол. I в.н.э. Большинство находок в к.1 близ аула Хатажукаевского [849] датируется достаточно широко, ограничивая комплекс рамками I в.н.э. [373, С.101–105]. Бронзовая ойнохоя итальянского производства типа Эггерс-124 [1307, Taf. 11], характерная для фазы B1a римского времени [1360], позволяет сузить эти рамки до 10–40 гг.н.э. [1255, С.55]. Зубовский к.2 [418] можно датировать по сочетанию зеркала-подвески типа 13.10 (Хазанов-IX.1) I в.н.э., синхронного ему стеклянного скифоса типа III варианта 2 по И.П. Засецкой и И.И. Марченко [466] и алебастровых культовых сосудов типа Смирнов-IX [1093, Таб. 1], характерных, как показано выше, для комплексов начала I в.н.э. Комплекс относится к началу – первой пол. I в.н.э. «Маркоманнская» пряжка с вытянутой несколько укороченной лировидной рамкой типа Раддац-С, характерная для фазы B1b, датирует п.2 в к.6 у ст. Геймановской 40–70 гг. н.э. [433, С.104–105; 1255, С.56].

В к.42, основном погребении к.44 у ст. Казанской [851, С.83–84], к.3 у ст. Тбилисской [428, С.77–78], 17/1902 у ст. Тифлисской [852, С.71–72] и к.47 у ст. Усть-Лабинской [375, Кат. 499; 852, С.85] обнаружены бронзовые тазы типов Эггерс-99 и 100 либо их ручки, позволяющие ограничить датировку данных комплексов пределами 40–70 гг. В к.6 у ст. Казанской [851, С.72–74] к узко датируемым предметам можно отнести бронзовый таз типа Эггерс-97, характерный для фазы B1a [1255, Рис. 8–9],

и стеклянный бальзамарий второй пол. I – нач. II вв. [611, С.101–102, Кат. 889; 628, С.148–151]. Наиболее вероятная дата комплекса – сер. I в.н.э. Курган 8/1902 у ст. Тифлисской [852, С.67] можно датировать по наличию цедилки типа Эггерс-160 (в каталоге Гушиной/Засецкой не упомянута). Цедилки этого типа появились на ступени B1b (50–70е гг.) и встречаются в комплексах ступени B2 (70–170 гг.) [1255, С.56]. С учётом датировки следующей фазы комплексы с цедилками из Прикубанья можно датировать в пределах второй пол. I в.н.э.

В целом узко датируемые комплексы данной фазы в Предкавказье относятся к первым трем четвертям I в.н.э.

Между Днепром и Доном серию комплексов можно датировать на основании наличия в них лучковых одночленных фибул варианта I по А.К.Амброзу, которые он относил к I в.н.э. (возможно первой его половине) [120, С.48]. Выше уже отмечалось появление таких фибул ещё в I в. до н.э. Вероятнее всего, комплексы фазы D2 с такими застёжками (Лычково II к.2 п.3; Водославка к.8 п. 3; Подовое к.6 п. 1) [594, С.62, Рис. 1, _{2, 12}; 1015, С.40, 42, Рис. 11, ₁₋₂] относятся к нач. – первой пол. I в.н.э. Датировка к.3 Соколовского могильника в пределах первой пол. I в. определена Б.А.Раевым на основании XI собственно-варварского производства [932, С.17–19; 1341, Р. 51–52]. Этому не противоречат найденные в погребении таз типа Эггерс-96, характерный для ступени B1b римского времени (40–70 гг.), и «расчленённый» кувшин (*gegliederte Henkelkrüge*) с нижним атташем ручки в виде маски первой пол. I в.н.э. [928–929; 1307, Taf. 10; 1339, S.161]. Они позволяют ограничить датировку погребения временем около сер. I в.н.э.

В «Садовом» кургане сочетаются амфора с двустольными ручками I в.н.э. по И.Б.Зеест и таз типа Эггерс-69 ступени B1a [1307, Taf. 8, ₆₉; 1341, Р. 44–46]. Интересен бронзовый котелок, который близок экземпляру из Кёнгена первой пол. II в. [531, С.76; 25–26], и котелкам типа «Дебелт», появившегося, судя по находкам в Помпеях, в пределах фазы B1b римского времени [1341, Р. 24]. Последняя аналогия нам представляется более убедительной. Из кургана происходит железный германский умбон типа Ян-5, относящийся к ступени B1a римского времени [543, С.114]. Вероятнее всего, комплекс из «Садового кургана» следует относить ко второй трети I в.н.э. Ступенью B1b, то есть 40–70 гг. н.э., датируются бронзовые тазы типа Эггерс-100 из к.1 п.1 группы Вербки VI и к.2 и 10 в Кобыково [818; 917; 1315]. В последнем случае в комплексе с тазом встречены краснотерракотовый сосуд в виде барана типа Симоненко-1 [1017, С.69–70] кон. I – нач. II вв., стеклянный стакан, близкий, по мнению авторов раскопок,

находке второй пол. I в.н.э. из Керчи и бронзовое китайское зеркало типа ssü-ju-ssü-hui I в. до н.э. [652, С.103]. Напомню, что китайские караваны могли двигаться на Запад через сарматские степи в 36 г. до н.э. – 23 г.н.э. и 74–125 гг.н.э. [191, С.33]. Возможно, зеркальце относится к импортам второй волны и могло попасть к сарматам в последней четв. I в.н.э. Этим временем и следует датировать Кобяковский к.10. Впрочем, данный экземпляр мог попасть на Дон и с первой волной и передан по наследству.

В составе инвентаря к.6 у ст. Скосырской, к.6 группы Полевой Стан II и к.3 в Сватовой Лучке [179, С.152; 675, Рис. 55, ₁₀; 1152, С.136–137, Рис. 17] содержались стеклянные бальзамарии типа 3 по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, характерные для третьей четв. I в.н.э. [628, С.168]. Фибула с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приёмника варианта 2 по А.К. Амброзу [120, С.43] позволяет датировать в пределах I в.н.э. к.2 у ст. Скосырской [179, С.150]. Курганы 7/1960 и 78/1980 г. из Ново-Никольского могильника в Воронежской обл. [638, С.92–93; 734, С.119] датируются фибулами этого же типа вариантов 2 или 3, относящихся соответственно к I либо к кон. I – первой пол. II вв. [120, С.43]. В к.7/1960 такая фибула сочетается с сильнопрофилированной варианта Амброз-I-I без орнамента второй пол. I – первой пол. II вв. [120, С.40]. Фибулы последнего типа содержали в составе инвентаря многие курганы правобережья среднего Дона. В их числе к.5/1960, 8/1960, 32/1960, 44/1960; 48/1980 и 53/1980 из Ново-Никольского [638, С.86–92; 734, С.113–117]. Совместная находка амфоры типа Шелов-А кон. I в. до н.э. – I в.н.э. [1221, С.17–18] и сирийского флакона второй пол. I в. [1022, С.147] определяют датировку к.14 в Западной группе из Аккермена II [292, Таб. V, 4–5].

К западу от Днепра датирующий импорт содержит п.3 в к.1 у с. Ковалёвка (Соколова Могила) [564]. В нём сочетаются бронзовая ситула типа Эггерс-18, золотая фибула типа J-Костжевский, характерные для позднего латена (60 г. до н.э. – 10 г.н.э.), и серебряная ойнохоя, аналогичная бронзовым сосудам типа Эггерс-123 ступени VIa римского времени (10–40 гг.) [1255, С.55; Рис. 21; 1307, S.71, Taf. 3, 11; 1349, Ill. 4]. К I в. относится серебряный канфар типа E по Д. Стронгу [1355, Fig. 27]. В одном комплексе они могли оказаться в самом начале ступени VIa, т.е. в 10е-20е гг.н.э. Концом I в. до н.э. – началом I в.н.э. датируется «фибула бойев» из к.2 могильника Островец-Вертеба [120, С.25; 354, 39, Рис. 7Г, 16].

Ступенью VIa датируется бронзовая ойнохоя типа Эггерс-124 из кургана у с. Цветна, раскопанного в 1896 г., а ковш типа Эггерс-137 относится к следующему периоду VIb (40–70 гг.) [846, С.88–89; 1307, S.71, Taf. 11; 1349, Ill. 4]. Комплекс мог сложиться около сер. I в.н.э. Ковш типа

Эггерс-137 происходит и из к.224 в Краснополке [249, С.42–43]. С ним сочетается римское прямоугольное зеркало, характерное для комплексов первой пол. I в. [1113, С.146; 1150, С.90]. Зеркало этого же типа происходит из к.3 п.3 у с. Михайловка Белолесского могильника [1128, С.19–21]. Оба комплекса можно датировать в пределах первой пол. I в.н.э. О датировке п.1 в кургане у с. Весняное [1350] можно судить по сочетанию «маркоманнской» пряжки типа С по Раддацу, характерной для ступени VIa [1255, Рис. 22], и красноглиняного плоскодонного бальзамария первой пол. I в.н.э. [588, С.49]. Комплекс можно отнести к первой пол. I в. Узкая дата устанавливается для п.1 к.6 Усть-Каменского могильника [726, С.30]. Оно содержит лучковую фибулу «лебяжьинской» серии варианта 2, датируемую I в.н.э. [120, С.56] и плакетки из египетского фаянса в виде лежащего льва и скарабеев I–II вв. [112, С.41–45, Типы 48, 52, 686]. Комплекс можно датировать I в.н.э. При этом в насыпь кургана впущено подбойное п.2, содержавшее лучковую одночленную фибулу I серии I варианта также I в.н.э., скорее его первой половины [726, С.38, Рис. 12]. Вероятнее всего, основное погребение кургана I из Усть-Каменки следует отнести к самому началу I в., а впускное – к его первой половине. С последним можно синхронизировать усть-каменский к.5, также содержавший лучковую одночленную фибулу I серии I варианта [726, С.38, Рис. 12]. Раннеримские шарнирные фибулы типа «Аукисса» из к.69 и 70 в Усть-Каменке [598, С.86] позволяют датировать оба комплекса первой пол. I в.н.э. [120]. Разрушенное погребение у с. Давыдов Брод содержало бронзовую шарнирную фибулу, близкую находкам из херсонесского п.19/1914 I в.н.э., кувшинного погребения в Мингечауре с монетами сер. I в. до н.э. и римских лагерей на Дунае второй пол. I в. [120, С.27; 1015, С.62, Рис. 19, 2]. С учётом датировки приведённых аналогий комплекс можно отнести к I в.н.э. Комплекс из с. Грушка В.И. Гросу датировал в пределах второй пол. I нач. II вв. на основании совместной находки сильнопрофилированной норико-паннонской фибулы 10 группы по А.К. Амброзу и фалара, украшенного тамгой Фарзоя [353, С.261]. Последняя находка позволяет уточнить хронологическую позицию погребения в Грушке: 60е-70е гг. н.э. по времени чеканки золотых монет Фарзоя с тамгами [546, С.73; 1255, С.212–218].

В богатом п.1 к.1 у с. Пороги [1023, С.6–30] основанием для узкой датировки служит сочетание сильнопрофилированной причерноморской фибулы варианта I-1 второй пол. I – первой пол. II вв. [120, С.40] и двух светлоглиняных амфор типа Шелов-А. Уточнить датировку погребения в пределах второй пол. I в. позволяют знаки, изображённые на поясной гарнитуре, ножнах меча, наконечнике гривны и ручке золотого кубка

из данного погребения [1023, Ф.37]. Они аналогичны тамгам на монетах, чеканившихся в Ольвии от имени Инисмея между 69 и 83 гг. [1255, С.212]. Следовательно, данный комплекс можно отнести к 70 – нач. 80х гг. н.э., а если верна гипотеза А.В.Симоненко о принадлежности данного погребения Инисмею, то к нач. 80х гг. Вероятно, синхронно данному комплексу женское п. 2 из того же кургана [1023, С.30–34]. В нём встречена сильнопрофилированная фибула, однотипная экземпляру из п.1. В пределах всей второй пол. I в. н.э. можно датировать к.1 п.5 из Зернешт, к.1 п.1 в Кодрул Ноу, к.9 п.13 из Думен, к.11 п.1 из Семёновки и к.23 п.1 могильника Плавни, в которых также встречены сильнопрофилированные фибулы I серии 1 варианта по А.К.Амброзу [354, С.53–54, 58–59, Рис. 13А; 19Б; 359, С.57, Рис. 16, 2–5; 409, С.117, Рис. 1, 2, 5–6].

Курган 10 в Казаклии датируется по наличию бронзового таза типа Эггерс-100, относящегося к периоду B1b римского времени, и светлоглиняной амфоры типа Шелов-В второй трети I – сер. II вв. [354, С.48; 1221, С.18; 1307, Taf. 10; 1349, Ill. 4], которые могли попасть в одно погребение в течение второй трети I в. В разрушенном погребении у с. Трояны встречен бронзовый ковш типа Эггерс-140, типичный XII ступени B1c (70–80 гг.) [861; 1307; 1349, Ill. 4]. Инвентарь к.4 п.4 у с. Олонешты [745] включает бронзовые кувшин («Blechkanne») типа «Стралджа» по Б.А.Раеву и таз типа Эггерс-102 – XII ступени B2 (70–170 гг.) [1307, Taf. 10; 1341, Р. 37–38; 1349, Ill. 4; 1360]. С ними сочетается ситечко типа Эггерс-160 [1255, С. 56, Рис.7; 1349, Ill. 4]. А.В.Симоненко указывает на аналогии фибуле из данного погребения в римских кастеллах первой пол. II в.н.э. [1017, С.71–72]. Череп погребённого деформирован, что характерно уже для следующего горизонта. Поэтому данный комплекс, вероятно, относится к нач. II в., как и предполагал А.В.Симоненко [1017, С.72].

Итак, сарматские погребения фазы D2, расположенные к западу от Днестра, можно датировать в пределах I – нач. II вв.н.э. Всё вышеизложенное позволяет ограничить хронологические рамки фазы D2 рамками первого столетия н.э., а среднесарматский период D в целом – второй третью I в. до н.э. – I в.н.э.

Горизонт E нам удалось расчленить на три фазы (E1–3), в каждой из которых присутствуют узко датируемые комплексы [Таб. 75–77; Карты 20–22].

Фазе E1 в Южном Приуралье соответствуют погребения фаз C1–2 локальной хронологии. Среди них надёжно датируются некоторые погребения из Лебедевки [798]. В к.23 п.2 из Лебедевки V [798, С.82, Рис. 1, 1, 4–5²; 2, 1–2] сочетаются бронзовая патера типа «Миллинген» второй

пол. I – первой пол. II вв.н.э., лучковая одночленная фибула варианта 4 по А.К.Амброзу и китайское восьмиарочное зеркало без специальной ленты для надписи типа *ming kuang* I в.н.э. или – рубежа I–II вв. [120, С.50; 652, С.102; 1326, С.45–54]. Комплекс можно отнести к сер. II в. Близка должна быть датировка впускного п.I в данном кургане, также содержащего лучковую фибулу варианта Амброз-4 [798, С.82, Рис. 1, ₂]. В Лебедевке VI к.39 можно датировать по китайскому зеркалу типа TLV [798, Рис.2, ₃]. Широкая орнаментальная полоса с линией зигзага, наличие в составе орнамента характерных сосков позволяют датировать этот экземпляр не позднее кон. I – нач. II вв. [652, С.103–104].

Зеркало *ming kuang* из к.3 Комсомольского IV могильника [922, Таб. LIV] встречено с красноглиняным хорезмийским кувшином, аналогичным находке из поселения Джанбас Кала II в.н.э. [832, С.163–165, 174, Рис. 2, ₃]. Такое сочетание позволяет отнести комплекс к нач. II в.н.э. Аналогичные зеркала из к.3 и 4 Темясовского могильника найдены вместе с фибулами с завитком на конце приёмника и ромбической коленчато изогнутой спинкой 8 варианта [926, С.135, 137, Рис. 3, ₁; 7, ₁₆]. Последние А.К.Амброз отнёс к кон. III – нач. IV вв. [120, С.46]. Это привело авторов публикации к выводу о значительном запаздывании китайских зеркал [926, С.146]. Можно отметить, что из фибул этого варианта, вошедших в сводки А.К.Амброза и А.С.Скрипкина, с узкодатируемыми предметами встречены только 2 экземпляра. Это к.3 у с. Верхнее Погромное и к.3 из Бис Обы, где найдены бронзовые пряжки второй пол. III–IV вв. [122, С.23–25, Рис.1, _{1, 24–26}; 1057, Рис. 12, ₃₅; 15, ₁₄; 1076, С.84–85, Рис. 30]. Однако они могут фиксировать финал использования фибул типа Амброз-13.8. Вместе с тем, к.3 в Темясово нельзя датировать позднее II в.н.э. по сочетанию поздниханьского зеркала с лучковой фибулой Амброз-4 второй пол. II в. и наборам бус, содержащим стеклянные одноцветные типа Алексеева-163 II в.до н.э.–II в.н.э. [114, С.72; 120, С.50; 926, Рис. 5, _{4, 6, 8, 12}]. Датировку Темясовского к.4 также стоит определять по времени бытования зеркал *ming kuang* и стеклянных одноцветных бус Алексеева-163, а не по фибуле, датированной «по общему мнению». Оба комплекса могут относиться ко времени около сер. II в. Это предположение подтверждают находки из к.8 группы Кисык-Камис [442, С.44, Рис. 30, _{2–5, 8, 10}], в котором фибула с завитком на конце приёмника и ромбической спинкой встречена вместе с лучковой одночленной фибулой варианта 4 второй пол. II – нач. III вв.н.э. [120, С.50]. Два примера совстречаемости таких фибул с датирующим материалом даёт Дербенёвский могильник [923]. Здесь в к.20 с фибулой 13 серии 8 варианта найдена лучковая одночленная фибула варианта 5 III в.н.э.,

а в к.31 такая фибула сочетается с зеркальцем типа 14.10 II – первой пол. III вв. [77; 120, С.51; 923, Рис. 3, _{5, 8}; 6, ₁₇₋₁₈]. Наконец, в к.16 группы Ульке II [1110, С.84] фибула данного варианта найдена с зеркальцем типа 14.11, появившегося в кон. II в.н.э. [86, С.174]. Обращает на себя внимание полное отсутствие таких фибул в Салиховском могильнике IV–V вв. [266], очень близком по многим обрядовым характеристикам Ахмеровскому II и Дербенёвскому могильникам II–III вв. Таким образом, закрытые датированные комплексы с фибулами типа Амброз-13.8 относятся, по содержащимся в них узко датированным вещам в основном ко II – III вв., может быть, захватывая начало IV в., о чём уже упоминал А.Х. Пшеничнюк [923, С.80]. Это позволяет не омолаживать курганы из Темясово, как и другие комплексы с фибулами данного варианта, содержащие XI II в. Вероятно, в пределах II в. стоит датировать к.3 из Кисык Камиса [442, С.42, Рис. 29, _{2, 6-7}], в котором найдена такая же фибула. В к.1 из Бекешево III [922, С.68, Таб. LI, 1–4] хорезмийский кувшин, аналогичный находке из Комсомольского IV могильника встречен с лучковой одночленной фибулой варианта Амброз-5 кон. II – III вв. [120, С.51], датируя комплекс концом II в. Ко второй пол. II – нач. III вв. можно отнести к.5 из Комсомольского IV и к.1 из Лебедевки VI по найденным в них лучковым одночленным фибулам 4 варианта [120, С.50; 798, С.82; 922, Таб. LIII, 7].

Таким образом, на Южном Урале комплексы данной фазы относятся ко II в.н.э., причём в основном – к середине – второй половине столетия.

В Заволжье к данной фазе относится к.F16 из Усатово, датированный по сочетанию лучковой одночленной фибулы 4 варианта и сильнопрофилированной причерноморской фибулы варианта I-2 II в.н.э. [120, С.41; 1027, Рис. 28, ₁₋₂]. Комплекс можно было бы отнести ко второй пол. II в., однако в нём найдено зеркало типа 13.7, характерное для среднесарматской ступени. Это заставляет нас, как и в случае с к.4 Авиловского могильника (см. выше), отнести данный комплекс к нач. II в.н.э. и вторично поставить вопрос об удревнении лучковых фибул варианта Амброз-4. Не позднее нач. II в. можно датировать к.51 Сусловского могильника [967, С.45–46; 1067, С.107, Рис. 10, ₉₋₁₈; 11, ₁₋₇], в котором костяные накладки на лук и наконечники стрел очень близки находкам из к.1 п.1 у с. Пороги, отнесённого к кон. I в.н.э. В пределах всего II в. датируется к.Д12 из колонии Альт-Ваймар [1343] по сильнопрофилированной фибуле варианта I-2. Датировку к.Е9 у с. Каменка [1026, С.79–80, Рис. 3–4] определяет сильнопрофилированная фибула варианта I-3 II – первой пол. III вв. [120, С.41]. В к.6 Сусловского могильника [967, С.12; 1067, С.105, Рис. 2, ₂₋₁₀] сочетаются лучковые фибулы вариантов I-3 и I-4 по А.К. Амброзу, датированные II

(возможно – его первой пол.) и второй пол. II в. соответственно [120, С.49–50]. Комплекс можно отнести к середине – второй пол. II в. Синхронны ему к.40 из Бережновки II, к.В6 у с. Кано и к.Е8 у с. Каменка [377, С.45, Рис. 3, ₁₋₁₀; 1026, С.78–79; 1034, С.49], в которых также найдены лучковые фибулы варианта I-4. В диагональном погребении к.9 у с. Ровное [1037, 51, Рис. 18] найден котёл, склепанный из листовой бронзы, отнесённый Б.А. Раевым к группе варварских подражаний римским изделиям II-нач. III вв. (т.н. тип «Ровное») [1341, Р. 24–25]. Обряд погребения не позволяет вывести этот комплекс за пределы II в., возможно – первой его половины.

Итак, в Заволжье данная фаза также может датироваться II в.н.э.

Между Волгой и Доном данная фаза начинается, вероятно, несколько раньше. Ещё I в.н.э. датируется к.2 могильника Никольское по светлоглиняной амфоре типа Шелов-А [462, С.97, Рис. 12, ₁, 13, ₁₋₁₄, 14–16]. Уточнить хронологическую позицию погребения в к.12 позволяет найденная в нём бронзовая патера типа Е – Миллинген второй пол. I – II вв.н.э. [462, С.98, Рис. 12, ₃, 17–23; 1326, С.48–54]. При этом сам комплекс из Миллингена Х. Нубер отнёс ко второй пол. I в., близкие Никольскому экземпляры из Боскореала и Помпей, погибших в 79 г., могут датироваться в пределах третьей четв. I в. [1326, Taf. 4, 3; 1336, S.191, fig. 20]. Наиболее вероятное время погребения – последняя четв. I в.н.э. Курган 20 могильника Центральный [935], по сочетанию импортов ступеней В1b-с (таз типа 100 по Х. Эггерсу), В2 (кастрюля Эггерс-144 и кувшин типа «Стралджа») и В1b-В2 (цедилка типа 160 и котелок типа «Дебелт») можно отнести к началу последней четверти I в.

Началом II в.н.э. можно датировать к.11 из Старицы [1230] по сочетанию ковша типа Эггерс-140 и сильнопрофилированных фибул вариантов I-1 и I-3, датируемых соответственно второй пол. I – первой пол. II и II – первой пол. III вв. [120, С.40–41; 1255, С.56; 1307, Taf. 12, ₁₄₀; 1308, S.202], и зеркальца-подвески типа 14.10, появившегося со II в.н.э. [77, С.129]. К первой пол. II в. относится к.20 п.1 из Новоалександровки I по сочетанию небольшой фибулы с кнопкой на конце пластинчатого приёмника второй пол. I – первой пол. II вв. и перламутровых бус типа Алексеева-5 II–III вв. [115, С.30; 120, С.44, Таб. 5,4; 225, С.217, 219, Рис.3, 4, ₁₋₅]. В пределах всего II в. датируются к.38 могильника Жутово и к.41 с Восточного Маныча по сильнопрофилированным фибулам варианта I-2 [120, С.42; 1045, С.58; 1054, С.83]. С учётом датировки следующей фазы аналогично можно ограничить к.3 из этого же могильника и к.55 из Старицы по сильнопрофилированным фибулам варианта I-3, бытовавших во II – первой пол. III вв. [120, С.41; 1052, Рис. 3, 33; 1057, Рис. 12, ₂₄].

Погребение в к.2 из Котлубани [1061] содержало ситечко Эггерс-160, пик распространения которых приходится на ступень В2 римского времени и ручку бронзового таза с атташами в виде змеиных головок, вероятно, принадлежащих тазу типа Эггерс-102 фазы В2 [1255, С.56, Рис. 7–8; 1307, Taf. 10, ¹⁰², 13, ¹⁶⁰; 1308, S.202; 1360]. Время складывания комплекса можно определить в пределах 70–170 гг., а наличие в нём двучастных наконечников ремней, характерных уже для ступени Е2 нашей системы хронологии, позволяет отнести его ближе к концу данного временного промежутка (м.б. 150–170е гг.). Котелок типа «Дебелт» с длинной боковой ручкой из к.26 у с. Старица [1233, С.162, Рис. 61, ^{2-4, 6}] датируется второй пол. I – II вв. [1341, Р. 24–25], позволяя ограничить данный комплекс рамками II в. В пределах II–III вв. датируются котлы типа «Ровное» из к.20 Сагванского, к.1 п. 1 Кировского I и к.11 Крепинского могильников [498, С.100–103; 1341, Р.24–25, 54–55]. В последнем из перечисленных комплексов котёл встречен вместе с Blechkanne типа «Стралджа» ступени В2 римского времени. Все три комплекса можно датировать II в. Ко второй пол. II в. должен относиться к.18 из Высочино V [228] по сочетанию в нём бронзового ковша типа Эггерс-140, относящегося к ступени В1b-с, и зеркала типа 14.11, появившегося не ранее второй пол. II в. [86, С.174; 1255, 56, Рис. 7; 1308, S.202].

Сильнопрофилированные фибулы варианта I-3 из к.1 и 3 в Абганерово [1052, С.119, Рис. 3, 32] датируются II-первой пол. III вв. [120, С.41], позволяя, с учётом датировки следующей фазы, ограничить время складывания обоих комплексов рамками II в. Фибула данного варианта встречена в к.11 Кировского I могильника вместе с зеркалом типа 14.11, появившегося второй пол. II в., комплекс можно отнести к кон. II – нач. III вв. [86, С.174; 497, С.106, Рис. 14]. К кон. II – нач. III вв. (с учётом датировки следующей фазы) можно отнести к.11 у с. Сидоры по находке в нём двух лучковых фибул варианта I-5 [120, С.51; 1052, С.107, Рис. 2, 31–32]. Такую же датировку можно предложить для к.2 из Высочино V [225, С.215, Рис.1, ²⁵⁻³⁵], в котором сочетается краснолаковая чашка, аналогичная находкам из Танаиса, датирующимся II в. [147, С.68, 128, Таб. XXIII, 3] и зеркальце типа 14.11, появляющегося в Предкавказье во второй пол. – кон. II в. [86, С.174]. К числу комплексов, относящихся к финалу данной фазы, можно причислить к.25 у с. Сидоры, в котором обнаружена лучковая одночленная фибула варианта 5 кон. II – III вв. [120, С.51; 1052, С.119].

Исходя из вышеизложенного, в Задонье данную фазу можно датировать концом I – II вв.н.э.

В комплексах Предкавказья изменения в материальной культуре фиксируются ещё в I в.н.э. Так датировку разрушенного погребения

из Кунчукохабля [413] определяют сочетание итальянского таза типа Эггерс-100, кувшина Эггерс-127, относящихся к фазе B1b римского времени и стеклянного бальзамария второй пол. I – нач. II вв. [628, С.148–150; 1255, Рис. 7; 1307, Taf. 11]. Оно наиболее вероятно для третьей четв. I в.н.э. Вероятно, к 70–80 гг. I в.н.э. относится к.42 между ст. Казанской и Тифлисской [851, С.83], из которого происходит ручка бронзового таза типа Эггерс-100.

Полихромные полусферические бляшки из к.10/1902 в юрте ст. Тифлисской [375, С.55–56; 852, 67–68] аналогичны украшениям лопастей ножен парадных кинжалов из Зубовского к.1, п. 4 некрополя в Тилля-Тепе, кургана Дачи, и ограничивают его датировку пределами I в.н.э. Набор из четырёх блях того же типа происходит из к.28 в ст. Ладожской в сочетании с фрагментами стеклянного полихромного блюда I в.н.э. [375, С.52–53, Кат. 179, 187; 852, С.76–77]. В к.1 п.6 из Новокубанска и к.8 п.7 у ст. Михайловской в состав инвентаря вошли зеркала типа 13.10 I в.н.э. [527, С.69, Рис. 6, 1; 1216, С.166, Рис. 2].

В к.17 у ст. Казанской [851, С.76–77] таз типа Эггерс-100 ступени B1b римского времени сочетается с двумя амфорами типа Шелов-С, датировемыми в пределах II в. [1221, С.18]. Комплекс можно отнести к нач. II в. В к.9/1902 у ст. Тифлисской [199, С.12; 852, С.67] сочетаются сильнопрофилированные фибулы серии I-1a и серии I-2 второй пол. I – первой пол. II в. и II в.н.э. соответственно. С ними встречен бронзовый котелок типа «Дебелт» с железным ободком и ручкой (в каталоге Гузиной/Засецкой – таз Эггерс-100 [375, Кат. 222; Ср. Фотоархив ИИМК, фото Q. 424.24.25]) второй пол. I – II вв. [1341, Р. 24–25] и краснолаковый фигурный сосуд в виде барана типа Симоненко-1 кон. I – нач. II вв. [1017, С.68, 70]. Погребение датируется началом II в.

Курган 41 у ст. Усть-Лабинской [852, С.82–83] можно датировать по наличию цедилки типа Эггерс-160 в пределах ступени B2 римского времени (70–170 гг.). Не ранее II в. должны быть датированы к.1 п. 2 из Новокубанска, к.8 п. 13 из Михайловской, к.4 Львовского Первого-4 могильника, к.16 Львовского Шестого могильника и к 3 (4?) у Зубовского хутора, судя по найденным в них зеркалам-подвескам типа 14.10 [96, С.5–6, Рис. 6–7; 97, С.14–15, Рис. 21–23; 201; 514, С.69–70, Рис. 2, 1; 1216, С.166, Рис. 1].

Небольшая фибула с завитком на конце приёмника позволяет датировать в пределах I-нач. II вв. к.4 из Алхан-Калы [120, С.45; 196, Таб. VI A3; Фотоархив ИИМК. №0.1360.56]. В к.3 из этой же группы обнаружены две сильнопрофилированные фибулы варианта I-3, относящиеся ко II-первой пол. III вв. [120, С.41]. С ними находилась золотая 14-гранная

бусина, инкрустированная гранатами и аметистами, близкая находкам из гробницы эристава Аспаруха в Мцхете, датированным серией монет 79–138 гг. [145, С. 25–46. Таб. XXXVII. 14], и абсолютно аналогичная бусам из п. 905 некрополя Самтавро, найденным с монетами второй пол. II в. [146, С.51, Таб. XXXV, 5]. Комплекс можно датировать второй пол. II в.

К первой пол. II в. относится катакомба в к.8 у ст. Тбилисской [428, С.83–85, Рис. 2, ^{11–47}] по сочетанию в нём сильнопрофилированной фибулы варианта I-1 (вторая пол. I – первая пол. II вв.) и лучковой одночленной варианта I-3 (II – первая пол. III вв.) [120, С.40, 49]. Аналогично сочетание фибул в к.9 из той же курганный группы [428, С.85–87, Рис. 2, ^{48–64}], что позволяет синхронизировать оба комплекса. Ко II – первой пол. III вв. можно отнести к.46 у ст. Усть-Лабинской по находке лучковой одночленной фибулы варианта 3 по А.К.Амброзу [120, С.49; 375, Кат. 487; 852, С.84–85]. Сочетание светлоглиняной амфоры типа Шелов-С и лучковой одночленной фибулы варианта I-3 [120, С.49; 1221, С.18] в к.6 у ст. Тбилисской [428, С.78–80, Рис. 1, ^{35–50}] также позволяет датировать его в пределах II в.

О датировке к.52/1901 г. между ст. Казанской и Тифлисской [199, С.11–12; 643; 851 С.85] можно судить по сочетанию зеркала типа 14.11, появившегося в кон. II в. [86, С.174], и шлема «фракийского» типа, близкого изображениям на римском саркофаге 150–160 гг. и на колонне Септимия Севера 203 г. [1346, fig. 108–109], а также шлемам из Истяцкого клада, датируемого, по найденному в нём зеркалу *ming kuang*, в пределах II в.н.э. [1203, С.162–171, Рис. 1, Таб. XIX]. Комплекс относится к кон. II – самому нач. III вв. Лучковая одночленная фибула варианта 5, обнаруженная в к.12/1902 у ст. Тифлисской [375, С.57; 852, С.68], датируется кон. II – III вв.н.э. С учётом датировки следующей фазы комплекс можно ограничить пределами кон. II – нач. III вв.

Всё вышесказанное позволяет датировать данную фазу в Предкавказье последней четвертью I – II вв.н.э.

В междуречье Дона и Днепра уточнить датировку позволяют находки фибул.

Курган 44/1960 у с. Ново-Никольское датируется по находке сильнопрофилированной фибулы варианта I-1а второй пол. I – первой пол. II вв. [120, С.40; 638, С.91–92, Рис. 36, ₃; 37, _{4, 7}]. Разрушенное п.1 из Ливенцовского карьера [600, Рис. 1, 11–19] датируется по сочетанию зеркала-подвески типа 14.10 II-нач III вв. и фибулы типа Альмгрен-69 второй пол. I – нач. II вв. [120, С.36; 1255, Рис. 24]. Комплекс относится к нач. II в.н.э. Синхронен ему Вязовский к. 9 [734, С.125], судя по обнаруженной в нём

сильнопрофилированной фибуле варианта I-2. Аналогично можно ограничить во времени к.4 п.2 и к.19 из этого могильника [734, С.123–124, 129] с однотипными фибулами. Датировку к.15/1980 и к.46/1980 из Ново-Никольского [734, С.106, 112–113] определяют находки сильнопрофилированных фибул варианта I-3, относящихся ко II – первой пол. III вв. [120, С.41]. Погребение 2 в к.48 этого могильника [734, С.113, 115] можно датировать II – первой пол. III вв. по зеркальцу-подвеске типа I4.10 [77]. Находка в синхронном п.1 этого же кургана сильнопрофилированной фибулы варианта I-2 позволяет сузить датировку комплекса до II в.н.э. Курган 4 у с. Шевченко [1224, С.158–160, Рис. 2] содержит лучковую одночленную фибулу варианта 4 второй пол. II – нач. III вв. [120, С.50]. Аналогично можно датировать к.17 из западной группы Аккермена II, содержащий фибулу того же варианта [120, С.50; 292, Таб. VI. 8]. Датировку к.6 у с. Шевченко [1224, С.163–165, Рис. 6] определяет сочетание сильнопрофилированной фибулы варианта I-3 и двух лучковых одночленных вариантов 4 и 5, которое наиболее вероятно в кон. II – нач. III вв.н.э. Таким образом, сарматские древности фазы E1 между Днестром и Доном относятся ко II в.н.э., причём тяготеют либо к устью Дона, либо к лесостепи.

Абсолютные датировки устанавливаются и для погребений Днепро-Дунайского междуречья. Так лучковая одночленная фибула варианта 1 из п.5 в Калантаево [905, С.132–133, Рис. 7, 4; 1255, Рис. 72] датируется не позднее I в.н.э. К I в. относится и краснолаковая чашка [129, Таб. CXLVII, 7]. Комплекс относится к I в., вероятно, его концу, с учётом датировки предшествующей фазы. Хронологическую позицию к.3 у с. Старые Куконешты [354, С.51, Рис. 19B] определяет присутствие в составе инвентаря бронзового ковша типа Эггерс-144 или «Гедокер» ступени B2 римского времени или 70–170 гг. [1255, С. 56–57, Рис. 24; 1307, S.202]. Комплекс к.13 п.3 из Олонешт [354, С.71, Рис. 19A] включает провинциально-римскую брошь второй пол. I – нач. II вв. [120, С.31]. Краснолаковый кувшин из этого погребения близок кувшинам типа II по И.И.Гущиной из Белебека IV I – нач. II вв. [371, С.21, Рис. 4, 37]. С учётом датировки предшествующей фазы комплекс можно датировать началом II в.

Амфоры типа С-Шелов [1221, С.18] из к.1 и к.3 п. 2 у с. Корпач, к.2 п.2 Петрешты и к.8 из могильника Дивизия [354, С.72, 75, Рис. 21Б; 1128, С.7, Рис. 7] позволяет датировать их в пределах II в. В разрушенном погребении у с. Первомайск [945, С.20, Рис. 8] амфора С-Шелов сочетается со стеклянным кувшином, аналогичным находкам из некрополя Пантикапея в п.57/1899 г., 28 и 372(184)/1900г., 233(110)/1903 г., датируемым

в пределах второй пол. I – нач. II вв., и кувшинчиком, однотипным находке из пантикапейского погребения Б(59–60)/1906 г., датированного монетами Котиса I и Савромата I [628, С.154, 156, 161, 164, 166, Рис. 5, ^{16, 28}; 7, ²⁷; 10, ¹³, 4–5]. Комплекс можно отнести к первой четверти II в. В к.3 у с. Кырнацены [354, С.75, Рис. 24] амфора Шелов-С встречена с сильнопрофилированной фибулой с крючком для тетивы и высоким приёмником II–III вв. [120, С.41, Таб. 7, ¹⁰]. Комплекс относится ко II в.

Стекланный кубок типа Айсингс-44 из к.7 в группе Хаджидер II [1127, С.19–20, Рис. 12] относится к ступени С1 римского времени или 170–250 гг. [1021, С.95, 97; 1022, С.156, Рис. 10, ⁴⁹; 1308, С.202]. Краснолаковый кувшин из к.2 п.1 могильника Ханкауцы [354, С.47, Рис. 9А] относится к типу IV по И.И.Гущиной, датируемому I–II вв. [371, С.21, Рис. 5, ⁴¹]. Краснолаковая чашка близка образцам II–III вв. [129, Таб. CXLVIII, 16]. Комплекс можно датировать II в.

Сочетание зеркала-подвески типа 14.10 II–III вв. и фибулы с S-видным завитком на конце приёмника второй пол. I – нач. II вв. позволяют датировать к.40 п.2 из Старых Куконешт II началом II в. [120, С.45; 354, С.70, Рис. 18А]. В к.5 у с. Владычень [354, С.87] однотипное зеркальце встречено с маленькой фибулой со спиральным завитком на конце пластинчатого приёмника I – нач. II вв. [120, С.45]. Такое сочетание наиболее вероятно для начала – первой пол. II в.

Можно согласиться с датировкой В.И.Гросу для п. 15 из Бокан, основанной на находке краснолакового двуручного кубка II в. [354, С.66–67]. В п.9 из этого могильника [354, С.66–67] зеркальце типа 14.10 встречено с воинской фибулой с прогнутой спинкой и коротким приёмником II в.н.э. [120, С.25]. Такое сочетание наиболее вероятно во II в. В боканском п.10 [945, Рис. 13] сочетаются стекланный флакончик с ручками в виде лебединых головок, близкий находкам из пантикапейских п. 28/1900 г., 68/1900 г. второй пол. I в. [628, С.154, 156, Рис. 5, ^{25, 33}], фибулы: воинская с прогнутой спинкой и коротким приёмником II в.н.э. и двучленная с гребнем на дужке и высоким приёмником II–III вв. [120, С.25, 38]. Краснолаковый одноручный кубок из этого погребения имеет многочисленные аналогии в погребениях I–II вв. из Бельбека IV (тип XII по И.И.Гущиной) [371, С.21, Рис. 2, ^{3, 51}; 3, ^{6, 33, 34}; 4, ^{22, 45, 59, 80}; и т.д.]. Наиболее вероятное время складывания комплекса – II в. Вероятно, также можно датировать к.2, 5 и п. 2 из к.29 из Старых Куконешт II [354, С.69–70, Рис. 17А], в которых встречены аналогичные кубки. При этом в к.2 кубок встречен со стекланными одноцветными бусами типа Алексеева-85 II–III вв. [114, С.68].

Сочетание зеркала типа 14.10 со стеклянным флаконом с шаровидным туловом и трубчатым горлышком I-нач. II вв. [628, С.169, 171] позволяет датировать к.3 п.6 у с. Маяки [888, С.132, 134, Рис. 1, ₇₋₁₃] началом II в. В женском погребении из Негурен [944, Рис. 66; 945, С.17] зеркальце типа 14.10 встречено вместе со стеклянным бальзамарием типа 1.2.Б по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, датируемым в пределах второй пол. I – нач. II вв. [628, С.160, Рис. 1]. Комплекс также можно отнести к нач. II в.

Две двучленные фибулы с очень высоким приёмником западносарматской серии позволяют датировать к.19 из могильника Холмское [359, С.17, Рис. 7, _{1-6, 11}] в пределах кон. II – нач. III вв.н.э. [120, С.72]. Погребения 8 и 24 из Холмского [359, С.10–13, 21, Рис. 4, ₄₋₁₈; 9, ₁₂₋₁₇] широко датируется в пределах II – первой пол. III вв. по сочетанию в каждом из них зеркальца типа 14.10 и коралловой подвески типа Алексеева-9 [77; 115, С.30]. Также можно датировать к.23 Васильевского могильника, погребения у с. Чимишлия, Миток, п.1 могильника Олтеница-Ульмень и к.4 п.1 группы Огородное II [354, С.80; 943, 75–77, Рис. 8, ₁₄; 946, Таб. 1; 1129, С.11–12, Рис. 10; 1130, С.148, Рис. 13, ₂₋₄, 14, ₁₋₅; 1349, III. 29, ₂₃₋₂₄] по найденным в них зеркальцам-подвескам типа 14.10 [77].

В целом сарматские памятники, расположенные к западу от Днепра и относящиеся к фазе E1, можно датировать концом I – началом III вв. Также можно ограничить хронологические рамки для данной фазы по всей Сарматии.

Рамки фазы E2 также могут быть выражены в абсолютных датах.

В Приуралье выделяется серия комплексов с фибулами типа Амброз 13.8, время бытования которых рассматривалось выше. В к.16 из Ульке II [1110, С.84] такая фибула встречена с зеркальцем типа 14.11, что позволяет отнести комплекс к кон. II – III вв. В к.20 Дербенёвского могильника [923, Рис. 3] такая фибула с ромбической спинкой встречена с лучковой подвязной одночленной варианта 5, что ограничивает комплекс рамками III в.

Пряжки типа П.2.1.5 в сочетании с фибулой типа 13.8, позволяют, как сказано выше, датировать второй пол. III – нач. IV вв. к.3 могильника Бис Оба [122, С.23–25; 1076, С.84–85, Рис. 30]. Присутствие фибул типа 13.8 в к.6 Агаповского, к.8 п.2 Комсомольского IV, к.7 Альмухаметовского, к.11 Шатровского, к.5 Темясовского, к.7 и 10 Дербенёвского могильников, а также к.28 и к.31 п.2 из Ахмерово II [265, Рис. 6, 23, 24; 922, С.43–44, 74–75; 923, Рис. 6, _{12, 14}; 926, С.141, Рис. 1, ₁₋₁₄; 985, С.119, Рис. 38, ₁₋₃; 1144, С.133–136] позволяет, с учётом датировки предшествующей фазы, отнести их к III – нач. IV вв. Этим рамками можно ограничить и фазу E2 для Приуралья.

В Заволжье хронологические рамки данной фазы также устанавливаются в основном по находкам фибул.

К началу фазы Е2 должен относиться к.13 Калиновского могильника [1227, С.367–368], в котором найдена лучковая одночленная фибула 4 варианта второй пол. II – нач. III вв. [120, С.50]. С учётом датировки фазы Е1 его можно отнести к самому концу II или началу III вв. В к.103 из Бережновки II [1034, С.103–104, Рис. 38, ₆₋₇; 39, _{3,9}; 40, ₁] встречен мраморный культовый сосудик с зооморфной ручкой типа Смирнов-IXa¹ [1093, Рис. 1], характерный ещё для периода D. Погребение относится к серии диагональных, что также типично для среднесарматского периода и sporadически встречается в фазе Е1. Вместе с тем, меч типа III.6 близок находкам из нижнедонских комплексов фазы Е2 в к.19 из Сладковки и к.8 из Камышевского I могильника. Исходя из этого, комплекс можно отнести ко времени не позднее кон. II – нач. III вв. Столь же ранним можно считать к.73 из Бережновки II, содержащий лучковую фибулу I серии 3 варианта II в.н.э. и зеркальце-подвеску типа 14.10 [120, С.49–50; 1034, С.76; Рис. 28, ₁₋₅; 29, ₁]. Не позднее нач. III в. должен датироваться к.49 из этого же могильника [1034, С.52], в котором находились зеркало типа 14.10 и лучковая фибула I серии 4 варианта [120, С.50].

Датировка к.67 из Бережновки II [1034, С.74] определяется наличием котла типа «Ровное» и зеркала типа 14.10 II – первой пол. III вв. С учётом датировки предшествующей фазы комплекс можно отнести к первой пол. III в. В к.60 из этого могильника [1034, С.60, Рис. 18, ₁₀; 22, ₁₋₄] зеркало типа 14.10 найдено с обломками фибулы с подвязным приёмником. Погребение можно датировать аналогично рассмотренному выше.

В к.7 у с. Политотдельское [1084, С.254, 256] сочетаются лучковая одночленная фибула 5 варианта III в. и зеркальце типа 14.10 II – первой пол. III вв. [77; 120, С.51]. Сочетание наиболее вероятно в первой пол. III в. Курган 7 в Калиновке датируется лучковой фибулой I серии 5 варианта III в.н.э. [120, С.51; 1227, С.343]. Фибула типа Амброз-13.8 из калиновского к.20 [1227, С.378] датирует его с учётом датировки предшествующей фазы в пределах III – нач. IV вв. Аналогично датируются к.42 у с. Суслы, к.Е24 у с. Боаро и к.Ф8 у х. Шульц, где обнаружены такие же фибулы [1026, С.90, Рис. 22; 1027, С.41–42, Таб. 1, ₁; Рис. 14; 1067, С.106, Рис. 8, ₁₀₋₁₃]. Бронзовую пряжку с прогнутым язычком, В-образной рамкой и овальной обоймой из сусловского к.58 А.С. Скрипкин вполне обоснованно отнёс ко времени не позднее третьей четв. IV в.н.э. [1050, С.326].

Таким образом, в Заволжье фаза Е2 укладывается в рамки кон. II – первой пол. IV вв.н.э.

Серия узко датировемых комплексов данного хронологического пласта выявлена в Задонье. Так сочетание лучковой фибулы варианта I-4 второй пол. II в. и пряжек типа II.2.2.1.7 III–IV вв., наблюдаемое в к.16 п.8 из Центрального VI, наиболее вероятно на рубеже II – III вв. [120, С.50; 122, С.23–25; 170]. К числу ранних комплексов, относящихся к данной фазе, можно отнести также к.13 из Старицы, в котором найдена лучковая фибула I серии варианта 4 второй пол. II в. [120, С.50; 1052, С.119; 1057, Рис. 15, ₂₁]. В первой пол. III в. мог сложиться комплекс к.13 из могильника Дружба [1156, С.39–40], в котором сочетаются зеркало типа 14.10 и 2 лучковые подвязные фибулы варианта I-5 [77; 120, С.51].

Сильнопрофилированные фибулы варианта III-2, зеркала типа 14.11 из слободы Котовой и с. Новая Норка и лучковая фибула III серии варианта 1 из сл. Котовой [221] позволяют ограничить датировку этих комплексов III в.н.э. [120, С.42, 53]. При этом в комплексе из сл. Котовой присутствует набор пронизей из египетского фаянса типов Алексеева-506 и 686, типичный для I–II вв. [112, С.42, 44–45], что позволяет согласиться с мнением И.П.Засецкой, датировавшей его самым началом III в. [221, С.148]. Набор датирующих изделий, аналогичный описанным выше, встречен в к.33 группы Купцын Толга [1242, С.97–98, Таб. 13]. Он также может датироваться III в.н.э.

Курганы 13 и 14 из группы Три Брата I датируются по сочетанию зеркал 14.11 и лучковых фибул II серии 1 варианта III в.н.э. [120, С.53; 970, С.145–148, Рис. 16–18]. Курган 23 из этой группы [970, С.152, Рис. 19] сооружён не позднее сер. III в., судя по находке в нём зеркальца-подвески типа 14.10. Аналогично можно датировать п.2 к.2 могильника Фомин I [1155, С.27–28, Рис. 27, ₂₋₆] по находке аналогичного зеркала. Не позднее сер. III в. можно датировать к.30 в Купцын Толге [1242, С.94–95, Таб. 11], в котором найдено зеркальце-подвеска типа 13.10 или 14.10 (из рисунка не понятно).

Не типичная для Нижнего Дона воинская двучленная фибула подгруппы I типа 1а из к.12 в Кривой Луке VI [382, С.73–74, Рис. 52; 75, ₂; 82, ₆; 83, ₄; 86, ₅; 89, ₅; 101, ₁₋₂; 102, ₁₋₇], по мнению А.К.Амброза должна датироваться IV в. [120, С.70, Рис. 10, ₁₈₋₁₉]. Сочетание сильнопрофилированной фибулы варианта I-3 II – первой пол. III вв. и миски, покрытой коричневым лаком, близкой находке из п.112 Усть-Альминского могильника III в. в к.25 из Новоалександровки I [120, С.41; 225; С.220–221; 290, Таб. 36, ₂], свидетельствует о складывании данного комплекса в течение первой пол. III в. Погребение 1 к.17 в Новоалександровке I впущено в насыпь, содержащую погребение 2 первой пол. III в.н.э.

(по амфоре D-Шелов) и содержит двуручный краснолаковый кубок, близкий находкам из п. 195 и 257 некрополя Танаиса первой пол. III в. и II – первой пол. III вв. соответственно [147, С.125, Таб. XXII, 1; XXV, 3; 225; С.215, 217; 1221, С.18]. Следовательно, п.1 можно отнести примерно к сер. III в.н.э. К середине – второй пол. III в. можно отнести к.9 могильника Центральный VI [180, С.173–175, Рис. 1, II–IIA, 2, _{4–12}], в котором сочетаются 2 лучковые подвязные фибулы варианта III-2, одна варианта III-1, сильнопрофилированная варианта II-3 и зеркальце типа 14.11. В к.3 могильника Большая Мазанка III [1156, С.28, Рис. 35] сочетаются янтарные грибовидные подвески типа Алексеева-21 и трёхчастный костяной гребень типа Никитина-Ia, характерные для III и особенно – IV вв. [114, С.24–25; 839, С.149, 156, Рис. 1]. С ними встречено зеркало типа 14.10, вышедшего из употребления к сер. III в. [77]. Это позволяет отнести комплекс к первой пол. III в.

Пряжки типа II.2.2.1.5, относящегося ко второй пол. III – IV вв. [123, С.23–25, Рис. 1, 1; 2, 4–5] позволяют датировать к.2 из группы Аэродром I и к.2 п.1 могильника Дружба [182; 1156, С.34–35]. Пряжки типа II.2.2.1.11 из Большой Мазанки II к.1 п.5 и Кутейникова I к.1 п.1 [1156, С.12–13, 22–23, Рис. 11–12, 27, _{1–10}] близки находкам IV в. из Крыма [123, Рис. 5, 1]. При этом в к.1 п.5 из Большой Мазанки II обнаружена двучленная воинская фибула с узкой пластиной для оси пружины, характерная для черняховской АК, то есть для III–IV вв. [120, С.70–71]. Подобные фибулы варианта Ib, датируемые преимущественно IV в., происходят из к.8 в Большой Мазанке II, к.1 и 2 в Большой Мазанке III, к.4 могильника Зимовники II [120, С.70–71; 1156, С.25–28, 30–31. Рис. 31–34. 39, _{6–10}].

В к.4 Животинного могильника [734, С.73, 75, Рис. 29, _{1–14}] встречены три хоботковые пряжки с овальными рамками и овальными щитками, аналогичные крымским находкам IV в. и хоботковая пряжка с В-образной рамкой, сочетающая как ранние черты, отмеченные на пряжках второй пол. III–IV вв. из Сусловского могильника, так и поздние, характерные для эпохи Великого переселения народов [123. Рис. 5, _{1–2, 12}; 9, ₉; 18, ₂; 19, ₁₃; 1050]. Вероятно, комплекс относится к самому финалу предгуннского времени или началу гуннского, т.е. третьей или последней четв. IV в.

Итак, в Задонье фаза E2 может быть датирована III – третьей четв. IV вв.

Достаточно выразительны узко датируемые комплексы Предкавказья. Две амфоры типа С-Шелов II в. в сочетании с пряжкой типа III.3 III–IV вв. из п.4 в к.41 из Усть-Джегуты [123, С.23–25; 756, С.115–117, Рис. 26–31; 1221, С.18] могли попасть в одно погребение на рубеже II–III вв.

Комплекс к.13 у с. Кишпек [232, С.13–19, Рис. II–VIII] А.К.Амброз отнёс ко второй пол. III в. [123, С.27]. Основанием для датировки послужили украшения, пряжки типов II.2.2.1.5 и II.2.2.1.7 и лучковая фибула варианта III-1. При этом в комплексе присутствуют предметы, позволяющие датировать его скорее началом, максимум – серединой III в. Это два треножника, аналогичные находкам из Золотого кладбища I–II вв., причём ближайшим аналогом находкам из Кишпека является экземпляр из описанного выше к.9 у ст. Тбилисской первой пол. II в. [232, Рис. VII. 1–2; 428, Рис. 1, 38; 2, 63]. Остальной инвентарь не противоречит этому предположению, а омолаживать кишпекский комплекс до IV в., как это пытаются делать сейчас некоторые специалисты, не позволяет находка в нём чернолощёного кувшина, аналогичного находкам III в. из Цибилума I [ср. 232, Рис. IV, 11 и 287, Рис. 7, 3–4].

Сочетание лучковых фибул варианта III-1 и гагатовых бус типа Алексеева-107а I–II вв. ограничивает пределами кон. II – нач. III вв. к.23 могильника Львовский Первый-2 [95, С.14–16, Рис. 17–18; 114, С.19; 120, С.52–53]. Наличие в к.41 Львовского Первого-2 могильника гагатовых бус типа 107а с зеркалом типа 14.11 датирует его концом II в. [95, С.24–25, Рис. 30–31].

В курганах 3 у с. Братское, 7 и 29 из Львовского Первого-4 и 33 Львовского Шестого могильника установить датировку позволяют сильнопрофилированные фибулы варианта II-3, относящиеся ко II–III в. [96, С.7, 16–17, Рис. 10–11; 97, С.30, Рис. 52; 120, С.42; 816]. С учётом датировки фазы Е1 комплексы можно отнести к III в. В к.24 Львовского Первого-4 могильника [96, С.14, Рис. 35–39] аналогичная фибула сочетается с зеркалом типа 14.11, позволяя датировать комплекс III в. Аналогично можно датировать к.20 и 36 из данной группы и к.25 Львовского Первого-2 могильника по сочетанию в них зеркал типа 14.11 и лучковых фибул варианта III-1 [96, С.12, 20–21, Рис. 26–28, 57–58].

Вероятно, к III в. можно отнести к.27 Львовского Первого-2 могильника, в котором также найдена лучковая двучленная фибула варианта III-1 [95, С.17–18, Рис. 22]. Присутствие в к.22 Львовского Первого-4 могильника пряжки типа II.2.2.1.5 второй пол. III–IV вв. и фибулы 13 серии 7 варианта второй пол. II – III вв. свидетельствуют о сложении данного комплекса в пределах второй пол. III в. [96, С.13, Рис. 30–32; 120, С.46; 123, С.23–25, Рис. 1–2].

А.Г.Нечаева, описывая инвентарь из курганов, исследованных А.А.Бобринским у с. Алхан Юрт и Алды, упоминает 3 фибулы из к.LVIII, две из которых относятся к сильнопрофилированным арбалетным

и близки находкам из Алхасте, Можар и Задалиска, а третья лучковая двучленная аналогична находкам из Можар и Тимашевска [835, С.135; 848, Рис. 140, 153]. М.П.Абрамова опубликовала материалы исследований А.А.Бобринского, в том числе 4 фибулы, подходящие под описание Л.Г.Нечаевой [88, Таб. III, 1–4]. Это 2 сильнопрофилированные фибулы вариантов II-2 и II-3 и 2 лучковые двучленные фибулы III серии варианта 1 (одна из них, вероятно, относится к другому комплексу), которые могли встретиться вместе в III в.н.э. [120, С.43, 52–53].

В к.2/1959 Паласа-Сыртского могильника [603, Таб. XIII_{1-18, 20-25, 27}) зеркало типа 14.11 найдено с двумя небольшими лучковыми фибулами. Последние аналогичны находкам из Железноводского могильника, завершившего существование к сер. III в.н.э. Комплекс можно ограничить пределами первой пол. III в. В к. 20/1983 этого же могильника [329, Рис. 6, 603, С.149–152] найдено зеркало типа 14.11, с орнаментом, аналогичным вырезанному на форме для отливки зеркал из танаисского здания, погибшего в готском погроме сер. III в. [148]. С ним сочетаются бронзовая двупластинчатая фибула небольших размеров с овальной верхней пластиной, близкая экземплярам второй пол. III в. из Изворула, Закшува и Сандерумгорда [120, Рис. 4, 4–6; 1300, Taf. 183, 1]; полихромная бусина типа 637, близкая экземплярам типов Алексеева 480–482, бытовавших во II–III вв. [115, С.42; 329, Рис.6, _{13, 22}]. Это позволяет отнести комплекс ко второй пол. III в.

Панцирь из к.15 у ст. Тбилисской [428, С.90–93, Рис. 3, 8–25] по мнению А.В.Симоненко аналогичен находке из могильника Акчий-Карасу в Киргизии II–III вв. [1014]. Пряжки без язычков типа III.3 близки находкам из Крыма второй пол. III – IV вв. [100, Рис. 2, 2; 123, Рис. 5, 18]. Комплекс можно датировать второй пол. III в.

Аналогично датируется ограбленный к.8 из Весёлой Рощи III [947], в котором встречены лучковая фибула варианта III-1, серебряная пряжка типа II.2.2.1.5, аналогичная находкам из Кишпека и пряжка типа II.2.2.1.10, близкая крымским находкам IV в., но отличающаяся от них коротким язычком, не выходящим за пределы рамки [123, Рис. 1, ₁; 2, ₄; 5, ₁].

Вероятно, так же датируется п.3 в к.65 Львовского Первого-2 могильника [95, С.39–40, Рис. 51], в котором бронзовые пряжки типов II.2.2.1.5 и II.2.1.1.4 второй пол. III в. найдены вместе с прогнутой подвязной фибулой средневропейской серии кон II–IV вв. Фибула имеет ленточный корпус, как поздние экземпляры варианта 3, однако орнамент на её спинке отсутствует, что характерно для экземпляров варианта 2 позднего римского времени [120, С.58–59].

Пряжки из к.6 у хут. Октябрьского [80, С.213, 217; Рис. 3] А.К.Амброз датировал в пределах второй пол. III–IV вв. По его мнению, за пределы IV в. не выходит и пряжка из к.5 этого же могильника [123, С.27]. Вероятнее всего, оба комплекса относятся ко второй пол. III – нач. IV вв.

К IV в. также следует отнести фибулу из к.47 Львовского Первого-2 могильника [95, С.28–29, Рис. 36]. В ней сочетаются характерные признаки лучковых фибул вариантов I-4 и III-1 позднего римского времени (дуговидная спинка с обмоткой, треугольно расширенная ножка, подвижной приёмник) с длинной осью для крепления внутренней тетивы, характерной для лучковых фибул подгруппы 3 серии I гуннского времени [120, С.51–53, 68].

Таким образом, в степном Предкавказье комплексы фазы E2 датируются в пределах кон. II – нач. IV вв.

В междуречье Дона и Днепра одним из ранних для данной фазы является к.6 п.8 в Ростове [1359]. В нём находились бронзовые цедилка типа Эггерс-160, таз типа Эггерс-102, ковш типа Эггерс-140, котелок типа «Дебелт» с длинной железной ручкой и Blechkanne типа «Стралджа», характерные для ступени B2 римского времени или 70–170 гг. [1307, Taf. 10, 102, 12, 140, 13, 160; 1308, S.202; 1341, P. 24–25]. С ними найдены сосуд в форме барана типа Симоненко-2 второй пол. II–III вв. и лучковая подвижная фибула варианта I-5 кон. II – III вв. [120, С.51; 1017, С.72–73]. Погребение датируется в пределах последней четв. II в.

К числу ранних относится и к.21 п.2 из могильника Сладковка [675, Рис. 17; 1341, Pl. 72, 3, 7; 74], в котором обнаружена патера типа E – «Миллинген» по Х. Нуберу второй пол. I – II вв. [1326, S.45–54, Taf. 4, 3].

Вероятно, к кон. II в. с учётом датировки предшествующей фазы следует отнести к.9/1969 из Ново-Никольского, в котором обнаружена сильнопрофилированная фибула варианта I-2 по А.К.Амброзу II в.н.э. [120, С.40–41; 286, С.89, Рис. 7, 9–15].

К началу данной фазы можно отнести и комплекс из с. Константиновка в Крыму [872]. В нём сочетаются бронзовый таз типа Эггерс-102 и Blechkanne типа «Стралджа» ступени B2 римского времени, две амфоры типа Шелов-С II в. [1221, С.18; 1307, Taf. 10. 102; 1308, S.202; 1341, P. 37–38]. Краснолаковый кувшин аналогичен сосудам типа V из Бельбекских могильников, датированных И.И.Гущиной началом II в., краснолаковая миска находит аналогии в Бельбекских погребениях кон. I – II вв. [370, Рис. XIX, 11; 371, С.21]. С учётом датировки фазы E1 данный комплекс можно отнести к началу последней четв. II в.

Разнообразен датирующий материал из к.6 у с. Шевченко [1224, С.163–165, Рис. 5, 5; 6; 7, 1–3, 5–6, 13]. Сочетание котелка типа «Дебелт» с длинной ручкой, зеркала типа 14.10, двух лучковых подвижных фибул

варианта I-5 и сильнопрофилированной варианта I-3 наиболее вероятно в кон. II – нач. III вв. [77; 120, С.41, 51; 1341, Р. 24–25].

Вероятно, ко второй пол. III в. относится к.2 п. 1 из могильника Керчик с лучковой фибулой варианта I-5 и пряжкой типа II.2.1.1.4 [1157, С.4, Рис. 4, ⁴⁻¹¹].

В пределах кон. II – первой пол. III в. должны датироваться Ново-Никольские к.6, 29 и 49 1980 г., а также к.9 и 32 из Вязово, в которых найдены сильнопрофилированные фибулы варианта I-3 [120, С.41; 734, С.103, 106, 109, 111, 115, 125, 133, Рис. 31, ¹⁻⁶; 32, ²⁹⁻³⁴; 33, ¹⁻¹⁰; 39, ¹⁻⁸; 42, ¹⁻⁶].

Около сер. III в. совершено погребение в к.14 Северо-Восточного могильника [500, С.231–233, Рис.1–2], судя по сочетанию в нём амфоры типа Шелов-D первой пол. III в. и пряжек типа II.2.2.1.5 второй пол. III – IV вв. [123, Рис. 1–2, 5; 1221, С.18–19].

Комплекс к.2 у ст. Раздорской авторы раскопок отнесли ко второй пол. III – IV вв., склоняясь именно к IV в. [177, С.12–13, 18–19, Рис. 2, ⁴; 4, ²⁻¹³]. Варварское подражание котелку типа «Дебелт» из этого кургана указывает скорее на III в., поясные наконечники типа 1.4.1 (Малашев-Н10) относятся к кон. III–IV вв. [681]. Комплекс можно отнести к кон III в.

Сочетание лучковой подвязной фибулы варианта III-2 сер. III – нач. IV вв., зеркала типа 14.10 II – первой пол. III вв. и фигурного сосуда в виде барана типа Симоненко-2 второй пол. II–III вв. в к.12 п.1 у с. Балки [1015, С.92–93; 1017, С.69, 72–73] наиболее вероятно около сер. III в.н.э. Вероятно, синхронно этому комплексу разрушенное погребение у с. Богодар, в котором найдены лучковая подвязная фибула варианта III-1 и серьги типа II-10, аналогичные найденным в Балках [368].

Вполне обоснована датировка в пределах второй пол. III в., предложенная С.А.Безугловым и А.В.Захаровым для разрушенного в 1972 г. погребения возле Танаиса [178].

Погребение 3 у с. Кантемировка [964, С.141–147, Рис. 9, 12, 13] датируется в пределах IV в. по находке черняховского костяного трёхчастного гребня типа III по Г.Ф.Никитиной, и овальнорамчатых пряжек с прямыми язычками IV вв. [123, С.27; 839].

Следовательно, в Днепро-Донском междуречье фаза E2 датируется кон. II – третьей четв. IV вв.

К западу от Днепра к ранним комплексам данной фазы можно отнести п.1 в к.14 из могильника Васильевский [1129, С.6–7, Рис. 5, ^{1-6, 8-11, 13-14}], в котором находилась краснолаковая кружка типа К-32 по В.И.Гросу кон. I–II вв. [354, С.144]. С учётом датировки предшествующей фазы комплекс можно отнести к самому концу II или началу III вв. Аналогично можно датировать п.5 из этого кургана, в котором найдена кружка того же типа [1129, С.7–8, Рис. 11–21].

Амфора типа Шелов-С в п.2 к.2 Белолесского могильника относится ко II в. [1221, С.18; 1128, С.18–19, Рис. 15, 1–9]. Это с учётом датировки фазы Е1 вновь ограничивает время складывания комплекса концом II – началом III вв.

Разрушенное погребение из Пашкан датируется по сочетанию краснолаковой кружки типа К-32 по В.И.Гросу I–II вв. и зеркала типа 14.10 не позднее конца II в. [77; 354, С.77, Рис.23]. Курган 22 из Старых Куконешт II, вероятно, относится к этому же времени по совстречаемости зеркала типа 14.10 и железной воинской фибулы, аналогичной находке из п.10 в Боканах [354, С.70–71]. Так же можно датировать п.13 из Бокан, в котором зеркальце типа 14.10 сочетается с краснолаковым кубком типа К-32 по В.И.Гросу [354, С.66].

Достаточно ранним является к.2 п.1 могильника Дивизия [1128, С.2–4, Рис. 2, _{8–14}, 3, 4, _{1–17}], в нём встречены зеркало типа 14.10 II- первой пол. III вв., лучковая подвязная фибула варианта III-1 II–III вв. и бронзовая сюльгама, инкрустированная эмалью, которая относится к древностям киевского типа III–V вв. [77; 120, С.52–53; 155, С.100–113, Рис. 22, _{16–17, 20–21, 26–27}; 1255, С.280]. Сочетание наиболее вероятно в первой пол. III в.

К первой пол. III в. с учётом датировки фазы Е1 должно относиться п.5 из Бокан по сочетанию зеркала типа 14.10 и сильнопрофилированной фибулы варианта II-3 [77; 120, С.41; 354, С.66]. Этим же временным промежутком, вероятно, датируются п.6 у с. Криничное, Васильевский к.27 и к.3 в Кубее, также содержавшие зеркала типа 14.10 [1129, С.14–17, Рис. 13, 15; 1173, С.250–253; Рис. 1; 2, _{1–8}].

Видимо, к нач. III в. относится ограбленный к.10 из Балабана [1199, С.45–47, Рис. 19]. В нём найдена краснолаковая миска с загнутым внутрь бортиком, округлыми стенками и выделенным плоским дном, близкая экземплярам II – нач. III вв., и ручки амфоры типа Шелов-С или D [557, С.295; 1221, С.18–19].

Наконец, в течение первой пол. III в. мог сложиться комплекс п.23 в Холмском, судя по сочетанию в нём зеркала типа 14.10 и лучковой фибулы варианта III-1 [77; 120; С.52–53; 359, С.19, Рис. 9, _{1–11}].

Основное п.1 в к.16 из Олонешт [354, С.85–86, Рис. 26] датируется пряжкой типа II.2.2.1.5, сильнопрофилированной фибулой варианта II-1 и амфорой типа Шелов-Д в пределах первой пол. III в. ближе к её началу [120, С.42; 123, Рис. 1–2; 1221, С.18–19].

Стеклянный кубок типа Айсингс-44 ступени С1 римского времени (170–250 гг.) служит основой для датировки к.2 в Нагорном [354, С.91, Рис. 27Г; 359, С.44, Рис. 12, ₈; 13, _{1–2, 9–10}; 1021, С.95, 97].

Обоснованным можно считать отнесение к первой пол. III в. к.9 у с. Новосельское на основании совстречаемости лучковой подвязной

фибулы варианта III-1 и амфоры типа Шелов-D [120, С.52–53; 354, С.89–90; 1221, С.18–19].

Не вызывает возражений и дата, предложенная В.И.Гросу для к.16 из Виноградовки: сер. III в [354, С.91]. Она основана на сочетании краснолаковой миски типа 18 по И.И.Гущиной I – нач. III вв. и «инкерманской» амфоры типа Шелов-F второй пол. III – IV вв. [370, С.37; 1221, С.19].

Датировка к.5 могильника Дзинилор и к.22 из Алаклии устанавливается по присутствию в них лучковых подвязных фибул варианта I-5 III в. [120, С.51; 359, С.35–36, Рис. 10, _{2–16}; 1127, С.8, Рис. 7, _{2–8}].

Сочетание овальнорамчатых пряжек с прогнутыми язычками и фибулы 13 серии варианта 7 из к.9 у с. Нагорное наиболее вероятно для второй пол. III в. [120, С.46; 123, Рис. 1–2; 359, С.45–48, Рис. 14].

Ограбленное погребение в к.7 из Градешки датируется по сочетанию лучковой подвязной фибулы варианта III-1 II–III вв., фасетированных овальнорамчатых пряжек с прямыми язычками второй пол. III – IV вв. и амфоры типа Шелов-D первой пол. III в. в пределах середины-второй пол. III в. [120, С.52–53; 122, С.100; 123, С.27; 412; 1221, С.18–19].

Лучковая подвязная фибула варианта III-2 из к.7 могильника Дивизия относится ко второй пол. III – нач. IV вв., определяя тем самым датировку всего комплекса [120, С.53; 1022, С.151; 1128, С.6–7]. Представленные материалы позволяют датировать комплексы фазы E2 к западу от Днепра в пределах кон. II – нач. IV вв.

В целом фаза E2 датируется в пределах III – третьей четв. IV вв. На материалах Приуралья, Заволжья, Днепро-Донского междуречья можно выделить подфазы E2a и E2b, датируемые соответственно кон. II – сер. III и второй пол. III – третьей четв. IV вв. Данная фаза является финальной для сарматских древностей Приуралья и Заволжья.

Немногочисленные комплексы фазы E3 содержат надёжный датирующий материал.

В междуречье Днепра и Дона это погребение из х. Павлов [177, Рис. 2, ₃; 5]. Оно датируется сочетанием зеркала типа 14.11, миниатюрной лучковой подвязной фибулы варианта III-1, железной Т-образной фибулы с пружиной варианта 1 IV в.н.э. и янтарных грибовидных подвесок типа Алексеева-21, появившихся в III в. и наиболее популярных в IV в. [114, С.24–25; 120, С.52–53, 75–76]. Комплекс датируется IV в.

Концом IV в. А.В.Симоненко датирует к.13 из Дмухайловки на основании сочетания в нём костяного гребня типа III по Г.Ф.Никитиной, хоботковой пряжки со ступенчатым срезом у основания язычка и стеклянного кубка типа Айсингс-106d [1020, С.89; 1209, С.23, 2, _{11–17}].

Сочетание небольшой броши со щитком, оформленным в стиле «клуазонне», с бронзовой пряжкой типа II.2.1.7.3, характерной для комплексов IV в., датирует к.1 п.1 из могильника Золотые Горки IV концом IV в. [123, Рис. 4, 5; 1159, С.13, Рис. 28–29].

Курган 4 из Кобыково [743] датируется хоботковой пряжкой со ступенчатым срезом у основания язычка IV в., синхронными ей гребнем типа III по Г.Ф.Никитиной и стеклянным кубком с напаянными стеклянными нитями [123, Рис. 5, 3–5; 129, Таб. LXXI, 152; 839, С.157–159, Рис. 10–11]. При этом форма пряжки и гребня, близкие находкам из Дмухайловки, позволяют синхронизировать оба комплекса.

Сочетание прогнутой подвязной фибулы и пряжек второй четв. IV в. и позднечерняховского гранёного кувшина последней четверти этого столетия позволило А.В.Симоненко и В.А.Подобеду отнести комплекс из шахты Моспинская к 350–380 гг. [1338, Р.104–107, Fig.6].

В междуречье Днепра и Дуная хронологические рамки данной фазы позволяют уточнить набор инвентаря из к.14 в Казакилии, к.8 п.1 и 2 из Кубея и материалы могильника Чауш. В первом из указанных комплексов украшения в стиле «клуазонне» гуннской эпохи сочетаются с пряжками типов II.2.1.12 и III.3, характерными для комплексов IV в. [123, С.27–29, Рис. 4; 5, _{9–10}; 156]. Комплекс можно отнести к последней четв. IV в. Курган 8 п.1 из Кубея [1129, С.17. Рис. 16, _{3–9}] аналогично датируется по сочетанию двучленной «воинской» фибулы подгруппы 2 III–IV вв. и «хоботковой» пряжки последней четв. IV – первой пол. V вв. [120, С.71, Таб. 10, ₁₃; 123, Рис. 5, 16–21; 463, Рис. 1, _{21–23}].

Синхронен им, вероятно, ограбленный к.5 могильника Чауш, в насыпи которого находился набор полихромных блях от конского убора в стиле Кишпека-Закшува второй пол. III – IV вв., синхронные им пряжки типов II.2.2.1.5 и II.2.2.3, фрагменты кубка с шлифованными овалами второй пол. III – первой пол. IV вв. и ручка серебряной ложечки, аналогичная находке из Керченских склепов, ограбленных 24 июня 1904 г. и датируемых последней четв. IV – первой пол. V вв. [123, Рис. 1, ₁₁; 2, ₃; 129, Таб. LXX, 118–120; 461, С.10–15, Рис. 1, ₄₃; 1020, Рис. 7, _{5–6, 16–19}; 1183, С.160, Рис. 7–11; 1184, Рис. 1, 37–40].

О финале данной фазы в Днепро-Дунайском междуречье свидетельствует материал впускного гуннского п.2 в к.8 из Кубея, впущенного в насыпь сарматского кургана [1129, С.17–20. Рис. 16, ₂; 17–19]. И.П.Засецкая отнесла его к горизонту 16 древностей гуннского времени или последней четв. IV – первой пол. V вв. [464, С.113, 116].

К данному горизонту в Предкавказье примыкают некоторые комплексы из Дагестана и Притеречья. Это к.1/1959, к.6 и 12/1982 из Паласа-Сырта

и к.1 и 3 из Виноградного [296, Рис.1, 3; 329, Рис. 4Г, 5; 603], в которых обнаружены хоботковые пряжки, характерные для IV – нач. V вв. [100, Рис. 1, 5; 10; 123, Рис. 5, 1-5, 16-23]. Вместе с тем, в паласа-сыртском к.1/1959 присутствует зеркало, аналогичное находке из к.20/1983 фазы Е2. Наконечник пояса из к.6/1982 близок экземплярам из Приуралья той же фазы Е2, а пряжка имеет ещё слабо выраженный хоботок, что характерно скорее для IV в.

К гуннскому времени А.К.Амброз отнёс к.2 у с. Утамыш [604, С.55–58, Рис. 8–10]. Вместе с тем, обнаруженные в нём круглорамчатые пряжки входят в число XII второй пол. III – IV вв., выделенных самим А.К.Амброзом [123, С.24, Рис. 1, 1-2; 5, 7]. Наконечник пояса типа 1.4.1 также находит аналогии в памятниках, отнесённых к догуннскому времени [123, Рис.1, 17; 681].

Лишь поясной наконечник типа 1.4.2 позволяет поднимать дату данного комплекса до второй пол. IV в. Всё это позволяет датировать курганы Предкавказья в пределах IV в. Впрочем, их можно относить уже к раннесредневековой аланской АК.

В Задонье к фазе Е3 можно отнести к.14 из группы Центральный IV [180, С.171–173, Рис. 1, 1–1А; 2, 1–3], в котором бесщитковая пряжка с прогнутым язычком найдена вместе с хоботковой пряжкой, овальный щиток которой инкрустирован в стиле «клуазонне».

На Урале комплексы курганов 1, 10, 19 и 22 из Салиховского могильника [266, С.187, 188, 190, 191] оказались в одном кластере с гуннскими, что позволяет датировать их в пределах последней четверти IV – V вв.

Все материалы позволяют ограничить фазу Е3 рамками IV, возможно – самым началом V вв.

ВЫВОДЫ

Анализ относительной хронологии памятников, связываемых с савроматами и сарматами, позволил выделить пять хронологических горизонтов (А–Е), в рамках которых выделяются отдельные фазы. При этом горизонты А и В соответствуют савроматской культуре, горизонт С – раннесарматской или прохоровской, горизонт D – среднесарматской и горизонт Е – позднесарматской. По сравнению с классической схемой Б.Н.Гракова новым является горизонт А, соответствующий архаической скифской АК и предшествующий горизонту, названному Б.Н.Граковым блюменфельдским. Таким образом, хронология савроматских (или древнепрохоровских в Приуралье по терминологии А.Д.Таирова) древностей приобрела трёхчленную форму, в полном соответствии с хронологией скифских древностей Северного Причерноморья.

Горизонт А соответствует скифской архаике, памятники фазы В1 – скифской классике, комплексы фазы В2 – позднему этапу скифской АК. Изменения коснулись позднесарматских древностей: выделились памятники фазы Е3, синхронизируемые с началом гуннской эпохи. В целом же принципиальная схема относительной хронологии, предложенная в 1948 г. Б.Н.Граковым нами не изменялась.

Узко датированные импортные изделия из савромато-сарматских погребений позволяют перевести относительные даты в абсолютные:

- Горизонт А датируется концом VII – третьей четв. VI вв. до н.э. и синхронизируется с памятниками греческой и скифской архаики.

- Горизонт В ограничен пределами последней четв. VI – третьей четв. IV вв. до н.э. При этом памятники фазы В1 мы датируем последней четв. VI – концом третьей четв. V вв. до н.э. Древности фазы В2 можно отнести к последней четв. V – третьей четв. IV вв. до н.э. Они синхронны античным древностям эпохи классики и скифским классического и позднего этапов. Фаза В1 синхронна памятникам древнемеотского периода меотской АК, а фаза В2 – меотского (среднемеотского I).

- Верхняя дата горизонта С варьирует от кон. V в. до н.э. в Приуралье до последней четв. IV в. до н.э. в Задонье. Завершается он в течение второй трети I в. до н.э. Памятники фазы С1 датируются с кон. V (последней четв. IV) по нач. III вв. до н.э. Они синхронны древностям фазы В2 и, соответственно, античным эпохи классики, скифским классического и позднего этапов и кубанским меотского периода. Комплексы фазы С2 ограничиваются рамками III в. до н.э. В них встречаются XI эпохи финала античной классики и раннего эллинизма. Фазу С3 можно ограничить пределами кон. III – II вв. до н.э. Она синхронна древностям развитого эллинизма и латена С2. Наконец, на фазу С4 приходятся первые две трети I в. до н.э. Для неё характерны позднеэллинистические импорты, изделия латена D1. Фазы С2–3 синхронны среднемеотскому (среднемеотскому 2) периоду меотской АК.

- Начало формирования горизонта D относится ко второй трети I в. до н.э., а финал – к кон. I в.н.э. Большая же часть комплексов фазы D1 должна относиться к последней трети I в. до н.э. Этот горизонт синхронен позднему латену и, частично, фазе VIa римского времени. Фазу D2 можно ограничить рамками первого столетия н.э., в основном она синхронна фазе В1 римского времени и первой половине позднемеотского периода.

- Горизонт Е содержит материалы кон. I –нач. V вв. Погребения, относящиеся к фазе Е1, можно датировать концом I – началом III вв. Фаза

Е2 датируется в пределах III – первой пол. IV вв. Погребения фазы Е3 содержат изделия конца IV – начала V вв.

Можно отметить определённые хронологические перехлёсты, связывающие смежные горизонты. Так памятники горизонтов В и С сосуществуют на протяжении IV в. до н.э., горизонты С и D – во второй трети I в. до н.э., D и Е – на рубеже I и II вв., наконец, последние позднесарматские комплексы синхронны первым погребениям гуннской эпохи.

Датирование ступеней относительной хронологии позволяет уточнить абсолютные даты для собственно савромато-сарматских изделий, которые часто бытовали сравнительно недолго.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата / Пер. с авест. И.М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясови, 1992. – 207 с.
2. Авеста. Видевдат. Фрагард восьмой // ВДИ. 1994. №1. – С.238–249.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб. Алетейя, 1996. – 561 с., илл., карт.
4. Аполлоний Родосский. Аргонавтика // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патрокова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону: «Русская энциклопедия», 1990. – С. 109–134.
5. Аппиан. Войны с Митридатом // ВДИ. 1946. №4. – С. 237–288.
6. Арриан Флавий. Диспозиция против аланов // ВДИ. 2001. №1. – С.236–243.
7. Арриан Флавий. Объезд Эвксинского Понта // ВДИ. 1948. №1. – С.265–272.
8. Аристей из Проконнеса. Аримаспея // ВДИ. 1947. №1. – С. 297–298.
9. Аристотель. Неизданные проблемы // ВДИ. 1947. №2. – С.329.
10. Аристотель О рождении животных // ВДИ. 1947. №2. – С.327.
11. Аристотель. Проблемы // ВДИ. 1947. №2. – С.328–329.
12. Атхарваведа. Избранное / Пер., коммент. и вступит. статья Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989 – 406 с.
13. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 381 с.
14. Восточные тексты о Скифии и Кавказе / Пер. и коммент. Д.Г. Редера // ВДИ. 1947. №1. – С.263–277.
15. Гай Веррий Флакк Сетин Бальб. Аргонавтика 8 книг // ВДИ. 1949. №2. – С. 340–350.
16. Гекатей Милетский. Землеописание // ВДИ. 1947. №1. – С.298–301.
17. Гелланик. О народах // ВДИ. 1947. №1. – С.315.
18. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1993. – 600 с.
19. Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // ВДИ. 1947. №2. – С. 294–296.
20. Гомер. Илиада // ВДИ. 1947. №1. – С.280–282.
21. Динарх Речь против Демосфена // ВДИ. 1947. №3. – С.253.
22. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I, Ч.2. СПб.: Типогр. Импер. АН, 1893. – С.457–459.
23. Демосфен. Речь против Лептина о беспощадности // ВДИ. 1947. №3. – С.235–237.
24. Дион Хризостом. Борисфенитская речь, читанная в отечестве // ВДИ. 1948. №1. – С.354–359.

25. Дионисий Периегет. Описание населённой земли // ВДИ. 1948. №1. – С.366–367.
26. Евстафий. Комментарий к «Землеописанию» Дионисия // ВДИ. 1948. №1. – С.367–382.
27. Зосим. Новая история // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб.: Типогр. Импер. АН, 1890.
28. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступит. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетей, 1997. – 506 с.
29. Иосиф Флавий. Иудейская война / Подгот. текста, предисл. и примеч. К.А. Ревяко, В.А. Федосика. Мн.: Беларусь, 1991. – 512 с.
30. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2 т. Т.1 / Пер. с греч. Г.Г. Генкеля / Подгот. текста, предисл. и примеч. Г.И. Довгяло, К.А. Ревяко, В.А. Федосика. – Мн.: Беларусь, 1994. Т. 1. – 558 с.; Т. 2. – 606 с.
31. Каллимах. Гимны // ВДИ. 1947. №3. – С. 262–263.
32. Каллимах. Необыкновенные явления // ВДИ. 1947. №3. – С.263.
33. Каллисфен. Жизнь и деяния Александра Македонского // ВДИ. 1947. №3. – С.245–249.
34. Кассий Дион. Римская история // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I, Ч.3. СПб.: Типогр. Импер. АН, 1900. – С.699 – 723.
35. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. редактор А.А. Вигасин. М.: Изд-во МГУ, 1993. – 464 с.
36. Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Наука, 1965. – 951 с.
37. Ктесий Книдский. История Персии // ВДИ. 1947. №2. – С.299.
38. Латышев, В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1893–1900. – 946 с.
39. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. СПб., 1904–1906. – 454 с.
40. Лукан Марк Анней. О гражданской войне 10 книг // ВДИ. 1949. №2. – С.320–325.
41. Лукиан Самосатский. Токсарид, или Дружба // Лукиан. Избранная проза: Пер. с древнегреч. / Сост., вступ. Ст., коммент. И. Нахова. М.: Правда, 1991. – С.126–156.
42. Мела Помпоний. Землеописание // ВДИ. 1949. №1. – С.270–281.
43. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979. – 103 с.
44. Овидий. Тексты // Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1985. – 287 с.
45. Пиндар. Отрывки // ВДИ. 1947. №1. – С.310.
46. Писатели эпохи Августов // ВДИ. 1949. №3. – С.240–266.
47. Плиний Секунд. Естественная история // ВДИ. 1949. №2. – С.846–847.
48. Плутарх Херонейский. Сравнительные жизнеописания. Т.I–III. М., 1961–1964.
49. Полибий. История // ВДИ. 1947. №3. – С. 299–302.
50. Полиэн. Стратегемы: Пер. с греч. Под общ. ред. К.и.н. А.К. Нефёдкина. – СПб.: Евразия, 2002. – 608 с.
51. Псевдо-Скимн. Землеописание // ВДИ. 1947. №3. – С.309–313.
52. Птолемей Клавдий. Географическое руководство // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I, Ч.2. СПб.: Типогр. Импер. АН, 1893. – С.252–271.

53. Руфий Фавст Авиен. Описание земного круга // ВДИ. 1949. №4. – С.237–242.
54. Светоний Гай Тарквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. Пер. с лат. М.А. Гаспарова / Предисл. и прим. М.А. Гаспарова; Послесл. М.А. Гаспарова, Е.М. Штаерман. М.: Правда, 1988. – 512 с.
55. Сенека Луций Анней. Вестник // ВДИ. 1949. №1. – С.266
56. Скилак Кариандский. Описание моря, прилегающего к населённой Европе, Азии и Ливии // ВДИ. 1947. №3. – С.240–243.
57. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наукова думка, 1977 – 127 с.
58. Страбон. География в семнадцати книгах / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. – 943 с.
59. Тацит Корнелий. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Пер. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. СПб.: Наука, 1993. – С.7–312.
60. Тацит Корнелий. История // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Пер. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. СПб.: Наука, 1993. – С.383–559.
61. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германцев // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Пер. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. СПб.: Наука, 1993. – С.337–356.
62. Теофраст. О растениях // ВДИ. 1947. №3. – С. 243–244.
63. Хорентский Моисей. История Армении Моисея Хорентского / Пер. с арм. яз. и объясн. Н. Эмина. М.: Тип. Каткова, 1893. – 324 с.
64. Хрестоматия по истории древнего мира. / Под ред. В.В. Струве. Т. III. М., 1953. – 275 с.
65. Хрестоматия по истории древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М.: Восточная литература, 1963. – 544 с.
66. Хрестоматия по истории древнего Востока: Учебное пособие, в 2-х частях Ч.2 / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. М.: Высш. школа, 1980. – 256 с.
67. Цензорин. Книга происхождения // ВДИ. 1949. №3. – С.970.
68. Эвдокс. Землеописание // ВДИ. 1947. №3. – С.273–274.
69. Эсхил. Прикованный Прометей // ВДИ. 1947. №1. – С.302–303.
70. Юстин. Эпитома произведений Помпея Troga Historiae Philippicae // Юстин. Эпитома произведений Помпея Трога Historiae Philippicae. Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII. / Подгот. К изд. Цепковым А.И. Рязань: Александрия, 2005, С.9–396.
71. Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I; II; IV; I2. Petropoli: Тип. Акад. наук, 1885–1916. – 244 + 352 + 360 + 594 с., 4 л. ил.: ил.

ЛИТЕРАТУРА

72. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. – 601 с.
73. Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. – I в.н.э. // СА. 1959. №1. – С.52–72.
74. Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в.н.э. // СА. 1961. №1. – С. 91–110
75. Абрамова М.П. взаимоотношения сарматов с населением позднескифских городищ Нижнего Днестра // МИА. 1962. Вып. 115. – С.274–284.

76. Абрамова М.П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // Древности Восточной Европы. МИА. 1969. Вып. 169. – С.3–11.
77. Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971. – С.121–132.
78. Абрамова М.П. Нижне-Джугатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 75 с.
79. Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. – С.5–31, ил.
80. Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV–V вв. из Северной Осетии // СА. 1975. №1. – С.213–233.
81. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. №1. – С.72–82.
82. Абрамова М.П. Письменные источники о кавказских аланах // IX «Крупновские чтения» (тезисы докладов). – Элиста, 1979. – С. 42–43.
83. Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения Юга Восточной Европы (Середина I тысячелетия до н.э. – первые века н.э.) // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. Ч. II. Тр. ГИМ. 1982. Вып. 54. – С. 9 – 19; ил.
84. Абрамова М.П. О хронологии ранней группы Нижне-Джугатского могильника // КСИА. 1983. Вып.176. – С. 34–39.
85. Абрамова М.П. Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во СГУ, 1983. – С.60–69.
86. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. – 181 с.
87. Абрамова М.П. Сарматы и Северный Кавказ // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С. 4–18.
88. Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. – С. 268–281.
89. Абрамова М.П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. – С. 116–133.
90. Абрамова М.П. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племён Предкавказья // РА. 1992. №2. – С. 20–31.
91. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э.). М.: Наука, 1993 – 240 с.; ил.
92. Абрамова М.П. некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 8–15.
93. Абрамова М.П. Об одной из гипотез о происхождении северокавказских алан // ИАА. 1997. Вып.3. – С. 34–40.
94. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. М.: Наука, 1997. – 165 с.
95. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2. М., 2000. – 140 с.
96. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4. М., 2001. – 151 с.

97. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Шестой. М., 2004. – 143 с.
98. Агеев Б.Б., Рутто Н.Г. Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. – С. 37–44.
99. Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А. Могильник Биш-Уба I в юго-восточном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. – С. 97–115.
100. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. 1984. №1. – С. 104–122.
101. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв.н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова думка, 1987. – С.164–199.
102. Акбулатов И.М. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып.1. – С. 121–137.
103. Акимов Д.В. Поселение Староживотинное-3 на р. Воронеж // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С.157–168.
104. Акимов М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. – 120 с. с ил., карт.
105. Акимов М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // АЭБ. 1968. Т.III. – С.291–426.
106. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и находки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. – С. 31–46.
107. Александровский А.А. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. М., 1983. – 150 с.
108. Алексеев А.Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ. 1981. Вып. 22. – С.75–83.
109. Алексеев А.Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н.э. (По бляшкам-аппликациям и наконечникам стрел) // АСГЭ. 1984. Вып. 25. – С. 65–75.
110. Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. Вып.28. – С.38–51.
111. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31 – С. 43–56.
112. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. 1975. – 95 с., Таб.
113. Алексеева Е.М. Керамический комплекс первой половины III в. до н.э. из Горгиппии // КСИА. 1976. Вып.145
114. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. 1978. – 104 с., Таб.
115. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. 1982. – 104 с., Таб.
116. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнической и социально-экономической истории). М.: Наука, 1971. – 356 с.: ил.
117. Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1976. – 168 с.

118. Алиев И.Г., Асланов Г.М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племён сармато-массагетского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. 1975. Вып. III. – С.72–88.
119. Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966, – 280 с.
120. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в.н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30. – 112 с. с ил.
121. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. №2. – С.96–123.
122. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II // СА. 1971. №3. – С.106–133.
123. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. – 134 с., ил.
124. Амелькин А.О. Сюльгама с выемчатой эмалью на Среднем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С.188–193.
125. Амфилохий Находки древностей в юрту ст. Мигулинской на Дону // Древности. Тр. МАО. Т.1. Вып. 1–2, М., 1865, С. 197–200.
126. 124а. Андерсон Дж.К. Древнегреческая конница. СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – 224 с. [+40 с.] ил.
127. Андрей Лызлов. Скифская история. М.: Наука, 1990. – 520 с.
128. Андроникас М. Царские гробницы в Вергине (Из истории раскопок) // ВДИ. 1990. №1. – С.107–129.
129. Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М.: Наука, 1984. – 392 с.
130. Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии (краткий очерк). М.: Мысль, 1973. – 558 с.
131. Анучин Д.Н. О черепах из курганов и могильников Изюмского уезда Харьковской губернии (из раскопок В.А. Городцова) // Тр. XII АС в Харькове. Т.1. М., 1905. – С.508–512.
132. Анфимов И.Н. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука. 1986. – С.190–197.
133. Анфимов Н.В. Земляные склепы в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. – С.148–157.
134. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. Вып. 23.- С. 155–207.
135. Анфимов Н.В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. XLVI. - С.72–85.
136. Анфимов Н.В. Основные этапы развития меото-сарматских племён Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Автореф. канд. дисс. М., 1954. – 20 с.
137. Анфимов Н.В. Археологические разведки по Среднему Прикубанью // КСИИМК. 1955. Вып. 60. – С. 45–53.
138. Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Т. XXVIII. – С. 62–71.
139. Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1972. – 96 с. ил.

140. Анфимов Н.В. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V «Крупновские чтения» по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975. – С.49–51.
141. Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе расселения меотских племён и центре сиракского союза в Прикубанье // IX «Крупновские чтения» (тезисы докладов). Элиста, 1979. – С.32.
142. Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племён // ВИА. Майкоп. 1981. – С.60–79.
143. Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. – С.183–190.
144. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. – 231 с.
145. Апакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландоидзе А.Н., Ломтатидзе Г.А. Мцхета. Итоги археологических исследований. Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1958. – 282 с., ил.
146. Апакидзе А.М., Николайшвили В.В., Сихуралидзе А.Н., Мелитаури К.Н., Гагошидзе Ю.Г., Хецуриани Д.Г., Гиунашвили Г.Д., Манджаклаидзе Г.Н., Нариманшвили Г.К., Давлианидзе Р.В., Сорадзе В.Г., Глонти Н.В., Кремашвили Ш.А. Раскопки в Мцхете и её округе // ПАИ за 1984–1985 гг. Тбилиси: Мицниереба, 1987. – С. 47–51.
147. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. – 152 с.
148. Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С.20–23.
149. Артамонов М.И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. М.-Л., 1941, – С.201–204.
150. Артамонов М.И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. 1949. Т.XI. – С.305–336.
151. Артёмченко И.И., Левченко Б.М. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области // СА. 1983. №2. – С.144–151.
152. Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. / Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели, М.: Наука, 1986. – 350 с.
153. Археологія Української РСР. Т.І. Киев: Наукова думка, 1971. – 449 с.
154. Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986. – 591 с.
155. Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев: Наукова думка, 1986. – 575 с.
156. Бажан И.А., Шукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клаузо-не эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. Вып. 30. – С. 83–96.
157. Балабанова М.А. Об антропологическом составе сарматов Терновки // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 33–37.
158. Балабанова М.А. Сарматское население Нижнего Поволжья // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996. – С. 27–29.
159. Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI в. до н.э. – первой половине II в.н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. – 25 с.

160. Балабанова М.А. Краниология сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // НАВ. 1999. Вып. 2. – С.54–72.

161. Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение раннесарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. – 2000. – С. 105–115.

162. Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. – 133 с., ил.

163. Балабанова М.А. Динамика краниологии кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI – I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. – Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 95–113.

164. Балабанова М.А. Об антропологических «перехлестах» в савроматской и сарматской культурах // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 221–227.

165. Барбарунова З.А. некоторые проблемы истории ранних сарматов (по памятникам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья) // СА. 1989. №3. – С.48–60.

166. Бараш С.В. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л., 1989. – 237 с.

167. Баталов С.Г., Усманова Э.Р. Памятники II в. до н.э. – I в.н.э. в урало-казахстанских степях // Приуралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 151–155.

168. Батиева Е.Ф. Черепа из курганов междуречья Сала и Маныча (сарматское время) // Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С.262–271.

169. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // АИНКБ. 1985. Т.2. – С. 7–115.

170. Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. №4. С.103–115.

171. Безуглов С.И. Позднесарматское погребение у ст. Хапры (1924 г.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1989. – С. 25–28.

172. Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. – С. 133–142.

173. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С.169–193.

174. Безуглов С.И., Глебов В.П. Курганные погребения позднеримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002. – С. 288–301.

175. Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв.н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С. 19–27.

176. Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. №1. – С.169–174.

177. Безуглов С.И., Захаров А.В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // ИРОМК. 1988. Вып. 5. – С. 5 – 28.
178. Безуглов С.И. Захаров А.В. Богатое погребение позднесарматского времени близ Танаиса // ИРОМК. 1989. Вып.6. – С. 42–66.
179. Безуглов С.И. Захаров А.В. Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 148–157.
180. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. №3. – С.171–183.
181. Белинский А.Б. О культурной принадлежности склеповых сооружений раннего железного века на Ставропольской возвышенности // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1990. – С. 31–32.
182. Белинский И.В., Бойко А.А. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника «Аэродром-1» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1990. – С. 85–96.
183. Белицкий А.В. Погребение IV века до нашей эры из Жутовского могильника // МАВДС. 2004. Вып. 2. – С. 208–213.
184. Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971. – 319 с.
185. Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй пол. I тыс. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. С. 28 – 41.
186. Березовец Д.Т., Покровська С.Ф. Фурманська, А.І. Кургани епохи бронзи поблизу с. Мар'янського // АП УРСР. 1960. Вип. 9. – С.
187. Березовская А.Ю. К проблеме выделения и датировки Зубовско-Воздвиженской группы // ТД I КАК. Краснодар, 1989. – С. 82 – 84.
188. Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. – III в.н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1990. – 17 с.
189. Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. – III в.н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1990. – 224 с.
190. Берлизов Н.Е. О хронологии и толковании подкурганых катакомб сарматского времени в степном Прикубанье и Ставрополье // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. – С.126–132.
191. Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом Шёлковом пути // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. II. Новочеркасск, 1993. – С. 29–36.
192. Берлизов Н.Е. Основные этапы хронологии и истории сарматской культуры Поволжья – Приуралья // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов IV-го археологического семинара). Новочеркасск, 1994. – С. 22–24.
193. Берлизов Н.Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 67–70.
194. Берлизов Н.Е. Аланы-скифы // ИАА. 1996. Вып.2. – С. 105–117.
195. Берлизов Н.Е. Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1996. – С. 29–31.

196. Берлизов Н.Е. К интерпретации Ахеменидского импорта в раннепрохоровских погребениях // STRATUM+ ПАВ. СПб. Кишинёв, 1997. – С.101–105.
197. Берлизов Н.Е. Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // ИАА. 1997. Вып. 3. – С. 41–54.
198. Берлизов Н.Е. О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч. 2. Краснодар, 1998. – С. 33–45.
199. Берлизов Н.Е. О нескольких забытых находках круга «Золотого Кладбища» // ДК. Вып.8. 1998, – С.10–14.
200. Берлизов Н.Е. Степное Прикубанье и Закубанье в раннем железном веке (лекция) // ДК. Вып. 14. 1998. – С. 10–20
201. Берлизов Н.Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // ИАА. Вып.4. Армавир-М., 1998. – С.50–64.
202. Берлизов Н.Е. «Зубовско-Воздвиженская» группа и её место в системе кубанских древностей сарматского времени // ДК. 1999. Вып.15. – С.16–29.
203. Берлизов Н.Е. О периодизации меотской культуры Прикубанья // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар, 1999. – С.3–17.
204. Берлизов Н.Е. К проблеме относительной и абсолютной хронологии прохоровской культуры // Региональные исследования по истории и культуре. Вып. 2 Краснодар, 2001 – С.3 – 10.
205. Берлизов Н.Е. Поздние скифы на Северном Кавказе // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. ТДК. Ставрополь, 2001. – С.53–54.
206. Берлизов Н.Е. К вопросу об этнокультурной принадлежности Елисаветовских курганов на Нижнем Дону // VIII Донская международная археологическая конференция. Программа проведения конференции «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа». Ростов-на-Дону, 2002, – С.34–35.
207. Берлизов Н.Е. К определению исходных районов миграции савроматов и сармат в Прикубанье в IV и II вв. до н.э. // ДК. 2002. Вып. 18. – С. 22–28.
208. Берлизов Н.Е. К проблеме этнокультурной интерпретации некоторых кубанских курганов IV в. до н.э. // ДК. 2002. Вып.18. – С. 28–33.
209. Берлизов Н.Е. Поздние скифы на Северном Кавказе // ИАА. Вып.8. Армавир-М., 2002. – С.51–57.
210. Берлизов Н.Е. Хронология Европейской Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы VIII международного археологического семинара. – Краснодар, 2002. – 81–93.
211. Берлизов Н.Е. Парадный кинжал из кургана «Дачи» и проблема использования произведений савромато-сарматского звериного стиля для этногеографических реконструкций // ДК. 2003. Вып. 21. – С. 11–17.
212. Берлизов Н.Е. «Тёмный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н.э. в прохоровской культуре) // МИАК. Вып. 3. – Краснодар, 2003. – 93–105.
213. Берлизов Н.Е. О влиянии климатических изменений в Южнорусских степях на расселение савромато-сарматских племён // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Сборник научных трудов. Вып. 2. Краснодар, 2004. – 325–335.

214. Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н. Могильники среднего Прикубанья эпохи позднего эллинизма и римского времени (по материалам рукописного архива н.в. Анфимова) // МИ-АСК. 2005. Вып.5. – С.113–125.
215. Берлизов Н.Е., Винидиктов А.П. К оценке информационных возможностей сарматского погребального обряда // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000, – С. 135–144.
216. Берлизов Н.Е., Ерёмченко В.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // ДК. 1998. Вып.7. – С.25–33.
217. Берлизов Н.Е., Винидиктов А.П., Зеленский Ю.В. Статистический анализ погребальных памятников сарматского времени – эпохи средневековья. Часть I. Памятники сарматского времени. Краснодар: КГИАМЗ, 2003, – 182 с.
218. Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы-маскуты, Давань и Кангюй // ПАВ. 1993. Вып.7. – С.94–111.
219. Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Сарматские погребения в курганах у с. Успенское (раскопки 1986 года) // Вторые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). Армавир, 1994. – С.
220. Берлизов Н.Е., Каминский В.Н., Каминская И.В. Сарматские памятники Восточного Закубанья: хронология и хронография // ИАА. Вып.1. Армавир-М., 1995. – С. 120 – 131.
221. Берхин И.П. О трёх находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. 1961. Вып. 2. – С.141–153.
222. Берхин-Засецкая И.П., Маливицкая Л.Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. №3. – С. 143 – 153.
223. Беспалый Е.И. Работы Приморского отряда // Исследования Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1983 (Материалы к семинару). Азов, 1983. – С. 8–10.
224. Беспалый Е.И. Курган I в.н.э. у г. Азова // СА. 1985. №4. – С. 163–172.
225. Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. №1. – С. 213–223.
226. Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. №. 1. – С. 175–191.
227. Беспалый Е.И. Курганы сельской округи Танаиса // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998. – С. 20–23.
228. Беспалый Е.И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 156–168.
229. Беспалый Е.И., Головкова Н.Н. Ларенок П.А. Поминальные памятники IV в. до н.э. – III в.н.э. Доно-Кагальницкого междуречья // СА. 1989. №3. – С.
230. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского времени на Нижнем Дону // СА. 1991. №3. – С. 179–195.
231. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. – 220 с.
232. Бетровцов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // АИНКБ. 1987. Т.3. – С.11–39.
233. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. – 336 с.

234. Билимович З.А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т. XVII. – С. 32–66.
235. Бирюков И.Е. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 97–109.
236. Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. – С. 152–161.
237. Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. №2. – С.
238. Блаватский В.Д., Шелов Д.Б. разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. 1955. Вып. 58. – С. 100–113.
239. Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ м. Смелы. Т.1. СПб., 1887. – 174 с.
240. Бобринский А.А. Отчёт об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 г. // ИАК. 1911. Вып.40, – С. 43 – 61.
241. Богданов А.П. Источники «Скифской истории» // Андрей Лызов. Скифская история. М.: Наука, 1990, – С.
242. Богданов С.В., Гуцалов С.Ю. Ярусное погребение во II Нижнепавловском кургане // МАВДС. 2004. Вып. 2. – С. 199–207.
243. Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. 1977. №4. – С. 228–235.
244. Боковенко Н.А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. – С. 166–174.
245. Борисов А.В. Палеопочвы и природные условия Ергеней в сарматскую эпоху // НАВ. 2002. Вып. 5. – с. 125.
246. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в.н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 181 с.
247. Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Сб. науч. трудов. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. – С. 178–193.
248. Бочкарёв В.С., Трифонов В.А., Шарафутдинова В.А., Дубовская О.Р., Бестужев Г.Н. Работы Прикубанской экспедиции // АО за 1978 г. М., 1979. – С.115–116.
249. Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилёвской, Новгородской, Смоленской и Области Войска Донского. СПб.: Тип. Голике и Вильборг, 1908, 2, VIII. – 220, 3 с.
250. Брашинский И.Б. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. 1973. Вып. 133. – С. 54–61.
251. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V – III вв. до н.э. Л.: Наука, 1980. – 268 с.
252. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. – 247 с.
253. Брашинский И.Б., Демченко А.И. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 116. – С. 111 – 117.

254. Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической интерпретации Елизаветовского городища на Нижнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С. 24–28.
255. Брукс К. Климаты прошлого. М., 1952
256. Брумяк И.В. Рец. на кн.: Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 // РА. 1995. №1. – с.230–237.
257. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука, 1990. – 232 с.
258. Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник МАЭ. 1954. Т.XIV. – С.
259. Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // РА. 1995. №1. – С.37–46.
260. Былкова В.П. Комплекс сарматского времени из с. Солонцы Херсонской области // РА. 1993. №1. – С. 164–168.
261. Бытковский, О.Ф. Савроматские погребения Новотроицкого I могильника // АПО. 1998. Вып. II. – С. 120–126.
262. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикбадская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. – С. 47–61.
263. Вальчак С.Б. Погребения всадников предсавроматского времени // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 50–52.
264. Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // МАВДС. 2001. Вып.1. – С.169–179.
265. Васюткин С.М. II Ахмеровский могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФ АН СССР, 1977. – С. 67 – 89.
266. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. №2. – С. 180–197.
267. Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. I. М., 1993. – С. 18–54.
268. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М., 2000, – 439 с.
269. Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области эпохи римского владычества на Северном Кавказе // Тр. XII АС в Харькове. Т.I. –М., 1905, – С.341–373
270. Веселовский Н.И. Курганы в станице Марьевской // ОАК за 1912 г. СПб., 1917. – С. 50 – 57.
271. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа // Тр. ЧИ НИИ. Т.6. Грозный, 1963. – 224 с.
272. Виноградов В.Б. Ещё раз о язаматах // ВДИ. 1974. №1. – С.153–160.
273. Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в.н.э. // Античность и варварский мир (Сборник научных трудов). Орджоникидзе, 1985. – С.43–63.
274. Виноградов В.Б., Петренко В.А. К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА. 1977. Вып. 148. – с.44–49.
275. Виноградов Н.Б., Таиров А.Д. Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Сб. науч. трудов. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. – С. 164–177.

276. Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 6–27.
277. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. 1994. №2. – С. 151–170.
278. Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» 71/72–343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. №3. – С. 104–124.
279. Вірлич А.Е. Сарматське поховання в білозерському районі Херсонської області // Археологія. 1965. Вып. 19. – С. 177–178.
280. Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. – МИА. 1971. Вып. 177. – С. 197–208.
281. Власкин М.В. Золотые зооморфные пряжки из курганного могильника у х. Нового // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1989. – С. 29–37.
282. Власкин М.В. Археологические исследования в гг. Ростове-на-Дону и Аксае в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998. – С. 32–47.
283. Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 9–27.
284. Власкин М.В., Ларенок П.А. Сарматские курганы в Северо-Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1990. – С. 65–71.
285. Волкодав Н.В. Курган эпохи бронзы на территории ОПХ «Рассвет» // Материалы к научно-практическому семинару археологов. Краснодар, 1984. – С.6.
286. Воронина Р.Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА. 1982. Вып. 170. – С. 87–89.
287. Воронов Ю.Н., Шенкаю Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. – С.121–165.
288. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. академика С.Л. Тихвинского, академика АН Таджикской ССР Б.А. Литвинского. М.: Глав. ред. изд-ва Восточная литература, 1988. – 452 с.
289. Вуич Л.Г. Черепя из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // МИА. 1958. Вып.62. – С.417–425.
290. Высотская Т.Н. Могильник I в. до н.э. – III в. н.э. близ с. Песчаное в Крыму // ТД СПИПАИ. 1971. Археол. секции. М., 1972. – С. 77.
291. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Наукова думка, 1994. – 207 с.
292. Вэрри Д. Войны античности от греко-персидских войн до падения Рима. Иллюстрированная история / Пер. с английского. М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 224 с., илл.
293. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА. М., 1954. – С. 220–244.
294. Вязьмитина М.И. Раскопки сарматских могильников на юге УССР // КСИА АН УССР. 1955. Вып.4. – С. 72–74.

295. Вязьмитина М.И. Сарматські поховання в долині р. Молочної // Археологія. 1960. Вип. 8. – С.
296. Вязьмитіна М.І. Золота Балка (Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі). Київ: Изд-во АН УССР, 1962. – 239 с., илл.
297. Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Ирстон, 1999. – 148 с.
298. Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Уфа, 1993. – С. 53–67.
299. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. – 109 с.
300. Гаглойти Ю.С. К вопросу о первом упоминании алан на Кавказе // Аланы: история и культура. Alanica. Вип. III. Владикавказ, 1995. – С. 44–58.
301. Гайдукевич В.Ф. Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Л., 1963. – С. 293 – 307.
302. Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племён IV в. до н.э. Л.: Искусство, 1980. – 127 с.
303. Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. 1994. №1. – С.92 – 107.
304. Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вип. 30. – С. 34–54.
305. Гей А.Н. Раскопки курганов на р. Понуре // АО за 1981 г. М., 1982. – С.112–113.
306. Гей А.Н., Сатеев О.И., Ульянова О.А. Работы в зоне Понуро-Калининской оросительной системы // АО за 1985 г., М., 1987. – С.132–133.
307. Гей А.Н., Ульянова О.А. Раскопки курганов в степном Закубанье // АО за 1982 г., М., 1984. – С.114.
308. Гей О.А. Погребение сарматского времени у хут. Малаи // КСИА. 1986. Вип.186. – С.73–76.
309. Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. 1962. Вип.4. – С.5–51.
310. Герасимова М.М. Савроматский череп из Нижнего Поволжья // СА. 1958. №1. – С.52–53.
311. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987, – 253 с.
312. Герцигер Д.С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа // ТГЭ. 1984. Вип. XXIV. – С. 83–99.
313. Гиджрати, Н.И. Наглер А.О. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1985. – С. 130–137.
314. Гинзбург В.В. Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч // Сборник МАЭ. 1949. Т.X. – С.285–292.
315. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Поволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. Вип.60. – С.524–594.
316. Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // Сборник МАЭ. 1958. Т.XVIII. – С. 390 – 427.

317. Глазкова Н.М., Чтецов А.М. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. 1960. Вып.78. – С. 285 – 292.

318. Глебов В.П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Вып. 2. Самара, 2000. – С. 170–186.

319. Глебов В.П. Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты // Взаимодействие и развитие древних культур южного побережья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения И.В. Силицына 14–18 мая 2000 года. Саратов, 2000. – С. 166–168.

320. Глебов В.П. О новых типах наконечников стрел среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа, 2001. – С. 21–27.

321. Глебов В.П. Ещё раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002. – С. 186 – 197.

322. Глебов В.П. О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н.э. в Северном Причерноморье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. – С. 80–88.

323. Глебов В.П. Раннесарматское погребение с фибулой среднелатенской схемы из Северо-Восточного Приазовья // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2004. – С. 200–209.

324. Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 127–133.

325. Глебов В.П., Парусимов И.Н. Новые сарматские погребения в бассейне реки Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 61–89.

326. Глебов В.П., Потапов В.В., Яценко В.В. Работы экспедиции археологического научно-исследовательского бюро в Ростовской области в 1995 и 1996 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998. – С. 55–59.

327. Глухов А.А. Сарматские погребения из могильника Красный Пахарь I // МАВДС. 2001. Вып. 1. – С. 208–219.

328. Глухов А.А. Исследование курганного могильника Солодовка I в 2001–2003 годах (предварительное сообщение) // МАВДС. 2004. Вып. 2. – С. 214–218.

329. Гмыря Л.Б. Паласа-Сыртский могильник (по материалам раскопок 1981 – 1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. – С.147–167.

330. Головкова Н.Н. Спасательные раскопки на могильнике «Аэродром-II» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13. Азов, 1994. – С. 12–13.

331. Головкова Н.Н., Лукьяшко С.Н. Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов-на-Дону, 1980. – С. 15–34.

332. Горбунов В.С., Иванов В.А. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 99–109.
333. Горбунов В.С., Исмаилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. №3. – С.229–247.
334. Горбунова Н.Г. Скотоводы Бактрии и Согда и сарматы // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 59–61.
335. Горбунова Н.Г. Об одном типе бронзовых зеркал («бактрийские»? «сарматские»?) // Археологические вести. 1998. Вып.5. – С.283 – 296.
336. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). 2-е изд. доп. СПб: ТПГ «Атлант», 2003. – 336 с.: илл.
337. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г // Тр. XII АС в Харькове. Т.І. М., 1905, – С. 110–130.
338. Городцов, В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. // Тр. XIII АС. Т.І. М., 1907, – С.288–365:
339. Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии, в 1906 году // Тр. XIV АС. Т. III. М., 1911. – С.93–161.
340. Горончаровский В.А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: Филоматис, 2003. – 224 с.
341. Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // ИГАИМК. 1927. Т. V. – С. 65–84.
342. Граков Б.Н. Древности Яблоневской курганный группы из собрания Д.Я. Самоквасова // Тр. СА РАНИОН. 1928. Т. I, – С.
343. Граков Б.Н. Курганы в окрестностях посёлка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Тр. СА РАНИОН. Вып. IV. М., 1929, С.145–156.
344. Граков Б.Н. О ближайших задачах археологического изучения Казахстана. Кызыл-Орда, 1930.- с.
345. Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. №3 – С.100 – 121.
346. Граков Б.Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. 1947. №1. – С.23 – 38.
347. Граков Б.Н. Рецензия на: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. // СА. 1964. №4 – С. 232–240
348. Граков Б.Н. Скифы М.: Изд-во МГУ, 1971. – 169 с., 28 Таб.
349. Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.
350. Граков Б.Н. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: Институт археологии РАН, 1999. – С.7–33
351. Гросу В.И. Сарматский курган у с. Корпач // СА. 1979. №2. – С. 250 – 255.
352. Гросу В.И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ в 1977. 1978 гг. Кишинёв. 1982. – С. 4 – 27.
353. Гросу В.И. Сарматское погребение в Поднестровье // СА. 1986. №1. – С. 258–261.
354. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв: «Штиинца», 1990, – 204 с.

355. Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // С.А. 1990. №2. – С.164 – 175.
356. Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // С.А. 1995. №3. – С. 143 – 156.
357. Гугуев Ю.К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С.141–155.
358. Гудкова А.В., Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 1999.
359. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная. I – IV вв. Киев: Наукова думка, 1984. – 119 с.: ил.
360. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
361. Гумилёв Л.Н. Хунну. Степная трилогия. СПб.: ТАЙМ-АУТ – КОМПАСС, 1993. – 212 с.: карт.
362. Гуренко Л.В., Ситников А.В., Скворцов Н.Б., Сурков А.Г. Раскопки курганов у пос. Верхне-Рубежный // ДВДС. 1994. Вып.4. – С. 47–69.
363. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: Ир, 2001. – 256 с.
364. Гуцалов С.Ю. Культовый комплекс на горе Жилантау // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. I. – С. 138–151.
365. Гуцалов С.Ю. Курган раннесарматского времени на Илеке // АПО. 1998. Вып. II. – С. 127–136.
366. Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э.: Автореф. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. – 23 С.
367. Гуцалов С.Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНИЦ РАН. 2000. – С. 58–74.
368. Гущина И.И. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (По фондам ГИМ) // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40. – С. 74 – 79.
369. Гущина И.И. О сарматах в Юго-Западном Крыму // С.А. 1967. №1. – С.40–52.
370. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. — С. 32–64.
371. Гущина И.И. О локальных особенностях населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1982. Вып. 54. – С.20–30.
372. Гущина И.И. К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н.И. Веселовским в 1900 году // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – С. 92 – 97.
373. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в.н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 70. – С.71 – 141.

374. Гущина И.И., Засецкая, И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого Кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 45–67.

375. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарт, 1994. – 172 с.: ил.

376. Гущина И.И., Мошкова М.Г. Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. – С. 26–47

377. Гущина И.И., Мошкова М.Г. Раскопки Б.Н. Гракова в Заволжье у сёл Блюменфельд и Кано в 1925 году // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: Институт археологии РАН, 1999. – С. 42–59.

378. Гущина И.И., Фирсов К.Б. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // НАВ. 2000. Вып. 3. – С. 268–293.

379. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д1–7. – 141 с.

380. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. – С.56 – 61

381. Дворниченко В.В. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. 1982. Вып. 170. – С. 59–70.

382. Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977. – С. 3 – 77.

383. Дворниченко В.В., Коренько В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – Археология СССР. М.: Наука, 1989. – С. 148–152.

384. Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып.5. – С. 99–115.

385. Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. №3. – с.127 – 141.

386. Дворниченко В.В., Плахов В.В., Сергацков И.В. Сарматские погребения у посёлка Комсомольский Астраханской области // НАВ. 2002. Вып. 5. – С. 225–250.

387. Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. – С. 5–13.

388. Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. – С. 14 – 132.

389. Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в.н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. №3. – С. 141–179.

390. Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. 1936. №1. – С.65–81.

391. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ, н.с., Т.IV, М.-Л., 1948 – 392 с.

392. Демиденко С.В. Савроматское погребение у с. Солодовка // ДВДС. 1992. Вып.2. – С. 113–118.

393. Демиденко С.В. Технология изготовления сарматских котлов и некоторые проблемы сарматской истории // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 65–67.
394. Демиденко С.В. Типология литых котлов сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997. – С. 120–159.
395. Демиденко С.В., Сарматские погребения из кургана 10 могильника Первомайский X // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 115–123.
396. Демиденко Ю.В. Сарматские погребения из курганов у посёлка Ромашкин // ДВДС. 1992. Вып.2. – С. 61–68.
397. Демиденко Ю.В. Погребения сарматского времени из могильника Ежовка // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 123–138.
398. Демиденко Ю.В. Сарматские погребения из могильника хутора Глинище // ДВДС. 1994. Вып.4. – С. 136–142.
399. Дёмкин В.А. Почвенно-ландшафтные условия Нижнего Поволжья и Южного Урала в сарматское время / В.А. Дёмкин // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 75–77.
400. Дёмкин В.А. Динамика почвенно-ландшафтных условий в сухих степях западного склона Ергеней за последние 40 веков // НАВ. 1999. Вып. 2. – с. 81
401. Дёмкин В.А., Сергацков И.В., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Песочина А.С. Почвенные критерии оценки комфортности среды обитания ранних кочевников степей Волго-Уралья: палеоэкологические кризисы и оптимумы // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 3–15.
402. Дёмкин В.А., Рысков Я.Г. Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и их роль в жизни населения бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996. – С. 49–53.
403. Дергачёв В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на среднем Пруте (1975 – 1976 гг.). Кишинёв: Штиинца, 1982 – 138 с.
404. Державин В.А. Исследование курганов в зоне строительства Большого Ставропольского канала // АО за 1980 г. М., 1981. – С.100–101.
405. Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. №4. – С. 69–80.
406. Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора : Автореф. ... канд.ист. наук. М., 1974. – 17 с.
407. Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора : Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1974. – 168 с.
408. Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. – С.45–48.
409. Дзиговский А.Н. Сарматские памятники II–III вв. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1981. – С. 116–125.
410. Дзиговский А.Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. – С.83–92.

411. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель / А.Н. Дзиговский. Одесса: Гермес. 2003. – 240 с.
412. Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. О верхней дате сарматских могильников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. – С. 150–157.
413. Дитлер П.А. Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль // СМАА. 1972. Вып. III. – С. 66–78.
414. Дмитриев П.А., Сальников К.В. Гор. Уфа – ст. Ишимбаево // Археологические исследования в РСФСР 1934–1938 гг. Краткие отчёты и сведения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.131–145.
415. Древняя культура Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1974. – 228 с.
416. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М.: Наука, 1985. – 495 с.
417. Дубовская О.Р., Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // РА. 1990. №4. – С. 182–189.
418. Думберг К.Е. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. I. – С.94–103.
419. Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград: «Перемена», 1995. – С. 83–139.
420. Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф. Раскопки могильной группы у села Солёное Займище // Донские древности. 1995. Вып. 4. – С. 149–169.
421. Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып.2. – С.93–126.
422. Дюк В. Обработка данных на ПК в примерах. СПб.: Питер, 1997. – 240 с.
423. Ерёмченко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1997
424. Ерёмченко В.Е., Журавлёв, В.Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // ПАВ. 1992. Вып.1. – С.
425. Ефименко П.П. Рязанские могильники. // МЭ. Т.III. Вып.1. М., 1926. – С.59–84.
426. Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. – С.33–45.
427. Ждановский А.М. Появление алан в Прикубанье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983. – С.81–84.
428. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. – С.72–99.
429. Ждановский А.М. История племён Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в.н.э.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1985. – 20 с.
430. Ждановский А.М. История племён Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в.н.э.: Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1985. – 250 с.
431. Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Краснодар: Изд-во КГУ, 1988. – С.54–68.

432. Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1984. – С.102–116.

433. Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1988. – С.103–126.

434. Ждановский, А.М. Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988. – С.42.

435. Железчиков Б.Ф. Материалы из раскопок П.С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области // КСИА. 1980. Вып. 162. – С.32 – 38.

436. Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов, 1983. – С.48 – 60.

437. Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в.н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. – С.65 – 68.

438. Железчиков Б.Ф. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1986. – С. 54–66.

439. Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Европы в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. – Азов, 1988. – С. 57–64.

440. Железчиков Б.Ф. Погребения IV в. до н.э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 85–93.

441. Железчиков Б.Ф. Савроматы исторические и археологические // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы IV -го археологического семинара). Новочеркасск, 1994. – С. 15–17.

442. Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 136 с.

443. Железчиков Б.Ф. Сарматские погребения в могильнике Алебастрово I // НАВ. 2000. Вып. 3. – С. 294–308.

444. Железчиков Б.Ф., Барбарунова З.А. Погребальный обряд савроматской культуры как объект комплексного исследования формализовано-статистическими методами // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч.II. Новочеркасск, 1992. – С. 51–58, ил.

445. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. №4. – С.218–228.

446. Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане // НАВ. 1999. Вып. 2. – С. 127–137.

447. Железчиков Б.Ф., Пшеничник А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 5–8.

448. Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. – С. 23–61.

449. Житников В.Г. Раскопки в Цимлянском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1990. – С. 14–15.
450. Житников В.Г., Илюков А.С. Исследование курганов на окраинах г. Ростова н/Д // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998. – С. 72–73.
451. Журавлёв Д.В. Краснолаковая керамика могильника Бельбек IV (предварительные итоги исследования) // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 63–65.
452. Завитухина М.П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // АСГЭ. 1999. Вып. 34. – с. 102–114.
453. Заднепровский Ю.А. Юго-восточная экспансия сарматов: pro и contra // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 55–59.
454. Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в.н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. – 212 с.: ил.
455. Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. – С. 88–94.
456. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. №3. – С. 61–99.
457. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. №2. – С. 135–154.
458. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в.н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 174–204.
459. Зайцева Г.И. и др. Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001. – С. 129–132.
460. Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. Вып.16. – С.105–121.
461. Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. – С. 5–17.
462. Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. 1979. Вып. XX. – С. 87–113.
463. Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. – С. 97–106.
464. Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994. – 223 с., ил.
465. Засецкая И.П., Илюков А.С., Косьяненко В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. 1999. №2. – С. 51–62.
466. Засецкая И.П., Марченко И.И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья (классификация и хронология) // ТД I КАК. Краснодар, 1989. – С. 72 – 73.

467. Захаров А.В. Погребение раннесарматского времени с бронзовой фибулой из правобережного Подонья // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1989. – С. 44 – 51.
468. Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 27–45.
469. Захаров П.Е., Мордвинцева В.И. Грунтовый могильник сарматского времени в Нижнем Поволжье // СА. 1995. №2. – С. 161 – 169.
470. Захаров П.Е., Сергацков И.В. Новые сарматские памятники у с. Бережновка // ДВДС. 1998. Вып.6. – С. 70–82.
471. Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. 1984. №4. – С.35 -48.
472. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. Вып.83. – 180 с.
473. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. – 95 с.
474. Зубар В.М., Храпунов И.М. Нові дослідження Любимівського городища // Археологія. 1989. №4. – С.131 – 135.
475. Зуев В.Ю. Раннесарматская культура IV–III вв. до н.э. Статистический феномен и археологическая реальность. СПб., 1998. – 41 с.
476. Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. – 32 с.
477. Зуев В.Ю. К вопросу о выделении памятников III в. до н.э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 75–86
478. Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы 4 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара. 2000. – С.85 – 104.
479. Зуев В.Ю. К разработке хронологии сарматских древностей II–I вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч.2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. – С. 171–185.
480. Зуев В.Ю. Несколько заметок по ходу сарматской дискуссии // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. Ч. 2. СПб., 2002. – С.197 – 211.
481. Зуев В.Ю. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 205–220.
482. Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. 1999. Вып. III. – С. 105–123.
483. ИАК. Прибавление к Вып. 5. СПб., 1903 – 98 с.
484. ИАК. Прибавление к Вып. 46. СПб., 1912 – 238 с.
485. Иваницкий И.Д., Иневашкина О.Н. Раскопки кургана Сирлибайтепе // ИМКУз. 1988. Вып.22. – С.44–59.

486. Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992. – 143 с.
487. Иванов И.В. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 85–87.
488. Иванов И.В., Луковская И.Т. Изменение экологических условий самарской области в голоцене // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 60–70.
489. Иванова Н.В. Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 135–154.
490. Игнатов В.Н. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хопёрская // КСИА. 1986. Вып. 186. – С.65–68.
491. Игнатов В.Н., Скрипкин А.С. Исследование курганов на Средней Кубани // АО за 1983 г., М., 1985. – С.118–119.
492. Игнатов В.Н., Скрипкин А.С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья // СА. 1988. №3. – С. 175–197.
493. Иессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. Вып. XVI. – С. 206–231.
494. Иессен А.А. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. // КСИИМК. 1954. Вып.53. – С.61–79.
495. Илюков А.С. Археологические исследования на правом берегу р. Сал // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. II. Азов, 1993. – С. 19–22.
496. Илюков А.С. Исследование курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. – С. 24–27.
497. Илюков А.С. Погребение раннего железного века из окрестностей хут. Красноармейского // НАВ. 2000. Вып. 3. – С. 313–318.
498. Илюков А.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 100–140.
499. Илюков А.С. Курган с погребениями раннесарматского времени // МАВДС. 2001. Вып. 1. – С. 198–207.
500. Илюков А.С. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002. – С. 231–242.
501. Илюков А.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1992. – 288 с.
502. Илюков А.С., Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В. Исследование нижнедонских «Частых курганов» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002. – С. 162–163.
503. Илюков А.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени на нижнем Дону // Донские древности. Вып. 2. 1994. – С. 57–79.
504. Исмагил Р. Рамиль Исмагил. Сарматская проблема: взгляд со стороны // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 23–25.

505. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема сложения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29. – С. 29–47.
506. Иштванович Э., Кульчар В. Проблемы изучения социальной структуры сарматов Карпатского бассейна // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 62–63.
507. Иштванович Э., Кульчар В. Проблематика «первого поколения» в изучении сарматов Карпатского бассейна // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 205–209.
508. Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. 1977. №3. – С.204–213.
509. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С.84–93.
510. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 137–156.
511. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977. – 103–115.
512. Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Аланы на Днестре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиан и археологические данные // РА. – 1999. – №4. – С.119–130.
513. Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I–III вв.н.э.: Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1965. – 200 с.
514. Каменецкий И.С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. Вып.177. – С. 165–170.
515. Каменецкий И.С. Могильник Лебеди III // АО за 1980 г., М., 1980. – С. 103.
516. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М.: Наука, 1983. – С.221–250, ил.
517. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Вып. I. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). М., 1986. – С. 136–194.
518. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в.н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
519. Каменецкий И.С. Сираки // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. – С.249–251.
520. Каминская И.В. Сарматские погребения на Урупе // СА. 1988. №1. – С.242–251.
521. Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. №4. – С.228–233.
522. Каминский В.Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древности Кубани (материалы к семинару). Краснодар, 1986. – С. 25 – 26.
523. Каминский В.Н. Раскопки курганов у станицы Михайловской в Закубанье // АО за 1985 г., М., 1987. – С.139 – 140.
524. Каминский В.Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в Степном Прикубанье // Древние памятники Кубани. Краснодар. 1990. – С.94 – 101.

525. Каминский В.Н. Сарматское погребение с малоазийским и римским импортом из ст. Михайловская (Закубанье) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000. – 86–95.
526. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Раскопки кургана-кладбища в Курганинске в Закубанье // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987. – С. 47 – 48.
527. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Катакомбы сарматского времени из Восточно-го Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования. Вып. I. Краснодар: Скифская галерея, 1993. – С. 68–76.
528. Капошина С.И. Курганы сарматской знати на Нижнем Дону // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1962 г. М., 1963. – С.13 – 15.
529. Капошина С.И. Связи сарматских племён Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века н.э. // Античное общество. М., 1967. – С. 145 – 150.
530. Капошина С.И. Сарматы на Нижнем Дону // АИКСР. Л., 1968. – С.163 – 171.
531. Капошина С.И. Кельтский котёл из Садового кургана у Новочеркасска // КСИА. 1969. Вып. 116. – С. 78 – 79.
532. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. I. Т. М., 1988. – 109 с.
533. Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // ПАВ. 1993. №2. – С.113–126.
534. Кардонов В.Т. Сарматы в русской дореволюционной историографии // Исследования по археологии юга Восточной Европы. Сборник научных трудов. Элиста, 1992, – С.66–80.
535. Каришковський П.Й. З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор'ї // АП УРСР. 1962. XI.- С.102–121.
536. Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. – С. 66–82.
537. Каспарова К.В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976. №3. – С. 128–140.
538. Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25. – С.108–117
539. Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове: Отд. Древностей, добытых из раскопок и случайных находок / Сост. В.А. Городцов, Д.И. Багалей, П.С. Уваров, П.П. Ефименко и др. Харьков: Тип. Губ. правл., 1902. – 233, 36 с.
540. Каталог «Курганы Северо-Восточного Приазовья» (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области) // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. III. Ростов-на-Дону, 1998. – 142 с.
541. Керфов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // АИНКБ. 1985. Т.2. – С.135–259.
542. Керфов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. – 215 с.
543. Кипарисова Н.П., Сальников К.В. Савроматское погребение близ г. Троицка // СА. 1958. №2. – С. 246–251.
544. Кияшко В.Я., Коренько В.А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. №1. – С. 170 – 177.
545. Клепиков В.М. Новые памятники сарматского времени в Прикубанье (вопросы хронологии) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: СГУ, 1992. – С. 109 – 121.

546. Клепиков В.М. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н.э. // НАВ. Вып.3. Волгоград, 2000. – С.97 – 106.
547. Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып.1. Самара, 2000. – С.116 – 124.
548. Клепиков В.М. Позднесарматские погребения курганного могильника Абганеро-во IV // МАВДС. 2001. Вып. 1. – С. 225–235.
549. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э., Волгоград, 2002. – 216 с.
550. Клепиков В.М., Васин М.Г. Археологические раскопки в Калачёвском районе // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Сборник научных статей. Волгоград: «Перемена», 1995. – С. 71–82.
551. Клепиков В.М., Кривошеев М.В. Комплексы позднесарматского времени могильника Перегрузное I // МАВДС. 2004. Вып. 2. – С. 169–185.
552. Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия. Сборник научных трудов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С.28–40
553. Клепиков В.М., Шинкарёв О.А. Раннесарматские погребения курганного могильника у с. Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. 2004. Вып.2. – С. 134–168.
554. Кнауэр Ф.И. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии // Тр. XI АС. Т. II. М., 1902. – С. 150 – 151.
555. Книпович Т.Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–V вв. до н.э. // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. – С. 90–110.
556. Книпович Т.Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма // СА. 1949. Т. XI. – С. 271 – 284.
557. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. – С. 289–326.
558. Ковалёва И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачёв В.А., Попов В.А. Исследование курганов у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // КДСП. 1977. Вып.1. – С. 8 – 113
559. Ковалёва И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // КДСП. 1978. Вып. 2. – С. 4 – 21.
560. Ковалёва И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М. Раскопки курганных могильников бронзового века среднего Приорелья // Среднее Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1981 – С.19 – 44.
561. Ковалёва И.Ф., Марина З.П. Раскопки курганов эпохи бронзы в нижнем Присамарье // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. – С.4 – 17.
562. Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV–V вв.) //Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманитарных исследований, 1992. – С. 34–85.
563. Ковпаненко Г.Т. Курганы в Чаплинском районе Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. – С. 33 – 43.

564. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в.н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. – 151 с.
565. Ковпаненко Г.Т., Качалова Н.К., Шарафутдинова И.Н. Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. – С. 60 – 81.
566. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. – 336 с.
567. Кожомбердиев И. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. 1960. Вып. 80. – С. 70–75.
568. Козенкова В.И. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. – С.72–91.
569. Козуб Ю.И. Стекланный ритон из Ольвии // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. – С. 69–74.
570. Козюменко Е.В. Исследования курганов у с. Ново-Николаевка в 1990 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1990. – С. 15–17,
571. Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Раев Б.А. Раскопки курганного могильника «Кавказский-2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. – С.155 – 256.
572. Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в.н.э. // ТХАЭЭ. 1967. Т. 5. – 348 с.
573. Коковцев П.К. О надписях на серебряных блюдах // МАР. 1918. №37, – С.82–83
574. Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учёными специалистами и изданные Г.И. Радде. Т. 5. Археология. / Сост. П.С. Уварова при участии Г.И. Радде. Тифлис, 1902, – 231 с.
575. Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // Антропологический сборник. 1956. I. ТИЭ. н.с., т.XXXI. – С.166–203
576. Кондукторова Т.С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып.11. – С.43–57
577. Копылов В.П. Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162. – С. 24–27.
578. Копылов В.П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой половине III вв. до н.э. // «Нижний Дон – этнические контакты». Сборник научных докладов четвёртых Донских археологических чтений, посвящённых памяти Беспалого Е.И. Ростов-на-Дону, 2002. – С. 15–20.
579. Копылов В.П., Ларенок П.А. Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994 г.) // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону: Gefest, 1994. – 90 с.
580. Копылов В.П., Лукьяшко С.И. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. Вып. 4. 1995. – С. 117–148.
581. Корняко В.А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА. 1980. Вып.162. – С.96–101.

582. Коренько В.А. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 38–51
583. Коренько В.А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // КСИА. 1982. Вып. 170. – С. 64–70.
584. Коренько В.А. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. 1985. №4. – С. 54–62.
585. Коренько В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. №3. – С.149–164.
586. Коренько В.А., Максименко В.Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. №3. – С.167 – 182.
587. Коренько В.А., Найдено А.В. Погребения раннего железного века на р. Томузловке: (Ставр. край) // СА. 1977. №3. – С. 230 – 248.
588. Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. М., 1987. – С. 3–70.
589. Королькова Е.Ф. Образы верблюдов и их развитие в искусстве ранних кочевников Евразии // АПО. 1998. Вып.1.
590. Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // КДСП. 1977. Вып.1. – С. 114 – 128.
591. Костенко В.И. Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // КДСП. 1978. Вып. 2. – С. 78 – 85.
592. Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. №4. – С. 189 – 200.
593. Костенко В.И. Культ огня и коня в погребениях сарматского времени междуречья Орели и Самары // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. – С. 83 – 90.
594. Костенко В.И. Сарматские памятники Днестро-Донского междуречья III в. до н.э. – сер. III в.н.э. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983. – 103 с.
595. Костенко В.И. Сарматские погребения Приорелья // Древности степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983. – С. 61–66.
596. Костенко В.И. Сарматское погребение с инталией из могильника у с. Подгородное // Древности Евразии в скифо- сарматское время. М.: Наука, 1984. – С.124 – 130.
597. Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в.н.э. Учебное пособие. Днепропетровск: ДГУ, 1986. – 104 с.
598. Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника) // Проблемы археологии Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1989. – С.85–97.
599. Костюк Л.И. Сарматское погребение у с. Давыдов Брод на Херсонщине // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: ТД юбил. конф. Киев, 1975. – 98 – 99.
600. Косяненко В.М. Новые материалы позднеантичного времени с территории г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1989. – С. 58 – 62.
601. Косяненко В.М. Среднесарматское погребение из могильника Крепинский I на левобережье р. Маныч // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 90–94.
602. Косяненко В.М., Максименко В.Е. Комплекс вещей сарматского времени у хутора Виноградный на Нижнем Дону // СА. 1989. №1. – С. 264–267.

603. Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. 1959. Вып. 1, – с. – 121–156, ил.
604. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980, – С. 43–61.
605. Краева Л.А., Памятники раннего железного века из Западного Оренбуржья // АПО. 1999. Вып. III. – С. 176–190.
606. Краева Л.А. Технология изготовления керамики из «прохоровских» погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНИЦ РАН. 2000. – С. 114–134.
607. Краева Л.А., Богданов С.В. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // АПО. 2000. Вып. IV. – С. 168–179.
608. Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Моргунова Н.А. Одиночный курган у с. Благословенка // АПО. 2000. Вып. IV. – С. 186–193.
609. Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 117–126.
610. Кригер В.А. Сарматские курганы левобережья нижнего течения р. Урал // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 103 – 113.
611. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в.н.э.) // САИ. Вып. Д1–27. 1970. – 280 с.
612. Кропоткин В.В. Введение // Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1988. – С.3–4.
613. Кропоткин В.В., Обыденнов М.Ф. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 1985. №2. – С. 242–246.
614. Кругликова И.Т., Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия. 1980. Т.1. – С. 103–120.
615. Кудрявцев А.А. и др. Склеп №2 татарского I могильника / Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р. // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С.65–97.
616. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. Вып.106. – 164 с.
617. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. – 302 с.
618. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.
619. Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI – III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) // СА. 1987. №1. – С.35–47.
620. Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // ПАВ. 1993. №7. – С. 82–87.
621. Кузнецова Т.М. Всё зеркала, зеркала... // МАВДС. 2001. Вып.1. – С. 128–141.
622. Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III века до н.э., Т.1. М.: Индрик, 2002. – 352 с.
623. Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма Ч.1 // ВДИ. 1996. №2. С. 73–85.
624. Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. Ч.2 // ВДИ. 1997. №2. – С. 81–94.

625. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта: С.М. Перевалов. СПб.: Алетейя, 2000. – С.43–164.
626. Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею (приветствие XI Археологическому съезду) // Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта: С.М. Перевалов. СПб.: Алетейя, 2000. – С. 219–276.
627. Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею (Ответ акад. В.В. Латышеву) // Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта: С.М. Перевалов. СПб.: Алетейя, 2000. – С. 277–303.
628. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные балзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Т. XIII. – С.146–177.
629. Курганы левобережного Илека. Вып.1. М., 1993. – 128 с., ил..
630. Курганы левобережного Илека. Вып.2. М., 1994. – 178 с., ил.
631. Курганы левобережного Илека. Вып.3. М., 1995. – 175 с., ил.
632. Курганы левобережного Илека. Вып.4. М., 1996. – 152 с., ил.
633. Курчатов С.И. Новые материалы из раскопок сарматского и черняховского могильников у с. Петрешты // ПССА. Запорожье, 1989. – С. 74 – 45.
634. Кушаев, Г.А. Раскопки в Уральской области // АО за 1981 г. М.: Наука, 1982. – С.440–441.
635. Лакиер А.Б. Русская геральдика / Подготовка текста и послесловие Н.А. Соболевой. М.: Книга, 1990. – 432 с.
636. Ларенок П.А. Курганное могильное «Никитин I–II» // Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеев-Курганский районы Ростовской области). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. III. Ростов-на-Дону, 1998. – С. 41–54.
637. Ларенок П.А., Потапов В.В. Исследование погребений у Мокро-Чалтырского карьера // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2004. – С. 153–177.
638. Левенок В.П. Ново-Никольский могильник сарматского времени на верхнем Дону // КСИА. 1973. Вып. 133. – С. 86–93.
639. Левина, Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. 1971. Вып. VII. – 251 с.
640. Левченко Б.М. Сарматские погребения поблизу с. Медвин Київської області // Археологія. 1985. №49. – С. 86 – 89.
641. Ледяев Н.М. Савроматские погребения Ивановской дюны // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – С. 117 – 120.
642. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И., ПСС, Т.45. – С.23 – 33.
643. Ленц Э.Э. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // ИАК. 1902. Вып.4. – С.120–131
644. Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. // Пропилен. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. IV. М., 1854, – с.

645. Либеров П.Д. Курганы у хутора Харчевик // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. – С.74 – 82.
646. Либеров П.Д. Савроматы ли сирматы? // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. 1969. Вып. 151. – С.27–37.
647. Лившиц В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конференции. Ч. 2. СПб., 2001. – С. 160 – 170.
648. Лимберис Н.Ю. Работы Краснодарской экспедиции // АО за 1986 г. М., 1988. – С.132–133.
649. Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И. Раскопки курганов у ст. Нововеличковской в 1998 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С.41 – 79.
650. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Новокорсунские курганы // МИАК. 2002. Вып. 2. – С.3–71.
651. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии) // Могильники Западной Ферганы. 1972. Вып. I. – 258 с.: 60 л.ил., карт.
652. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. 1978. Вып. IV. – 216 с., Таб.
653. Литвинский Б.А., Седов В.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.: Наука, 1984. – 238 с.
654. Лопатин А.П. Курганы у станицы Спокойной // ИАА. 1995. Вып.1. – С.53 – 62.
655. Лопатин А.П., Лопатина Т.Е. Курганы у села Вольное Успенского района // ИАА. 1997. Вып.3. – С.30 – 33.
656. Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Вып. XI. С.134–150.
657. Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. – ТХАЭЭ. 1979. Вып. XI. – С. 111 – 133.
658. Лукашов А.В. К вопросу о миграции прохоровских племён Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – С.66–82.
659. Лукашов А.В., Прямухин А.Н. Савромато-сарматские погребения у с. Белокаменка // НАВ. 2002. Вып. 5. – С. 201–224.
660. Луконин В.Г. Искусство Ирана // Памятники мирового искусства. Вып. II (серия первая). Искусство древнего Востока. М.: Искусство, 1967. – С. 85–96.
661. Лукьяшко С.И. Этнические процессы на Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С. 65–75.
662. Лукьяшко С.И. К вопросу об этнической характеристике населения Северо-Восточного Приазовья в VI–IV вв. до н.э. // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992. – С. 57–68.
663. Лукьяшко С.И. Погребения V в. до н.э. на правом берегу Нижнего Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13. Азов, 1994. – С. 95–102, ил.
664. Лукьяшко С.И. Погребения раннего железного века из районов левобережья Среднего Маныча // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. – С. 123–132.

665. Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. 1999. Вып. 7. – 240 с.
666. Ляпушкин И.И. Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. 1958. Вып. 62. – С. 315 – 322.
667. Магомедов А.Х. Академик Янош Харматта – выдающийся исследователь истории, культуры и языка предков осетинского народа // Античные государства и варварский мир (Межвузовский сборник статей). Орджоникидзе, 1981. – С. 81–94.
668. Мажитов Н.А., Пшеничнюк, А.Х. Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФ АН СССР, 1977. – С. 52 – 66.
669. Макаревич М.Л. Похоронения сарматского та салтівського типів на Северском Донці // Археологія. 1957. X. – С.
670. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. 1911. Вып.43. – 130 с., 5 л. ил.
671. Максименко В.Е. Сарматские погребения в дельте Дона // СА. 1970. №2. – С. 224–232.
672. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1983 – 224 с.
673. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С.109–117.
674. Максименко В.Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии « // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 41–49.
675. Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып.6. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – 304 с.: илл.
676. Максименко В.Е. О времени и путях проникновения племён прохоровской культуры в Подонье-Приазовье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Вып. 2. Самара, 2000. – С. 158–170.
677. Максименко В.Е., Безуглов, С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. №1. – С. 183 – 192.
678. Максимов Е.К. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1957. №4. – С. 157–161.
679. Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1966. – С.98–115.
680. Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. – 151 с.
681. Малашев В.Ю. Периодизация ремённых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – С. 194–232.
682. Малкин В.Н., Турецкий М.А. Раскопки курганов у хутора Трясиновский // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 27–36.
683. Малышева А.А., Семёнова И.В. Павел Давидович Рау // СА. 1992. №1. – С.264 – 277.
684. Мамонтов В.И. Курганный могильник Колпачки // СА. 1971. №1. – С.209–216.
685. Мамонтов В.И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // СА. 1980. №1. – С. 175–194.

686. Мамонтов В.И. Кенотаф савроматского времени Царёвского курганного могильника // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 114–116.
687. Мамонтов В.И. Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 1986. – С. 38–54.
688. Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // ДВДС. 1992. Вып.2. – С. 17–49.
689. Мамонтов В.И. Савроматское погребение из курганного могильника у хутора Вертячий // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 93–99.
690. Мамонтов В.И. Раннесарматское погребение из кургана у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонцовья. 1993. Вып. 1. – С.187 – 193.
691. Мамонтов В.И. Курганный могильник Антонов I // ДВДС. 1994. Вып.4. – С. 15–47.
692. Мамонтов В.И. О памятниках «переходного» типа Волго-Донских степей // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 48–50.
693. Мамонтов В.И. Курганный могильник Шебалино // ДВДС. 1995. Вып. 5. – С. 20–33.
694. Мамонтов В.И. Погребение знатного воина из курганов у пос. Первомайский // Донские древности. Вып. 4. 1995. – С. 169–178.
695. Мамонтов В.И. Сарматские погребения курганного могильника Первомайский VII // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён Южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г. Саратов, 1997. – С.156–158.
696. Мамонтов В.И. Раскопки курганов в волгоградском Заволжье // ДВДС. 1998. Вып.6. – С. 141–149.
697. Мамонтов В.И. Материалы из раскопок курганов у с. Ивановка // НАВ. 1999. Вып. 2. – С. 84–92.
698. Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б // НАВ. 2000. Вып. 3. – С. 252–267.
699. Мамонтов В.И. Уникальные находки в сарматских погребениях у пос. Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения И.В. Силицына 14–18 мая 2000 года. Саратов, 2000. – С. 68–70.
700. Мамонтов В.И. Курганный могильник «Короли» // МАВДС. 2001. Вып. 1. – С. 110–127.
701. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из могильника Писаревка II // НАВ. 2002. Вып. 5. – С. 251–259.
702. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. Вып. 136. – 232 с., 1 л.ил.
703. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. – 227 с.
704. Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. – С. 133–141.
705. Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. – 143 с.

706. Марковин В.И. О некоторых археологических материалах из степного Ставрополя и ближайших земель // Исследования по археологии юга Восточной Европы. Сборник научных трудов. Элиста, 1992. – С. 22–58.
707. Маркс К. Вынужденная эмиграция // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., Т.8, – С.565–571.
708. Марсадолов А.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ. 1987. Вып. 28.
709. Марсадолов А.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племён степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 69–85.
710. Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Учебное пособие. Кемерово, 1986. – 144 с.
711. Марушенко А.А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // Тр. ИИАЭ АН ТССР. 1959. V. – С. 110–122.
712. Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1984. – С.37–71.
713. Марченко И.И. К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987. – С. 49 – 50.
714. Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во КГУ, 1988. – С. 68–83.
715. Марченко И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. – III в.н.э. по материалам курганных погребений: Автореф. ... канд. ист. наук. А., 1988. – 17 с.
716. Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996. – 338 с.
717. Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа, 2001.
718. Марченко К.К. Лепная керамика V – III вв. до н.э. с городища у станицы Елизаветинской на Нижнем Дону // СА. 1972. №1. – С.122–134.
719. Марченко К.К., Житников, В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. №3. – С. 63–78.
720. Маслов В.Е., Яблонский А.Т. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // СА. 1996. №2. – С. 168–181.
721. Матвеева Г.И. О происхождении именовской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Межвузовский сборник. Куйбышев, 1981. – С.52–73.
722. Матыченков В.В. Опыт исследования строительного материала меотского городища // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 77–78.
723. Матюхин А.Д. Новое позднесарматское погребение из Саратовского Заволжья // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 65–69.
724. Матюшенко В.И. Раскопки в Омской области // АО за 1988 г. М., 1988. – С.245–246.

725. Махно Е.В. Сарматский могильник у с. Усть-Каменка // КСИА АН УССР. 1953. Вып. 2. – С. 61.
726. Махно Е.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу у с. Усть-Кам'янка // АП. 1960. Т. 9. – С. 22–40.
727. Мацулевич Л.А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. VI–VII. – С.125–147.
728. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным письменных свидетельств // АСГЭ. 1971. Вып. 13. – С. 46–54.
729. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в.н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. – С.122–132.
730. Медведев А.П. Сарматское погребение близ Воронежа // СА. 1981. №4. – С. 253 – 260.
731. Медведев А.П. Погребение воина в I Чертовицком могильнике // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 121 – 129.
732. Медведев А.П. Погребение позднесарматского времени на верхнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С.183 – 188.
733. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С. 76–88
734. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 219 с.
735. Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993
736. Медведев А.П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 50–66.
737. Медведев А.П. Предисловие // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С.3.
738. Медведев А.П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс.н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 4–18.
739. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999. – с
740. Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 86–94.
741. Медведев А.П., Душутин В.Н. Новые находки скифо-сарматского времени на Среднем Дону // ДВДС. 1998. Вып.6. – С. 64–69.
742. Мелентьев А.Н. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия // КСИА. 1975. Вып. 142. – С. 39–43.
743. Мелентьева Г.М. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону // КСИА. 1975. Вып. 133. С. 124 – 128.
744. Мельник Е.Н. Дневники раскопок // Тр. XII АС в Харькове. Т.I. М., 1905, – С.703–743.
745. Мелюкова А.И. Сарматское погребение у с. Олонешты // СА. 1962. №1. – С. 195–208

746. Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. Вып. 115. – С. 114–166 ил.
747. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. 1964. – 92 с.; 16 л. ил.
748. Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // АПО. 1996. Вып. 1. – С. 44–67.
749. Мещеряков Д.В. К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 53–60.
750. Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35, – С. 86–130.
751. Миллер А.А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // ИАК. 1914. Вып. 56, – С. 220–247.
752. Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции 1924 гг. // СГАИМК. 1926. Вып. I. – С. 71–142.
753. Миллер В.Ф. Осетинские этюды / Репринт. Изд. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. – 715 с.
754. Миллер М.А. Моздок 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941, – С. 238–242.
755. Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. – 294 с.
756. Минаева Т.М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. – 248 с. с ил.
757. Мирошина Т.В. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА. 1985. Вып. 184. – С. 95–100.
758. Мирошина Т.В., Державин В.А. Сарматские погребения из могильника Весёлая Роща III // СА. 1988. №3. – С. 146–156.
759. Михайлов Б.Д. Нові сарматські поховання на р. Молочної // Археологія. 1986. Вип. 56. – С. 81–87.
760. Михлин Б.Ю. Сарматское погребение в Южном Донбассе // СА. 1975. №4. – С. 185–192.
761. Михлин Б.Ю. Фибулы Бедаусского могильника // СА. 1980. №3. – С. 194 – 213.
762. Могильников В.А. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. 1986. Вып. 186. – С. 25–29.
763. Могильников В.А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 283–291.
764. Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 292–311.
765. Могильников В.А. Население верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э.. М.: Наука, 1997. – 195 с.
766. Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992
767. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. – 680 с.
768. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934, – 350 с.

769. Моргунова Н.А. Курганы у сёл Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. 1996. Вып. I. – С. 8–43.
770. Моргунова Н.А., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. 1999. Вып. III. – С. 124–146.
771. Моргунова Н.А., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левого бережного Илека. Вып. I. – М., 1993. – С. 15–17.
772. Мордвинцева В.И. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 123–133.
773. Мордвинцева В.И. Погребения скифского времени на р. Иловля // ДВДС. 1994. Вып.4. – С. 128–136.
774. Мордвинцева В.И. Сарматские фалары и некоторые вопросы истории и культуры сарматов // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 70–73.
775. Мордвинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана // СА. 1996. №2. – С. 155 – 160.
776. Мордвинцева В.И. Классификация фаларов конской упряжи 3 в. до н.э.- нач. 2 в.н.э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч.1. Краснодар, 1998. – С. 51 – 67.
777. Мордвинцева В.И. Стилистические группы фаларов III–I вв. до н.э. из музеев России и Украины // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 161–166.
778. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003. – 216 с.
779. Мордвинцева В.И. Фалары из votивных кладов Северного Причерноморья III–I вв. до н.э. и сарматская парадигма // ВДИ. 2008. №3. – С.162–183
780. Мордвинцева В.И., Дьяченко, А.Н. Сарматские погребения первых веков н.э. у с. Солёное Займище // ДВДС. 1995. Вып. 5. – С. 74–88.
781. Мордвинцева В.И., Клепиков В.Н. Сарматские погребения у х. Ветютнев // ДВДС. 1998. Вып.6. – С. 83–93.
782. Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. Богатое сарматское погребение у с. Бердия // СА. 1995. №4. – С.
783. Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 1999. Вып.2. – С.138–148.
784. Моринц С. Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // Dacia. Nouvelle série, III, București, 1959. – S.451 – 470.
785. Моруженко А.А. Оборонительные сооружения городищ Повороскля в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. – С. 133–146.
786. Мочи А. К вопросу о периодизации сарматской эпохи // ААН. 1954. Т. IV. – S.115–223.
787. Мошесова О.Н. Ожерелье из Аршан Зельмена II // ДВДС. 1995. Вып. 5. – С. 40–45.
788. Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. Вып.78. – С. 293 – 307.
789. Мошкова М.Г. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИИМК. 1961. Вып.83. – С.115–125.

790. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский могильник близ г. Орска // МИА. 1962. Вып. 115. – С.206–241.
791. Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИИМК. 1962. Вып. 89. – С.77–82.
792. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1–10. – 56 с., Таб.
793. Мошкова М.Г. Погребения VI–IV вв. до н.э. в Челябинской группе курганов // МИА. 1969. Вып. 169, – С.138–147.
794. Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // МИА. – 1972. – Вып. 153. – С.49–78.
795. Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // МИА. 1972. Вып. 153. – С.27–48.
796. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. – 52 с.
797. Мошкова М.Г. Комплекс находок с ритонном из Уральской области // СА. 1981. №4. – С.171–185
798. Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170. – С.80 – 87.
799. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983, С.18–33.
800. Мошкова М.Г. О дате сарматских погребений Авиловского могильника на Иловле // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
801. Мошкова М.Г. Предисловие // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. – С.3–8.
802. Мошкова М.Г. Понятие «археологическая культура» и савромато-сарматская историко-культурная общность // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С. 89–108.
803. Мошкова М.Г. Основные проблемы сарматской археологии // КСИА. 1991. Вып. 204. – С. 10–18.
804. Мошкова М.Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв.н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 18–23.
805. Мошкова М.Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 67–78.
806. Мошкова М.Г. Что такое III в. до н.э. в истории сарматов « // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 337–341.
807. Мошкова М.Г. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. – С. 147–165.

808. Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 22–44.

809. Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973, С.258–268.

810. Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА. 1973. Вып. 133. – С. 72 – 80.

811. Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т.2. М., 1974. – С. 5 – 79.

812. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Гос. ун-та. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. – С. 172 – 212.

813. Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф. Рецензия на Шилов В.П. Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. А., 1975 // СА. 1977. №2. – С.265–274.

814. Мошкова М.Г., Фёдорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М., 1974. – С. 21 – 121.

815. Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 169–179

816. Мунчаев Р.М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. // СА. 1965. №2. – С. 174 – 184.

817. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984, – 134 с.

818. Мухопад С.Е. Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орельско-Самарском междуречье // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1986. – С. 136–143.

819. Мыськов Е.П. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Кияковки // ДВДС. 1992. Вып.2. – С. 118–138.

820. Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксяя // НАВ. 1999. Вып. 2. – С. 149–167.

821. Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // СА. 1994. №2. – С. 179 – 190.

822. Мыц В.А. Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатырдаг // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев: Наукова думка, 1983. – С.153–156.

823. Мыц В.А. Могильник III–IV вв.н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. – VII в.н.э.). Киев: Наукова думка, 1987. – С.144–164.

824. Мышкин В.Н. Сарматские погребения Вилловатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. – Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 121–137.

825. Мышкин В.Н. Погребение предсавроматского времени в Волгоградском Заволжье // НАВ. 2002. Вып. 5. – С. 373–376.

826. Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.Сарматские курганы у с. Гвардейцы // АПО. 1999. Вып. III. – С. 147–175.

827. Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 71–84.
828. Наглер, А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. – С. 87–91.
829. Неверов О.Я. Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики раннего эллинизма // ВДИ. 1990. №1. – С.
830. Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982. – 240 с.
831. Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. – М., Изд-во АН СССР, 1957. – 403 с.
832. Неразик Е.Е. Археологический комплекс первых веков нашей эры из Хорезма // СА. 1987. №2. – С. 159–175.
833. Нефёдкин А.К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004; М.: «Филоматис», 2004. – 192 с.
834. Нефёдов Ф.Д. Отчёт об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 г. // МАВГР. 1899. Т. III, – С.1–41
835. Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1956. – 249 с.
836. Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. – С.151–159.
837. Нечитайло А.А. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка. 1979. – 87 с.: ил.
838. Нечитайло А.А., Бунятян Е.П. Курганный группа близ с. Чкалово // Древности степного Крыма. Киев: Наукова думка, 1984. – С.
839. Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. №1. – С. 147–159.
840. ОАК за 1864 г. СПб. –
841. ОАК за 1882–1888 гг. СПб.: Типогр. Импер. АН, 1891, – 334 с., Прил. – 132 с.
842. ОАК за 1890 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1893, – 150 с.
843. ОАК за 1891 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1893, – 187 с.
844. ОАК за 1894 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1896, – 171 с.
845. ОАК за 1895 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1897, – 201 с.
846. ОАК за 1896 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1898, – 251 с.
847. ОАК за 1897 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1900, – 191 с., Таб.
848. ОАК за 1898 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1901, – 190 с., Таб.
849. ОАК за 1899 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1902, – 184 с.
850. ОАК за 1900 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1902, – 172 с., ил.
851. ОАК за 1901 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1903, – 197 с., Таб.
852. ОАК за 1902 г. – СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1904, – 199 с.
853. ОАК за 1903 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1906, – 245 с.
854. ОАК за 1904 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1907, – 185 с.
855. ОАК за 1905 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1908, – 144 с.

856. ОАК за 1906 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1909, – 166 с., Таб.
857. ОАК за 1907 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1910, – 157 с., Таб.
858. ОАК за 1908 г. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1912, – 226 с., Таб.
859. ОАК за 1909–1910 гг. СПб.: Типогр. главного управления уделов, 1913, – 289 с., Таб.
860. ОАК за 1912 г. Пг.: Типогр. главного управления уделов, 1916, – 130 с.
861. ОАК за 1913–1915 гг. Пг.: Девятая гос. типогр., 1918, – 295с., ил.
862. Обельченко О.В. Кую-Мазарский могильник // Тр. ИИА АН УзССР. 1956. Вып. VIII. – С. 205–227.
863. Обельченко О.В. Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Кую-Мазарского могильника // Тр. САГУ. Н.С. 1957. Вып. CXI. – С. 109–132.
864. Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУЗ. 1961. Вып. 2. – С. 97–176.
865. Обельченко О.В. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА. 1967. №2. – С. 181–187.
866. Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. №4. С. 115–127.
867. Обломский А.М. Находки позднеримского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 110–123.
868. Обломский А.М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. 2005. Вып.219. – С.104–120.
869. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 124–156.
870. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005 – 299 с.; 156 ил.
871. Ольховский В.С., Галкин А.А. Культовый комплекс на Устиурте (предварительное сообщение) // СА. 1990. №4. – С. 196–206.
872. Орлов К.К., Скорый С.А. Комплекс с бронзовым посудом римского часу з поховання в Центральному Криму // Археологія. 1989. №2. – С.63 – 73.
873. Очерки истории Ставропольского края. Т.1. Ставрополь: Кн. Изд-во, 1986. – 462 с.
874. Очир-Горяева М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI – IV вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. – 20 с.
875. Очир-Горяева М.А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. – С. 81–92.
876. Очир-Горяева М.А. Погребения скифской эпохи из могильника Цаган Усн // ДВДС. – 1994. – Вып.4. – С.120–128.
877. Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. №1. – С.41–54.
878. Павлович Г.А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // РА. 1995. №3. – С.200 – 205.
879. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. – 220 с.
880. Парусимов И.Н. Погребение VI в. до н.э. до н.э. из могильника Спичаковка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1990. – С. 47–49.

881. Парусимов И.Н. Погребение скифского времени у с. Ново-Николаевка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1990. – С. 55–56.
882. Парусимов И.Н. Исследование могильника Тёплый // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 11. Азов, 1993. – С. 28–30.
883. Парусимов И.Н. Раскопки курганов на востоке Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. – С. 47.
884. Парусимов И.Н. Раскопки в Зимовниковском и Усть-Донецком районах Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998. – С. 137–141.
885. Парусимов И.Н. Памятники железного века из могильника Ильиновский // Кравецкие записки. Вып. 3. Новочеркасск, 1998. – С.92–95.
886. Парусимов И.Н. Памятники скифского времени из могильника Высочино V // ДК. 2000. Вып. 18. – С.10–22.
887. Парусимов И.Н. Раскопки курганов у х. Ребричанский // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2004. – С. 96–126.
888. Патокова Э.Ф. и др. Сарматские погребения Маякского могильника / Патокова Э.Ф., Дзиговский А.Н., Зиньковский К.В. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1982. – С. 131–136.
889. Перевалов С.М. Как создаются мифы (к ситуации в современном алановедении) // ИАА. 1998. Вып.4. – С. 96–101
890. Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. М.: Наука, 2006. – С.318–335.
891. Песочина Л.С. Палеопочвенные исследования Беглицкого некрополя // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 81–83.
892. Песочина Л.С., Зайцев, С.В. Палеопочвы курганного могильника «Покровка 7» как индикаторы природных условий раннесарматского времени // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996. С. 54–60.
893. Петренко В.А. Хронология сарматского погребального инвентаря Среднего Притеречья // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: СГУ, 1992. – С. 32–45.
894. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4–5. 1978. – 140 с.
895. Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23. – С.43–48.
896. Петренко В.Г. Сарматское погребение у с. Лупарево // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С. 202 – 205.
897. Петренко, В.Г. Раскопки курганов в Ставрополе // АО за 1985 г., М., 1987. – С.152–153.
898. Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989, – с. 216–223.
899. Пиотровский Б.Б. Станция Моздок 1936 // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. М.-Л., 1941, – С.242–248.
900. Пиотровский Б.Б., Подгаецкий В.В., Миллер А.А. Сталинградская область // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. М.-Л., 1941, – С. 168–187.

901. Пичикийн И.Р. Возрождение большого клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея. Ч. II // ВДИ. 1998. №2. – С. 161–186.
902. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. Пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 248 с.
903. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. Вып. 64. – С.
904. Покровский М.В. Городища и могильники среднего Прикубанья // Тр. КГПИ. 1937. Вып. .С.3–38.
905. Покровська Е.В., Ковпаненко Г.Т. Могильник біля с. Калантаєво // Археологія. 1961. т. XII. – С.
906. Полін С.В. Про сарматське завоювання північного Причорномор'я // Археологія. 1984. №45. – С.
907. Полин С.В. М.И. Ростовцев о сарматском завоевании Северного Причерноморья и современное состояние проблемы // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. – С. 121–123.
908. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 – 202 с.
909. Полин С.В., Симоненко А.В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. – С.
910. Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 87–98.
911. Потапов В.В., Яценко В.В., Глебов, В.П. Раскопки курганов в Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. – С. 45–46.
912. Прокопенко Ю.А. О связях населения Ставропольской возвышенности с поселениями Прикубанья в IV–III вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 125–136.
913. Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Склеповые сооружения раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – С.7–30.
914. Прокофьев Р.В. Раскопки курганов у с. Киселёво Красносулинского района // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002. – С. 114–119.
915. Прохорова Т.А. Погребальный комплекс кургана 10 Кобяковского могильника как система знаков духовной культуры // Донские древности. Вып. I. Азов, 1992. – С. 87–101.
916. Прохорова Т.А., Гугуев, В.К. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине Ростова-на Дону // ИРОМК. 1988. Вып. 5. – С. 40 – 49.
917. Прохорова Т.А., Гугуев, В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. №1. – С. 142 – 161.
918. Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986, – 286 с.
919. Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов, 1989. – 133 с.

920. Проблемы скифской археологии // МИА. 1971. Вып.177. – 220 с.
921. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. – 204 с., ил.
922. Пшеничнюк, А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. – 199 с.
923. Пшеничнюк, А.Х. Дербенёвский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 67–85.
924. Пшеничнюк, А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлёбинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. – С. 32–61.
925. Пшеничнюк, А.Х. Филипповские курганы. Оружие и конское снаряжение. // www.anrb.ru/museum/collw.htm
926. Пшеничнюк, А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1976. – С.132–149.
927. Радзиевская В.Е. Исследование Коломакского городища // АО за 1979 г. М., 1980. – С.327.
928. Раев Б.А. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана // СА. 1974. №4. – С. 128–
929. Раев Б.А. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона // СА. 1976. №1. – С. 123 – 134.
930. Раев Б.А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // СА. 1979. №4. – С. 201–211.
931. Раев Б.А. Сарматское погребение из кургана у хут. Арпачин // СА. 1979. №1. – С. 260–262.
932. Раев Б.А. Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск, 1985. – 84 с.: ил.
933. Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего Латена в Сарматии // Античный мир и археология. Проблемы истории и археологии древней ойкумены. Вып.9. Саратов, 1993. – С.160 – 175.
934. Раев Б.А., Беспалый Е.И. Раскопки кургана «Воронцовский-3» в 1998 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. – Краснодар, 2001.
935. Раев Б.А., Науменко С.А. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти акад. М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. – С. 151–160.
936. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер, М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. – С. 117 – 135.
937. Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. – С.111–125.
938. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. – Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – 168 с.
939. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – 220 с.

940. Раскопки В.А. Городцова в Изюмском уезде в 1901 г. // Тр. Харьк. ПК XII АС. Т.1. Харьков, 1902, С. 434 – 436.
941. Рау П.Д. Исследование древних культур Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. 1928. №10. – С.151 – 157.
942. Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II–I вв. до н.э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. 2002. Вып.2. – С. 78–96.
943. Рикман Э.А. Поздние сарматы днестровско-дунайского междуречья. М., 1964. – 10 с.
944. Рикман Э.А. Поздние сарматы днестровско-дунайского междуречья // СЭ. 1966. №1. – С.68–88.
945. Рикман Э.А. Памятники сарматов и племён черняховской культуры // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.5. Кишинёв: Штиинца, 1975. – 169 с.
946. Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и примыкающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. – 335 с., ил.
947. Романовская М.А. Аланское погребение из Ставрополя // КСИА. 1986. Вып. 186. – С. 77–80.
948. Романюк Л.М., Симоненко О.В. Сарматский комплекс из с. Запруддя на Средній Наддніпрянщині // Археологія. 2001. №1. – С. 19–28.
949. Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. 32. – С. 58–77.
950. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. №37, – 103 с., Таб.
951. Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. Общий очерк. Пг.: Огни, 1918. – 189 с.
952. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических Л.: РАИМК, 1925. – 621 с.
953. Ростовцев М.И. Государство, религия и культура скифов и сарматов // ВДИ. 1989. №1. – С. 192–206.
954. Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. №2. – С. – 183–197.
955. Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. №3. – С. 184–203.
956. Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. №4. – С. 124–133.
957. Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1990. №1. – С. 175–183.
958. Ростовцев М.И. Иранский конный бог на юге России // ВДИ. 1990. №2. – С. 192–200.
959. Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1926. – С.239–257.
960. Ростовцев М.И. Сарматы // ПАВ. 1993. №5. – С.91–97
961. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Китай и звериный стиль // ПАВ. 1993. №5. – С.57–75.
962. Руденко С.И. Описание скелетов из прохоровских курганов // МАР. 1918. №37. – С.84–102.
963. Руденко С.И. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. // СА. 1949. XI. – С.261–270.

964. Рудинский М. Кантамирівські могили римської доби // Записки ВУАК. Київ: Всеукраїнська академія наук, 1931. – С. 127–147.
965. Рунич А.П. Железноводский могильник (I–IV вв.) // СА. 1983. №4. – С.218–222.
966. Руссов А.А. Отчёт о летних и осенних археологических работах (1880 г.) в Южном Дагестане А.А. Руссова // Тр. V АС в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. М., 1882, – С.518–621.
967. Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // УЗ СГУ. Вып.1. Саратов, 1925, Отдельный оттиск. – 19 с.
968. Рыков П.С. Сусловский курганный могильник // УЗ СГУ. Т.IV. Вып.3. Саратов, 1925. – 94 с.
969. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Известия Краеведческого Института изучения Южно-Волжской области при СГУ, Вып.1, Саратов, 1926. – С.
970. Рыков П.С. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Нижневолжского института им. М. Горького, Т.VII, Саратов, 1936. – С. 57–70.
971. Рыков П.С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведённые в 1933 и 1934 гг. // СА. 1936. Т.I. – С.115–157.
972. Рысков Я.Г., Дёмкин В.А., Мергель С.В. Возможность реконструкции природно-климатических условий по данным об изотопном составе углерода и кислорода палеопочв // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 83–84.
973. Рычков Н.А. Статистический анализ погребального обряда племён ямной культуры // Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982
974. Рябкова Т.В. К вопросу о хронологии архаических скифских комплексов Нижнего Подонья и Прикубанья // Античная цивилизация и варварский мир. (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000. – С. 18–21.
975. Савельев Н.С. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 41–52.
976. Савельева Т.В. Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. №3. – С.106–123.
977. Савенко С.Н. Раннеаланская культура сарматского времени на территории Кавказских Минеральных Вод // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 43–46.
978. Савовский И.П. Раннесарматское погребение в Запорожской области // СА. 1977. №3. – С.282 – 283.
979. Савовський І.П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. 1977. №23. – С. 61 – 71.
980. Савченко Е.И. Комплексы сарматского времени у ст. Калининской // БС. 1994. Вып. 5. – С. 87–107.
981. Садыкова М.Х. Сарматские памятники Башкирии // МИА. 1962. Вып. 115. – С.242–273.

982. Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. 1962. Т.1. – С.88–122.
983. Садыкова М.Х., Васильев В.П. Поздние прохоровцы в центральной Башкирии // Уфимский археологический сборник. 2001. Вып.3. – С. 55–80.
984. Сальников К.В. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. 1940. Вып.1.- С. 121 – 138.
985. Сальников К.В. Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. 1950. XXXIV. – С. 115–121.
986. Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск: СОГИЗ, 1952. – 158 с.
987. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М.: Синод. Тип., 1908. – 279 с. ил. з
988. Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. №1. – С.191–205.
989. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. – 240 с., ил.
990. Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – 242 с.
991. Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – 178 с.
992. Сатеев О.И. Социально-экономические факторы формирования военно-демократического комплекса в сарматском обществе (К вопросу о раннеаланской стадии) // ТД I КАК. Краснодар, 1989. С. 91 – 94.
993. Сенигова Т.Н. Отчёт о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // ТИИАЭ. Т.1. Археология. Алма-Ата. 1956. – С. 140–156.
994. Сергацков И.В. Савроматское погребение у с. Вишнёвка // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – С. 98 – 103.
995. Сергацков И.В. Погребение среднесарматского времени у с. Царёв // СА. 1989. №3. – С. 236 – 240.
996. Сергацков И.В. Позднесарматское катакомбное погребение у с. Бахтияровка // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. – С. 117–122.
997. Сергацков И.В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. №2. – С.240–244.
998. Сергацков И.В. Новые сарматские памятники северных районов Волгоградской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. – С. 137–148.
999. Сергацков И.В. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья // СА. 1992. №1. – С.162–174.
1000. Сергацков И.В. Погребение эпохи поздней бронзы у с. Лебяжье // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 53–58.
1001. Сергацков И.В. Погребения сарматской знати у с. Барановка // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. – С.71–87.
1002. Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // СА. 1995. №1. – С.148–158.
1003. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. – 396 С.
1004. Сергацков И.В. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование,

развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 150–157.

1005. Сергацков И.В. Курганы у хутора Авилов в низовьях реки Иловли // МАВДС. 2004. Вып. 2. – С. 4–54.

1006. Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 107–116.

1007. Сергацков И.В., Дворниченко, В.В., Дёмкин, В.А. Курганный могильник Маляевка V // МАВДС. 2001. Вып. 1. – С. 13–63.

1008. Сецинский Е.И. Археологическая карта Подольской губернии // Тр. XI АС. Т. 1. М., 1901, – С. 197 – 353, 2 л. карт.: ил.

1009. Симоненко А.В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. – С. 221 – 230.

1010. Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1981. – С.52 – 69.

1011. Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка. 1984. С.129–147.

1012. Симоненко А.В. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. – С. 117–120.

1013. Симоненко А.В. О контактах сармат Прикубанья и Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 24 – 25.

1014. Симоненко А.В. Доспехи сармат Прикубанья // ТД I КАК. Краснодар, 1989. С.78 – 80.

1015. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – Киев: Наукова думка, 1993. – 142 с.

1016. Симоненко А.В. Северное Причерноморье в системе сарматской культурно-исторической общности // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 15–17.

1017. Симоненко А.В. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч.1. Краснодар, 1998. – С.68–78.

1018. Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 158–164.

1019. Симоненко А.В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. – 2000. – С. 187–204.

1020. Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танайты в Северном Причерноморье // РА. 2001. №. 4. – С. 77–91.

1021. Симоненко А.В. Латенский и римский импорт в сарматских памятниках Северного Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы VIII международного археологического семинара. Краснодар, 2002. – С. 94–99.

1022. Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 134–173.

1023. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в.н.э. Киев: Наукова думка, 1991. – 112 с.

1024. Симоненко О.В. Роксолані (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. №4. – С.

1025. Силицын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. – С.57–75.

1026. Силицын И.В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Т. VIII. – С.73–95.

1027. Силицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 1947. – 134 с., Таб.

1028. Силицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИМК. 1954. Вып. 55. – С.

1029. Силицын И.В. Археологические памятники в низовьях р. Иловли // УЗ СГУ. Вып. исторический. 1954. Т. XXXIX. – С.230–234

1030. Силицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // ТИИ-АЭ. Т.I. Археология. Алма-Ата. – 1956. – С.87–139.

1031. Силицын И.В. Археологические памятники у с. Пролейка // УЗ СГУ. – Вып. Исторический. 1956. Т.XLVII. – С.

1032. Силицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Тр. СОМК. 1956. Вып. 1. – С.22–64.

1033. Силицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951 – 1953 гг.) // МИА. 1959. Вып. 60. – С.39 – 205.

1034. Силицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. 1960. Вып.78. – С. 10–168.

1035. Силицын И.В. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // Тр. СОМК. 1960. Вып. 3. – С.133–152.

1036. Силицын И.В. Ровенский курганный могильник // КСИА. 1961. Вып. 84. – С.91–102.

1037. Силицын И.В. Древние памятники саратовского Поволжья // Археологический сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1966. – С.3–62

1038. Силицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. I–II. Саратов, 1978. Ч.I. – 132 с.; Ч.II. – 118 с., ил.

1039. Силицын И.В., Эрдниев У.Э. Археологические раскопки в КалмССР в 1961 г.. Элиста: Калмиздат, 1963 – 60 с. с ил.

1040. Силицын И.В., Эрдниев У.Э. Новые археологические памятники на территории КалмССР. (По раскопкам 1962–1963 гг.). Элиста: Калмиздат, 1966. – 184 с. с ил.

1041. Силицын И.В., Эрдниев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.). Элиста, 1971. – 142 с.

1042. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979. – С. 25–54: ил.
1043. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. – С. 29–66: ил.
1044. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. – С. 59 – 92.
1045. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. – С. 43 – 69.
1046. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1987. – 172 с.
1047. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. – 270 с.
1048. Скрипкин А.С. Раскопки курганов на р. Иловле // Историко-краеведческие записки Волгоградского областного музея краеведения. Волгоград, 1973. – С. 95 – 117.
1049. Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. 1974. Вып. 140. – С. 57–63.
1050. Скрипкин А.С. Две бронзовые пряжки из Суловского курганного могильника // СА. 1976. №3. – С.325–327.
1051. Скрипкин А.С. К вопросу о происхождении позднесарматской культуры // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. – С.28–30.
1052. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. – С.100–120.
1053. Скрипкин А.С. Позднесарматский комплекс из Нижнего Поволжья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. – С. 77–81.
1054. Скрипкин А.С. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II–IV вв. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. – С.73–87.
1055. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II–IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. №2. – С.43–56.
1056. Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С.218–224.
1057. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 150 с.
1058. Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – С.82–98.
1059. Скрипкин А.С. Этнические проблемы сарматской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФАН СССР, 1987. – С.88–104.
1060. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. – С. 118–132.
1061. Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. №4. – С.172–181.
1062. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов, 1990 – 299 с.

1063. Скрипкин А.С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. – С. 105–117.
1064. Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. – С. 3–24.
1065. Скрипкин А.С. Великий Шёлковый путь в древней истории Юга России // РИЖ. 1994. №1. – С. 3–14.
1066. Скрипкин А.С. К дискуссии о взаимоотношениях сарматов и скифов « // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 341–347.
1067. Скрипкин А.С. Материалы Сусловского курганного могильника // НАВ. 1998. Вып. 1. – С. 104–124.
1068. Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 137–149.
1069. Скрипкин А.С. О китайских традициях в сарматской культуре // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). Краснодар: КГУКИ, 2000. – С.96–99.
1070. Скрипкин А.С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. 2003. №2. – С. 128–134.
1071. Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 95–106.
1072. Скрипкин А.С., Мамонтов В.И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. №4. – С.285–287.
1073. Смирнов А.П. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. Вып. 177. – С. 188–190.
1074. Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып.5. 1947. – С.75–82.
1075. Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. №1. – С.213–219.
1076. Смирнов К.Ф. Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. – С.80–86.
1077. Смирнов К.Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. – С.113–125.
1078. Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. – С.97–114.
1079. Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. – С.
1080. Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. – С.3–18.
1081. Смирнов К.Ф. Северский курган // Тр. ГИМ. 1953. Вып. XI. – 43 с.
1082. Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племён и их культуры в советской археологии // ВССА. М., 1954. – С. 195–219.

1083. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. 1958. Вып.64. – С.272–312.
1084. Смирнов К.Ф. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. Вып. 60. – С. 206–322.
1085. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. Вып. 78. – С. 169–268.
1086. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1960. Вып. 101. –
1087. Смирнов К.Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИИМК. 1962. Вып.89. – С.83–93.
1088. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов М.: Наука, 1964. – 379 с., ил., карт.: 3 л. ил.
1089. Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. – 1964. №3. – С.45–63.
1090. Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. Вып.177. – С. 191–196.
1091. Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. 1971. Т. IV. – С.69–76.
1092. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. №1. – С.
1093. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. – С. 166–179.
1094. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. – 176 с.
1095. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // МАДИСО. 1975. Т. III. – С. 13–20.
1096. Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. – С. 74–89.
1097. Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1977. – С. 3–51.
1098. Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. – С.129–139.
1099. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Урала и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. – С. 56–64.
1100. Смирнов К.Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып.162. – С.38–45.
1101. Смирнов К.Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир (межвузовский сборник статей). Орджоникидзе, 1981. – С.3–26.
1102. Смирнов К.Ф. «Амазонка» IV в. до н.э. на Дону // СА. 1982. №1. – С. 120–131
1103. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. – 182 с.
1104. Смирнов К.Ф., Петренко, В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1–9. 1963. – 40 с.; 1 л. карт; 30 отд. л. ил. в папке.
1105. Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // МИА. – 1972. – Вып. 153. – С.3–26.
1106. Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973. – 192 с., ил.
1107. Соколова Е.К. Краснолаковые лагинысы римского времени из некрополя Пантикалея (собрание Эрмитажа) // ТГЭ. 1984. Вып. XXIV. – С. 125–137

1108. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. – 127 с.
1109. Сокровища курганов Адыгеи. Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ 1981–1983 гг. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1985. – 151 с.
1110. Сорокин В.С. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (Экспедиция 1955 г. в районе освоения целинных земель) // КСИИМК. 1958. Вып. 71. – С.78–85.
1111. Сорокина И.А. Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье // КСИА. 1986. Вып. 188. – С. 114–122.
1112. Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001. – 282 с.
1113. Сорокина Н.П., Трейстер, М.Ю. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея // СА. 1983. №4. С. 142–153.
1114. Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // ЗРАО. 1896. Т.VIII. Вып.1, 2, – С.
1115. Спицын А.А. Раскопка курганов у с. Колодистого Киевской губ. // ИАК. 1904. Вып.12, – С. 119–126.
1116. Спицын А.А. Раскопки близ слоб. Гусевки Царицынского уезда // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1907, Т.VII, вып.2. – С.226 – 231.
1117. Спицын А.А. Историко-археологические изыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. – 1909. Новая серия. ч. XIX. январь, – С.67–79.
1118. Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1911. Вып. 43. – С. 18 – 53: ил.
1119. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.) / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 1994.
1120. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.) / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 1997.
1121. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 2002. – 143 с.: карты.
1122. Степанов П.Д. Андреевский курган. К истории мордовских племён на рубеже нашей эры. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. – 108 с.: ил.
1123. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989, – 464 с.
1124. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992. – 493 с.
1125. Степугина Т.В. Китай в первой половине I тысячелетия н.э. // История древнего мира. Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Кн. 3. Упадок древних обществ. М., 1989. – С. 169–186.
1126. Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950–1951 гг. // МИА. 1958. Вып.62. – С.348–416.
1127. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. I. Курганные могильники Алаклия и Хаджидер II. Препр. Киев, 1990. – 40 с.
1128. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Препр. Киев, 1990. – 40 с.
1129. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Препр. Киев, 1990. – 48 с.

1130. Субботин А.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. Курганы у села Огородное // МАСП. 1970. Вып. 6. Ч. 1. – С. 130–155, ил.
1131. Сунгатов Ф.А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье // СА. 1991. №4. – С.243–245.
1132. Сунгатов Ф.А., Мигранов Р.А. Петропавловский одиночный курган // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. – С. 116–120.
1133. Сурков А.Г. Одиночные курганы у ж.-д. станции «Бекетовская» // ДВДС. 1995. Вып. 5. – С. 34–39.
1134. Сысоев В.М. Габукойский курган // СМОМПК. Вып. 22. Тифлис, 1897, – С.33–49.
1135. Таиров А.Д. Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара, 2000. – С.5–14.
1136. Таиров А.Д. Прохоровская культура южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. – Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 16–28.
1137. Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. – 68 с.: ил.
1138. Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 3–21.
1139. Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Межвузовский сборник. Челябинск, 1988. – С. 141–159.
1140. Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999. – С.
1141. Тарабанов В.А., Кондрашов А.В. Раскопки в станице Новокорсунской // АО за 1985 г., М., 1987. – С.154–156
1142. Тезисы докладов и сообщений на Конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. Москва. 1967. М., 1966. – 97 с.
1143. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. – 224 с., ил., карт.
1144. Терехова Л.М., Чемякин Ю.П. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 129–138.
1145. Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. 1984. №3. – С. 24 – 48.
1146. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948
1147. Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М., 1940
1148. Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображением на щитках из Горгииппии и её окрестностей // ВДИ. 1982. №3. – С. 67–76.

1149. Трейстер М.Ю. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Вып.2. Краснодар, 1982. – С.150–166.
1150. Трейстер М.Ю. Итальянские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА. 1991. №1. – С. 90–103.
1151. Трейстер М.Ю. Малоизвестный эпизод из жизни сарматов: сарматы в Британии // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. – 52–53.
1152. Трефилов Е.П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 г. // Тр. XIV АС в Харькове. 1902 г. Т.1. М., 1905. – С. 131–144.
1153. Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. 1979. Вып. XI. – С. 101–110.
1154. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск, 1997. – 75 с., ил.
1155. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 2. Новочеркасск, 1997. – 67 с., ил.
1156. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998. – 111 с., ил.
1157. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 4. Новочеркасск, 1999. – 85 с., ил.
1158. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 5. Новочеркасск, 2000. – 44 с., ил.
1159. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 6. Новочеркасск, 2002. – 104 с., ил.
1160. Туаллагов А.А. О знаках боспорских царей // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 61–62.
1161. Туаллагов А.А. Сарматы // НАВ. 1999. Вып. 2. – С.
1162. Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в.н.э. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2001. – 320 с.
1163. Туаллагов А.А. Две новые находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13–15 июня 2001 г.). Краснодар, 2002. – С.100–103.
1164. Тушишвили Н.Н. Раскопки экспедиции Алагетского ущелья // АО за 1985 г. М., 1987. – С. 539–540.
1165. Тушишвили Н.Н., Амиранашвили Д.Ш., Маргишвили С.Г. Археологическая экспедиция Алагетского ущелья // ПАИ за 1984–1985 гг., Тбилиси: Мицниереба, 1987. – С. 17–27.
1166. Ульянова О.А. К атрибуции катакомбных погребений среднесарматского периода // ТД I КАК. Краснодар, 1989. – С. 75 – 76.
1167. Фёдоров В.К. О так называемых «савроматских жертвенниках» с зооморфной декорировкой // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 15–57.
1168. Фёдоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов переходного типа) // МАВДС. 2001. Вып. 1. – С. 180–197.

1169. Фёдоров В.К., Васильев В.Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. – С. 62–96.
1170. Фёдоров Г.Б. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по материалам Молдавии) // СА. 1958. № 3. – С.
1171. Фёдоров Г.Б. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // Изв. Молд. филиала АН СССР. 1960. №4 (31). – С.
1172. Фёдоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1960. Вып. 89. – 380 с.
1173. Фёдоров Г.Б. Позднесарматский могильник у с. Криничное // Древности Восточной Европы. МИА. 1969. Вып. 169. – С. 248–253.
1174. Фёдоров Г.Б., Полевой Л.А. Археология Румынии. М.: Наука, 1973. – 411 с.
1175. Фёдоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. – 216 с.
1176. Фёдорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А. Раскопки Шахаевской курганной группы // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 2. М., 1974. – С. 81 – 136.
1177. Фяалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1991. – С. 4–18.
1178. Филипченко В.В. Сарматское погребение в колоде у с. Каменка // ДВДС. 1992. Вып. 2. – С. 59–61.
1179. Фирсов К.Б., Шишлина Н.И., Кременецкий К.В. Археологические и палинологические исследования сарматских памятников на восточной окраине возвышенности Ергени // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 79–81.
1180. Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Антропологический сборник. 1961. III. ТИЭ. н.с., т. LXXI. – С. 53–81.
1181. Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн, Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. – С. 69–201
1182. Фирштейн Б.В. Антропологические материалы из разновременных курганных могильников Волгоградской области // Шилов В.П. Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. – С. 185–205.
1183. Фокеев М.М. Типы сарматских могильников в Бужакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. – С. 157–161.
1184. Фокеев М.М. Памятники первых веков нашей эры в Бужакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1987. – С. 16–25.
1185. Фокеев М.М. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в первые века нашей эры (основные результаты исследования) // Древнее Причерноморье (чтения памяти П.О. Карышковского). ТДК. Одесса, 1989. – С. 54 – 55.
1186. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. – 240 с.
1187. Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. // Горгиппия. 1980. Т. I. – С. 122–135.
1188. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 3. – С. 58–71.
1189. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. – С. 138 – 148.
1190. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. – 171 с.

1191. Хазанов А.М. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. 1979. – Вып. XI. – С. 134–150.
1192. Халдеев В.В. Сколько было сарматов? // СА. 1987. №3. – С. 230–231.
1193. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку: ЭЛМ, 1984. – 278 с.
1194. Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М.: Наука, 1967. – С. 204–209.
1195. Хохлов А.А. Краниология ранних кочевников I тыс. до н.э. Самарского Заволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 155–157.
1196. Циоссани Н.О. Дневник раскопок, ведённых в Южном Дагестане в 1880 г. Н.О. Циоссани // Тр. V АС в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. М., 1882. – С. 461–473.
1197. Цуциев А.А. Известия китайских письменных источников по ранней истории алан // Аланы: история и культура. Alanica. Вып. III. Владикавказ, 1995. – С. 34–43.
1198. Цуциев А.А. Янйцай и ранние аланы // Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара). Новочеркасск, 1996. – С. 18–19.
1199. Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. Кишинёв: Штиинца, 1989. – 210 с.
1200. Чежина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. 1983. Вып. 23. – С. 16–29.
1201. Чежина Е.Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. 1984. Вып. 25. – С. 61–64.
1202. Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наукова думка, 1984. – 117 с.
1203. Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // МИА. 1953. Вып. 35. – С. 121–171.
1204. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // АПО. 2000. Вып. IV. – С. 63–83.
1205. Черняк А.Б. О конъектуре Липсия Aorsi в рассказе Тацита о Боспорском походе римлян // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Ч. I. – Новочеркасск, 1992. – С. 95–102.
1206. Членова Н.А. Скифский олень // МИА. 1962. Вып. 115. – С.
1207. Членова Н.А. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. №1. – С. 47–66.
1208. Членова Н.А. О культурной принадлежности старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1988. Вып. 194. – С. 3–11.
1209. Шалобудов В.Н., Андросов А.В., Мухопад С.Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // КДСП. 1983. Вып. 3. – С. 19–27.
1210. Шаповалов Т.А. Сарматские погребения около с. Новолуганское // Археология. 1973. Вып. 8. – С. 82–88.
1211. Шевченко Н.Ф. Ещё раз о сарматах в степном Прикубанье // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993. – С. 98–99.
1212. Шевченко Н.Ф. Некоторые вопросы боспоро-сарматских отношений в Восточном Приазовье (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Музейный вестник. Вып. I. Краснодар, 1993. – С. 31–44.
1213. Шевченко Н.Ф. Стрелы у сарматских племён Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. – С. 38–56, Таб.

1214. Шевченко Н.Ф. Погребения I в.н.э. на правобережье Кубани // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 38–40.
1215. Шевченко Н.Ф. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. 2003. №1. – С. 44–59.
1216. Шевченко Н.Ф. Новые сарматские погребения с территории «Зубовско-Воздвиженской» группы // Материалы и исследования по археологии Кавказа. 2004. Вып. 4. – С.166–178.
1217. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. – 188 с.
1218. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) // МИА. 1961. Вып. 98. – 136 с.
1219. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. – 251 с.
1220. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. – 350 с., ил.
1221. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. – С. 6–21.
1222. Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. №4. – С.57–69.
1223. Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М.: Наука, 1985. – С. 5–187.
1224. Шепко А.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. №4. – С.158–173.
1225. Шилов В.П. Раскопки Калиновского курганного могильника // КСИИМК. 1955. Вып. 59. – С.
1226. Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962. – С.
1227. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Вып. 60. – С. 323–523.
1228. Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. №1. – С. 150–168.
1229. Шилов В.П. Ушаковский курган // СА. 1966. №1, – С. 174–190.
1230. Шилов В.П. Позднесарматское погребение у с. Старица // АИКСР, 1968. – С.310–323.
1231. Шилов В.П. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка // СА. 1973. №4. –С. 252–255.
1232. Шилов В.П. Бронзовая патера из Астраханской области // СА. 1974. №1. – С.226–231.
1233. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. – 208 с., ил.
1234. Шилов В.П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. – С. 24–53.
1235. Шилов В.П. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – С.34–48.
1236. Шилов В.П. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорсской знати) // СА. 1983. №1. – С.178–192.
1237. Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксёновский-I–II // МИАР. 1997. Вып.1. – С.127–152.

1238. Шкадышек М. Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведённой полковником Шкадышеском // ЗООИД. 1910. Т.28, – С. 92–94.
1239. Шмаглый Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // МАСП. 1970. Вып.6. Ч.1. – С.5–115. ил., карт.
1240. Шмаглый Н.М., Черняков И.Т. Курганы на левобережье нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1985. – С.95–131.
1241. Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганов в урочище «Гува» // археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979. – С. 78–119, ил.
1242. Шнайдштейн Е.В. раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. – С. 78 – 119.
1243. Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. – С.70 – 93.
1244. Шоков А.Ф. К сарматским памятникам на Дону // Известия ВГПИ. 1960. Т. XXXI. – С.
1245. Шульц Д. Ошибка одинокого бизона // Джемс Шульц. Ловец орлов и другие повести. М.: Мысль, 1991
1246. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. – 88 с., Таб.
1247. Шукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века н. э. // АСГЭ. 1970. Вып.12. – С.54–67.
1248. Шукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. – 1972. – Вып. 14. – С.43–52.
1249. Шукин М.Б. К предистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20. – С.66–89.
1250. Шукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. №17. – С. 35–38.
1251. Шукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днестра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. №1. – С.70–83.
1252. Шукин М.Б. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. 1989. №3. – С.61–70.
1253. Шукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Ч.1. Новочеркасск, 1992. – С.103–124.
1254. Шукин М.Б. К вопросу о сармато-германских контактах // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 53–54.
1255. Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн. 1994. – 324 с.
1256. Шукин М.Б. Две реплики о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артевазде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. №4. – С. 175–179.
1257. Шукин М.Б. О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток – Запад) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 137–161.
1258. Шукин М.Б. Некоторые замечания о методиках хронологических расчётов эпохи Латена, римского времени и сарматской хронологии (пятнадцать апрельских тезисов) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 228–239.

1259. Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Тр. XIII АС. Т.1. М., 1907. – С. 108 – 117.
1260. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Т. 20.
1261. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т.21. – С. 23–178.
1262. Эрдниев У.Э. Гашунский могильник (раскопки 1971 г.) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. – С. 70 – 77.
1263. Эрдниев У.Э. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калмиздат, 1982. – 153 с.
1264. Эрдниев У.Э. Калмыцкая степь в скифо-сарматское время // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. – С. 3 – 23.
1265. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М.: ГМИНВ, 1994. – 146 с., ил.
1266. Эрлих В.Р., Кожухов С.П. Погребения сарматского времени курганного могильника Уашихиту II // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. – С. 111–126.
1267. Юдин А.И. Погребения из курганов у с. Верхний Еруслан // ДВДС. 1993. Вып.3. – С. 58–65.
1268. Юсупов Х. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 г. // КД. 1977. Вып. V. – С. 111–135.
1269. Юсупов Х. Новые археологические материалы с верхнего Узбоя // КД. 1979. Вып. VIII. – С. 6–26.
1270. Юсупов Х. Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолинкыр) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. – С. 131–143.
1271. Юсупов Х. Новые сведения о древних кочевниках Узбоя // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. – С. 52–71.
1272. Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад: Ылым, 1986. – 224 с.
1273. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. – 185 с.
1274. Яблонский Л.Т. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. 1997. Вып. 5. – С. 154–163.
1275. Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 326 с., ил.
1276. Яблонский Л.Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 29–40.
1277. Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. №1. – С.56–65.
1278. Яблонский Л.Т. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. – С. 45–68.

1279. Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л., Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып.2. М., 1994. – С.4 – 56.

1280. Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995. – С.9 – 47.

1281. Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. Раскопки курганных могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996. – С.7 – 48.

1282. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Раскопки курганов раннесарматского времени у д. Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. 2005. Вып.219. – С.64–77, ил.

1283. Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-I могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007, – С.16–23.

1284. Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н. Раскопки курганов савромато-сарматского времени на юге Оренбургской области // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 46–48.

1285. Ягодин В.Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА. 1978. Вып. 148. – С. 83–89.

1286. Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. – С.317–337.

1287. Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып.186. – С.14–20.

1288. Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. 1993. Вып. 3. – С. 60–72.

1289. Яценко С.А. Основные проблемы современных сарматологии и аланистики // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 сентября 1994 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 25–28.

1290. Яценко С.А. «Бывшие массыеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (I–IV вв) // ИАА. 1998. Вып. 4. – С.86–95.

1291. Яценко С.А. Об этносе-противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г.н.э. // IX Международная конференция «Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века». Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998. – С.

1292. Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. (Европейская Сарматия. Сборник статей к 60-летию Д.А. Мачинского и М.Б. Шукина). СПб., Кишинев, 1997. С. 154–163.

1293. Almasy K. The Carpathian Basin in the 4th – 1st century B.C. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 2000. – С. 210–215.

1294. Bachrach Bernard S. A History of the Alans in the West. University of Minnesota Press. Minneapolis, 1973. – 140 S.

1295. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-Tepe in Northern Afghanistan. Aurora Art publishers. Leningrad, 1985 – 259 S.
1296. Bichir Gh. Les sarmates sur le territoire de la Romanie // Actus du VIII Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Beograd, 9–15 septembre, 1971. – S.275–285.
1297. Bichir Gh. Sarmatii si patrundera lor la Dunarea de jos.// Peuca. II. 1971. – S.131–145.
1298. Bichir Gh. Sarmatii la Dunarea de jos in lumina ultimelor cercetari // Pontica. V. 1972. – S.137–176.
1299. Brescak D. Anticno bronasto posodje Slivenije // Situla. 1982. 22/1
1300. Bukur M., Preda C. Nekropole din secolul al IV–V ea E.K. // Muntenia Biblioteca de arheologie, Editura Academiei Republicii socialiste Romania. – Bucuresti, 1966. – S.
1301. Chavannes E. Les pays d'occident d'apres le Wei lio. T'oung pao. Serie II. Vol. VI. Leiden, 1905.
1302. Diaconu Gh. Despre sarmatii la Dunarea de jos in lumina descoperirilor de nesti din Moldova si relatia acestor necropole cu lumea sarmata // SCIV. XII. 1961. №2.
1303. Diaconu Gh. Despre sarmatii la Dunarea de jos in lumina descoperirilor de la Tirgisor // SCIV. XIV. 1963. №2. – S.323 – 345.
1304. Diaconu Gh. Spatsarmatische Elemente in der Sintana de Mures-Tschernjachow-Kultur // Dacia. NC. 1966. X. – S.357–364.
1305. Ebert M. Ausgraben aus dem «Gorodok Nikolaevka» am Dnieper, Gouv Cherson // PZ. V. 1913. – S.1–79.
1306. Egami Namio, Fukai Shinji, Masuda Seiichi. Dailaman II. The excavations at Noruzmahale and Khoramrud. 1960. Tokyo, 1966.
1307. Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien, I–II, Hamburg, 1951. 212 s.
1308. Eggers H.J. Zur absoluten Chronologie der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrb. RGZM, 2, 1955. – S.196–244, taf., cards.
1309. Fukai Shinji, Matsutani Toshio, Halimehjan I. The excavations at Shahpir. 1976. Tokyo, 1980
1310. Garbisch J. Die norisch-pannonische Frauentracht im 1 und 2 jahrhundert. München, 1965. – 236 S.
1311. Glodariu J. Dacian trade with the Hellenistic and Roman world // BAR. Sup. ser. 8. 1976. – 275 S. and 55 Pl.
1312. Grakov B. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural. ESA. t. III. Helsinki, 1928. – S.25–62.
1313. Grakov B. Deux tombeaux de l'epoque scythique aux environs de la ville d'Orenburg. ESA. t. IV. Helsinki, 1929. – S.169–182.
1314. Graue J. Die Gräberfelder von Ornavasso // HBA. 1974, Beiheft 1. – 80 S.
1315. Guguev V.K. The burials in the Kobiakovo barrow-cemetery // BAR. Int. ser. 278. 1986. – p. 71–72.
1316. Gutschmidt A.V. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang des Arsaciden. Tübingen, 1888.
1317. Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians.(Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiquae et archaeologica Tomus XIII. Szeged, 1970 – 131 S.
1318. Hirth F. Mr. Kingsmill and the Hiung-nu // Journal of the American Oriental Society. t. XXX. p.1, New Haven, 1909. – P.32 – 45.

1319. Ilyukov L.S. Grave 43 in barrow cemetery «Novy» // BAR. Int. ser. 278. 1986. – p. 79–82.
1320. Küthmann H. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik // Jahrbuch RGZM, Jg. 5, 1958. – S.94–138.
1321. Marcsenko I.I. A Kubány-vidék szarmata katakombái // MFMÉ Stud. Arch I (1995). – S.303–324.
1322. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Zweiter Heft. Leipzig, 1905.
1323. Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of Euxine from the Danube to the Caucasus. 1913. – 720 p. illus., fold. maps.
1324. Moscy A. Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. Budapest, 1970.
1325. Moscy A. Die Einwanderung der Iazigen // Acta Antiqua. t. XXV. fasc. 1–4. Budapest. – 1974.
1326. Nuber H.U. 1973 Kanne und Griffschale. Ihr Gebrauch im Täglichen Leben und die Beigabe in Graben der römischen Kaiserzeit // 53. BRGK. 1972. Frankfurt A.M. 1973. – S.1–272.
1327. Oliver A. Silver for the gods: 800 years of Greek and Roman silver. Catalogue by Andrew Oliver, Jr., The Toledo Museum of Art, Toledo, Ohio, 1977.
1328. Otchir-Goriaeva M. Das sarmatische Grab von Jaškul, Kalmykien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasien S. Band 8. 2002. – S.353–385.
1329. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit ungarns. Teil I // AH. 1941. XXV
1330. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit ungarns. Teil II // AH. 1944. XXVIII
1331. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit ungarns. Teil III // AH. 1950. XXX
1332. Párducz M. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica. t. XI. fasc. 1 – 4. Budapest, 1959. – S.309–398.
1333. Párducz M. Sarmatisches Gräberfeld aus der Hunnenzeit von Bugac-Pusztahaza // Cumania. 1962. I. Kecskemet. – S.115–122.
1334. Párducz M. Einige Probleme der Sarmatenforschung des Karpatenbeckens // Actes du VIII CISPP. Tome I. Beograd, 1971 – S.267–274.
1335. Parusimov I. Römerzeitliche Hügelgräber am unteren Don // Balácai közlemék, V, 1997. 4 Internationale Tagung über Römerzeitliche Hügelgräber. Veszprém, 10–15. September 1996. – S.135–151.
1336. Pernice E. Bronzen aus Boscoreale // Jahrbuch des Archäologischen Institutes. Berlin. 1901. Bd. XV. – S.177–198.
1337. Petrovsky R. Studien zu römischen Bronzegefassen mit Meisterstempeln // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. I. 1993.
1338. Podobed V.A., Simonenko A.V. A late sarmatian burial in the Central Donetsk Basin // Communicationes Archaeologiae Hungariae. Budapest. 1998. – P.99–108
1339. Radnoti A. Die Römischen bronzegefasse von Pannonien. Dissertationes Pannonicae ex instituto et archaeologico universitates de Petro Pazmany nominate Budapestensis provenientes. Ser. II. No 6. Budapest, 1938.
1340. Raev B.A. Die Bronzegefasse der Römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // BRGK. – 1977. – 58. – S.607–642. taf.
1341. Raev B.A. The Roman import in the Lower Don Basin // BAR. Int. ser. 278 1986. – 135 p., 81 tab.
1342. Raev B.A. New finds of the Alanian graves with import goods in the Krasnodar region // Adalya. 1998. II. – p.137–148.

1343. Rau P.D. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der Wolga (Ergebnisse der Gräberforschungen in der Wolgadeutschen Republik) // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1926. Jahrgang 1. Heft 1–2.

1344. Rau P.D. Prähistorischen Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebietes im Jahre 1926 // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk., 1927. Jahrgang 2. Heft 1.

1345. Rau P.D. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Pokrowsk. 1929. Heft 1. Jahrgang 4. – 112 S.

1346. Robinson H.R. The armour of imperial Rome. London: Hudson, 1975. – 200 S. with pl.

1347. Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid 7th to 3rd century B.C. Aurora Art Publishers. Leningrad, 1986. – 183 S.

1348. Shchukin M.B. The Rome and the barbarians in Central and Eastern Europe I st B.C. – I st A.D. // BAR. Int. ser. 542 (i). 1989. – 246 S. with 31 pl.

1349. Shchukin M.B. The Rome and the barbarians in Central and Eastern Europe I st B.C. – I st A.D. // BAR. Int. ser. 542 (ii). 1989. – 244 S. with 42 pl.

1350. Simonenko A.V. Eine sarmatische Bestattung vom Südlichen Bug // Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung. Eurasia antiqua. Zeitschrift für archäologie eurasiens. Band 1. 1997. – S.389–407

1351. Simonenko A.V. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // Silk Road and Archaeology. 7. Journal of the Institute of Silk Road Studies, Kamakura. 2001. – P. 53–72.

1352. Simonenko A.V., Marchenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräben zwischen Unterer Donau und Kuban // Deutsches Archäologisches Institut Zentrale und Eurasien-Abteilung. Mainz, 2008. – 622 S.

1353. СКУΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева // ПАВ. 1993. №5. – 110 с.

1354. Sono Toshihico, Fukai Shinji. Dailaman III. The excavations at Hassani Mahale and Ghalekutiy. 1964. Tokyo, 1968. – 54 p. with 31 pl. and 3 tabl.

1355. Strong D.E. Greek and Roman gold and silver plate. Methuen. London, 1966. – 235 S.

1356. Sulimirsky T. The sarmatians. Hudson. London, 1970. – 267 s., pl.

1357. The dawn of art. Paleolithic, Neolithic, Bronze Age and Iron Age remains found in the territory of the Soviet Union. The Hermitage collection. Leningrad: Aurora art publishers, 1974. – 195 с., ил.

1358. Toll N.P. The necropolis // The excavations at Dura-Europos conducted by vale university and the French Academy of inscriptions and letter. Preliminary Report of the ninth season of work. 1935–1936. Part II. New Haven. Vale university press. 1946. 150 p. with. pl.

1359. Volkov I.V., Guguev V.K. A late sarmatyan burial in Rostov-on-Don // BAR. 278. Int. ser., 1986. – P.73–74.

1360. Wolagiewicz R. Napliv importow rzymskich do Evropy na polnoc od srodkowego Dunaju // Archeologia Polski, t. XV, Z. 1. Wroclaw – Warsawa – Krakow, 1970. – S.207–252.

1361. Zaitsev Yu. Imported Lamps and Candelabra from Ust'-Alma Necropolis (Crimea, Ukraine) // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. Edited by Denis Zhuravlev. – BAR. 1019. Int. Ser. 2002. – P.41–59.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1362. Анфимов Н.В. Отчёт об археологических исследованиях в Ладожском-Кропоткинском районах Краснодарского края, проведённых в 1945 г. по открытому листу № Краснодарским краевым музеем // Архив Отдела археологии КГИАМЗ. №22.

1363. Анфимов Н.В. Отчёт об археологических исследованиях в Тбилиском районе Краснодарского края, проведённых в 1950 г. по открытому листу № Краснодарским краевым музеем // Архив Отдела археологии КГИАМЗ. №202

1364. Бочкарёв В.С. Отчёт Прикубанской экспедиции ЛО ИА АН СССР о раскопках курганной группы Брюховецкая I в Краснодарском крае в 1978 году // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №7417, 7417а.

1365. Бочкарёв В.С. Отчёт Прикубанской экспедиции ЛО ИА АН СССР о раскопках курганной группы Батуринская I в 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №7581, 7581а.

1366. Бочкарёв В.С. Отчёт Прикубанской экспедиции ЛО ИА АН СССР о раскопках курганной группы Брюховецкая II в 1981 г. // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3. №370, 370а.

1367. Бочкарёв В.С. Отчёт Прикубанской экспедиции ЛО ИА о раскопках курганных групп Днепровская I, Анапская I, Пролетарская I в 1982 г. // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3. №370, 370а.

1368. Бочкарёв В.С. Отчёт о работах Кубанской экспедиции ЛОИА в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края в 1983 г. // Архив КГИАМЗ. Ф.Р-3, №406–406а.

1369. Бочкарёв В.С. Отчёт Кубанской экспедиции о раскопках курганной группы Белевцы I в Динском районе Краснодарского края // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3. №448, 448а.

1370. Бочкарёв В.С. Отчёт Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР о раскопках курганных групп Текучка I и Новотитаровская в 1986 г. // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3. №456, 456а.

1371. Веселовский Н.И. Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках старшего члена Комиссии Н.И. Веселовского // Архив ИИМК РАН, Ф.И, Д. 103/1901, – 64 с.

1372. Веселовский Н.И. Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках старшего члена Комиссии Н.И. Веселовского // Архив ИИМК РАН, Ф.И, Д.93/1902, – с.71–101

1373. Каминский В.Н. Отчёт о раскопках курганов у ст. Михайловской Курганинского района Краснодарского края // Архив КГИАМЗ. Ф.III. №358–359.

1374. Каминский В.Н. Отчёт Тимашевской археологической экспедиции за 1984 г. // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3. №428, 428а.

1375. Каминский В.Н. Отчёт о раскопках курганов у ст. Михайловской Курганинского района Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №10116, 10116а.

1376. Каминский В.Н. Отчёт о раскопках курганов в с. Успенском Успенского района Краснодарского края // Архив КГИАМЗ, Ф. Р-3, №452, 452а-д.

1377. Каминский В.Н., Каминская И.В., Берлизов Н.Е. Отчёт о раскопках кургана-кладбища в городе Курганинске Курганинского района Краснодарского края в 1986 г. // Архив КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына. Ф. Р-1. №455, 455а-е.

1378. Кондрашов А.В. Отчёт о раскопках двух курганов в ст. Новокорсунская Тимашевского района Краснодарского края // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3, №442, 442а.

1379. Нехаев А.А. Отчёт о раскопках курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 3329, 3329а.

1380. Нехаев А.А. Отчёт о раскопках А.А. Нехаева в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 7551, 7551а.

1381. Нехаев А.А. Отчёт о раскопках А.А. Нехаева в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1, № 9708, 9708а.

1382. Отчёт о раскопках П.С. Рыкова в АССР немцев Поволжья, Нижнем Поволжье и в Уральской губернии // Архив ИИМК РАН, Ф.2, Оп.1, Д.204/1925.

1383. Шевченко Н.Ф. Отчёт о раскопках курганной группы Пролетарская I в Краснодарском крае в 1984 г. // Архив КГИАМЗ, Ф.Р-3, № 439, 439а.

1384. Шевченко Н.Ф. Отчёт о раскопках у г. Новокубанска Краснодарского края в 1985 г. // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3, № 440, 440а.

1385. Шевченко Н.Ф. Отчёт о раскопках курганной группы Пролетарская в Кореновском районе Краснодарского края в 1986 г. // Архив КГИАМЗ. Ф. Р-3, № 457, 457а.

1386. Шевченко Н.Ф. Отчёт о раскопках за 2004 год.

1387. Шилов В.П. отчёт об археологических исследованиях Астраханской экспедиции у с. Верхнее Погромное Пролейского района Сталинградской области за 1957 год // Архив ИА РАН, Ф.Р-1, Д. 1563, 1564.

1388. Шилов В.П. Отчёт о раскопках Астраханской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА РАН, Ф.Р-1, Д. 1850.

1389. Шилов В.П. Отчёт о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. // Архив ИА РАН, Ф.Р-1, Д. 2380, 2380а.

1390. Шилов В.П. Отчёт о раскопках Астраханской экспедиции 1964 г. // Архив ИА РАН, Ф.Р-1, Д. 3156, 3156а.

1391. Шилов В.П. Краткий отчет Астраханской экспедиции за 1964 г. // Архив ИИМК РАН, Ф.35 (1964), Оп.1, Д. 14

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИКСП – Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья – Л., 1968
АИНКБ – Археологические исследования на территории Кабардино-Балкарии – Нальчик
АО – Археологические открытия – М.
АПО – Археологические памятники Оренбуржья – Оренбург
АП УРСР – Археологични пам'ятки на території Української Радянської ССР – Київ
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа – Л.-СПб.
АЭБ – Археология и этнография Башкирии – Уфа
ВА – Вопросы антропологии – М.
ВАУ – Вопросы археологии Урала – Ижевск
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
ВДИ – Вестник древней истории – М.
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии – М.
ВУАК – Всукраинский археологический комитет – Киев
ДВДС – Древности Волго-Донских степей – Волгоград
ДК – Древности Кубани – Краснодар
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения – СПб.-Пг.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей – Одесса
ИАА – Историко-археологический альманах – Армавир-М.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии – СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры – Л.
ИА – Институт археологии РАН – М.
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН – СПб.
ИМКУз – История материальной культуры Узбекистана – Ташкент
ИРОМК – Известия Ростовского областного музея краеведения – Ростов-на-Дону
КАК – Кубанская археологическая конференция – Краснодар
КД – Каракумские древности – Ашхабад
КДСП – Курганные древности степного Поднепровья – Днепропетровск
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения института археологии – М.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры – М.
МВДС – Материалы по археологии Волго-Донских степей – Волгоград
МАД – Материалы по археологии Дагестана – Махачкала
МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии – Орджони-
кидзе
МАР – Материалы по археологии России – СПб., Пг.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья – Одесса
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР – М.-Л.

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани – Краснодар
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России – М.
 МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа – Армавир
 МЭ – Материалы по этнографии – М.
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник – Волгоград
 ОАК – Отчёт императорской археологической комиссии – СПб.
 ПАВ – Петербургский археологический вестник – СПб.
 ПАИ – Полевые археологические исследования в Грузии – Тбилиси
 ПСС – Полное собрание сочинений
 РА – Российская археология – М.
 РИЖ. – Российский исторический журнал
 СА – Советская археология – М.
 САИ – Свод археологических источников – М.
 Сборник МАЭ – Сборник музея антропологии и этнографии – Л.
 СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры – Л.
 СГМИИ. – Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина – М.
 СГЭ – Сообщения государственного Эрмитажа – Л.
 СМАА – Сборник материалов по археологии Адыгеи – Майкоп
 СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа – Тифлис
 СЭ – Советская этнография – М.
 ТГЭ – Труды Гос. Эрмитажа – Л.
 ТД – Тезисы докладов
 ТДК – Тезисы докладов конференции
 ТД СПИПАИ – Тезисы докладов сессии посвященной итогам полевых археологических исследований
 ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии – Алма Ата
 ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – М.
 Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея – М.
 Тр. ИИА АН УзССР Труды Института истории, археологии и этнографии АН Узбекской ССР – Ташкент
 Тр. ИИАЭ АН ТССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР – Ашхабад
 Тр. КГПИ – Труды Краснодарского государственного педагогического института – Краснодар
 Тр. САГУ – Труды Среднеазиатского государственного университета – Ташкент
 Тр. СОМК – Труды Саратовского областного музея краеведения – Саратов
 Тр. МАО – Труды Московского археологического общества – М.
 Тр. Харьк. ПК XII АС – Труды харьковского предварительного комитета XII Археологического съезда – М.
 Тр. ЧИ НИИ – Труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы – Грозный
 ТСАРАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции – М.
 УЗ СГУ – Ученые записки Саратовского государственного университета – Саратов.

AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae – Budapest
AH – Archaeologia Hungarica – Budapest
BAR – British Archaeological Reports – Oxford
BRGK – Bericht der Romisch-Germanische Kommission – Frankfurt a.M.
CISPP – Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques
ESA – Eurasia Septentrionalis antiqua
HBA – Hamburger Beiträge zur Archäologie – Hamburg
Jahrb. RGZM – Jahrbuch des Romisch-Germanische Zentralmuseums Mainz – Mainz
MFMÉ Stud. Arch. – A Móra Ferenc Múzeum. Évkönyve: Studia Archaeologica. Móra Ferenc
Múzeum Regészeti Osztálya és a JATE Regészeti Tanszéke. – Szeged
PZ – Praehistorische Zeitschrift – Berlin
SCIV – Studii și cercetări de istorie veche – București

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ НА CD

КАРТЫ

1. Памятники VII – VI вв. до н.э
2. Памятники кон. VI–V вв. до н.э. (фазы B1–2)
- 2а. Памятники гороховской и саргатской АК VI–V вв. до н.э
3. Памятники IV в. до н.э. (фазы B3–C1)
4. Памятники III в. до н.э. (фаза C2)
5. Памятники II в. до н.э. (фаза C3)
6. Памятники I в. до н.э. (фазы C4–D1)
7. Сарматские памятники I в. (фаза D2)
8. Сарматские памятники II в.н.э
9. Сарматские памятники III в.н.э
10. Сармато-аланские памятники IV–V вв
11. Античный импорт в комплексах фазы A
12. Античный импорт в комплексах фазы B1
13. Античный импорт в комплексах фазы B2
14. Античный и восточный импорт в комплексах фазы C1
15. Античный и восточный импорт в комплексах фазы C2
16. Античный и латенский импорт в комплексах фазы C3
17. Античный и латенский импорт в комплексах фазы C4
18. Античный и латенский импорт в комплексах фазы D1
19. Античный, латенский и римский импорт в комплексах фазы D2
20. Античный и римский импорт в комплексах фазы E1
21. Импортные изделия в комплексах фазы E2
22. Импортные изделия в комплексах фазы E3

ТАБЛИЦЫ

1. Интервальное распределение индексов пропорций сосудов (по А.С. Скрипкину)
2. Типология лепных горшков с плоским дном
3. Типология горшков с плоским выделенным дном
4. Типология лепных плоскодонных горшков с носиком или боковым сливом
5. Типология лепных круглодонных горшков
6. Типология лепных круглодонных горшков с носиком-сливом
7. Типология лепных сероглиняных плоскодонных кувшинов
8. Типология лепных кувшинов с круглым дном

9. Типология лепных мисок с плоским дном
10. Типология чернолощённых горшков с плоским дном, орнаментированных «полотенцами»
11. Типология горшков с круглым дном, орнаментированных «полотенцами»
12. Типология чернолощённых кувшинов с плоским дном, орнаментированных «полотенцами»
13. Типология чернолощённых кружек, орнаментированных «полотенцами»
14. Типология чернолощённых мисок, и мисок орнаментированных «полотенцами»
15. Типология кружальных сероглиняных горшков с плоским дном
16. Типология кружальных сероглиняных кувшинов с плоским дном и одной ручкой
17. Типология кружальных сероглиняных кувшинов с плоским дном и двумя ручками
18. Типология сероглиняных кружальных ойнохой с плоским дном
19. Типология сероглиняных кружальных кружек с плоским дном
20. Типология сероглиняных кружальных мисок
21. Типология красноглиняных горшков с плоским дном
22. Типология красноглиняных кувшинов с плоским дном
23. Типология кружальных красноглиняных ойнохой с плоским дном
24. Типология кружальных красноангобированных кувшинов с плоским дном
25. Типология кружальных красноглиняных кружек с плоским дном
26. Типология кружальных красноглиняных мисок с плоским дном
27. Типология бронзовых литых наконечников стрел (по К.Ф.Смирнову и М.А.Очир-Горяевой)
28. Типология железных втульчатых наконечников стрел
29. Типология железных втульчатых трёхлопастных наконечников стрел
30. Типология железных черешковых наконечников стрел
31. Типология железных черешковых трёхлопастных наконечников стрел
32. Типология костяных наконечников стрел
33. Савромато-сарматские луки
34. Савроматские и сарматские гориты и колчаны
35. Типология наконечников копий
36. Типология наконечников дротиков
37. Типология мечей
38. Типология панцирей
39. Типология шлемов
40. Редкие виды защитного вооружения
41. Типология удил
42. Типология псалиев
43. Типология пряжек от конской упряжи
44. Детали конского очеля
45. Типология бус (дополнение к своду Е.П.Алексеевой)
46. Типология золотых и бронзовых бляшек
47. Типология серег и височных колец
48. Типология браслетов
49. Савромато-сарматские гривны
50. Костяные проколки
51. Дополнения к типологии фибул А.К.Амброза
52. Типология поясных пряжек

53. Типология поясных наконечников
54. Типология бронзовых зеркал
55. Типология гребней
56. Типология ложечек
57. Культовые жезлы и треножники
58. Перечень хронологических индикаторов савромато-сарматской культуры, а также использованных в работе древностей предсавроматского и гуннского времени
59. Относительная хронология савромато-сарматских древностей Урала
60. Относительная хронология савромато-сарматских древностей Заволжья
61. Относительная хронология савромато-сарматских древностей Задонья
62. Относительная хронология савромато-сарматских древностей Предкавказья
63. Относительная хронология савромато-сарматских древностей междуречья Дона и Днепра
64. Относительная хронология савромато-сарматских древностей Днепро-Дунайского междуречья
65. Синхронизация региональных колонок относительной хронологии савромато-сарматской археологической культуры
66. Абсолютная хронология древностей горизонта А
67. Абсолютная хронология древностей фазы В1
68. Абсолютная хронология древностей фазы В2
69. Абсолютная хронология древностей фазы С1
70. Абсолютная хронология древностей фазы С2
71. Абсолютная хронология древностей фазы С3
72. Абсолютная хронология древностей фазы С4
73. Абсолютная хронология древностей фазы D1
74. Абсолютная хронология древностей фазы D2
75. Абсолютная хронология древностей фазы E1
76. Абсолютная хронология древностей фазы E2
77. Абсолютная хронология древностей фазы E3
78. Абсолютная хронология сарматской культуры

Берлизов Николай Евгеньевич

РИТМЫ САРМАТИИ

Савромато-сарматские племена Южной России
в VII в. до н. э. – V в. н. э.

ЧАСТЬ I

научное издание

Главный редактор Дмитрий Аринин

Дизайнер Дмитрий Аринин

Корректор Елена Максимова

Издательство «Парабеллум»

(ИП Дмитрий Аринин)

www.parabook.ru

parabook@bk.ru

Тел.: +7 (905) 40 11 602

Подписано в печать 1.12.11.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная

Печать трафаретная. Гарнитура «Baskerville»

Усл. печ. л. 20. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Грэйд-Принт»

350075, г. Краснодар, ул. Сормовская, 1/2